

Цитаты номера

Я против противопоставления России Европе и Азии (Евразии), но я и против навязывания России европейской цивилизации, ибо уверен, что, если Россия хочет обеспечить себе достойное будущее, она была, есть и должна остаться Россией. Россия – не Европа, не Азия и даже не Евразия, она – еще раз хочу это подчеркнуть – Россия!

Сейчас Джорджу Бушу нужно будет найти какой-то противовес своему поражению в Ираке, тем более что авторитет США в арабском мире после ливанских событий резко упал. Я не исключаю того, что Джордж Буш, как и Билл Клинтон в последние годы своего президентства, захочет войти в историю хотя бы на каком-то успехе, пускай на частичном и первоначальном, но именно на успехе ближневосточного урегулирования.

Развитие международной ситуации отражает складывающуюся мозаичную картину мира, где военная сила начинает играть новую роль и возникает новое ресурсное противостояние. На гладком пути к постбиполярности появляются неприятные камушки, которые начинают уже не просто скрипеть под колесами, а серьезно затрудняют прогресс человечества. Станет ли это началом нового века, не просто отмеченного некой датой, но глобальными переменами?

Возникшие на международной арене новые опасности, связанные, прежде всего, с дальнейшим распространением ядерного оружия и обострившейся террористической угрозой, оттеснили идею ядерного разоружения как несвоевременную и утопическую. Велик соблазн придать ядерному оружию роль арбитра – *Великого Инквизитора*, которого так не хватает на международной арене, чтобы не позволить государствам сойтись в смертельной схватке за свои интересы [...] Такой подход был бы равнозначен признанию фатальной неизбежности продолжения гонки ядерных вооружений и их расползания по поверхности Земного шара.

И содержание принятых документов, и формат саммита способствовали не только подъему имиджа России, но и имиджу самой «восьмерки», которая на протяжении последних лет имела устойчивую репутацию *клуба жирных котов*, которые собираются для того, чтобы обсуждать собственные проблемы.

Юрий Балуевский

Евгений Примаков

Дмитрий Евстафьев

Алексей Обухов

Вячеслав Никонов

Журнал ПИР-Центра

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 1, 2007

Российский
журнал
о международной
безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№1 (81) 2007

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

Юрий Балуевский

**ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА:
РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Евгений Примаков

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ЭКСПОРТ ДЕМОКРАТИИ

Ильхам Алиев

**ПОЧЕМУ АЗЕРБАЙДЖАН НЕ ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ
К БЛОКАМ**

Дэвид Хоффман

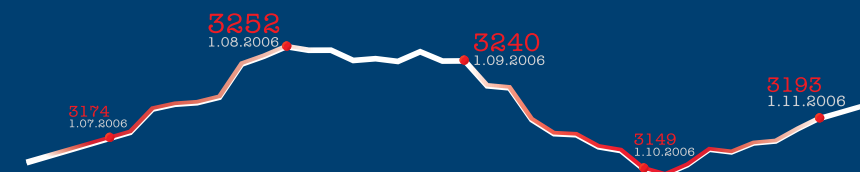
1983

Валентин Соболев

ЧЕМ ОТВЕТИМ ТЕРРОРИЗМУ

Екатерина Шадрина

БОЛЬШАЯ КАСПИЙСКАЯ ИКРА

ТЕХСНАБЭКСПОРТ ОТКРЫТ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Наша цель – быть одним из ведущих поставщиков на мировой рынок товаров и услуг ядерно-топливного цикла, производимых отечественной атомной промышленностью.

Основные отечественные партнеры ОАО «Техснабэкспорт»:

- Уральский Электрохимический Комбинат (ФГУП «УЭХК»), г. Новоуральск
- Электрохимический завод (ФГУП «ПО «ЭХЗ»), г. Зеленогорск
- Сибирский Химический Комбинат (ФГУП «СХК»), г. Северск
- Ангарский Электролизный Химический Комбинат (ФГУП «АЭХК»), г. Ангарск
- «Производственное объединение «МАЯК» (ФГУП «ПО «МАЯК»), г. Озерск
- Горно-Химический Комбинат (ФГУП «ГХК»), г. Железнодорожный

РАДИОАКТИВНЫЕ, СТАБИЛЬНЫЕ ИЗОТОПЫ И ИХ СОЕДИНЕНИЯ
 ИСТОЧНИКИ ИОНИЗИРУЮЩЕГО ИЗЛУЧЕНИЯ, МЕЧЕННЫЕ СОЕДИНЕНИЯ
 УСЛУГИ ПО КОНВЕРСИИ УРАНА
 ОБОГАЩЕННЫЙ УРАН
 УСЛУГИ ПО ОБОГАЩЕНИЮ УРАНА
 УСЛУГИ ПО ОБОГАЩЕНИЮ РЕГЕНЕРИРОВАННОГО УРАНА
 ЭЛЕКТРОННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ
 УСЛУГИ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ОТРАБОТАВШИМ ЯДЕРНЫМ ТОПЛИВОМ

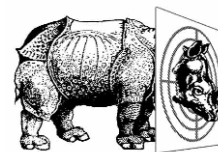

www.tenex.ru

ОАО «ТЕХСНАБЭКСПОРТ»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОСТАВЩИК ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ, УСЛУГ И ОБОРУДОВАНИЯ

БОЛЕЕ 40 ЛЕТ НА МИРОВОМ РЫНКЕ

ОБ ОПТИМИЗМЕ

Optimism is the content of small men in high places.

(Оптимизм – сущность ничтожных людей, которые высоко взлетели.)

F. Scott Fitzgerald, "The Crack Up"

Оптимизм вообще – несложное и небогатое мирозерцание, обыкновенно исключающее возможность взглянуть на мир как на целое. Его обыкновенное оправдание перед людьми и перед самим собою в том, что он противоположен пессимизму; но он никогда не совпадает также с трагическим мирозерцанием, которое одно способно дать ключ к пониманию сложности мира.

А. Блок «Крушение гуманизма»

К О Н Е Ц Ц И Т А Т Ы

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит три раза в год
на русском
и английском языках

БЕЗ ПАСНОСТИ

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС ПАСНОСТИ

№ 1 (81), Том 13
Весна 2007

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Сергей Э. Приходько
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит три раза в год на русском языке (в феврале, мае и октябре) и три раза в год на английском языке (в марте, июне и ноябре)
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Екатерина А. Вотановская, координатор Образовательных проектов
Вера А. Гаврилова, стажер
Владимир Э. Дворкин, генерал-майор, консультант
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший советник
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Даниил О. Кобяков, директор Информационных проектов, координатор проекта «Глобальное партнерство»
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Специальных проектов
Ирина А. Котова, помощник директора Центра
Анастасия М. Лагута, координатор Специальных проектов, координатор по связям с общественностью – пресс-секретарь директора Центра
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Павел А. Мансуров, выпускающий редактор журнала *Индекс Безопасности*
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Татьяна А. Нефедова, стажер
Владимир А. Орлов, к.п.н., директор Центра и член Совета
Уоррен Поленски, стажер
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, специалист по распространению периодических изданий
Роланд М. Тимербаев, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Андрей Л. Фролов, выпускающий редактор электронного бюллетеня *Ядерный Контроль*
Константин Г. Хачатурян, специалист по работе с интернет-представительствами
Антон В. Хлопков, заместитель директора Центра
София Н. Шкунова, секретарь
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 1 (81), Том 13
Весна 2007

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Павел А. Мансуров, выпускающий редактор [mansurov@pircenter.org]
Юлия Ю. Таранова, технический редактор
Наталья С. Маркарова, литературный редактор
Наталья Н. Цыркова, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Представители журнала:

Бамако: Андрей В. Гребенщиков
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Вена: Надежда Б. Логутова
Дели: Ирина В. Козырева
Женева: Инна В. Баранова
Лондон: Юрий Е. Федоров
Монтерей: Кристина Чуен
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Стокгольм: Екатерина А. Степанова
Токио: Таисуке Абури
Томск: Никита В. Перфильев
Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Юридическая поддержка:

CAF Russia
Secretan Troyanov Avocats (Geneve)

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер. д. 11/13, стр. 1, офис 025
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7-495-234-0525 (многоканальный)
Факс: +7-495-234-9558

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Международное издание выходит на английском языке и распространяется по всему миру нашим партнером –

Centre russe d'études politiques – из Женевы: www.crep.ch

International Edition of *Security Index* (in English) is distributed from Geneva by our partner –

Centre russe d'études politiques: www.crep.ch

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществляется благодаря поддержке Фонда Макартуров, Корпорации Карнеги Нью-Йорка и др.

Тираж 2000 экз. **Подписано в печать** 16 января 2007 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2007

10 В ДЕСЯТКУ**О путях**О Т Р Е Д А К Т О Р А

- 11 **В добрый путь, читатель!** – «Какая бы ни стояла *распутица* в международных отношениях, как бы ни множились угрозы и вызовы безопасности развития России, – *в добрый путь*, читатель, по страницам нашего журнала. Журнала, который, надеюсь, поможет определить, каковы же должны быть российские ответы на эти вызовы и угрозы. И показать те новые возможности, которые открываются перед растущей Россией», – главный редактор *Индекса Безопасности* **Владимир Орлов** проводит для читателей экскурсию по страницам первого номера журнала, попутно отвечая на вопросы, чем этот журнал отличается от своего предшественника – *Ядерного Контроля*, – а в чем выступает продолжателем 12-летних традиций.

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 17 **Ильхам Алиев: «Азербайджан приучен опираться только на собственные ресурсы, поэтому и не присоединяется к блокам»** – Президент Азербайджана в интервью члену редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* Сергею Брилеву размышляет о внутренней и внешней политике своей страны, продвижении энергетических проектов Азербайджана и достижениях социальной и экономической стабильности государства.
- 21 **Евгений Примаков: «Сегодняшняя ситуация на Ближнем Востоке – очень хорошая иллюстрация того, к чему приводит американский экспорт демократии»** – Человек, не нуждающийся в дополнительном представлении, академик Примаков в эксклюзивном интервью *Индексу Безопасности* делится своим видением последних событий на Ближнем Востоке – регионе, которому он посвятил многие годы жизни и профессиональной деятельности,

оценивает тенденции развития ближневосточной ситуации, прогнозирует сценарии на ближайшие месяцы.

- 25 **Валентин Соболев: «Терроризм беспощаден. Государства должны отвечать террористам тем же»** – Главный редактор журнала *Индекс Безопасности* Владимир Орлов беседует с заместителем секретаря Совета безопасности РФ генерал-полковником Валентином Соболевым о том, какие действия государственных структур и международного сообщества должны быть противопоставлены активизации террористических организаций.

А Н А Л И З

- 33 **Юрий Балуевский. Индекс безопасности глобального мира: российское измерение** – Глобализация современного мира создает новую среду взаимодействия государств, где идет противоборство многополярной и однополярной тенденций. Как в этих условиях действовать России? Какое место в этих процессах она занимает? Системно рассматривая сложившуюся новую геостратегическую ситуацию, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил России определяет национальные интересы государства, намечает пути их реализации.
- 47 **Алексей Обухов. Ядерное оружие и христианская этика** – Моральная сторона создания, использования, ограничения ядерных вооружений редко выходит на передний план при анализе и практических решениях. Тем не менее роль и восприятие ядерных вооружений не всегда определяются лишь некими объективными государственными интересами. Автор на основе воспоминаний, собственного опыта и долгих размышлений анализирует малоизученную роль христианской и, шире, религиозной этики в восприятии ядерного оружия.
- 75 **Екатерина Степанова. Исламистский терроризм сегодняшнего дня: глобальный и локально-региональный уровни** – В последние два года уровень террористической активности переживает беспрецедентный рост. Помимо увеличения количественных показателей, терроризм выходит также и на новый качественный уровень, что отражают теракты июля 2005 г. в Лондоне и слияние террора и повстанческой войны в Ираке и Ливане. В статье детально рассматриваются различные уровни террористической деятельности радикальных исламистов и меры по противостоянию им.
- 93 **Екатерина Шадрина. Большая каспийская икра** – Каспий считается кладовой углеводородного сырья. Еще одно богатство этого уникального водоема, его другое *черное золото* – это икра. И это богатство стремительно тает. Почему? Кто развязал икорные войны и можно ли положить конец этому экологическому *биотерроризму*?

- 117 **Алексей Арбатов – Андрей Пионтковский. Что общего у Ахмадинежада с Гаврилой Принципом: решаем иранские головоломки** – Два эксперта – два противоположных мнения. У Ирана есть право на собственную мирную атомную программу, но его амбициозная политика в регионе и мире заставляет усомниться в исключительно мирной направленности этой программы. Взорвет ли политика нынешнего иранского руководства ситуацию в и без того нестабильном регионе и приведет ли это к глобальным политическим катаклизмам, – вот вопросы, о которых спорят два эксперта в электронной переписке друг с другом, распечатку которой мы публикуем.

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 127 **Вячеслав Никонов. Два питерских саммита** – В июле 2006 г., впервые под председательством России, в Санкт-Петербурге состоялся саммит «Большой восьмерки». В это же время состоялся двусторонний саммит Россия – США. Эти события стали одними из ключевых в развитии взаимоотношений России и Запада в прошедшем 2006 г.
- 131 **Нурия Кутнаева, Ильдар Ахтамзян. О подписании Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии** – В какой-то момент уже мало кто верил в достижение согласия по Договору о ЗСЯО в Центральной Азии. Тем не менее его подписание состоялось. Содержание Договора, перспективы его воплощения в жизнь, позиции ядерных держав анализируют наши авторы.

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В :
И Ю Л Ь – Н О Я Б Р Ь 2 0 0 6 г .

- 138 **Индекс *iSi* – универсальный индекс международной безопасности** – Разработанный ПИР-Центром в результате длящейся уже более года работы он ставит целью определить динамику общемировых процессов, объединенных понятием *международная безопасность*. Каков был этот индекс в июле? А в октябре? Мы публикуем показатели *iSi*, а также комментарии к нему Международной экспертной группы при ПИР-Центре.
- 140 **Юрий Федоров. Глазами либерала: Умиротворители и крокодилы** – «Беспомощное перед лицом новых угроз и вызовов, в течение уже нескольких лет мировое сообщество (или, точнее, современная иудео-христианская цивилизация) невольно вызывает в сознании образ Римской империи времен упадка, гибнущей под ударами варварских племен. И последние события в мире, лишний раз подтверждают, что умиротворение амбиций агрессоров лишь ведет к еще большему обострению ситуации».

- 156 **Дмитрий Евстафьев. Глазами консерватора: Апокалипсис – NO!** – «Развитие международной ситуации отражает складывающуюся *мозаичную* картину мира, где военная сила начинает играть новую роль и возникает новое ресурсное противостояние. На гладком пути к постбиполярности появляются неприятные *камушки*, которые начинают уже не просто скрипеть под колесами, а серьезно затруднять прогресс человечества. Будет ли это началом нового века, не просто отмеченного некоей датой, но глобальными переменами?»

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 169 **Дэвид Хоффман. 1983** – *Индекс Безопасности* получил эксклюзивные права на перевод и публикацию фрагмента из будущей книги авторитетного американского журналиста о неизвестных страницах истории противостояния СССР и США. Статья посвящена 1983 году и самым напряженным моментам холодной войны. Именно в этом году Рейган выступил с идеей Стратегической оборонной инициативы (СОИ), и именно тогда он назвал Советский Союз *империей зла*. В том же году советские ВВС сбили над Сахалином южнокорейский пассажирский авиалайнер, НАТО разместила в Европе ракеты *Першинг-2* и крылатые ракеты наземного базирования...

Б И Б Л И О Т Е К А

- 185 **Между мстью и возмездием: новый взгляд на самую загадочную операцию «Моссад»** – **Константин Эггерт** – Книга «Ответный удар: бойня на Олимпиаде в 1972 г. в Мюнхене и смертоносный ответ Израиля» бывшего израильского разведчика Аарона Клайна раскрывает новые факты одной из самых драматичных операций «Моссад» по ликвидации палестинских террористов, расстрелявших израильских спортсменов в 1972 г. на Олимпиаде в Мюнхене.
- 189 **Шероховатости плоского мира** – **Михаил Якушев** – Томас Фридман на протяжении нескольких сотен страниц своего увлекательного повествования «Плоский мир: краткая история XXI века» беспелляционно утверждает или доказывает на многочисленных примерах, что, благодаря развитию информационных технологий, наш мир стал *плоским*. Но так ли это для всей планеты?
- 193 **Генерал Вандам – забытый основатель русской геополитики** – **Сергей Понамарев** – Работы Карла фон Клаузевица, Хельмута фон Мольтке и Альфреда Мэхена признаются в качестве основ науки *геополитики*, которая на рубеже XIX–XX вв. делала свои первые осознанные шаги. В то же время были забыты те, кто в тот же период пытался заложить базу для формирования будущей науки в России. Один из таких забытых авторов – российский генерал А.Е. Вандам (Едрихин).

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

- 197 **Екатерина Вотановская, Вера Гаврилова, Даниил Кобяков, Анастасия Лагута, Татьяна Нефедова** – Сотрудники и стажеры ПИР-Центра готовят краткий обзор новых поступлений в библиотеку.

Р Е Д А К Т О Р У

- 201 **Виктор Заварзин. Значимость ядерно-оружейного комплекса следует закрепить законом** – По мнению председателя Комитета по обороне Государственной Думы РФ, следует разработать специальный федеральный закон, где должны быть закреплены статус и правовая основа деятельности ядерно-оружейного комплекса, а также меры государственной поддержки входящих в него организаций.
- 203 **Всеволод Чаплин. Исток конфликта не в ядерном оружии, но в грехе властолюбия** – Заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата в своем отзыве на статью Алексея Обухова о ядерном оружии и христианской этике размышляет о соотношении христианства и пацифизма.

- 205 S U M M A R Y

- 29 О Б А В Т О Р А Х

- 214 Э К С П Е Р Т Н О - К О Н С У Л Т А Т И В Н Ы Й
С О В Е Т П И Р - Ц Е Н Т Р А

- Обл. III К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы .

Об оптимизме

ПИР-ПРЕСС СООБЩАЕТ:

Уважаемые читатели журнала
Индекс Безопасности,

Мы рады представить Вам отдел эксклюзивной информации ПИР-Центра – ПИР-ПРЕСС.

Целью ПИР-ПРЕСС является оперативное информирование читателей по вопросам международной безопасности и нераспространения ОМУ.

Новости ПИР-ПРЕСС содержат комментарии и оценки экспертов ПИР-Центра по наиболее актуальным событиям международной безопасности, эксклюзивные цитаты ведущих российских и зарубежных официальных лиц, ссылки на дополнительные ресурсы ПИР-Центра по тем или иным темам международной безопасности.

Новости ПИР-ПРЕСС регулярно размещаются на главной странице интернет-представительства ПИР-Центра по адресу **<http://www.pircenter.org>**, а также рассылаются в электронном виде подписчикам.

Если Вы заинтересованы в оперативном получении эксклюзивной информации, экспертных комментариев, аналитических оценок и прогнозов по наиболее актуальным событиям в области безопасности – Вы можете бесплатно подписаться на электронную рассылку новостей ПИР-ПРЕСС по адресу **<http://pircenter.org/subscription>**, и новости будут приходить на адрес Вашей электронной почты на русском и английском языках.

*По вопросам, связанным с новостями ПИР-ПРЕСС,
обращайтесь к директору информационных проектов ПИР-Центра
Даниилу Кобякову по тел. +7 (495) 234-0525,
e-mail: kobyakov@pircenter.org*

КЛУБ ТРИАЛОГ – ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ ДИАЛОГА И ПОЛЕМИКИ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ДИПЛОМАТОВ, ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА, УЧЕНЫХ И ЖУРНАЛИСТОВ

На сегодняшний день это единственное политически независимое сообщество подобного рода, предоставляющее своим членам уникальную возможность получения эксклюзивной информации из *первых рук*.

Среди задач Клуба:

- своевременное и квалифицированное представление существующего спектра позиций и мнений по наиболее острым вопросам современности, включая нераспространение ОМУ, а также нетрадиционные вызовы и угрозы международной и национальной безопасности;
- организация широкой дискуссии по проблематике международной безопасности среди политически активных слоев общества;
- содействие серьезному осмыслению событий, происходящих в стране и за рубежом.

Заседания Клуба *Триалог* проводятся четыре раза в год по инициативе ПИР-Центра и компании *Триалог* и строятся вокруг выступления одного из ведущих государственных или неправительственных экспертов из России и зарубежных стран.

На последних заседаниях Клуба *Триалог* с докладами выступили:

- **Валентин Соболев**, заместитель секретаря Совета безопасности РФ. («Современная политика России в области борьбы с терроризмом и противодействия экстремистской деятельности»)
- **Азер Мурсалиев**, заместитель главного редактора газеты *Коммерсантъ* («Контроль и безопасность энергетических коммуникаций (нефте- и газопроводов): политика Российской Федерации»)
- **Сэм Нанн**, сопредседатель и главный исполнительный директор Инициативы по сокращению ядерной угрозы (NTI), сенатор США («Реализация программ Глобального партнерства в контексте председательства России в «Большой восьмерке»)
- **Вячеслав Никонов**, председатель комиссии Общественной палаты РФ по международному сотрудничеству и общественной дипломатии («Саммит в Санкт-Петербурге: промежуточные результаты председательства России в «Большой восьмерке»)
- **Константин Косачев**, председатель Комитета по международным делам Государственной Думы ФС РФ («Приоритетные направления внешней политики РФ при Президенте Путине»).

Члены Клуба обеспечиваются:

Подпиской на журнал *Индекс Безопасности*, *Security Index*, монографии и доклады серии «Библиотека ПИР-Центра», а также на все электронные издания ПИР-Центра, включая: Новости *ПИР-ПРЕСС* (на русском и английском языках); информационный бюллетень *Ядерный Контроль* (на русском языке);

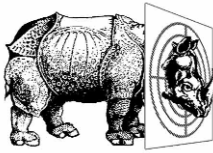
Доступом к информационным ресурсам ПИР-Центра (база данных «Ядерная Россия», библиотека, научные архивы), к специально созданным закрытым разделам в сети интернет (www.trialogue.ru и www.pircenter.org/rus/club.)

Приглашениями на все мероприятия, проводимые ПИР-Центром (семинары, конференции, пресс-конференции).

Приглашениями на ежеквартальные заседания Клуба

Членство в Клубе *Триалог* делится на индивидуальное и корпоративное. В рамках корпоративного членства действует схема «1+1», когда в работе Клуба участвуют два представителя от одной организации. Более подробную информацию о том, как войти в состав Клуба, можно найти на сайте ПИР-Центра: <http://membership.pircenter.org>

С момента основания (1993 г.) состав Клуба *Триалог* значительно расширился. В настоящее время Клуб объединяет более 30 индивидуальных и корпоративных членов, включая посольства Австралии, Нидерландов, Франции, Чешской Республики, Польши, Индии, Италии, США, Швейцарии, Швеции, корпорации *NAC International*, *Booz Allen Hamilton*, *Washington Group Int.*, *Аспект-Конверсия*, *Техна-Бэкспорт*, информационные агентства *Kyodo Tsushin*, *NHK* и др.

В ДЕСЯТКУ: О ПУТЯХ

Путь –

- Дорога, ездовая, накатанная полоса, ходовая тропа. Проложить путь. Мощные пути. Пути непроезжие, распутица. Зимний, летний путь. Путь-дорожка! Общее пожелание встречному.
- Способ или средство, образ достижения чего, направление. Пути жизни. Пути Божьи, пути Провидения, неисповедимы. Пути праведников, грешников. Ходи всегда путем правды. Он достиг этого путем ходатайства, поклонов, подкупа.
- Польза, прок, толк, успех, выгода. В этом деле пути не видится, не будет. Без пути ходить, попусту, напрасно. Из этого человека выйдет путь. Говори путем, разумно, толком. Не путем делаешь, непутно или неладно.
- Путь планеты, орбита, черта бега, течения ее. Путем сделать что, толком, дельно. Поговори ему путем, вразуми его. Не удалось и пообедать путем. Без пути журить, без толку, напрасно. Сбить кого с пути, с толку, расстроить, совратить. Сбиться с пути, путать, плутать. Направить, наставить кого на путь, на путь истины, научить, посоветовать, вразумить.
- Пути сообщения, дороги, мосты, перевозы, судоходные реки, каналы и пр.
- Путный, дельный, полезный, толковый, годный, изрядный, порядочный, хороший, надежный. Путный человек, мастер, дело, книга и пр. Ровно путное что говорит, а все врет!
- Всякая поездка, путешествие, странствие.
- Путеводствовать, быть вожаком, водить, неизвестными для провожаемого дорогами.

Владимир Даль,
«Толковый словарь живого великорусского языка»

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ЧИТАТЕЛЬ!

Так это новый журнал или старый? Еще в разгаре верстка, еще настойчивые авторы спешат со своими коррективами, а им навстречу настойчивые редакторы спешат с уточняющими вопросами, – но вопрос о том, что же ПИР-Центр издает, слышу из разных кабинетов и коридоров.

Ну, конечно же, это новый журнал! Чего проще, посмотрите на обложку: там новое название. Разве оно похоже на *Ядерный Контроль*? К тому же, теперь мы издаем *Российский Журнал о Международной Безопасности*. То есть охват проблем становится куда шире. Если раньше в центре внимания были вопросы нераспространения ядерного оружия, другого оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, то теперь вопросы нераспространения ОМУ, по-прежнему занимая серьезные журнальные площади (сообразно с тем, какое место они занимают в сегодняшних дискуссиях по международной безопасности в целом), делят их с такой проблематикой, как противодействие международному терроризму; защита критической инфраструктуры; энергетическая безопасность (включая как энергетику нефтегазовую, так и атомную); военнотехническое сотрудничество; экспорт и экспортный контроль в отношении технологий двойного применения; информационная безопасность, передовые телекоммуникации и новая роль интернета; демографическая безопасность и проблемы миграции; экологическая безопасность, глобальное изменение климата; биобезопасность и борьба с инфекционными заболеваниями; борьба за водные ресурсы; образование и экономика знаний как главный стратегический козырь нового века...

Расширяется не только проблематика исследований, но и их география. Если раньше большинство статей и материалов в журнале было *о России*, то теперь – о том, что это значит *для России*. В этом ключе я особенно пристально смотрю на такие регионы, как Ближний Восток и Иран, Центральная Азия и Каспий, Восточная Азия. Конечно, традиционно в сфере повышенного внимания журнала остаются Европа и Соединенные Штаты. Но при определении редакционной политики меня интересуют все материалы, которые говорят об угрозах и вызовах безопасности, пусть даже из самых далеких точек, которые напрямую аукнутся в России; или же, наоборот, о новых возможностях для России, для ее роста, геополитического и экономического, и здесь мы можем с равным энтузиазмом говорить как о Персидском заливе, так и о Гвинейском. Наконец, география журнала не ограничивается земными просторами: проблематика космического пространства – военного противоборства в нем, но и перспектив его мирного использования – также будет представлена на страницах *Индекса Безопасности*.

О
Т
П
Е
Д
А
К
Т
О
Р
А

Расширяется не только география наших интересов, но и география нашей читательской аудитории. В 2006 году журнал получали в 35 городах России и 86 городах за рубежом. Номер, который Вы держите в руках, получили вместе с Вами читатели в 54 городах России и в 92 городах за рубежом. При этом издание на английском языке впервые за всю историю журнала исполнено в таком же формате, как и на русском, и будет выходить с такой же периодичностью, – три раза в год (весна, лето-осень, зима). Наша аудитория в России и в Северной Америке традиционно была широка, но теперь стремительно и мощно расширяется продвижение журнала к читателям в государствах Западной Европы, Центральной Азии, Южной Азии, Восточной Азии, Ближнего Востока и Персидского залива.

Индекс Безопасности становится полновесным международным изданием. Имея штаб-квартиру в Москве, *Индекс Безопасности* открыл свои представительства в Женеве (Швейцария) и Монтерее (Калифорния, США). В числе адресатов моей ежедневной электронной переписки – наши авторы и корреспонденты в Баку и Новосибирске, Нижнем Новгороде и Бишкеке, Вене и Владивостоке, Лондоне и Петербурге, Стокгольме, Тюмени, Эр-Рияде, Вашингтоне, Токио... Когда закончите читать этот номер – убедитесь сами. Для меня недопустимой была бы мысль, что мы смотрим на мир только глазами московских экспертов. Моя задача – дать Вам *экспертное многоголосье*: реальное многоголосье сегодняшнего мира, размышляющего о мире – и мироустройстве – завтрашнем. Поэтому *Международная экспертная группа*, созданная при журнале, включает политиков и политологов не только из России (которых все же большинство), но и из Бразилии, Великобритании, Германии, Индии, Казахстана, КНР, Саудовской Аравии, США, Франции.

Ну, конечно же, это старый журнал! Чего проще, посмотрите на обложку: там же сказано, что это первый номер за 2007 г., но – *восемьдесят первый* с начала издания. Разве может восемьдесят первый номер быть синонимом *нового* журнала? В этом смысле открывающая этот номер статья начальника Генерального штаба Вооруженных Сил России Ю.Н. **Балуевского**, конечно, первая в нашем журнале в текущем году, но и пятьсот шестьдесят восьмая в числе статей с момента основания журнала в ноябре 1994 года. И в этом – ее перекличка не только с предшествующими статьями в нашем журнале по вопросам выбора военной доктрины России, но и с предыдущими публикациями самого Ю.Н. Балуевского в нашем журнале предыдущих лет.

Добавляя новые разделы, я все же остаюсь консерватором: большинство разделов в *Индексе Безопасности*, сама структура номера – легко узнаваемы для читателей *Ядерного Контроля*.

Так что нужна ли прогулка по журналу в сопровождении главного редактора – или читатель вполне способен совершить ее самостоятельно? Все же – особенно учитывая то, что с этим номером число наших читателей увеличивается более чем на две тысячи экспертов, – я возьму Вас за руку на несколько минут, чтобы Вы могли вместе со мной проследить за логикой Редколлегии и главного редактора.

Как и всегда в *Ядерном Контроле*, мы начинаем *Индекс Безопасности* с эксклюзивных интервью. Потому что это – научно-практический журнал. В нем всегда была и будет речь от первого лица! «Сейчас уже никто не сомневается в том, что Китай – это один из мировых центров. Никто не сомневается, что Европа, после того как освободилась от необходимости иметь над собой ядерный американский зонтик, далеко не всегда проявляет так называемое блоковое послушание, которое было раньше, а Европейский Союз сейчас сопоставим с Соединенными Штатами по своим экономическим возможностям. Я думаю, что никто не сомневается и в том, что Россия не будет безропотным ведомым в уп-

ряжке с США», – заявляет в интервью *Индексу Безопасности* академик Е.М. **Примаков**. Из этого интервью Вы узнаете, о чем в свое время он говорил с президентом Сирии Хафезом Асадом, а затем и с его сыном Башаром, руководителем «Хамас» Халедом Машаалем, одним из курдских лидеров Мустафой Барзани, нынешним министром обороны США Робертом Гейтсом в бытность того директором ЦРУ. Е.М. Примаков высказывает свое видение ближневосточной ситуации, а также говорит о развитии событий вокруг Ирана.

Иранская проблематика вообще широко представлена в этом номере. Наш следующий интервьюируемый – президент Азербайджана Ильхам **Алиев** убежден, что неконтролируемое развитие ситуации вокруг Ирана может иметь «катастрофические последствия» для его страны и для всего региона: «Главными задачами, я думаю, должны быть снижение напряженности и выработка механизмов, которые, с одной стороны, успокоили бы мировое сообщество по поводу ядерной программы Ирана, а с другой стороны, дали бы возможность Ирану использовать его законное право на развитие мирной ядерной энергетики», – считает азербайджанский президент. В этом интервью он также подробно говорит о *неприсоединившемся* статусе своей страны, – что особенно интересно читать в сравнении со статьей Е.В. **Шадриной** о *каспийских икорных войнах*, о чем речь пойдет чуть ниже.

В своем интервью генерал-полковник В.А. **Соболев** размышляет о новых вызовах со стороны международного терроризма: «Терроризм требует уступок, требует политических компромиссов, на которые (как показывает и горький опыт России) ни в коем случае идти нельзя. Переговоры с террористами возможны и необходимы только для одного: облегчить участь заложников и спасти их. Любые другие уступки только стимулируют развитие терроризма и вызывают еще более жестокие и наглые акции со стороны террористов». Автор интервью не одно десятилетие профессионально занимался противодействием терроризму на постах в КГБ СССР, ФСБ России, и в последние годы – как заместитель секретаря Совета безопасности РФ. В продолжение этой темы, эксперт из ИМЭМО РАН и член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* Е.А. **Степанова** детально рассматривает методы противодействия исламистскому терроризму – как на глобальном, так и на региональном и на локальном уровнях. В центре ее исследования – наступление *джихадизма* на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Генерал армии Ю.Н. Балувевский подготовил для первого номера нашего журнала, без преувеличения, программную статью. Какова роль России в измерении «индекса безопасности» стремительно глобализирующегося мира? А как мы должны реагировать на поведение увядающей, но все еще безусловной сверхдержавы – Соединенных Штатов? Ю.Н. Балувевский видит здесь тревожную параллель с «Титаником»: «Опасность не только для России, но и для остальных пассажиров мирового «Титаника» в том, что нас с вами особенно и не спрашивают, куда нам нужно плыть», – пишет он.

А вот еще один ключевой тезис генерала Балувевского: «Я против противопоставления России Европе и Азии (Евразии), но я и против навязывания России европейской цивилизации, ибо уверен, что, если Россия хочет обеспечить себе достойное будущее, она была, есть и должна остаться Россией. Россия – не Европа, не Азия и даже не Евразия, она – еще раз хочу это подчеркнуть – Россия!». Итак, Россия – не Европа... Не сомневаюсь, что Юрий Николаевич тем самым уже открыл полемику на страницах наших ближайших номеров.

Не менее полемична статья посла А.А. **Обухова** о соотношении ядерного оружия и религиозной этики. Человек, многие годы своей жизни посвятивший переговорам по контролю над ядерными вооружениями, многие годы защищавший *хорошее наше* ядерное оружие от *плохого чужого*, безусловно, выстрадал

свой вывод: «Защищать ядерное оружие – ужасный грех!». Но ему отвечает представитель Московской патриархии отец Всеволод **Чаплин**: «Любое оружие, особенно ядерное, – зло. Но зло, увы, неизбежное в условиях мира, испорченного грехом, где до второго пришествия Господа будет происходить борьба за власть, столкновения между народами. Сегодняшний мир является гораздо более опасным, чем во времена биполярного противостояния между Западом и Востоком. По мере совершенствования технологий контроль над распространением ядерного оружия становится все более проблематичным, а идея всеобщего разоружения превращается в утопию».

Видя план нашего журнала на ближайшие номера, я уже твердо могу сказать, что дискуссия об *утопичности* – или же о направлениях – ядерного разоружения будет нами продолжена как одна из наиболее важных для понимания российских приоритетов в области национальной безопасности. Но уже в этом номере руководитель Комитета по обороне Государственной Думы Федерального Собрания РФ В.М. **Заварзин** поднимает вопрос о необходимости «законодательного закрепления особой значимости ядерно-оружейного комплекса в обеспечении обороны и безопасности страны».

Со статьей посла Обухова интересным образом перекликается статья одного из самых блестящих перьев современной американской журналистики Дэвида **Хоффмана**. Давний друг ПИР-Центра, Д.Хоффман является редактором газеты *Washington Post* по международным проблемам. Он автор такого бестселлера, как «Олигархи», и теперь работает над новой книгой. Некоторые свои сенсационные *раскопки*, сделанные в России и в США, он передал *Индексу Безопасности*. Мы публикуем их под названием «1983». Действительно, речь идет о самом *холодном* из последних лет холодной войны. Автор переносит нас в 26 сентября 1983 г., когда в Серпухов-15 поступил сигнал о ракетно-ядерном нападении США на СССР... Хоффман переносит нас и в кабинеты Ю.В. Андропова и Рональда Рейгана, Н.В. Огаркова и Джорджа Шульца, приводя ранее не публиковавшиеся документы того времени. Как и посол Обухов, Дэвид Хоффман смотрит на прошлое ядерное противостояние как на урок для всех нас, сегодняшних: вот только усвоили ли?

Возвращаясь к иранской теме, А.Г. **Арбатов** и А.А. **Пионтковский** по моей просьбе обменялись между собой несколькими электронными письмами, в которых пытались найти точки соприкосновения в своих взглядах по поводу ядерных амбиций Тегерана. В этой эпистолярной дуэли задействовано столько же фактов, сколько и эмоций, но в *сухом остатке* каждый из экспертов остается при своем мнении: один (А.Г. Арбатов) – что ситуация вокруг Ирана должна и может быть разрешена дипломатическими средствами, на основе международного права; другой (А.А. Пионтковский) – что против Ирана требуется кнут и только кнут: «Доброжелатели и адвокаты Ирана могут сколько угодно (вплоть до первого ядерного взрыва) говорить, что они не до конца уверены в военном характере иранской ядерной программы. Важно, что в нем уверено руководство Израиля, США, так же, как подавляющее большинство профессиональных военных экспертов. Лидеры Израиля и США уже достаточно ясно дали понять, что в случае краха дипломатических усилий они прервут дальнейшее развитие иранской ядерной программы военным путем», – пишет политолог из своего Вашингтонского офиса А.Г. Арбатову в Москву.

Российско-американские отношения в последнее время упали до крайне низкого уровня. А где вообще предел их падения? И должно ли это беспокоить Россию? Об этом размышляет в своем комментарии В.А. **Никонов**, используя как примеры два петербургских события июля 2006 г. – саммит «восьмерки» и двусторонний саммит В.В. Путина и Дж. Буша. Один из главных регионов, превращающихся в зону двустороннего противоборства, – Центральная Азия. Подписание в сентябре 2006 г. в Семипалатинске Договора о создании зоны, свобод-

ной от ядерного оружия в Центральной Азии, прошло незамеченным. А зря, считают Н. **Кутнаева** и И.А. **Ахтанзян**. В своем комментарии они не только рассказывают о параметрах нового Договора, но и о драматичной закулисной борьбе, которая развернулась вокруг подписания протоколов к Договору со стороны официальных ядерных держав, – сюжет, за которым, безусловно, *Индекс Безопасности* будет пристально следить и в дальнейшем.

Оказывается, *новая большая игра* разворачивается не только вокруг Центральной Азии. Прикаспийские государства уже почувствовали, как влияют на них новые геополитические разломы и игры. Но если о борьбе за *черное золото* – нефть – написано уже немало, то о борьбе за другое *черное золото* – икру – писали лишь фрагментарно. Посмотреть на *икорные игры* на Каспии взялась уроженка Астрахани Е.В. **Шадрина**. Из статьи Вы узнаете немало *вкусных* подробностей: например, что в 2006 г. экспорт иранской икры в США значительно возрос; или же что случится с икорным рынком, если Европейский Союз наложит санкции против Ирана. Но главный вопрос статьи: как обеспечить экологическую безопасность и при этом защитить экономические интересы России на Каспии?

И, наконец, представлю Вам новый раздел журнала. В нем мы, используя методологию, в течение года разрабатываемую в ПИР-Центре, измеряем **индекс международной безопасности**. Его числовое выражение получило название **Индекс *iSi*** (произносится *ай-си*). В настоящее время *iSi* проходит научно-практическую апробацию в российских и нескольких зарубежных научных центрах. Мы в ПИР-Центре убеждены, что с помощью этого индекса сможем определять основные тенденции в области международной безопасности на глобальном уровне. Как Вы уже могли убедиться по выносу на обложке, *iSi* вырос в августе по сравнению с июлем (то есть мир стал за этот месяц несколько безопаснее), но затем в октябре произошло значительное падение – то есть обострение ситуации. Почему? Об этом читайте в двух обзорах, сопровождающих *iSi*. Оба охватывают один и тот же период: четыре месяца – с июля по октябрь 2006 г. включительно. Но почувствуйте разницу! Один и тот же отрезок времени оценен взглядом *либерала* (Ю.Е. **Федоров**) и *консерватора* (Д.Г. **Евстафьев**). Не только оценки событий, но даже и самую последовательность приоритетов событий с точки зрения российских интересов они видят совершенно по-разному.

К объективным показателям индекса и весьма субъективным оценкам двух экспертов мы добавили также опрос десяти представителей **Международной экспертной группы ПИР-Центра**: а что они думают о нашем *барометре безопасности*? Доверяют ли его показаниям? Насколько показатели глобальной безопасности соотносятся с развитием ситуации на их континентах и в их регионах? Так, индийская ученая д-р Рама **Мани**, работающая в Шри-Ланке, ответила, что «в течение прошедшего периода индекс *iSi* был достаточно стабилен. Были небольшие перемены, связанные с нестабильной ситуацией в Ираке и непопулярностью, неудачами – как в США, так и за рубежом – политики Дж. Буша-младшего, в то время как бразильский посол Сержио **Дуарте** выразил сомнение в том, что «безопасность является измеряемой. На состояние безопасности влияет множество факторов, не поддающихся числовому вычислению».

Мы в ПИР-Центре внимательно отслеживаем реакцию в мире на показания нашего Индекса *iSi*. Наиболее интересным будет выявить не столько показания за тот или иной месяц, сколько динамику, отследить тенденции глобальных процессов безопасности.

Это – амбициозная задача. Но разве интересно иначе?

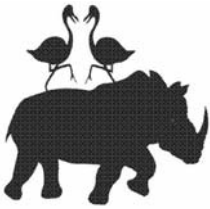

Что ж, в путь, читатель! Какая бы ни стояла *распутица* в международных отношениях, как бы ни множились угрозы и вызовы безопасности развития России, – в *добрый путь* по страницам журнала, который, надеюсь, поможет хотя бы в некоторых случаях определиться, какими же должны быть наши ответы на эти вызовы и угрозы. А также и осветит в своих публикациях новые возможности, которые открываются перед растущей Россией.

К слову – ну, и в завершение, – к вопросу о *путях*.

Индекс Безопасности, как Вы прекрасно знаете, не журнал транспортников. Сразу оговорюсь, что (пока) нет среди наших спонсоров и РЖД, поэтому у меня нет намерения заниматься рекламой средств транспорта. И все же – мне нравится словосочетание *пути сообщения*. Посмотрите на десятую страницу, как там у гениального Даля: «...Пути сообщения, дороги, мосты, перевозки, судоходные реки, каналы и пр.». Так вот, я постараюсь, чтобы в поисках *доброго пути* мы в нашем журнале старались находить – для себя и для Вас – поменьше таких сюжетов, где – каналы и побольше таких, где – мосты. 🐾📖

Владимир Орлов

Ильхам Алиев

«АЗЕРБАЙДЖАН ПРИУЧЕН ОПИРАТЬСЯ ТОЛЬКО
НА СОБСТВЕННЫЕ РЕСУРСЫ, ПОЭТОМУ
И НЕ ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К БЛОКАМ»

Член редколлегии журнала Индекс Безопасности Сергей Брилев беседует с президентом Республики Азербайджан Ильхамом Алиевым¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Ильхам Гейдарович, через 15 лет после распада СССР только наивный человек, только неисправимый мечтатель может называть страны СНГ *постсоветскими* или *новыми независимыми*. Скорее можно говорить о том, в какой степени они состоялись. Что сейчас представляет собой Ваша страна?

АЛИЕВ: Сегодня называть страны – бывшие республики Советского Союза – *новыми независимыми государствами* уже поздно. Этот период прошел. Период становления миновал, и различные ссылки на то, что мы еще *новые и молодые* и поэтому у нас много недостатков, уже неприемлемы. Пятнадцать лет – это достаточно большой срок. Азербайджан – это государство, которое динамично развивается, основываясь сугубо на собственных экономических и политических ресурсах, государство, которое активно интегрируется в мировое сообщество, имеет прекрасные отношения с соседними государствами и где уровень жизни населения из года в год повышается.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы даже как-то сказали, что Вам неудобно признаваться Вашим коллегам из числа президентов и премьер-министров в показателях экономического роста Азербайджана – чтобы не ставить их в неудобное положение...

АЛИЕВ: (*Смеется*) Действительно, обычно с руководителями других стран я стараюсь не затрагивать эту тему, так как показатели Азербайджана достаточно впечатляющие. Темпы роста экономики в 2005 г. в Азербайджане составляли 26 процентов, за первые полгода 2006 г. – 35 процентов, рост промышленного производства в 2006 г. был более 40 процентов. За последние три года создано почти пятьсот тысяч новых рабочих мест, в основном в нефтяном секторе. Бюджет страны за последние три года увеличен в четыре раза. Вот суммарные показатели того бурного роста, который мы наблюдаем.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вследствие такого роста начали ли возвращаться на родину азербайджанцы? Прекратился ли отток азербайджанцев из страны?

АЛИЕВ: Да, отток прекратился, и уже просматриваются тенденции возвращения. Стоит отметить, что большинство уезжавших из Азербайджана на заработки в другие страны, преимущественно в Россию, были выходцами из сельской местности. А поскольку три года назад мы начали осуществлять комплексную и конкретную программу по региональному развитию, многие из них возвращаются в места своего постоянного проживания. Также должен сказать, что есть много случаев, когда возвращаются и бывшие граждане Азербайджана неазербайджанской национальности, которые покидали страну в начале 1990-х гг. из-за нестабильной обстановки, а сегодня возвращаются, потому

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

что ситуация стабилизировалась, существуют хорошие условия для бизнеса. Азербайджан всегда славился своей толерантностью и интернационализмом. Понятие интернационализма, по-моему, было незаслуженно забыто, но оно является одним из главных факторов развития страны. Азербайджан – многонациональное государство, поэтому от благополучия проживающих в нашей стране представителей каждой нации зависит и наше успешное развитие.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Если бы Вам пришлось встретиться с русским гражданином Азербайджана и разговориться с ним о причинах, которые заставляют его оставаться в Азербайджане, или рекламировать Азербайджан для русского человека, что бы Вы сказали?

АЛИЕВ: У нас не была закрыта ни одна русская школа, во всех государственных вузах существуют отделения обучения на русском языке, успешно действует Бакинский славянский университет. Газет, выходящих на русском языке, кстати, сейчас в несколько раз больше, чем было в советское время. И не случайно, что такие важные мероприятия, как Конгресс российских соотечественников, за пределами России впервые прошел именно в Азербайджане. Мы стремимся к тому, чтобы молодое поколение, которое уже растет и формируется в условиях независимости, русский язык не потеряло. Приведу такой пример. В Азербайджане очень давно существуют компактные поселения русской общины. Я был в такой общине прошлым летом, и население попросило построить школу. Сразу же было дано указание, и школа сейчас уже работает.

В принципе, каких-то дополнительных пропагандистских методов нам не нужно. Экономическое развитие государства, его социальная политика, безопасные условия жизни, плюс терпимость и межнациональный мир сами по себе обеспечивают положительное восприятие своей страны всеми народами, проживающими в Азербайджане.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Не обидно ли Вам, что в Азербайджане мало русских туристов, хотя на самом деле в этом отношении Ваша страна ничем не уступает той же Турции, облюбованной россиянами? Ведь здесь даже в языковом плане все обстоит гораздо лучше?

АЛИЕВ: Надо исходить из того, что спокойная жизнь в Азербайджане наладилась недавно. С начала 1990-х гг. шла гражданская война, обстановка в стране была нестабильна вплоть до 1996–1997 гг. Если посмотреть на динамику экономического роста, мы увидим, что лишь с 1996 г. начался экономический рост. Поэтому Азербайджан был страной с множеством политических, экономических, социальных проблем, остро стояла проблема миллиона беженцев – беженцев, которые потеряли свой кров в результате агрессии. В общем-то, было не до туризма. Но как только мы стали экономически самостоятельными и появились значительные материальные ресурсы, первым же делом одним из направлений развития стал туризм. Сегодня в туристическую инфраструктуру вкладываются большие средства, и государство этому способствует. Идет туда и частный бизнес. Поэтому, я думаю, года через два-три для туристов из России приехать в Баку будет намного выгодней и удобней, чем куда-либо еще.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Азербайджан, если выражаться старым политическим языком, классическая неприсоединившаяся страна. По крайней мере, если сравнивать с любым Вашим соседом по бывшему советскому Кавказу: Грузия однозначно заявила о своем стремлении присоединиться к НАТО, Армения входит в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Почему Азербайджан следует политике неприсоединения?

АЛИЕВ: Вообще, история Азербайджана, начиная с обретения независимости, отличалась от истории других постсоветских стран именно тем, что мы практически ниоткуда не получали особой поддержки. Если посмотреть на объемы помощи, которая в суммарном выражении оказывалась всем бывшим республикам СССР от различных международных организаций, фондов и стран, то мы были на самом последнем месте. Это приучило нас опираться только на собственные ресурсы. И то, что мы *не присоединяемся*,

наверное, тоже результат этого. Я считаю, что страна в первую очередь должна зависеть от себя, от своего экономического и интеллектуального потенциала, от умелой политики, которая минимизирует внешние риски.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: На фоне того, что СНГ, к сожалению, остается достаточно аморфной организацией, Азербайджан является членом ГУАМа, который делает, по крайней мере, заявку на то, чтобы стать достаточной силой на постсоветском пространстве и вообще на юге, юго-востоке Европы. Оправдывает ли себя сотрудничество с ГУАМом? Я знаю, что у Азербайджана теперь есть серьезное военное сотрудничество с Украиной, существуют планы новых энергетических коридоров из Азербайджана не только на Джейхан, но через Грузию в Украину и в Польшу. В принципе, каким образом строится сотрудничество Азербайджана с международными организациями?

АЛИЕВ: Каждое государство становится членом той организации, в которой ей удобно и комфортно работать, так поступает и Азербайджан. Например, что касается нашего членства в ГУАМе, надо иметь в виду, что эта организация была создана в 1997 г. в совершенно иной обстановке. Ситуация регионального сотрудничества, отношения между соседними странами были диаметрально противоположны сегодняшним. Вообще, мы рассматриваем участие в различных международных организациях (СНГ, ГУАМ, Совет Европы, Организация Исламской конференции и других) с точки зрения максимального использования потенциала организаций для обеспечения собственных интересов. Участие в одной организации не противоречит участию в другой.

Я думаю, что здесь опыт Азербайджана заслуживает внимания. Мы строим отношения с соседями и с друзьями не за счет ущерба отношениям с другими, а наоборот, стремимся максимально использовать географический, политический и экономический потенциал.

Конечно же, энергетический фактор помогает нам наладить более эффективное сотрудничество.

Что касается наших энергетических проектов, то они осуществляются в другом формате – не в рамках участия в какой-то организации, а на двусторонней или многосторонней основе. В принципе, мы завершили все свои энергетические проекты. Существует уже три крупных нефтепровода из Азербайджана, которые способны транспортировать до 70 миллионов тонн нефти, а возможно и до 100 миллионов. С учетом добычи нефти в Азербайджане нам этого хватит.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Есть категории стран Земного шара, руководители которых засыпают и просыпаются с мыслью о ценах на нефть. В России идут свои споры о Стабилизационном фонде, о том, куда пойдут *нефтедоллары*. А куда сейчас направляются доходы от нефти в Азербайджане?

АЛИЕВ: Несколько лет назад был учрежден Государственный нефтяной фонд Азербайджана, в котором оседает большая часть доходов от нефти и где уже скопилось достаточно средств. Золотовалютный запас Азербайджана сейчас составляет более трех миллиардов долларов. Для наших масштабов это достаточная цифра. С учетом будущего роста нефтедобычи эти суммы будут измеряться сотнями миллиардов. По прогнозам Всемирного Банка, в следующие двадцать лет Азербайджан только от нефтяных проектов получит 140 млрд долларов. Для нас это огромная сумма, благодаря чему в стране можно сделать многое. На данный момент, в первую очередь средства направляются на социальные проекты, в образование, медицину, армию и развитие инфраструктуры. Например, за два года построено более 600 школ, во всех регионах строятся современные больницы. Быстрыми темпами идет военное строительство, и в следующем году наш военный бюджет составит уже более миллиарда долларов, а три года назад было чуть более ста миллионов. То же можно сказать об инфраструктурных проектах. Сегодня в Азербайджане одновременно строится шесть электростанций. Сооружаются автомагистрали, сельские дороги. Мы должны максимально использовать экономический ресурс для модернизации страны. Но необходимо найти очень четкий баланс между макроэкономи-

ческой стабильностью и удовлетворением потребностей страны и ее граждан. Мы ведем очень осторожную политику, поэтому около трети доходов от нефти, которая не оседает в нефтяном фонде, используется для удовлетворения потребностей государства.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В октябре 2006 г. у Вас с визитом был министр экономического развития и торговли России Герман Греф. Я так понимаю, Вы обсуждали вопросы диверсификации экономики Азербайджана, может быть, с участием россиян. Какие отрасли промышленности сейчас Вы намерены развивать и какова возможная роль России в этом процессе?

АЛИЕВ: Несмотря на то что с точки зрения инвестиционного климата Азербайджан очень благоприятная страна, со стороны российских компаний (а в России уже есть крупные международные компании) мы, к сожалению, не видим большого интереса к Азербайджану. А ведь за последние десять лет в нашу экономику вложено почти 30 миллиардов долларов, большая часть из которых – иностранные инвестиции.

Сейчас мы намерены модернизировать всю промышленную инфраструктуру, потому что все, что существует со времен СССР, в основном устарело. За исключением, конечно, нефтяного сектора и машиностроения. Нам нужны новые отрасли промышленности, новые рабочие места. Поэтому в любое направление промышленности сейчас можно вкладывать деньги и ожидать хорошего возврата.

Как результат, мы ожидаем уменьшения зависимости от колебаний цен на нефть. Для того чтобы цены на нефть нас не беспокоили, и требуется диверсификация экономики. В данном случае сотрудничество с Россией в этом направлении может быть очень полезным в плане обмена опытом, взаимных консультаций, сотрудничества.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Развитие ситуации вокруг ядерной программы Ирана – самая обсуждаемая международная тема последних месяцев. На взгляд руководителя приграничного с Ираном государства, каковы пути решения этой сложной проблемы?

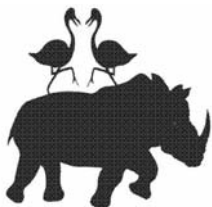
АЛИЕВ: Не хотелось бы предполагать негативного развития ситуации вокруг Ирана. У Азербайджана граница с Ираном более тысячи километров, налажены активные трансграничные контакты, в Иране проживает более половины этнических азербайджанцев, а это такие же азербайджанцы, которые проживают и здесь. Любое обострение обстановки в нашем регионе, безусловно, будет иметь очень тяжелые последствия для всех стран, так как сегодня и в политическом, и в экономическом, и в военном плане страны региона достаточно взаимосвязаны. Дестабилизация в одной из них может иметь катастрофические последствия, и даже трудно предположить, какими они будут.

Главными задачами, я думаю, должны быть снижение напряженности и выработка механизмов, которые, с одной стороны, успокоили бы мировое сообщество по поводу ядерной программы Ирана, и, с другой стороны, дали бы возможность Ирану использовать его законное право на развитие мирной ядерной энергетики.

Я считаю, что в таком контексте можно найти взаимоприемлемое решение. Конечно, оно должно быть основано не на политических амбициях, а на прагматизме, реализме и стремлении к миру. Иными словами, если все будут заинтересованы в достижении мирного урегулирования, это можно будет с легкостью сделать. 🐾

Примечание

¹ Беседа С.Б. Брилева с И.Г. Алиевым состоялась 18 октября 2006 г.

Евгений Примаков

«СЕГОДНЯШНЯЯ СИТУАЦИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ –
ОЧЕНЬ ХОРОШАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ТОГО, К ЧЕМУ
ПРИВОДИТ АМЕРИКАНСКИЙ ЭКСПОРТ ДЕМОКРАТИИ»

Старший советник ПИР-Центра Геннадий Евстафьев беседует с президентом Торгово-промышленной палаты РФ, академиком Евгением Примаковым¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Уважаемый Евгений Максимович, учитывая Ваш богатый опыт на Ближнем Востоке, хотелось бы узнать Ваше мнение о перспективах урегулирования ближневосточного конфликта в целом и палестино-израильского в частности. Как Вы считаете, у международных посредников по урегулированию этой проблемы еще остается потенциал для осуществления посреднической миссии?

ПРИМАКОВ: Я думаю, что все-таки какая-то доля оптимизма должна оставаться, и, как это ни парадоксально звучит, эта доля оптимизма сейчас могла бы возрасти после последних событий.

Я имею в виду следующее. Во время операции в Ливане израильтяне почувствовали, что военным путем они не смогут решить свои проблемы. А их проблемы заключаются в том, что они хотят безусловно и в одностороннем порядке обозначить свои границы, обнести их стеной и после этого претендовать на то, чтобы эти границы были бы общепризнанны.

Однако у них произошла осечка с Ливаном. Осечка произошла и с палестинцами после прихода к власти «Хамас» (даже после того как сейчас образовалось формально независимое правительство). А после ливанских событий в израильском обществе, безусловно, усилилась тенденция к тому, чтобы искать какие-то пути, способные в новых условиях привести дело к миру. Тем более, что ситуация, с их точки зрения, может ухудшиться, потому что все более и более контрастно обозначается иранский фактор. В Израиле многие опасаются, что Иран будет играть активную роль на стороне его противников, и это даже может обернуться ядерным столкновением. В то же время приход к власти в Конгрессе США демократов, на мой взгляд, не блокирует процесс ближневосточного урегулирования. Сейчас Джорджу Бушу нужно будет найти какой-то противовес своему поражению в Ираке, тем более что авторитет США в арабском мире после ливанских событий резко упал. Я не исключаю того, что Джордж Буш, как и Билл Клинтон в последние годы своего президентства, захочет войти в историю хотя бы на каком-то успехе, пускай на частичном и первоначальном, но именно на успехе ближневосточного урегулирования. Хотя, говоря об этом, я, конечно, вовсе не настаиваю на осуществимости такого сценария, но мне кажется, что такую вероятность исключить нельзя.

Палестинцы также понимают, что им нужно договариваться. Об этом свидетельствуют и создание нового правительства, и определенная эволюция, которую сейчас переживает «Хамас». Недавно я беседовал с Халедом Машаалем, руководителем «Хамаса», и некоторыми другими членами политбюро. Что сразу бросилось в глаза – они говорят, что

И
Н
Т
Е
Р
Ь
Ю

хотят создать Палестинское государство на территории в границах 5 июня 1967 г., то есть до начала Шестидневной войны. Это, по сути, означает создание Палестинского государства не вместо Израиля, а рядом с ним. Я говорю: «Озвучьте – рядом с Израилем. Это будет этап продвижения к вашему признанию, ведь рано или поздно вам придется признавать Израиль». Они колеблются. Но полагать, что «Хамас» сейчас начнет прямо с признания Израиля без всякого прохождения по определенным фазам к этой цели, было бы наивно. В таком случае они опасаются потерять поддержку. Таким образом, вы видите, что я не исключаю, что какое-то движение в урегулировании конфликта может произойти.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каким образом на развитии ситуации в регионе скажется война в Ливане? Не ожидаете ли Вы обострения внутривосточной ситуации в этой стране? Разделяете ли Вы мнение о том, что в результате последней войны Израиль потерял военное преимущество над арабами, которое у него было на протяжении нескольких десятков лет? Нет ли у израильтян желания взять реванш?

ПРИМАКОВ: В Ливане уже происходит обострение внутривосточной ситуации. Но очень интересно отметить, что во время войны Израилю не удалось достичь этой цели. Задумайтесь над одним положением. Ведь Израиль начал бомбардировки Ливана по всей его территории и только потом приступил к сухопутной операции на юге. Эти бомбардировки навряд ли кто-то может ассоциировать с попыткой выдавить «Хизбаллу», потому что вооруженных отрядов «Хизбаллы» по всей территории Ливана нет. Полагаю, это все делалось для того, чтобы внутри Ливана появилась сила, ожесточенно выступающая против «Хизбаллы», которая, дескать, своими действиями приводит к разрушению страны. Собственно, так уже было в 1982 г., когда израильтяне опирались на внутривосточную силу, которая выступала против военного присутствия палестинцев в Ливане. На этот раз им не удалось, но такие попытки будут продолжаться, и они уже продолжают в послевоенных условиях.

А вот точку зрения, что в результате последней войны Израиль потерял военное преимущество над арабами, я не разделяю. Военное преимущество не было потеряно, но Израиль все больше и больше понимает, что оккупировать арабские страны и тем более сохранить эту оккупацию на продолжительный срок он не в состоянии. Понимаете, и у Соединенных Штатов было военное преимущество над Ираком, смешно не констатировать это. Преимущество полностью проявилось в момент военной операции, но вот как сохранить контроль при оккупации, – это огромная проблема, решение которой не зависит от военного преимущества. И это в Израиле начинают осознать.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Не может ли феномен «Хизбаллы» и ее руководителя шейха Насраллы стать привлекательным для других арабских стран, вовлеченных в конфликт с Израилем?

ПРИМАКОВ: А, собственно говоря, для каких стран? Из всех арабских государств в конфликт с Израилем ныне прямым образом вовлечена только Сирия. Сейчас происходит сближение Сирии с Ираном, и с сирийской точки зрения это естественный процесс. Еще Хафез Асад, отец нынешнего президента, мне говорил о том, что он сделает все для того, чтобы не оставаться один на один с Израилем. Поэтому им нужен тыл, и этот тыл сирийцы хотят найти в лице Ирана. Однако я не думаю, что это перечеркивает возможность самостоятельной сирийской политики или ее участие в ближневосточном урегулировании. Опять сошлюсь на свою недавнюю поездку в Дамаск, где я имел возможность встретиться с Башаром Асадом и много времени посвятить обсуждению этой темы. После этой встречи у меня осталось впечатление, что он понимает – нужно искать развязку, выход. Но он не может отказаться от Голанских высот, в этом я уверен.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В конце 1990-х гг. Вы выдвинули идею стратегического треугольника Россия – Индия – КНР в противоположность однополярной структуре мира, продвигаемой США. Остались ли Вы приверженцем этой точки зрения и насколько жизнеспособна эта идея в данный момент и на перспективу?

ПРИМАКОВ: Я бы не говорил о противоположности однополярной структуре. Можно сказать, что в противоположность однополярной структуре в свое время была выдвинута идея многополярного мироустройства. И действительно, это – объективная тенденция: мир идет к многополярности. Сейчас уже никто не сомневается в том, что Китай – это один из мировых центров. Никто не сомневается, что Европа, после того как освободилась от необходимости иметь над собой ядерный американский зонтик, далеко не всегда проявляет так называемое блоковое послушание, которое было раньше, а Европейский Союз сейчас сопоставим с Соединенными Штатами по своим экономическим возможностям. Я думаю, что никто не сомневается и в том, что Россия не будет безропотным ведомым в упряжке с США. А Индия? А Латинская Америка?

Что и говорить, развитие в сторону многополярного мира – это факт. А вот что касается *геометрических фигур*, например треугольник Россия – Индия – КНР, то они необходимы, как представляется, для сохранения стабильности в этом многополярном мире. Конечно, нынешний многополярный мир не должен повторить то, что было до Второй мировой войны. Прошлая многополярность выливалась в некие коалиционные связи – одна группа государств выступала против другой группы и т. д. Сейчас многополярный мир в условиях глобализации, в условиях тенденций интернационализации производства, транснационализации предпринимательской активности не может повторить той структуры. В то же время необходимы какие-то *геометрические фигуры*, которые, хочу подчеркнуть, не выливаются в военные блоки, но стабилизируют обстановку при усилении связи между различными углами этой фигуры – связи по политической линии, по экономической линии, военно-политические консультации и так далее.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы хорошо знаете Ирак. Не тревожит ли Вас все больше проявляющаяся тенденция к постепенному распаду этой страны, в том числе и через ее федерализацию. Мы обратили внимание на то, что Вы не настаиваете теперь на скорейшем выводе американских войск из Ирака. Не является ли такая точка зрения отражением Вашей озабоченности относительно возможного распада Ирака? Как скажется поражение республиканцев на прошедших промежуточных выборах в Конгресс на политике Буша в Ираке?

ПРИМАКОВ: Во-первых, да, меня тревожит тенденция, которая все больше и больше ведет к распаду страны, в том числе и через федерализацию. Еще в бытность молодым журналистом мне довелось многократно встречаться в течение четырех лет с Муллой Мустафой Барзани, который руководил курдским национально-освободительным движением на севере Ирака. И я в лоб спросил, хочет ли он создавать самостоятельное курдское государство. По идее, предпосылки к созданию этого государства есть, мы имеем компактное проживание курдов (которых около 25 млн), правда, разделенное границами некоторых стран. Так вот, отец нынешнего курдского лидера мне тогда говорил: «Я хочу добиваться настоящей автономии, настоящего влияния на политику Багдада. Вот моя задача, потому что если курды выйдут из Ирака, я провозглашу самостоятельное государство, то меня будут душить все – и Ирак, и Иран, и Турция». Он был прав.

Сейчас усилилась идея самоопределения курдов в виде создания собственного государства. В то же время посмотрим, например, на поведение тех же турок. Турция концентрирует войска на границе с иракским Курдистаном и не исключает, что если будет создано самостоятельное курдское государство, то турки могут по нему ударить.

Сепаратистские настроения выросли не только на севере, где практически уже существует, правда, пока еще непровозглашенное самостоятельное государство – курдское, но и на шиитском юге. Создание шиитской автономии, мне кажется, усилит праворадикальные силы Ирана. Вдобавок теперь еще говорят об исламском суннитском государстве со столицей в Багдаде. Все это очень хорошая иллюстрация того, к чему приводит американский экспорт демократии.

Как скажутся результаты последних выборов в Конгресс Соединенных Штатов на положении дел в Ираке? Видите ли, демократы, одержали верх, используя в своих интересах недовольство американского общественного мнения курсом нынешней администрации

в Ираке. Однако я думаю, что переоценивать этот фактор не надо. Почему? Потому что демократическая оппозиция не выступала с какой-то собственной программой урегулирования в Ираке, не требовала немедленного вывода войск, не выступала даже с обнародованием графика вывода войск из Ирака. Полагаю, что политика Соединенных Штатов, конечно, изменится, но считать, что она изменится радикально, так, как это было в случае Вьетнама, когда США потерпели поражение и ушли оттуда, даже убежали, – такого не будет.

Что касается замены Дональда Рамсфелда на Роберта Гейтса. Я его хорошо помню, когда через него Джордж Буш-старший передавал мне, что я могу не задерживаться в Вашингтоне, хотя до этого говорил о возможности продолжить разговор об урегулировании кризиса в зоне Персидского залива. Но без военной операции против Ирака. Недавно Роберт Гейтс принял активное участие в группе, которая обсуждала предложения по урегулированию ситуации в Ираке при необходимости прекратить массовое американское военное присутствие в этой стране. Неплохое впечатление произвел на меня Роберт Гейтс, когда он в качестве руководителя ЦРУ побывал в Москве в то время, когда я был директором СВР.

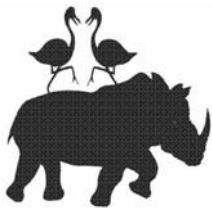
ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Иранский ядерный кризис являлся самой горячей темой мировой политики всего 2006 г. Насколько вероятным Вы считаете приобретение Ираном ядерного оружия? Станет ли Иран вторым Ираком? Или второй Индией? Насколько вероятным Вы считаете урегулирование американско-иранских отношений, и возможно ли его достижение вообще и при каких условиях?

ПРИМАКОВ: Еще когда Вы возглавляли одно из аналитико-оперативных управлений СВР, мы выпустили два открытых доклада, которые были посвящены распространению ядерного оружия, и определили критерий, по которому можно говорить о фактических ядерных государствах, неофициальных, пороговых и предпороговых. Тогда, в середине девяностых годов мы относили Иран к пороговым государствам, считая, что при вынесении политического решения о создании ядерного оружия Иран может продвинуться в этой области в течение ряда лет. Но сейчас Иран заявляет, что никакого политического решения у него нет, что он не имеет желания создавать ядерное оружие, что он ни в чем не нарушает ДНЯО, что он готов поставить под контроль МАГАТЭ все свои ядерные программы и вести переговоры по всем ядерным делам, включая и обогащение урана. Но мне кажется, что выставлять в виде предварительного условия таких переговоров отказ от обогащения урана неправильно. К тому же это противоречит ДНЯО.

Я не могу согласиться, что иранский ядерный кризис – самая горячая тема мировой политики 2006 г. Нагнетание обстановки – да, дело доводится, так сказать, до кипения, но сам по себе кризис не перерос той черты, при которой можно говорить, что это действительно самая большая угроза. Конечно, заявления некоторых иранских руководителей, на фоне которых развивается ядерная программа, даже мирная ядерная программа, настораживают. Мы, конечно, не заинтересованы – да ни одно государство в мире не заинтересовано – чтобы Иран имел ядерное оружие. Ни одно государство в мире не заинтересовано в распространении ядерного оружия, кроме, может быть, КНДР. И то КНДР уже сейчас вроде отказывается от этого и готова вести переговоры в рамках «шестерки».

Примечание

¹ Беседа Г.М. Евстафьева с Е.М. Примаковым состоялась 14 ноября 2006 г.

Валентин Соболев

«ТЕРРОРИЗМ БЕСПОЩАДЕН. ГОСУДАРСТВА ДОЛЖНЫ ОТВЕЧАТЬ ТЕРРОРИСТАМ ТЕМ ЖЕ»

Главный редактор журнала Индекс Безопасности Владимир Орлов беседует с заместителем секретаря Совета безопасности РФ генерал-полковником Валентином Соболевым¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Терроризм – явление не новое для России. В то же время еще не так давно – в период холодной войны – это понятие никак не ассоциировалось с нашей страной. Сейчас же Россия находится в верхней части списка стран, наиболее сильно страдающих от террористической угрозы. В чем Вы видите основные причины произошедшей трансформации?

СОБОЛЕВ: В России слово «терроризм» известно давно. Если взять исторический ракурс, то есть такие личности, как Каракозов, стрелявший в царя, или Александр Ульянов, брат Ленина, который готовил покушение, левые эсеры, Савинков, были белый и красный террор. Это не просто имена. Это большое количество жертв, крови, трагедий людей, которые жили в тот период.

Во времена холодной войны на территории Советского Союза обстановка, связанная с проявлением террористических акций, была достаточно спокойной – спокойнее, чем в любой другой части Земного шара. Можно вспомнить лишь одну жестокую акцию. В январе 1977 г. армянские националисты («группа Затикяна») произвели взрывы в московском метро, в электропоезде, в котором дети возвращались с новогодней елки. Погибло около двух десятков человек. В целом же, в то время, когда взрывались бомбы на вокзале в Болонье, «красные бригады» пытались провести террористические акции на территории ФРГ, ирландский терроризм действовал в Великобритании, баски проводили теракты в Испании, в Москве терроризм рассматривали как очень далекую и неконкретную угрозу для своего государства.

Такому спокойному отношению к терроризму в СССР способствовали многие причины. Прежде всего, это *железный занавес*, который тогда существовал, отсутствие свободного сообщения между государствами. И, конечно, достаточно сильный авторитарный режим, сильные спецслужбы и правоохранные структуры, которые на каждый сигнал реагировали вовремя и не позволяли сделать так, чтобы общество почувствовало какую-то угрозу.

Но ситуация изменилась с началом перестройки, в тот момент, когда стало понятно, что Советский Союз, как государство в своем прежнем виде, прекращает существование. Конфликтные ситуации, которые возникли в это время в основном на национальной почве: события в Фергане (Узбекистан), где избивали турок-месхетинцев, события в Сумгаите (Азербайджан) – конфликт между армянским и азербайджанским населени-

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

ем, практически гражданская война в Таджикистане, – все это изменило взгляд на террор, на отношение к нему внутри страны.

Конфликты начали перемещаться на территорию Северного и Южного Кавказа. Причем они происходили как на территории Российской Федерации (осетино-ингушский конфликт), так и за пределами России – на территории Южной Осетии, Абхазии, Нагорного Карабаха. Именно в этот период впервые появились политические требования националистов, ярко проявили себя наиболее радикально настроенные конфессиональные круги.

Наряду с уже ставшими для нас привычными требованиями отделения от России, с сепаратистскими устремлениями, тогда мы впервые столкнулись с требованием новым: о создании так называемого *всемирного исламского халифата*. Как вы знаете, тот же лозунг выдвигается и до сего времени *Аль-Каидой*.

Должен признать, что в России, в которой значительная часть населения исповедует ислам (особенно на Северном Кавказе, окраинах, граничащих с Центральной Азией, а также в Поволжье), этот лозунг получал поддержку – в обстановке отсутствия политической воли и экономической нестабильности. Основная концентрация сил, нагнетавших напряжение и уже рисовавших карту, на которой территория *халифата* охватывала весь Северный Кавказ и наше Поволжье, – эти силы находились в Чеченской Республике.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Валентин Алексеевич, когда пришло понимание того, что приходится действовать не просто против бандитских формирований, а против хорошо организованных, обученных и финансово простимулированных международных террористов?

СОБОЛЕВ: Еще когда в 1994 г. было принято решение о проведении операции по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике, стало совершенно очевидно, что двигателем и организатором попыток создания *халифата* были не только чеченские экстремисты, но и целая группа международных террористов из разных стран. Уже тогда была получена информация о том, что на стороне чеченцев воевали представители более чем 50 стран. Большинство из них было из государств Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, но были и представители немусульманских государств. Значительная часть из них прошла военную и политическую подготовку в лагерях Афганистана под руководством талибских инструкторов, которые обучали их ведению войны, диверсионному делу и идеологии радикального мусульманского толка. Доказательства правдивости этой информации мы стали получать позднее от захваченных в плен перебежчиков.

Таким образом, уже в первой половине девяностых годов Россия осознала реальную угрозу, которая исходит от конгломерата террористических организаций. Еще в 1995 г. на саммите «семерка плюс один» в Галифаксе (Канада) Россия заявила о реальной угрозе, которую представляют собой объединившиеся террористы на Северном Кавказе не только для самой России, но и для всего мира. К сожалению, этот призыв не нашел тогда полного понимания, и в головах многих политиков такая угроза еще какое-то время не воспринималась в качестве реальной.

Необходимо было пережить 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. После этих терактов была сформирована международная антитеррористическая коалиция, в которой Россия принимала и принимает активное участие.

В сентябре 2001 г. была принята резолюция ГА ООН № 1336, которая изложила принципы отношения к терроризму стран – участниц ООН. Это была не очень простая работа, потому что, как известно, даже в определении слова «терроризм» международное сообщество не может достичь согласия еще со времен Лиги Наций. Вместе с тем постепенно, шаг за шагом создавалась система, которая, как представляется, сегодня позволяет достаточно успешно противостоять терроризму.

Далее, в сентябре 2005 г. последовала резолюция ГА ООН, которую вкратце можно было бы охарактеризовать как «суди или выдай другому». Смысл ее сводился к тому, что терроризм не может оставаться безнаказанным. Это нашло свое подтверждение в заявлении «восьмерки» в 2005 г. на саммите в Глениглсе (Великобритания), в котором подчеркивалось, что ни в коей мере никакому государству нельзя использовать любые контакты с террористической организацией для проведения любых политических акций.

Угроза современного терроризма увеличивается кратно еще и потому, что сегодняшний мир, несмотря на глобальный прогресс и развитие глобальных отношений между государствами, достаточно уязвим.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие черты, на Ваш взгляд, отличают современный терроризм?

СОБОЛЕВ: Прежде всего, это расширение географии и интернационализация международного терроризма. Далее, это жестокость и целенаправленность. Террористы XIX – начала XX в. были одиночками, которые стреляли, прежде всего, в политических лидеров. Сегодня объекты террора совершенно другие. Это мирные жители, дети, объекты культуры, места массового скопления людей, культовые здания. И у современного терроризма другая цель – запугать все население.

Активно используются смертники. Причем, если брать 2003–2005 гг., то количество так называемых *шахидов* возросло почти в 20 раз. Урон в результате применения смертников – самый большой. Достаточно сказать, что всего лишь 5% всех терактов, совершенных с использованием взрывчатки, осуществили шахиды, но количество жертв в этих случаях зашкаливает за 70%. Причем противостоять попытке теракта с использованием камикадзе, шахида очень сложно.

Следует выделить и такую особенность современного терроризма, как попытки завладеть и, без сомнения, применить либо ОМУ, либо его компоненты. К сожалению, такая информация не просто имеется у спецслужб, но и, как известно, были уже конкретные акты применения, по крайней мере, химических отравляющих веществ. Сегодня нельзя говорить о наличии у террористов ядерного оружия. Но говорить о *грязной бомбе*, которая может быть сделана или куплена террористами – это совершенно реально.

Еще один из видов современного терроризма – кибертерроризм. Многие эксперты считают, что ущерб от атак посредством нападения на телекоммуникационные системы, системы управления по своим последствиям соизмерим с применением ОМУ.

Террористы подстраиваются под тенденции развития мирового сообщества, и даже появились такие экзотические термины, как экотерроризм, агротерроризм и другие. Здесь, с одной стороны, террористы занимаются спекуляциями, а с другой стороны – играют на тех проблемах, которые волнуют все человечество (например, экологические проблемы), используя в качестве шантажа угрозы взрывов нефтехимических объектов, трубопроводов, продуктопроводов и других химически опасных объектов.

Эти угрозы глобальны. Отсюда и необходимость объединения усилий всего мира по противостоянию современному *террористическому интернационалу*. И руководство Российской Федерации это прекрасно осознает и работает в этом направлении совместно с другими государствами.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы основные направления усилий России в области противодействия терроризму?

СОБОЛЕВ: Как я уже говорил, Россия активно участвует в антитеррористической коалиции. Мы считаем, что ведущая роль в борьбе с международным терроризмом должна принадлежать ООН. Вместе с тем Россия состоит и в региональных объединениях антитеррористической направленности, таких, как Антитеррористический центр стран СНГ,

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Россия поддерживает двусторонние отношения практически со всеми странами мира, которые реально испытали на себе, что такое терроризм. Прежде всего, это государства, которые расположены на постсоветском пространстве. Помимо них это США, Израиль, Германия, Франция, Великобритания. Именно в России проведено пять самых крупных конференций специальных служб и правоохранительных органов различных государств мира, посвященных именно этой проблеме. Последнее такое совещание состоялось в середине июня 2006 г. в Казани, в нем участвовали представители 75 спецслужб из 51 страны мира, а также делегации Антитеррористического центра СНГ и Совета Безопасности ООН.

Терроризм беспощаден. Государства должны отвечать террористам тем же. Терроризм требует уступок, требует политических компромиссов, на которые (как показывает и горький опыт России) ни в коем случае идти нельзя. Переговоры с террористами возможны и необходимы только в одном случае: облегчить участь заложников и спасти их. Любые другие уступки только стимулируют развитие терроризма и вызывают еще более жестокие и наглые акции с их стороны.

В качестве примера можно привести исторический факт, имевший место в России и связанный с Чеченской Республикой. В 1996 г. были подписаны так называемые «Хасавюртские соглашения», в соответствии с которыми была достигнута договоренность между тогдашним руководством так называемой «Чеченской республики Ичкерия» и Россией. Договор заключался на пять лет и включал в себя следующие пункты. Ичкерия брала на себя обязательства провести собственными силами разоружение, оставаться в правовом поле Российской Федерации и в течение этих пяти лет провести общенациональный референдум, в соответствии с которым должно было быть принято решение о том, находится ли в дальнейшем Чеченской Республике в составе Российской Федерации или выйти из нее.

Что же случилось после Хасавюртских соглашений? Мы увидели, что отведенное по соглашениям время чеченские лидеры использовали для довооружения и тренировки боевиков. Мы увидели, что на территории Чеченской Республики вместо обещанной юрисдикции России стали процветать шариатские суды с публичными казнями. Мы увидели, что наемники из многих стран мира вновь потянулись к Чечне, где они проходили обучение и, очевидно, готовились к проведению террористических акций.

Все это закончилось тем, что в августе 1999 г. хорошо вооруженные, хорошо экипированные бандиты, подкрепленные наемниками из многих стран мира, вторглись уже не на территорию Чеченской Республики, а в Республику Дагестан, проводя в жизнь свою идеологию и пытаясь уже силовым путем создать все тот же самый «исламский халифат». Отсюда и проведение Россией, начиная с осени 1999 г., контртеррористической операции на территории Чеченской Республики.

Или возьмем другой пример – кровавые теракты в Испании 11 марта 2004 г. Через две недели после них в Испании состоялись выборы, и правящая партия проиграла. Террористы немедленно приписали эту заслугу себе. Через несколько месяцев после этого террористы захватили испанских заложников в Ираке и потребовали от испанского правительства вывода около тысячи военнослужащих, которые участвовали в иракской операции. Испанское правительство такое решение приняло, после чего количество захватов заложников в Ираке, как вам известно, увеличилось кратно.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Еще одна проблема, которая связана с терроризмом, это проблема финансирования терроризма. Каким образом, на Ваш взгляд, можно противодействовать этому явлению?

СОБОЛЕВ: Существуют разные оценки в отношении объемов финансирования терроризма. Ряд экспертов считает, что на эти цели идет около 20 млрд долл. США. МВФ за-

являет, что эта цифра составляет около 50 млрд долл. Еще на собственном опыте в Чеченской Республике мы неоднократно убеждались, что, когда у террористов заканчивались деньги, половина бандитов из лесов и с гор расходилась по домам. После поступления крупных сумм численность бандитских группировок росла как грибы после дождя.

После 11 сентября 2001 г. американские правоохранительные структуры, фискальные органы определили около 32 млрд долл., которые, по их данным, могли быть использованы для финансирования терроризма, и наложили на них арест. Но к сегодняшнему дню из этого объема осталось около 150 млн долл., по которым до сих пор идут судебные тяжбы. И, как правило, их выигрывает не государство. Как пошутил один из представителей американского Конгресса: «Этот процесс напоминает мне попытку отловить две или три мелких рыбки, для чего предлагается спустить всю воду в Мировом океане».

Сейчас крайне радикальный мусульманский экстремизм использует такой механизм, как *хавала* – это процесс передачи денег без официального перевода их на территорию других стран, без пересечения границ. Вскрыть, а тем более задокументировать такие операции крайне сложно.

Но проблема эта должна решаться, и в принципе ясно как. Прежде всего, необходимо совершенствование законодательной базы, которая позволяла бы государству конструктивно вмешиваться и создавать надежные барьеры для финансирования террористов. Во-вторых, эти меры должны стать мерами не одной страны, а всего международного сообщества.

Откуда берутся деньги, которые идут на финансирование международного терроризма? Прежде всего, следует вспомнить ряд международных организаций и фондов крайне радикального толка, чаще всего мусульманских. Рядом стоит и спонсорство, которое, к сожалению, оказывают богатые люди разных стран в своих личных корыстных или политических интересах. А также – это те деньги, которые традиционно поступают террористам от транснациональной организованной преступности.

Посмотрим на карту и увидим *дугу нестабильности*: от Филиппин, Таиланда, затем по Индостанскому субконтиненту, Пакистан, Афганистан, Центральная Азия, далее Кавказ, Ближний Восток, Косово. Это дуга нестабильности, в которой происходит максимальное число террористических актов. Далее, нарисуем наркотрафик, который идет из основных точек производства наркотиков. Я имею в виду *золотой треугольник* (стык границ Мьянмы, Таиланда, Лаоса и Китая) и *золотой полумесяц* (Афганистан и Пакистан). Потом – Центральная Азия и дальше либо по Балканскому полуострову, либо по *северному* направлению. Глядите – та же география, что и с дугой политической нестабильности. В сфере наркоторговли крутятся громадные суммы, и имеются точные данные, что значительная часть из них оседает в карманах террористов.

Сюда же можно отнести и такие виды преступлений, как незаконный оборот оружия, торговля людьми, похищение людей, рэкет. К ним достаточно часто прибегают террористические организации.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Борьба с терроризмом и права человека. Что для Вас означает соотношение этих двух понятий?

СОБОЛЕВ: Активизация международного терроризма, с одной стороны, и необходимость для специальных служб государств работать превентивно – с другой, объективно требуют ужесточения некоторых уже ставших привычными для демократических стран норм, что затрагивает права человека. Возникает своего рода коллизия. Государство вынуждено ограничивать общество и гражданина в правах для того, чтобы обеспечить основное право – право человека на жизнь.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Давайте тогда посмотрим и на такую коллизия: борьба с терроризмом – и свобода СМИ?

СОБОЛЕВ: Госпожа Тэтчер как-то сказала, что гласность – это кислород терроризма. Террористы, захватившие заложников, зачастую первым требованием выдвигают не деньги, не политические требования, а требование предоставить им микрофон.

Пример старый, но очень показательный. В 1975 г. в ФРГ группа леворадикального течения Баадер-Майнхоф захватила в качестве заложника политика и потребовала от правительства страны освободить своих товарищей, которые находились в тюрьме. Было принято политическое решение о том, что надо выдать находящихся в тюрьме бандитов. Однако террористы потребовали еще и другое. Чтобы весь процесс освобождения, сопровождения к самолету и ход по трапу освещался по телевидению. Каждый из освобожденных преступников получил возможность сделать политическое заявление и воспользоваться этой возможностью, входя на трап. Как потом в итоге признались руководители западногерманского телевидения, на 72 часа они потеряли контроль над собственными СМИ.

Есть и другие примеры. В частности, прямая трансляция событий, которые происходили вокруг «Норд-Оста» в России, – этот пример также надо отнести к крайне отрицательным. Телевидение на тот момент популяризировало террористов, во многом способствовало распространению их лозунгов, позволило террористам через СМИ играть на самых крайних чувствах родственников заложников.

Вместе с тем освещение в СМИ терактов в Лондоне в 2005 г. можно назвать одним из лучших примеров, когда журналисты работали очень продуманно, гуманно, действительно защищая права тех людей, которых надо защищать, а не права бандитов.

Пресса, конечно, не может быть просто ретранслятором событий. Журналистика живет по своим законам. Но профессионализм журналиста, его высокая гражданская ответственность должны стать основным критерием для того, чтобы четко понимать ту грань, которая отделяет право на получение и распространение информации от невольного спонсорства терроризма.

Международный терроризм – это не застывшая субстанция. Он постоянно развивается, ищет новые формы. Отсюда необходимость постоянно развивать систему противостояния ему. Именно поэтому во многих странах мира в последние годы шла перестройка специальных служб, шло улучшение координации взаимодействия, совершенствовалась правовая база.

То же самое мы пытаемся сделать и в России. В феврале 2006 г. законодателями был принят новый Федеральный закон о противодействии терроризму. Указом президента построена новая вертикаль, которой поручено осуществлять координационную деятельность в борьбе с терроризмом – это Национальный антитеррористический комитет, который возглавил директор ФСБ и в который вошли 19 руководителей министерств и ведомств – как *силовых*, так и таких, как министерства здравоохранения, финансов, экономики. Созданы антитеррористические комиссии субъектов Российской Федерации. Их возглавили губернаторы и первые лица субъектов Федерации. При Национальном антитеррористическом комитете создан федеральный оперативный штаб, в задачи которого входит разработка и осуществление конкретных контртеррористических операций на случай их возникновения.

Хотел бы еще раз подчеркнуть, что террористы не имеют ни национальности, ни религии. Необходимо создание действенной системы, объединяющей государства, спецслужбы, общественные структуры, бизнес-сообщество. Такая система призвана стать надежной защитой от терроризма. Россия, в силу своего географического положения, развернутая как на Восток, так и на Запад, подготовилась играть свою роль в этом процессе. Процессе, который призван не допустить цивилизационного разлома.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Сейчас принято говорить «международный терроризм». Когда все начиналось, России не нравилось слово «международный». Считалось, что терроризм – он «местный», «чеченский». Потом оказалось, что это далеко не так и что

термин «международный» лучше отражает существо дела. В этой связи обращает на себя внимание дискуссия о роли *Аль-Каиды*, идущая в экспертном сообществе и среди журналистов, которые занимаются проблемой терроризма. Некоторые утверждают, что *Аль-Каида* существует, другие говорят, что *Аль-Каида* – это просто *бренд*, которым прикрываются все другие террористические организации.

СОБОЛЕВ: Без всякого сомнения, *Аль-Каида* – боевая организация, созданная в определенный момент, нужная определенным политическим силам для того, чтобы противостоять в Афганистане присутствию советских войск. Естественно, в то время она финансировалась определенными государствами, которые были в этом заинтересованы. Плюс теми финансами, которыми традиционно располагал один из руководителей *Аль-Каиды*, достаточно богатый человек уже тогда и впоследствии обогатившийся многократно. В то время это была прежде всего боевая структура с определенными задачами, с прямым и вертикальным подчинением.

Сегодня это, без сомнения, совершенно другая структура. Что прежде всего интересует экспертов, политиков, политологов – так это характер прямых организационных связей внутри *Аль-Каиды*.

Практически любой теракт, который сегодня совершается, и в особенности если он связан с исламским радикализмом, сразу автоматически приписывается *Аль-Каиде*. Но, вместе с тем, испанские спецслужбы, расследуя ужасный теракт в электричках, не обнаружили до сих пор никакой связи происшедших событий с *Аль-Каидой*.

Сегодня европейский сегмент *Аль-Каиды* представляет собой разрозненную систему самоорганизующихся и саморадикализующихся ячеек. Но в силу своей этнорелигиозной специфики эти ячейки способны устанавливать между собой связи в любую минуту – как по горизонтали, так и по вертикали. В том числе и с выходом на *Аль-Каиду*.

По данным американских экспертов, непосредственно *Аль-Каида*, начиная с 2002 г., осуществила несколько десятков терактов, в которых погибло более 700 человек. Кстати, в этих терактах использовались 67 террористов-смертников.

У *Аль-Каиды* появился и новый тезис, который используется в ее идеологии и успешно распространяется по упомянутым ячейкам. Наряду с идеей создания всемирного халифата в качестве основной провозглашается так называемая «тактическая цель». Это выдвигание американцев, их вооруженных сил, а также союзников США с национальных территорий, принадлежащих мусульманам, – прежде всего, на Ближнем Востоке, а также в Центральной Азии.

Сегодня *Аль-Каида* успешно выполняет свою роль в качестве главного идеолога и, без всякого сомнения, главного спонсора международного терроризма. До сих пор она является самой крупной и самой богатой структурой среди террористических организаций. Но говорить о прямом управлении штабом *Аль-Каиды* всех террористических организаций мусульманского толка не стоит.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В Российской Федерации проживает более 15 млн мусульман. Известно ли Вам о каких-то исламистских течениях в этой огромной группе людей?

СОБОЛЕВ: Да, без всякого сомнения. Спецслужбы и правоохранительные структуры прекрасно представляют себе, что эта среда привлекает международные террористические организации, и они в ней работают.

Более того, спецслужбами вскрыты конкретные случаи, когда использовались религиозные течения, в частности такое, как ваххабизм, не только для идеологической обработки, но и в попытках рекрутировать людей в террористические организации. Кстати, известно, что в Германии и Федеральная разведывательная служба (БНД), и Федеральное ведомство по охране конституции (БФФ), и полиция работают в этой среде и тоже делают похожие выводы.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В экспертной среде нередко приходится слышать, что наряду с уже принятыми в России мерами по противодействию терроризму полезно и целесообразно было бы совершить перераспределение функций между заинтересованными ведомствами. В первую очередь, между МВД и ФСБ, поскольку, дескать, в МВД тоже много структур, которые отвечают за эти вопросы, но работают они недостаточно эффективно. И в то же время богатейший опыт работы ФСБ в этом направлении, естественно, мог бы существенно повысить эффективность антитеррористических мероприятий...

СОБОЛЕВ: Вопрос правильный и справедливый, он всегда существовал. Как бы мы ни старались, мы все равно четко не отделим обязанности одного ведомства от обязанностей другого, потому что сама ситуация настолько многообразна, что они переплетаются.

Надо ли говорить о перераспределении сил и средств? Думается, что сейчас у ФСБ достаточно своих сил, а вот вопросы улучшения взаимодействия и координации, единоначалия, обмена информацией в реальном масштабе времени – все они требуют обсуждения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы упомянули о взаимодействии с европейскими государствами в области противодействия терроризму, упомянули о Центральной Азии. А насколько России сейчас удастся установить диалог со странами Ближнего Востока и в каком направлении этот диалог развивается?

СОБОЛЕВ: У нас прекрасные отношения с израильскими спецслужбами. Но спецслужбы не *раздеваются* друг перед другом. Есть темы, по которым они могут взаимодействовать. Причем, чем теснее они взаимодействуют в борьбе с терроризмом, допустим, путем обмена информацией в реальном масштабе времени, тем больше шансов на успех. Но мы не останавливаемся на одном Израиле. У нас неплохие контакты с Саудовской Аравией, несмотря на множество различий в подходах, и особенно к вопросам, относящимся к конфессиональным проблемам. У нас развиваются контакты с Египтом, еще можно назвать Иорданию, Алжир, ну и, нечего скрывать, у нас есть контакты с Палестиной. 🐜

Примечание

¹ В основу интервью положено выступление заместителя секретаря Совета безопасности РФ В.А. Соболева на заседании клуба *Триалог*, организованного ПИР-Центром 13 апреля 2006 г.

Юрий Балуевский

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Вряд ли кто сегодня возьмет на себя смелость отрицать, что мы живем в мире, в котором происходят процессы глобального масштаба, затрагивающие интересы не только любого государства на нашей планете, но и каждого человека, в каком бы уголке Земли он ни жил. Взаимосвязь экономик и взаимопроникновение культур, единое информационное пространство на базе телевидения и Интернета, унификация образа жизни по единым стандартам и многое другое все больше объединяют человечество. И хотя у глобализации сегодня много определений, суть у них одна. Глобализация – это примат общего и нивелирование частного (индивидуального, национального и т.п.).

Поэтому в последнее время при обсуждении практически любой проблемы, связанной с тенденциями развития международных политических, экономических, культурных и других отношений, основным фактором, определяющим ход этих процессов, практически для всех политиков и экспертов считается глобализация.

БЕЗОПАСНОСТЬ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Конечно, стремительному развитию глобализационных процессов способствует информационная открытость. Сегодня ни одно событие в мире, в какой бы стране или сфере жизни оно ни происходило, не остается незамеченным.

С одной стороны, глобализация означает распространение некоторых образцов. Если это образцы высокого уровня жизни, качественной техники, высокой культуры и науки, то, конечно, никто не усомнится в полезности и прогрессивности такой глобализации. Но если это означает подавление национальной культуры, информационную агрессию, насаждение чуждых образцов и моделей жизни, то вряд ли с такой глобализацией может мириться нормальный человек. Однако мы нередко сегодня наблюдаем попытки ряда политиков и государств проводить глобализацию именно по второму типу.

Да, глобализация, понимаемая мною еще и как интернационализация жизни, движется вперед, преодолевая и создавая противоречия, ломая сопротивление одних и ставя на смену им другие социальные группы. Да, плоды глобализации распределяются неравномерно: слабым и бедным, как всегда, не везет! Да, традиционные культуры, уходящие своими корнями в древность, оттесняются и вытесняются на обочину и в канаву, вперед выходят агрессивные субкультуры, возвращенные материальными возможностями авангарда глобализации – США.

Соединенные Штаты фактически заявили о том, что практически весь мир стал «зоной их национальных интересов», их образцы демократии и культуры являются эталоном. Они демонстрируют свою готовность и способность *наводить порядок* в любой стране

на Земном шаре. Однако в последнее время методы наведения такого порядка становятся все откровеннее силовыми. И не везде они приветствуются жителями не только стран, в которых наводится порядок, но и мировым сообществом в целом.

Согласитесь, сегодня развитой мир – а с ним, в первую очередь, ассоциируются США – научился очень легко расправляться с режимами (государствами), несущими угрозу безопасности. Но вот вопрос: а что делать дальше с *освобожденными* территориями? Как и чем помочь населению государств, власти которых в силу разных причин утратили способность осуществлять управление ими?

Сегодня уже делаются попытки предложить нам разделить мир на две части: т.н. «Ядро» и «Провал». Полистайте книгу Томаса Барнетта (бывшего профессора колледжа ВМС США) «Новая карта Пентагона. Война и мир в XXI в.»¹. (Впервые в узкой версии как статья под названием «Новая карта Пентагона» с подзаголовком «Почему мы воюем и почему будем воевать впредь» вышла в марте 2003 г. в журнале *Esquire*). Автор книги предлагает нам признать его определение глобализации – это не что иное, как перенос американской модели развития на глобальный уровень.

Но вывод, на мой взгляд, сводится к тому, что глобализация – объективная данность, и ее невозможно *объехать* и *заговорить* антиглобалистскими митингами. Ее нужно понять и в нее нужно включиться. А значит, роль и место России в глобальном мире будут зависеть от того, насколько и как она сможет включиться, интегрироваться в процесс глобализации, руководствуясь принципом: «Мир преобразуется, он не становится ни лучше, ни хуже – он становится другим. Перемены, происходящие в мире, диктуют необходимость изменения международно-правовых норм... Важно, чтобы эти изменения не заслоняли самого главного, во имя кого они проводятся, – **человека** с его правами и свободами».

Сегодня много говорят о необходимости пересмотра пункта 7 статьи 2 главы 1 Устава ООН, где провозглашается принцип невмешательства «во внутреннюю компетенцию любого государства». Принципы соблюдения государственного суверенитета предлагаются заменить принципами управления глобальной безопасностью. Права человека и нации на самоопределение противопоставляются принципам государственного суверенитета и территориальной целостности. Национальные государства обвиняют в неспособности обеспечить эффективное управление в условиях глобализации. Конкретные политические понятия *государство*, *государственная граница* вытесняются юридически неопределенными, не имеющими основы ни в одном праве географическими и социально-экономическими терминами.

Что это и для чего делается?

На мой взгляд, это прямая угроза дальнейшему существованию Вестфальской системы мироустройства (1648 г.), продолжающей действовать и в современных условиях многополярного мира. Реализация этой угрозы способна *взорвать* не только международный миропорядок, но и поколебать сами основы конституционного устройства суверенных государств. Подчеркну, что наследницей Вестфальской системы является ООН, **возникшая и существующая** только благодаря воле суверенных государств, поставивших целью **никогда впредь** не допустить глобальных катастроф, подобных Второй мировой войне.

Конечно, глобализация как основная тенденция будет определять направления мирового развития на многие десятилетия. Применительно к России она – возможно и даже неизбежно – приведет к изменениям не только в экономике, но и в других областях развития нашего государства – в политике, национальной, социальной и других сферах. При этом могут проявиться не только позитивные, но и немало негативных моментов, в т.ч. и новые вызовы в области безопасности государства. Для многонациональной и многоконфессиональной России это очень существенно.

И вот здесь следует задаться вопросами:

- ❑ Как не допустить, чтобы глобализация стала разрушителем и палачом суверенитета государств?
- ❑ Как не допустить, чтобы глобализация заменила международные отношения своего рода *мировым суперрынком*?
- ❑ Как не допустить, чтобы результатом глобализации стало растворение истории и культуры наших государств в так называемом *едином информационном пространстве*?
- ❑ Как не допустить, чтобы реальная власть президентов, парламентов и правительств, избираемых гражданами своих стран, перешла в руки транснациональных финансовых королей?

И, конечно, можно еще и еще ставить вопрос «как не допустить?»

Однако глобализация, на мой взгляд, хоть и основной, но не единственный значимый фактор современного мирового развития.

МОНОПОЛИЗМ И «ТИТАНИК»

В качестве второго фактора я бы отметил **противоборство двух тенденций**: стремление к построению однополярного мира при безусловном лидерстве США (эта тенденция превалирует сегодня, но, на мой взгляд, отнюдь не побеждает), и другая – движение к многополярному миру.

Выскажу свое мнение: монополизм одной супердержавы – США, основанный на огромной военной силе и огромных материальных ресурсах, может привести мир **в тупик!** (Это косвенно признает и Збигнев Бжезинский в своей книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство»².)

Если до начала 90-х гг. XX в. мы говорили о противостоянии двух сверхдержав, двух военно-политических союзов и о двухполярном мире, то после распада Советского Союза Соединенные Штаты Америки фактически являются единственной сверхдержавой, которая прилагает максимум усилий для того, чтобы установить под своей эгидой однополярный мировой порядок.

В руководстве США и ряда ведущих иностранных государств продолжает господствовать мнение о том, что и в новых условиях международной обстановки вполне примерно не только прибегать к угрозе применения военной силы, но и прямо ее использовать против любого государства, которое не обладает достаточным потенциалом силового сдерживания. В силу этого они рассматривают вооруженные силы в качестве одной из главных составляющих обеспечения национальных интересов и достижения своих политических и экономических целей. Исходя из этого, большинство крупных государств, прежде всего страны НАТО, Япония, Китай, Индия, Пакистан, Иран, активно переоснащают свои вооруженные силы, закупают новые и модернизируют имеющиеся системы вооружений.

Самое опасное, что такая политика не только приводит к затрате существенных ресурсов, но и выливается в конкретные действия, включающие: демонстрацию военной силы и решимость применить ее против неудобного режима на фоне массированного информационного воздействия; военную блокаду с целью изоляции такого режима от мирового сообщества; миротворчество, с расширением его спектра за счет операций по «принуждению к миру» нарушителей стабильности, или, как мы видели на примере англо-американской операции в Ираке, и силовую смену неудобного режима даже без санкции уполномоченных на это международных институтов и вопреки протестам против ее проведения большей части государств мира. В результате этого принципы «государственного суверенитета» и «невмешательства во внутренние дела» суверенных госу-

дарств все больше подвергаются эрозии. А процессы глобализации, получившие мощный импульс практически во всех сферах жизни, превратились в важнейший фактор мирового развития в XXI веке.

Администрация США, не скрывая своего стремления к мировому лидерству, уже сама, не спросив остальных, *назначила* себя и капитаном, и рулевым в процессах преобразования мира. И первые *результаты* мы с вами видим уже сегодня – как в Ираке, так и на пространствах бывшего СССР, особенно в Центральной Азии и Закавказье. Недаром Президент России В.В. Путин на саммите «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге подчеркнул, что «нам бы, конечно, не хотелось, чтобы у нас была такая же демократия, как в Ираке».

Опасность не только для России, но и для остальных пассажиров мирового «Титаника» в том, что нас с вами особенно и не спрашивают, куда нам нужно плыть. Не хотелось бы испытать повторение трагической судьбы пассажиров того, реального «Титаника»...

Спросим себя: грозит ли государствам мира, включая Россию, безраздельное господство одной державы – США? Выскажу свое мнение: даже наличие огромной экономической и военной мощи, амбициозность военно-политического руководства этой страны не дают стопроцентной гарантии наступления однополярного мира.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Уверен, что государствам мира и их народам нужен справедливый, равноправный, многополярный мир без самозванных гегемонов. Поэтому американскому господству в XXI веке уже противостоят, а далее будут только усиливаться вызовы, исходящие из Азии (это Китай, Индия...). Где гарантия, что США не войдут в состояние прямого соперничества с Китаем? Можно ли полностью исключить аналогичное соперничество США с Европой (ЕС)? Или с Большим (по терминологии американской администрации) Ближним Востоком?

К тому же нет и не может быть неких универсальных для всех стран и народов, на все случаи жизни пригодных ценностей. В том числе ценностей и интересов, которые *лучше* тех, какие так называемые *отсталые* народы сами вырабатывают своей жизнью.

Каким бы он ни был, но жизненный уклад есть отражение строя души соответствующего народа.

В связи с вышеизложенным хочу подчеркнуть, что государственные интересы России определялись и, уверен, будут в будущем определяться на основе опыта ее исторического развития. Да, сегодняшний, промежуточный итог развития нашей страны далеко не тот, который хотели бы иметь наши граждане. Но предлагаю вам вместе со мной увидеть за этим российскую цивилизацию, идущую через века и собственной жизнью разрешающую возникающие вызовы и угрозы, вырабатывающую формы бытия, жизненного уклада общемирового значения.

Вполне естественно, что у России, как и у любого другого государства, на сегодняшний день существуют постоянные (базовые) национальные интересы, основу которых составляют государственный суверенитет, территориальная целостность, социально-политическая стабильность общества, стратегическая стабильность в системе мирового сообщества, свободный доступ к жизненно важным экономическим и стратегическим зонам и коммуникациям. Вынужден констатировать, что именно на них в первую очередь направлено острие сегодняшних так называемых «новых угроз».

Россия за глобализацию. И уже не первое столетие вносит в нее свой достойный вклад.

Слова «интеллигенция» и «спутник», прорыв в космос и подъем национальных окраин, русская музыка и литература стали достоянием всего человечества. Россия внесла ре-

шающий вклад в победу народов в глобальных мировых войнах в XX веке, над Наполеоном Бонапартом в веке XIX. Она протянула руку помощи Соединенным Штатам в их борьбе за независимость, странам Азии, Африки и Латинской Америки – в борьбе за освобождение от колониальной зависимости. Ну, а если идти вглубь веков, то и в спасении Европы от войска Чингиз-хана тоже прямая заслуга России, наших предков.

Именно поэтому у нас есть собственное видение глобализации.

Я против противопоставления России Европе и Азии (Евразии), но я против и навязывания России европейской цивилизации, ибо уверен, что если Россия хочет обеспечить себе достойное будущее, она была, есть и должна остаться Россией. Россия – не Европа, не Азия и даже не Евразия, она – еще раз хочу это подчеркнуть – Россия!

При этом Российская Федерация занимает уникальное геополитическое и важнейшее геостратегическое положение, а стратегические приоритеты России в глобальном мире определяются стратегическими целями и главными задачами, решаемыми нашим государством – как в политике и экономике, так и в сфере национальной безопасности.

Приоритеты отражают основные национальные интересы России, охватывающие **три взаимосвязанные сферы**: внутреннюю – собственно национальную (государственную), и две внешние – региональную и глобальную.

На национальном (государственном) уровне важнейший национальный интерес состоит в становлении и развитии Российского государства, экономически мощного и социально ориентированного на удовлетворение потребностей и чаяний всех народов и народностей Российской Федерации, всех социальных групп.

В целом, к стратегическим приоритетам России **на национальном уровне** относятся:

- создание демократического правового общества, в котором будут обеспечены политические, экономические, социальные и гуманитарные потребности общества в целом и каждого члена общества в частности;
- экономическое процветание России и гражданское согласие всех слоев общества, всех движений, организаций и политических партий;
- обеспечение суверенитета и территориальной целостности, безопасности и обороноспособности Российской Федерации;
- продолжение военной реформы и переход к профессиональной армии при сокращении сроков службы по призыву;
- проведение сугубо прагматичной внешней политики, исходящей из наших возможностей и национальных интересов – военно-стратегических, экономических, политических;
- поиск надежных союзников и умение быть надежным союзником для других.

На региональном уровне приоритетным направлением деятельности является развитие добрососедских отношений с сопредельными государствами:

- работа со странами СНГ – главный внешнеполитический приоритет России;
- на европейском направлении – продолжение активной работы с Евросоюзом, направленной на формирование единого экономического пространства;
- в целом – обеспечение отсутствия военной опасности, угроз и рисков в прилегающих к России регионах.

Определив вектор развития нашего государства, стратегию его национального развития, направленную на превращение Российской Федерации в мощное современное демократическое государство с высокоразвитой экономикой, передовой наукой и культурой, мы адекватно оцениваем широкий спектр внутренних и внешних угроз, которые способны воспрепятствовать достижению поставленных нами целей.

Современная **геостратегическая ситуация вокруг Российской Федерации** складывается под влиянием кардинальных изменений, происходящих во всей системе международных отношений и формирующегося нового облика мирового и регионального устройства. Ее развитие характеризуется динамичностью, нестабильностью, напряженностью и периодами резкого обострения.

После распада Советского Союза геостратегическая ситуация изменилась не в лучшую сторону для нашего государства. Вследствие образования на постсоветском пространстве пятнадцати суверенных государств возник целый ряд проблем в межгосударственных отношениях, зачастую приводивших к вооруженным конфликтам. Подобный ход развития событий не мог не повлиять на общий характер угроз военной безопасности России и изменение соотношения сил как в мире в целом, так и в отдельных регионах мира.

Окончание идеологической и военной конфронтации двух политических систем не привело, как ожидалось, к демилитаризации мировой политики. Переход России к взаимодействию с Западом на основе формирования общих или близких стратегических интересов не способствовал укреплению ее военной безопасности. Более того, обстановка в жизненно важных для России регионах мира и в непосредственной близости от ее границ в ряде случаев стала еще более сложной.

Именно эта ситуация определяет еще один приоритетный национальный интерес – **обеспечение надежной оборонной мощи Российской Федерации**, сохранение и поддержание военного потенциала России на уровне, адекватном существующим и возможным военным угрозам, обеспечивающем ее свободное суверенное развитие.

Как писал еще в 20-х гг. XX века выдающийся русский военный теоретик А.А. Свечин, в военной сфере «стратегическая линия поведения должна являться проекцией на вооруженный фронт общей политической линии поведения». Именно с этой точки зрения долгосрочные политические и экономические приоритеты России определяют наши стратегические приоритеты в военной сфере.

Для нас, военных, защита национальных интересов России заключается в нейтрализации угроз военной безопасности Российской Федерации и ее союзников, сдерживании любого вида агрессии (прямой или косвенной, попыток силового давления), а также в обеспечении вооруженной защиты целостности и неприкосновенности нашей территории, мирного и демократического развития государства.

ЗАДАЧИ ДЛЯ ВОЕННЫХ

В Министерстве обороны видение угроз военной безопасности Российской Федерации и задачи Вооруженным Силам в обозримой перспективе сформулированы на основе комплексной оценки военно-политической и военно-стратегической обстановки в мире. Если говорить коротко, то суть их сводится к следующему.

В результате значительного, по сравнению с СССР, ослабления оборонного потенциала России военные угрозы ее безопасности сегодня могут исходить как от развитых государств и созданных с их участием военно-политических союзов, так и от развивающихся стран, располагающих хорошо вооруженными, боеготовыми и обученными армиями. Думаю, всем понятно, что с военной мощью таких государств, особенно из числа имеющих территориальные и иные претензии к России, нельзя не считаться.

Другая сформировавшаяся в недавнем прошлом группа источников военных угроз безопасности России сконцентрирована в непосредственной близости от ее границ и связана с наличием потенциальных и реальных очагов вооруженных конфликтов.

На наш взгляд, наиболее реальные **угрозы национальной безопасности** Российской Федерации в военной сфере в ближайшей перспективе будут представлять:

- курс военно-политического руководства США на сохранение мирового лидерства, расширение экономического, политического и военного присутствия в регионах традиционного влияния России;
- реализация планов по дальнейшему расширению НАТО;
- введение в практику Запада военно-силовых акций в обход общепризнанных принципов и норм международного права;
- существующие и потенциальные очаги локальных войн и вооруженных конфликтов, прежде всего в непосредственной близости от российских границ;
- возможность подрыва стратегической стабильности в результате нарушения международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, качественного и количественного наращивания вооружений другими странами;
- распространение ядерного и других видов ОМУ, средств его доставки и новейших технологий военного производства в сочетании с попытками отдельных стран, организаций и террористических групп реализовать свои военные и политические устремления;
- расширение военных блоков и союзов в ущерб интересам военной безопасности Российской Федерации;
- территориальные претензии других государств к Российской Федерации и ее союзникам;
- борьба за доступ к энергетическим ресурсам;
- международный терроризм;
- противоправная деятельность националистических, сепаратистских, других организаций, направленная на дестабилизацию внутренней обстановки в Российской Федерации;
- ведение враждебных по отношению к Российской Федерации и ее союзникам информационных действий.

Для ответа на вопрос о реальных путях обеспечения **военной безопасности** России в новых условиях необходимо:

- определить цели национальной военной политики с точки зрения отражения угроз, классифицируемых как наиболее вероятные, наиболее опасные;
- разработать для Вооруженных сил (и в целом для военной организации государства) модель определения реакции на эти угрозы и их возможные последствия с целью правильного определения оптимального состава сил и средств, необходимых для отражения этих угроз;
- создать потенциал, обеспечивающий достижение целей миротворческих операций без задействования (или при минимальном задействовании) ВС;

- совершенствовать оснащенность, всестороннее обеспечение и подготовку Вооруженных сил, делая акцент на совместную, а не отдельную подготовку видов ВС (родов войск), других войск, воинских формирований и органов;
- жестко и прагматично отстаивать интересы Российской Федерации при заключении международных договоров и обязательств, активно участвовать в формировании правовых норм и законов, отстаивать интересы РФ во всех международных организациях, включая ООН;
- формировать выгодное для РФ геостратегическое положение путем создания союзов, коалиций, систем коллективной безопасности;
- развивать экономические возможности государства, военно-промышленного комплекса как необходимые условия повышения военного потенциала и военной мощи страны.

К особой группе военных угроз России следует отнести деятельность международных террористических организаций. Не секрет, что в наше время терроризм стал долговременным фактором современной политической жизни, относительно устойчивым явлением в развитии общества.

ТЕРРОРИЗМ И НАРАСТАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ «СЕВЕР – ЮГ»

Последствия террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне привели к формированию нового стиля во взаимоотношениях многих государств мира. Сегодня реальная угроза безопасности многих стран исходит именно от международного терроризма, и на борьбе с этим противником должны быть сосредоточены основные усилия, в том числе и усилия силовых структур. Позиция России по данному вопросу известна – международный терроризм должен уничтожаться везде и во всех его проявлениях.

Действительно, на сегодняшний день основным способом борьбы с проявлениями международного терроризма является адекватное применение военной силы. Поэтому Россия открыто и прямо поддержала международную кампанию против терроризма. Но в то же время мы говорим, что любые, в том числе и силовые, действия государств и международных организаций против террористов должны основываться на нормах и принципах международного права, быть пропорциональными и строго выверенными. В оценках ситуации и действиях против терроризма и сепаратизма не должно существовать двойных политических стандартов.

Однако в войне против международного терроризма невозможно достичь абсолютной победы, применяя только военную силу. Именно поэтому Россия активизировала поиск невоенных путей последовательного уничтожения питательной среды международного терроризма. Борьба с этой чумой современности необходимо, прежде всего, путем развития и наращивания международного сотрудничества на основе принципов и норм международного права, включая Устав ООН. При этом важно добиваться участия всех государств в универсальных антитеррористических конвенциях.

Наблюдаемый нами в последние годы всплеск активности террористических организаций является проявлением еще одной тенденции современности, которую я бы назвал **нарастанием противоречий между «богатым Севером» и «бедным Югом»**.

Мы с вами сегодня очевидцы усиления вражды во многих странах, включая и самые развитые, где коренное население все более агрессивно относится к иммигрантам из бедных стран – вспомните волнения во Франции осенью 2005 г. Нищета, болезни, социальная напряженность и военные конфликты в бедных странах, которые активно живописуются СМИ, уже создали взрывоопасную смесь – антагонизм нарастает. Уверен, политика «богатых» и «сытых» – пусть «бедные» выживают сами – это путь к глобальным социальным потрясениям.

Не исключена, на мой взгляд, ситуация, когда развитие подобного положения дел приведет, в конечном счете, к расколу и обнищанию мира в целом. Но мир не может стать стабильным, если все достижения человечества будут сосредоточены только в богатых и благополучных странах. Однако государства *золотого миллиарда* не готовы, да и не хотят поделиться своим богатством.

Для России последствия напряженности между Севером и Югом уже приобрели особую остроту. Сегодня южные границы России стали районами существующих и возможных в перспективе конфликтов. И, надо отметить, основная часть этих конфликтов приходится на территорию бывшего СССР и прилегающие к ней регионы. Именно здесь пытаются получить развитие международный терроризм и преступность в самых гнусных проявлениях (наркобизнес, торговля людьми и оружием и др.). Опасность для нашей страны еще и в том, что эта **евроазиатская зона терроризма и преступности** как бы накладывается на искусственно провоцируемую так называемую *глобальную дугу кризисов* (протянувшуюся, по З. Бжезинскому, от стыка границ Китая, Индии и Пакистана и включающую Афганистан, Иран, юг Турции (границу с Курдистаном), Балканы).

СИЛА И ПРАВО

В современном мире, я полагаю, военная мощь еще долгие годы будет играть определяющую роль в мировом геополитическом балансе. Трансформируется понятие международного права. Международно-правовую систему обеспечения безопасности нужно фактически воссоздавать заново. Наши приоритеты известны.

По нашему убеждению, сегодня, когда мир сталкивается с новыми угрозами, мы в первую очередь не должны допустить правового вакуума в сфере стратегической стабильности. Исходя из этого, нынешний уровень двусторонних отношений между Российской Федерацией и США должен быть не только сохранен, но и использован для скорейшей выработки новых рамок стратегических взаимоотношений.

Мы считаем, что речь должна идти о заключении новой юридически обязывающей российско-американской договоренности, в основу которой могли бы быть положены следующие принципы: сохранение и укрепление режима доверия, обеспечение предсказуемости российско-американских отношений, дальнейшее развитие стратегического партнерства между нашими странами. Этой договоренности можно было бы придать более широкий характер, включив в нее вопросы, охватывающие, скажем, проблематику СНВ, ПРО, космоса, нераспространения, борьбы с международным терроризмом, военно-технического сотрудничества и т.п.

С точки зрения обеспечения стратегической стабильности, особую значимость сегодня приобретает укрепление режима нераспространения ОМУ, предотвращение «утечек чувствительных технологий» в ядерной и ракетной области. Это обусловлено тем, что эволюция системы международных отношений в свете изменения обстановки в мире в последнее десятилетие привела к тому, что сформированный к концу 80-х гг. XX века режим нераспространения ОМУ, стабильность которого обеспечивалась двумя сверхдержавами (США и СССР), значительно ослаб.

Вследствие отсутствия биполярной системы у многих государств усилились существующие и возникли новые стимулы к приобретению как ядерного оружия, так и ОМУ в целом, а способность к противодействию этому снизилась. Это связано с тем, что раньше (во времена холодной войны) биполярная система обеспечивала не только принуждение, но и определенную защиту от нападения. Это относилось и к странам *третьего мира*: супердержавы с подозрением следили друг за другом и старались блокировать применение силы против так называемых *нейтралов*, чтобы не допустить усиления противостоящего блока. Сегодня же, в условиях **снижения роли ООН** в вопросах контроля применения силы, объективно создаются стимулы для приобретения как ядерного оружия,

так и других видов ОМУ государствами, не вошедшими в так называемую «зону американского влияния».

Быстрая эволюция обычных вооружений, отрыв по качеству ведут к тому, что страны, опасаясь применения против них силы, ищут **более привлекательное и доступное** им по цене ОМУ, в том числе ядерное. Это связано с тем, что ядерное оружие (ЯО), возникнув в середине прошлого века как оружие богатых государств, все больше становится оружием бедных государств, обеспечивающим им возможность достаточно надежного парирования военных угроз со стороны более развитых стран. При этом **технический прогресс** делает ЯО технологически более доступным, не говоря уже о химическом и биологическом оружии.

С этой точки зрения нас не может не беспокоить стремление США, Великобритании **приписать ядерному оружию роль сдерживания других видов ОМУ**, что противоречит принципу «негативных гарантий» для неядерных государств. В этом же ряду находится и стремление США создать, в соответствии с их новой ядерной доктриной, ядерные боезаряды малой и сверхмалой мощности для нанесения точечных, в том числе превентивных, ударов с *благородной* целью – борьбы с терроризмом.

Таким образом, новые угрозы и вызовы безопасности заставляют многие страны в большей мере полагаться на ядерные арсеналы, что косвенно увеличивает вероятность распространения ЯО, что, в свою очередь, ведет к ухудшению положения дел в сфере стратегической стабильности и снижению уровня безопасности.

Следовательно, на наш взгляд, нераспространение ядерного оружия и других видов ОМУ должно стать одним из приоритетных направлений политики национальной безопасности ядерных государств.

В области европейской безопасности наши предложения сводятся к построению такой системы, которая основывалась бы на равной безопасности для всех европейских государств, без военных союзов, без разделительных линий, с опорой на сотрудничество, с задействованием всех европейских институтов (НАТО, ЕС, ОБСЕ и др.).

Исходя из накопленного в Европе опыта, можно было бы предложить **рассмотреть возможность принятия новых мер контроля над вооружениями**, в том числе и в региональном измерении. По нашему мнению, такие меры могли бы базироваться на следующих принципах:

- неделимость безопасности всех государств;
- достаточность военных потенциалов;
- равенство участников и добровольный характер договоренностей;
- равная безопасность;
- экономическая приемлемость;
- способность адаптации к новым реалиям.

КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ: НУЖЕН НОВЫЙ ПОДХОД

В первую очередь хотелось бы высказать нашу точку зрения в отношении существующей системы контроля над вооружениями.

Такие базовые инструменты контроля над вооружениями, как ДОВСЕ и Венский документ, сыграли важнейшую роль в том, что произошедшие в последние десятилетия военно-политические изменения в Европе не привели к возникновению новых кризисов и

конфликтов. Однако сегодня многие положения этих документов заметно утрачивают свою эффективность и перестают соответствовать изменившимся реалиям.

В существующем виде режим ДОВСЕ уже не в состоянии поддерживать стабильность и баланс интересов государств-участников в процессе продолжающихся военно-политических изменений в Европе, в частности потому, что не предусматривает присоединения к Договору новых членов. Что касается адаптированного ДОВСЕ, то его ратификация откладывается государствами НАТО уже семь лет. В итоге, после двух этапов расширения НАТО на Восток и при так и не вступившем в силу Соглашении об адаптации, ДОВСЕ фактически утратил жизнеспособность. При такой ситуации Российская Федерация не собирается делать вид, что ДОВСЕ нормально функционирует и это нас устраивает. Третья конференция по рассмотрению действия ДОВСЕ высветила стремление стран НАТО закрепить на неопределенный срок неравноправие сторон в рамках действующего Договора.

Не менее важный вопрос – адаптация Венского документа 1999 г., который, оставаясь фактически в редакции 1994 г., по существу, перестал выполнять свою главную функцию – охватывать мерами доверия и безопасности современную военную деятельность. И это несмотря на то, что ее интенсивность резко повышается: возрастает количество военных учений, в том числе и многонациональных, заметно расширяется география их проведения. Некоторые участники договоренности считают, что крупных учений больше не проводится, поэтому они, мол, и не достигают порогов уведомления и наблюдения. Однако сегодня, при наличии новейших средств ведения боевых действий меньшим количеством войск и вооружений, можно решать более масштабные и весьма значимые в военном отношении задачи.

Так, действующий документ не учитывает происшедших за последние годы качественных изменений в вооруженных силах государств – участников ОБСЕ и, в частности, роли, которая отводится силам быстрого реагирования. Налаживание обмена информацией об этих силах стало бы важной мерой доверия и сотрудничества. Остаются невостребованными ключевые положения Венского документа, касающиеся уменьшения опасности.

Поэтому выработка единых подходов международного сообщества к решению фундаментальных проблем строительства новой системы международных отношений становится жизненно важной для оптимизации работы региональных международных организаций в области обеспечения безопасности.

РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Хотелось бы также сказать, что в целом в рамках общеевропейского процесса совместными усилиями нам удалось создать достаточно прочную базу для продолжения конструктивного диалога по всему комплексу глобальных и региональных проблем безопасности. Важно не останавливаться на достигнутом. Надо идти вперед и через координацию национальных концепций в области безопасности на основе Устава ООН и принципов международного права создавать военно-политическую стратегию евразийского масштаба. Еще раз повторюсь: все злободневные международные проблемы можно решить только совместными усилиями и только задействуя потенциал легитимных международных организаций.

Я думаю, что эта задача вполне выполнима. Ее реализация возможна, если нам удастся перевести общее видение новых партнерских отношений на язык реальных дел. И здесь в лице России Европа имеет надежного, предсказуемого и ответственного партнера.

Я полагаю, что интересам *европейского самосознания* соответствует широкое использование военно-политического потенциала России. Это может быть обеспечено равноправным подключением нашей страны к проходящим в Европе процессам и совместно му созданию действенного европейского антикризисного механизма.

Поэтому Россия выступает за создание системы коллективной европейской безопасности с формированием механизмов предотвращения и урегулирования конфликтов, прежде всего мирными средствами. Важнейшим принципом европейской безопасности является безусловное соблюдение международных обязательств и норм, дальнейшее развитие системы договоренностей в области контроля над вооружениями.

Заметное влияние на военно-политическую ситуацию в Европе и за ее пределами оказывает Организация Североатлантического договора (НАТО), которая в силу своего военного потенциала остается важнейшим фактором влияния на систему европейской и глобальной безопасности.

28 мая 2002 г. на Римском саммите принята Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств – членов НАТО «Отношения Россия – НАТО: новое качество». Декларация учредила Совет Россия – НАТО, в рамках которого Россия и государства – члены НАТО работают в национальном качестве как равные партнеры по широкому спектру проблем евроатлантической безопасности.

Россия и государства – члены НАТО сотрудничают в следующих областях: борьба против терроризма, кризисное регулирование, нераспространение ОМУ, контроль над вооружениями и меры укрепления доверия, ПРО ТВД, поиск и спасание на море, сотрудничество между военными, чрезвычайное гражданское планирование и реагирование и др.

В рамках Совета Россия – НАТО наши отношения строятся на принципах транспарентности и взаимного уважения. В качестве практического взаимодействия хотел бы отметить присоединение России к антитеррористической операции альянса в Средиземном море «Активные усилия», взаимовыгодную работу в рамках программы «Инициатива по сотрудничеству в воздушном пространстве», учения по реагированию на инциденты с ядерным оружием, а также ряда других совместных учений.

Однако при всей положительной динамике развития нашего взаимодействия с НАТО остается ряд нерешенных проблем.

В первую очередь следует отметить продолжающуюся политику альянса, направленную на расширение своего состава за счет государств постсоветского пространства, где у России имеются свои интересы.

Такая ситуация складывалась несколько лет назад во время «второй волны расширения» НАТО. Тогда голос России услышан не был. В результате мы получили на память так называемый *Балтийский узел*, в котором туго переплелись нити российско-прибалтийских проблем. Это и невозможность использования территории и воздушного пространства Литвы для осуществления транзита российских грузов (в том числе и военных) между Калининградской областью и остальной территорией России, и унижительность положения русскоязычного населения в странах Балтии, и территориальные претензии к России.

Другой нерешенной проблемой является тупиковая ситуация относительно подписания с альянсом соглашения о предотвращении опасной военной деятельности, которое, по нашему мнению, позволило бы узаконить алгоритм действий сторон по цивилизованному разрешению непреднамеренно возникающих вдоль линии Государственной границы России ситуаций, связанных с проведением военной деятельности. Авария российско-го самолета в Литве в сентябре 2005 г. наглядно подтвердила, что государствам – членам НАТО давно пора было бы прислушаться к нашим предложениям относительно разработки мер доверия вдоль линии соприкосновения сил России и НАТО.

В последние годы на территории новых членов НАТО проводится модернизация целого ряда объектов военной инфраструктуры – аэродромов, военно-морских баз, учебных центров и полигонов, которые могут быть использованы для оперативного развертывания и обеспечения группировок войск.

При этом мы не можем не принимать во внимание, что это меняет военный расклад в непосредственной близости от наших границ, в районах, которые подпадают под ограничения ДОВСЕ.

Следует отметить, что Россия желает видеть в НАТО предсказуемого и надежного партнера. Противостоять новым угрозам и вызовам, с которыми столкнулось человечество в XXI веке, можно только сообща, учитывая интересы друг друга.

РОССИЯ СМОТРИТ НА ЮГ И НА ВОСТОК

Приоритетным для Вооруженных сил России стало сотрудничество с государствами – членами Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Взаимодействие государств – членов Организации охватывает широкую сферу – от внешнеполитической координации до осуществления совместных шагов в сфере военного планирования, а также в борьбе с терроризмом, наркоугрозой, незаконной миграцией, организованной преступностью. Российские подразделения, выделенные в состав ОДКБ, входят в структуру Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности совместно с военными контингентами трех других государств – Казахстана, Киргизии и Таджикистана. В рамках ОДКБ планируется создать военную группировку, способную обеспечить защиту государств организации в Центральноазиатском, Западном и Кавказском регионах коллективной безопасности. В связи с этим будет осуществляться выделение соответствующих войсковых компонентов от России в состав предполагаемых группировок войск.

Мы придаем также большое значение развитию военного сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества, которое направлено в первую очередь на предупреждение терроризма и на борьбу с ним. При этом продолжается традиционное военное сотрудничество с крупнейшими государствами Азии – Китаем и Индией – и в двустороннем формате.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После распада Советского Союза прошел ничтожный по историческим меркам срок – всего 15 лет. И Россия вновь вышла на *мировую шахматную доску* в качестве ведущего игрока, хотя в это мало кто верил. Подтверждением этому служат многие события недавнего времени, но самое яркое и неоспоримое, на мой взгляд, произошло в июле 2006 г. в Санкт-Петербурге, где прошел саммит «Большой восьмерки». Впервые Россия выступала на нем в качестве председателя и обладала правом выносить на повестку дня те вопросы, которые она считает важными и актуальными для мирового сообщества.

И недаром приоритетным вопросом мы посчитали обеспечение глобальной энергетической безопасности. Ведь бурный экономический рост, повышение уровня жизни, победа над голодом и болезнями невозможны без надежных источников энергии. Поэтому борьба за доступ к энергетическим ресурсам во многом определяет те вызовы и угрозы, с которыми сегодня сталкивается мир.

Россия показала, что она надежный партнер, гарант энергетической безопасности своих союзников и партнеров, что супердержавы могут быть не только военными, но и энергетическими. А самое главное, Россия показала, что прекрасно понимает глобальную ситуацию, готова и способна взять на себя ответственность за многие происходящие в мире процессы.

Примечания

¹ Barnett Thomas P.M. The Pentagon's New Map. War and Peace in the Twenty-first Century. NY.: Putnam Adult, 2004. 448 p.

² Бжезинский Збигнев. Выбор. Мировое господство, или Глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2006. 288 с.

Алексей Обухов

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА

С середины XX века над человечеством маячит невиданная угроза – ядерная бомба. Эту угрозу не способны затмить или отодвинуть отвратительные эскапады террористов-фундаменталистов. Конечно, есть, по-видимому, угрозы и покрепче, вроде таинственной галактики, которая, по сообщениям астрофизиков, перемещается из глубин космоса в направлении системы Млечного пути. Но то – космические силы, за них человек не в ответе.

Другое дело – атомная бомба. Обретение человеком военного средства, способного единым махом уничтожить плоды земной цивилизации – обстоятельство экстраординарное. В историческом масштабе освоение ядерной энергии – мирное и военное – возможно, самое судьбоносное научно-техническое достижение отгремевшего двадцатого столетия. Видимо, не случайно трагическое мироощущение Александра Блока:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла,
Еще чернее и огромней
Тень люциферова крыла.

Доселе признавалось, что неоспоримую ответственность за продолжение жизни человеческого рода несет Создатель – высшее Божество. Религиозный философ С.Н. Булгаков в предвоенные годы писал:

«Человеку еще предоставлено самоубийством ускорить личную свою смерть, но отстранить ее неотвратимое приближение ему уже не дано; по отношению же к мировой смерти он не знает ни дня, ни часа, ибо она всецело есть дело воли и всемогущества Небесного Отца»¹.

Создав и накопив оружие свержения, каковым является ядерная бомба, человек посягнул на божественные prerogatives, ибо гибель земной цивилизации в результате ядерной войны была бы равносильна булгаковской *мировой смерти* – о существовании разумной жизни где-либо в других районах Вселенной нам достоверно ничего не известно. Можно поставить вопрос: способен ли греховный по своей природе человек рационально распорядиться этим по существу сверхчеловеческим потенциалом?

ДВА ПОДХОДА

За годы, прошедшие со времени создания ядерного оружия, общественное отношение к нему пережило несколько метаморфоз. Вначале на ядерную бомбу многие смотрели как на экзотику – грозную, но все же слишком экстравагантную, чтобы быть использованной в реальной войне – жестокие и в большой степени политические американские бомбардировки двух японских городов не в счет. Потом пришло привыкание к ядерной

А
Н
А
Л
И
З

бомбе – как к неизбежной составляющей холодной войны между блоком социализма и капиталистическим лагерем.

На этом фоне сложились два отличающихся друг от друга подхода к ядерной проблеме – государственнический и пацифистский. Государственники по обе стороны политико-идеологического фронта поддерживали и подгоняли ядерную гонку в интересах национальной обороны. Пацифисты, напротив, критиковали водородную бомбу как оружие геноцида, требовали запрета на применение ядерного оружия, прекращение его испытаний, чтобы в конечном счете достичь ядерного разоружения.

Понемногу элементы пацифистской идеологии проникли и в умы государственников – по мере того, как ответственные политики удостоверились в опасностях, которые несет с собой бесконтрольное наращивание ядерных вооружений. Это подтолкнуло главных антагонистов в биполярном противостоянии – СССР и США – приступить к переговорам с целью ограничения и сокращения ядерных арсеналов. Тогда же родилась и была закреплена путем международного договора концепция нераспространения ядерного оружия – важный инструмент поддержания глобальной стабильности.

Во вред атомная бомба или во благо? Радоваться или сокрушаться по поводу ее изобретения? Возможно ли вообще однозначное суждение по этой теме?

По-видимому, простым голосованием эту проблему не решить. Результат подобного референдума, скажем, среди жителей Хиросимы и Нагасаки можно предвидеть заранее: он был бы негативным. Это подтверждают ежегодно проводимые церемонии в этих городах, посвященные памяти жертв атомных бомбардировок. По-иному могут смотреть на дело ученые-атомщики, которые не готовы к тому, чтобы их огульно причисляли к тем, кто несет зло людям.

Неожиданную грань в ядерной проблематике обнаружил не так давно митрополит Нижегородский Николай, который, применительно к результатам труда ученых в атомном центре Арзамас-16, высказал предположение: «Может, как раз молитвы Батюшки Серафима помогли тому, что создано оружие, которое стояло на страже России, за благо которой молился угодник Божий Серафим на камне в Саровском лесу»².

В этом рассуждении немало соблазнительного. Оно вроде бы лежит в русле тенденции на упрочение авторитета православной церкви в России. И все же подключение постскрипту популярного святого к государственным программам по созданию и совершенствованию ядерного оружия в СССР не может не вызывать вопросов. Что-то в глубине души сопротивляется водружению ореола святости вокруг атомной бомбы, применение которой чревато Армагеддоном.

Атомное оружие породило в мировой политике целый сонм проблем. Морально-этическая оценка феномена атомной бомбы не допускает упрощенчества. Позиция прямолинейной религиозной партийности в этой области мешает объективному восприятию.

Американские физики, с высокой самоотдачей работавшие над созданием атомной бомбы, изначально нацеливались на то, чтобы парировать ядерные амбиции гитлеровской Германии, которые, к счастью, оказались нереализованными. Потом отцы-основатели ядерного потенциала США обеспечивали *сдерживание* сталинского коммунизма. В СССР эта американская активность воспринималась в ином свете – как вызов и прямая угроза безопасности страны. Отсюда – соответствующая мотивация у советских ученых и конструкторов в секретном Арзамасе-16. В условиях острой политической конфронтации разграничение *добраго* и *злого* применительно к ядерному оружию в Америке и в Советском Союзе толковалось с противоположных позиций.

В сущности, высокое морально-этическое предназначение признавалось только за собственным, национальным ядерным оружием. Морально-этические символы обслуживали интересы политической пропаганды.

Напряженные дискуссии о том, какое именно ядерное оружие – советское или американское – является негативным фактором в мировом раскладе сил, велись и на дипломатическом помосте. Вспоминается следующий случай.

На возобновившихся в первой половине 1985 г. советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям американская сторона стремилась доказать, что советские тяжелые МБР (а в сумме это составляло более трех тысяч ядерных боеголовок) представляют собою дестабилизирующий элемент ядерного противостояния и, следовательно, должны сокращаться в первую очередь. В противовес такому подходу советская сторона выступала за сокращения, которые учитывали бы исторически сложившиеся структуры СНВ в СССР и США и не вели бы к необходимости переиначивать их с неизбежными громадными дополнительными расходами. Претензии по поводу дестабилизирующих свойств, якобы характерных для советских СНВ, делегация СССР отводила.

Отголоски полемики на переговорах дошли до журналистов. В одном из номеров американской *International Herald Tribune* появилась карикатура, на которой были изображены американская МБР *MX* и советская тяжелая МБР *СС-18* – в позе наклонившихся друг к другу бойцов, готовых сойтись в схватке. На обшивке американской ракеты в унисон с ее официальным наименованием *Peacekeeper* (*Миротворец*) карикатурист сделал надпись, что это благородное, миролюбивое и даже богобоязненное оружие. Напротив, советская тяжелая ракета была отрекомендована сугубо отрицательными эпитетами – злобная, агрессивная, негуманная. Недаром по натовской классификации она значится как *Сатана*.

Автор этих строк во время протокольного мероприятия в ходе беседы со своим коллегой с американской стороны – послом Джеймсом Гудби – в подкрепление собственной аргументации на официальных встречах показал ему вырезку из газеты с этим шаржем. Хотелось в очередной раз провести мысль, что не следует сопоставимые системы ядерного оружия с точки зрения влияния на стратегическую ситуацию оценивать по-разному – в зависимости от их национальной принадлежности. Американский представитель, как мне показалось, признал за автором рисунка тонкое чувство юмора. Дискуссия во-круг тяжелых МБР, однако, не утихла еще долгие годы.

ЗЛО ЕСТЬ ДОБРО

Ядерная бомба не с потолка свалилась на голову ошеломленного человечества – она явилась продуктом длительной погони за сверхоружием. К военно-технологическому соперничеству подталкивает политика – неизжитая склонность решать возникающие международные проблемы посредством угрозы силой или ее прямым использованием.

Насилие и войны сопровождают человеческое общество с начала его писаной и неписаной истории. Одно время было популярным погружаться в подсчет – сопоставлять периоды войн и годы их отсутствия во всемирной истории. Получалось, что на мир приходится малая доля процента. По большому счету, по-видимому, мир и война на планете Земля соседствовали постоянно.

Мастеру кино Стэнли Кубрику в одном из фильмов удалось с редкой выразительностью показать эволюцию средств вооруженной борьбы. Две группы обильно поросших шерстью первобытных *homo sapiens* пробираются сквозь чащу, двигаясь на встречных курсах. На поляне между ними завязывается бой – за жизненное пространство. Древние люди чем попало истово колотят друг друга – до изнеможения, до смерти. В живых остаются только двое соперников. Один из бойцов хватает оказавшуюся поблизости белую берцовую кость – останки от чьих-то предыдущих стычек – и наносит ей последний, разящий удар. Победитель плюется на спину и в знак торжества бросает вверх оружие победы. Кружась, кость, подобно птице, выше и выше взмывает в голубое небо и вдруг – превращается в космический корабль, плывущий по орбите, в персонаж *звездных войн*.

Сейчас у ряда государств имеется оружие небывалой силы. Человечество обрело способность совершить акцию самосожжения. Самого худшего, однако, не происходит. Почему?

Адепты укрепления ядерной мощи дают однозначный ответ – благодаря действующему между государствами-участниками военному противостоянию существует взаимное ядерное сдерживание/устрашение. В рамках этого механизма каждую из сторон отсюда решиться на ядерную агрессию удерживает страх перед ответным сокрушающим ударом возмездия.

Главный моральный недостаток ядерного оружия – его избыточная и неизбирательная разрушительная сила внушает ужас, который повергает в ступор самых задиристых стратегов. Получается, что моральный изъян ядерного оружия вовсе и не порок, а достоинство, коль скоро возникновение войны, по сути, заблокировано. Злое начало оборачивается добром.

Эту морально-этическую двойственность атомной бомбы на заре ядерного века подметил крупный американский политолог теологического направления Рейнхольд Нибур:

«...необходимость использования угрозы атомного уничтожения в качестве инструмента для сохранения мира представляет собою трагический элемент в нашей современной ситуации. Трагедия вызывает восхищение и одновременно – сожаление, поскольку она сочетает в себе высокое благородство и греховность»³.

Возможно, ядерную бомбу следует считать ярким выражением противоречивости, трагедийности развития человеческой цивилизации в целом?

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННИКОВ

Холодная война, вспыхнувшая после завершения разгрома держав оси и, в сущности, представлявшая собою системный, растянувшийся на несколько десятилетий глобальный кризис всей совокупности международных отношений, отличалась необычайным ростом напряженности на мировой арене. На этой почве возникали острые кризисы, а то и крупные войны: на Корейском полуострове, в Индокитае, на Ближнем Востоке, вокруг Берлина и Кубы и т.д. Холодная война вбирает в себя множество составляющих. Ее мотором было, во-первых, политико-идеологическое противостояние между социализмом и капитализмом.

В СССР негодовали по поводу речи Уинстона Черчилля о *железном занавесе* в Европе, с которой он выступил в марте 1946 г. в г. Фултон (штат Миссури) в присутствии американского президента. Из речи английского премьера было не совсем ясно, кто именно опустил *занавес*, но карикатуры на Черчилля в газете *Правда* с тех пор носили исключительно враждебный характер. *Занавешивателем* Советского Союза был объявлен капиталистический Запад, вознамерившийся тем самым подорвать социалистический строй. Ответ советского руководства последовал на XIX съезде партии (1952 г.), на котором И.В. Сталин заявил, что Запад выбросил за борт знамя буржуазно-демократических свобод. Суровый приговор.

Вторым не менее значимым компонентом холодной войны стало напряженное советско-американское соревнование в наращивании ядерного вооружения.

В 1945 г. руководство как США, так и СССР не было склонно к рефлексии по поводу морально-этических аспектов атомной бомбы. Атомное оружие представлялось, прежде всего, новым неотъемлемым измерением силовой политики. Вопросы, связанные с таким оружием, были занесены в досье под рубрикой *национальная безопасность*, с допуском к нему ограниченного круга особо доверенных лиц. Атомные программы получили абсолютный приоритет – как в Москве, так и в Вашингтоне. При чем здесь этика – сплошная политика. Так рассуждали и действовали государственники.

Гарри Трумэн, сменивший на посту президента США Франклина Рузвельта, скончавшегося в апреле 1945 г., в раздражении по поводу усиления международных позиций СССР в результате Второй мировой войны и последовавших геополитических сдвигов, заболел уже не о союзничестве, а о конфронтации с Москвой. Отсюда затеянный Трумэном на конференции в Потсдаме летом 1945 г. разговор со Сталиным о беспрецедентном по силе американском оружии – по итогам первого испытания атомной бомбы в Аламогордо. Президент рассчитывал перевести атомную мощь на язык дипломатического давления.

В Потсдаме Сталин, заранее имевший предупреждение от разведки о предстоящем американском испытании, не подал виду, что встревожен. По свидетельству Г.К. Жукова, по возвращении с заседания конференции произошел следующий обмен репликами между членами советской делегации: «...И.В. Сталин в моем присутствии рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал: «Цену себе набивают». И.В. Сталин рассмеялся: «Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы». Я понял, что речь шла о работе над атомной бомбой»⁴.

Сталин не оставил после себя мемуарных записей. Его кончина была внезапной. О его взглядах на атомную бомбу свидетельствуют люди, встречавшиеся с ним.

О знаменательном эпизоде рассказывает чекист П.А. Судоплатов. В конце 1945 г. для участия в заседании СМВД в Москву прибыла американская делегация во главе с госсекретарем Дж. Бирнсом. В делегацию входили один из руководителей американского ядерного проекта Д. Конант и посол США в Москве А. Гарриман. Американские представители предложили советской стороне наладить сотрудничество в области атомной энергии, а также ознакомить с секретами атомной бомбы в обмен на отказ СССР от ее производства. По сути, это было предложение в духе выдвинутого позднее «плана Баруха», отвергнутого Москвой как направленного на закрепление американской атомной монополии.

Судоплатов, официально представленный американцам помощником Молотова, вспоминает: «...22 декабря на обеде в честь американской делегации в Кремле произошел знаковый разговор, известный мне как одному из очевидцев, участвовавших в оформлении его записи, в подробностях. Молотов, комментируя замечания Бирнса и Конанта о возможном графике передачи СССР данных об американской атомной бомбе, пошутил: «Уж не хотите ли Вы извлечь нам для ознакомления привезенные в Москву чертежи атомной бомбы из жилетного кармана?»

Сталин резко оборвал Молотова. Я даже поразился его грубости по отношению к своему соратнику в присутствии американцев. Навсегда запомнились его слова:

«Атомная энергия и бомба – достояние всего человечества, это не предмет для шуток. Я поднимаю тост за великих американских физиков, совершивших это выдающееся открытие»⁵.

Надо полагать, Сталин не меньше не доверял американской дипломатии. Но в тот момент он, видно, не определился окончательно по поводу концепций, которые потом легли в основу «плана Баруха», и считал необходимым вначале выяснить существование американской позиции. Атомная проблематика слишком серьезна, чтобы проявлять поспешность и легковесность в суждениях. Поэтому шутка Молотова была дезавуирована.

А вот другой очевидец сталинских взглядов на ядерное оружие. Милован Джилас, побывавший в начале 1948 г. на традиционном полуночном званом обеде у Сталина, следующим образом передает одну из реплик вождя:

«Сталин заговорил об атомной бомбе: «Это мощная штука, мощ-на-я!» Его слова были полны восхищения, которое давало понять, что он не успокоится до тех пор, пока у него тоже не будет «мощной штуки». Но он не упомянул о том, что она уже есть у него или что СССР уже разрабатывает ее»⁶.

В 1949 г. в Кремле накануне первого испытания советской атомной бомбы один из руководителей атомного центра Арзамас-16 Ю.Б. Харитон докладывал Сталину о состоянии дел. После доклада Сталин спросил: нельзя ли из одной бомбы при таком же количестве плутония сделать две бомбы? Харитон ответил, что это невозможно. Как опытный оружейник, Сталин вникал в детали. Кстати, первая советская атомная бомба была обо-

значена шифром *РДС-1* – то есть *реактивный двигатель Сталина-1*. Вторая (испытана в 1951 г.) – *РДС-2*. На Западе советские бомбы по наитию нарекли *Джо-1* и *Джо-2'*.

Как известно, на заре атомной эры крупнейший датский физик Нильс Бор, а до него англичанин Эрнст Резерфорд выражали сомнение в возможности освоения человеком энергии атома. По мнению Бора, для этого потребовалось бы экономику целого государства превратить в огромную фабрику, работающую исключительно на нужды создания бомбы.

Однако после 1945 г. в Вашингтоне и Москве, исходя из политической целесообразности, не пожалели средств на создание, совершенствование и накопление ядерных, а потом и ракетно-ядерных потенциалов. Продвижение по этому пути стало чем-то вроде национальной идеи для обоих государств. Призванная не допустить ядерную схватку, концепция сдерживания/устрашения в условиях военно-политической конфронтации все более интенсифицировала ядерное соперничество. Запасы ядерной взрывчатки стали исчисляться десятками тысяч боезарядов у каждой из сверхдержав. Над миром нависла реальная угроза ядерного катаклизма. В этом, собственно, и состояла гибельная логика холодной войны, в соответствии с которой инструмент сдерживания превращается – в результате неумолимой погони за военным превосходством – в орудие ядерного холокоста.

Стоило больших усилий, чтобы остановить это скольжение по наклонной плоскости и переключить мировую политику на рельсы ограничения и сокращения ядерных вооружений. Важнейшей предпосылкой (равно как и результатом) такого поворота стало ослабление, а потом и прекращение холодной войны.

ЗА ПРЕВЕНТИВНЫЙ УДАР

Как уже отмечалось, другой, наряду с гонкой ядерного оружия, характерной особенностью политики в годы холодной войны было непримиримое идеологическое соперничество между миром капитализма во главе с Соединенными Штатами и миром социализма в лице СССР и его союзников. В советском руководстве исходили из того, что итоги Второй мировой войны подтвердили историческую закономерность, состоящую в поступательном движении человечества в направлении коммунистической формации.

Уже на пенсии В.М. Молотов в беседах с Ф.И. Чуевым, говоря о настроениях в Кремле в послевоенный период, отмечал:

«Сталин вел дело к гибели империализма и к приближению коммунизма [...] Нам нужен был мир, но по американским планам двести наших городов подлежали одновременной атомной бомбардировке. Сталин рассуждал так: «Первая мировая война вырвала одну страну из капиталистического рабства. Вторая мировая война создала социалистическую систему, а Третья навсегда закончит с империализмом»⁸.

В рассуждениях Молотова главное – идеологическая установка, видение исторической перспективы. Но в них же, насколько можно судить, и ставка на победоносный для сил социализма исход предстоящей ядерной схватки.

На мировой арене происходило столкновение двух сил: американской, возлагавшей надежды на монопольное обладание атомным оружием, и советской – с отмобилизованной массовой армией, доказавшей свою боеспособность на полях Второй мировой войны. Осведомленным политикам было очевидно, что не за горами время, когда в руках СССР появится собственное атомное оружие.

Сочетание обоих факторов – идейно-политического соперничества и опоры на атомное оружие – делало противостояние между сверхдержавами особенно взрывоопасным.

С американской стороны характерным примером идеологической нетерпимости, подкрепленной атомными амбициями, явилась книга Джеймса Бернхэма «Борьба за обла-

дание миром», вышедшая в 1947 г. – вскоре после фултоновской речи Черчилля о *железном занавесе*. Бернхэм анализировал мировую ситуацию с двух направлений: с угла претензий на глобальное превосходство (здесь, по его мнению, существовали два реальных претендента – США и СССР) и с точки зрения роли, которую способно выполнить в мировой политике атомное оружие.

Бернхэм признавал, что атомная бомба несет в себе смертельную угрозу для человечества. Если она станет достоянием нескольких государств, неизбежна война с ее губительными последствиями. Чтобы этого избежать, необходима, по Бернхэму, монополия на атомную бомбу. Таковая осуществима через установление глобальной империи. Если ее построит Советский Союз (в подтверждение этой возможности Бернхэм рисует подробные схемы, призванные показать глобальный масштаб советского экспансионизма), то возникнет тоталитарная структура. Если же во главе империи окажутся США, то речь пойдет о торжестве демократии.

Бернхэм требовал от Вашингтона отказаться от колебаний во внешней политике между изоляционизмом и умиротворением коммунизма. Должна быть отброшена и доктрина невмешательства во внутренние дела других государств.

Если СССР обретет атомное оружие, он пустит его в ход и одержит победу, предупреждал Бернхэм. Если же США перестанут мешкать и нанесут упреждающие атомные удары, победа будет на их стороне. Бернхэм писал: «Представьте себе [...] что к моменту начала войны у Советского Союза еще не будет атомного оружия. В этом случае, разумеется, не последует немедленного возмездия в ответ на изначальное массированное атомное нападение со стороны США. Это означает, что начальный этап войны станет грандиозной победой для Соединенных Штатов»⁹.

Генеральный вывод в книге Бернхэма звучал следующим образом: «Реальность такова, что единственной альтернативой коммунистической Глобальной Империи является Американская Империя, которая была бы способна – хотя и не будучи всеохватной с точки зрения ее номинальных границ – осуществлять решающий контроль в масштабах земного шара»¹⁰.

Планы превентивной войны, выдвигавшиеся Бернхэмом и некоторыми другими американскими идеологами, остались невостребованными. Трезвомыслящие политики в Вашингтоне не могли не принять в расчет, что у США даже в условиях атомной монополии не было достаточных военных средств, чтобы гарантированно и безнаказанно сокрушить СССР. Начав войну, можно было потерять Западную Европу. А в августе 1949 г. атомная бомба появилась и в советском арсенале. КБ-11, размещившееся в Арзамасе-16, догнало американский *Проект Манхэттен*, над которым трудились ученые в Лос-Аламосе.

УЖАСНЫЙ ГРЕХ

Другое влиятельное крыло американской политологии выступило с рекомендациями, которые, по существу, отклоняли опасный радикализм сторонников превентивного использования атомного оружия. В этом в значительной мере состоял пафос статьи Джорджа Кеннана «Источники советского поведения», помещенной под псевдонимом *Г-н X* в июльском номере журнала *Foreign Affairs* за 1947 г. и предлагавшей сосредоточиться на *сдерживании (containment)* коммунизма, опираясь в первую очередь на политические средства.

В своих мемуарах Джордж Кеннан следующим образом характеризует смутенное состояние политических умов в Вашингтоне в первые послевоенные годы:

«Весной 1947 г. было почти невозможно представить себе, каким образом можно спасти Европу. В наших головах царил полная неразбериха [...] Состояние экономики континента оказалось намного хуже, чем предполагалось, и быстро ухудшалось. В Конгрессе превалировало мнение, что любая зарубежная помощь – не более как мышиная возня. Коммунисты держали Францию за горло. Завеса страха, растерянности и замешательства накрыла континент и парализовала всю конструктивную деятельность. Молотов проявлял непреклонность за столом переговоров в Москве, считая, что советской стороне не стоит платить американцам за то, что и так попадет в руки русских подобно созревшему плоду в результате естественного развития событий»¹¹.

Разделяя неприязнь Дж. Бернхэма к «мягкотелым либералам», стоящим на позициях «умиротворения» коммунизма, Джордж Кеннан вместе с тем отвергал тезис о стремлении Советского Союза к развязыванию войны. В своем неотправленном письме Уолтеру Липпману (1948 г.) он подчеркивал:

«Россия не собирается завоевывать кого-либо. Она попыталась сделать это с Финляндией и обожгла пальцы. Войны русские не хотят ни в коем случае. И, прежде всего, они не хотят твердых обязательств, которые могут привести к военным столкновениям, поэтому предпочитают обходиться политическими средствами, используя марионеток»¹².

С учетом этих предпосылок Дж. Кеннан объясняет смысл своей анонимной статьи, сделавшей эпоху в политике Вашингтона:

«Когда я писал статью «Х», то [...] имел в виду тот факт, что многие люди, видя бесперспективность попыток добиться договоренности с советскими лидерами о послевоенном порядке в Европе и Азии, впадали в паническое настроение, считая новую войну между Советским Союзом и Соединенными Штатами неизбежной.

Именно по этой проблеме я и начал дискуссию в своей статье, полагая, что [...] роковой неизбежности войны нет. На мой взгляд, существовал другой (очень простой) путь решения этой проблемы [...] Вместо того чтобы делать бессмысленные односторонние уступки Кремлю, надо было переходить к инспирированию и поддержке сопротивления попыткам Советов к расширению регионов своего политического влияния и установлению там доминирующего положения, ожидая ослабления советской мощи и обуздания советских амбиций и поведения. Советские лидеры, какими бы грозными они ни были, не являются суперменами. Подобно правителям всех крупных стран, им приходится решать вопросы, связанные с внутренними противоречиями и дилеммами. Поэтому нам следовало бы, не проявляя агрессии, но сохраняя хладнокровие и решительность, просто-напросто выждать, пока сработает время.

Вот, собственно, и все, чего я хотел добиться своей статьей»¹³.

Таким образом, Дж. Кеннан выступил за жесткую политику *сдерживания* (*containment*) коммунистической экспансии. Американский *план Маршалла* по оказанию финансовой помощи в восстановлении экономики Западной Европы и учреждение в 1949 г. Североатлантического блока можно считать практическим выражением такой политики. При этом, однако, он был не из тех, кто проявлял склонность жонглировать атомной бомбой, грозя пустить ее в ход. Дж. Кеннан не предлагал уход от перспективы острого соперничества между капитализмом и социализмом, но был категорически против провоцирования военной схватки между двумя системами. Тем более с применением атомного оружия.

Этому своему отнюдь не легковесному отношению к ядерному фактору во внешней политике Дж. Кеннан остался верен и в дальнейшем.

Кеннан не был одинок в своих размышлениях. Влиятельный идеолог Рейнхольд Нибур в начале 1952 г., то есть в разгар войны на Корейском полуострове, обрушивая критику на коммунистическую идеологию и советский режим, которым противостояла Америка, и будучи озабочен бурными политическими движениями в странах Азии, вместе с тем предостерегал против ставки на военное, экономическое и технологическое превосходство в качестве средства для изменения хода исторического развития.

Р. Нибур с явным сочувствием констатирует опасения по поводу внешней политики США, получившие распространение в Западной Европе:

«То, что у европейских стран, в большей степени привыкших к трагическим разворотам истории, все еще сохраняется определенное беспокойство по поводу нашего лидерства в мировом сообществе, объясняется их страхом, как бы наша *технократическая* склонность отождествлять способность подчинять природу со способностью руководить историческим процессом не ввергла нас в состояние нетерпения по поводу ухабистого развития истории. Из-за неизбежных разочарований в этой связи мы можем впасть в истерику, нас может обуять соблазн подвести итог всей современной истории с помощью одного последнего и могучего усилия, направленного на преодо-

ление этих разочарований. В политике такое усилие называется превентивной войной. Такого рода соблазн не грозит нам сей момент, но лет через 10–20 он может стать реальным»¹⁴.

Подобно Кеннану, Нибур советует американскому руководству не терять головы и переждать, пока минуют крупные этапы истории, и заняться тем временем отражением непосредственных угроз¹⁵. Соединенным Штатам, по Нибуру, надо «быть готовыми к терпеливой шахматной игре с упрямыми силами исторической судьбы»¹⁶.

Итак, Нибур в противоположность Бернхэму предостерег от развязывания *превентивной войны* против СССР. Американский теолог, кстати, уловил двойственность моральной оценки ядерного оружия.

«Соединенные Штаты, – писал Нибур, – стали обладателями абсолютного оружия, которое точно воплощает и символизирует моральную неопределенность реальной войны. Мы не могли бы отказать от возможного использования ядерного оружия ввиду того, в частности, что ни одно находящееся под угрозой государство не имеет морального права отказываться от оружия, которое способно обеспечить его выживание. В отличие от некоторых индивидов, всякое государство лишено способности предпочесть благородную смерть сомнительному, с точки зрения нравственности, выживанию [...] Однако если бы нам пришлось применить ядерное оружие, мы впали бы в ужасный грех. Мы сумели бы обеспечить выживание страны в мире, в котором лучше было бы не жить вовсе»¹⁷.

СОМНЕНИЯ В УЧЕНОЙ СРЕДЕ

Червь сомнения по поводу морально-этической состоятельности атомного оружия как средства для достижения политических целей довольно рано начал закрадываться в души американских физиков-теоретиков.

Поначалу все в этом отношении шло гладко – работа в атомной области на опережение фашистской Германии вопросов не вызывала. Сама мысль о возможности атомной монополии в руках Гитлера побуждала к удвоению усилий. Ситуация стала меняться, когда замаячила перспектива применения атомной бомбы против Японии.

С подачи Лео Сцилларда, работавшего тогда в Чикагском университете, сотрудник атомной лаборатории в Лос-Аламосе Эдвард Теллер летом 1945 г. предпринял попытку организовать петицию ученых с призывом к администрации президента Г. Трумэна отказать от идеи бомбардировки японских городов, исходя из соображений гуманности и отсутствия очевидной военной необходимости. Узнав, какого рода текст предлагает подписать Л. Сциллард, Роберт Оппенгеймер, руководивший «Проектом Манхэттен», в резкой форме воспротивился этой затее, указав на то, что вопросы применения атомного оружия должны находиться в исключительном ведении политиков, облеченных доверием избирателей и опирающихся в своих действиях на осведомленность в отношении множества факторов, недоступных для широкой публики. Теллер отступил, признав убедительность доводов Оппенгеймера.

Сомнения ожили, когда до Лос-Аламоса дошла информация о последствиях бомбардировки Хиросимы 6 августа 1945 г.

Э. Теллер вспоминает:

«Ученый коллоквиум на той неделе был посвящен разглядыванию первых фотографий с изображением разрушений в Хиросиме. Я вспомнил о предложениях Сцилларда. Особую тревогу вызывали фотографии. Я задавался вопросом, нужны ли такие разрушения. А потом, буквально через три дня, 9 августа 1945 г., плутониевая бомба была сброшена на Нагасаки. Помню, как я говорил Лауре, супруге Энрико Ферми: «Если так пойдет и дальше, я уеду отсюда». Но потом, 14 августа 1945 г., поступили важные новости: Япония капитулировала! Война закончилась. Празднование, сопровождаемое восторгами и чувством облегчения, продолжалось до поздней ночи. И я радовался наравне с другими. Но я продолжал испытывать горечь, что не был произведен демонстрационный взрыв»¹⁸.

По мнению Теллера, такой взрыв в ночное время на 10-километровой высоте над Токийским заливом произвел бы должное психологическое воздействие, убедив японцев в бесполезности сопротивления и одновременно избавив от непомерных жертв. Развертывание на рубеже 1940–50-х гг. активных работ по созданию водородной бомбы дало толчок новому раунду дискуссий в США относительно моральной легитимности ядерного оружия. Теллер и ряд других видных американских ученых не испытывали колебаний по этому вопросу. Никакая сдержанность со стороны США в этой области, считали они, не остановит соответствующие советские программы. Между тем США не могут позволить себе военно-силового отставания, не рискуя интересами национальной безопасности.

Но были и несогласные с таким подходом. От переезда в Лос-Аламос для участия в работе над водородной бомбой уклонился Ханс Бете. В секретном докладе Главного консультативного комитета, подписанном в числе прочих Джеймсом Конантом и Робертом Оппенгеймером (но не Гленном Сибургом, который придерживался иной точки зрения), содержалось предупреждение против создания водородной бомбы ввиду ее «безгранично большой разрушительной силы и опасности превращения в *орудие геноцида*». В отдельном докладе за подписью Энрико Ферми и Исидора Раби излагались схожие оценки¹⁹.

Выражая обеспокоенность этой группы ученых, Альберт Эйнштейн в марте 1950 г. в статье, озаглавленной «Вооружения не в состоянии обеспечить безопасность», отмечал:

«Гонка вооружений между США и СССР, первоначально задуманная в качестве превентивной меры, приобретает истерический характер. Обеими сторонами средства массового уничтожения совершенствуются в лихорадочном темпе под благопристойной завесой секретности. Водородная бомба маячит на общественном горизонте как вполне достижимая цель. Ускорение работ по ее созданию было торжественно прокламировано президентом. Если эти усилия увенчаются успехом, то можно сказать, что радиоактивное заражение атмосферы и, следовательно, полное уничтожение жизни на Земле находятся в пределах наших технологических возможностей. Эта перспектива надвигается подобно наваждению благодаря заключенной внутри нее инерции. Каждый шаг предстает как неизбежное следствие предыдущего. А в конце все яснее и яснее проступает картина всеобщего уничтожения»²⁰.

По существу, такие же сомнения роились в головах ведущих советских физиков.

В 1955 г. после первого полноценного испытания советской водородной бомбы руководители атомного проекта академики Курчатов, Алиханов, Александров и Виноградов направили в партийное руководство письмо, где говорилось, что после создания супероружия мировая война становится невозможной. Она приведет к уничтожению человечества и потому необходима новая международная политика. Маленков это пацифистское письмо поддержал, а Хрущев использовал политическую близорукость товарища по партии для его свержения²¹.

Проникновение пацифистских, а лучше сказать, здравых концепций в государственническую среду проходило не бесконфликтно. Характерен эпизод, о котором в своих мемуарах рассказывает академик А.Д. Сахаров. После уже упомянутого успешного испытания водородной бомбы над Семипалатинским полигоном в ноябре 1955 г. участники этого мероприятия были приглашены на банкет в узком кругу у главнокомандующего войсками маршала М.И. Неделина. Сахаров вспоминает:

«Неделин кивнул в мою сторону, приглашая произнести первый тост. Я взял бокал, встал и сказал примерно следующее:

– Я предлагаю выпить за то, чтобы наши изделия взрывались так же успешно, как сегодня, над полигонами и никогда – над городами.

За столом наступило молчание, как будто я произнес нечто неприличное. Все замерли. Неделин усмехнулся и, тоже поднявшись с бокалом в руке, сказал:

– Разрешите рассказать одну притчу. Старик перед иконой с лампадкой, в одной рубашке, молится: «Направь и укрепи, направь и укрепи». А старуха лежит на печке и подает оттуда голос: «Ты, старый, молись только об укреплении, направить я и сама сумею!» Давайте выпьем за укрепление».

Маршальская притча не была шуткой. Неделин счел необходимым дать отпор моему неприемлемому пацифистскому уклону, поставить на место меня и всех других, кому может прийти в голову нечто подобное. Смысл его рассказика (полунеприличного, полубогохульного, что тоже было неприятно) был ясен мне, ясен и всем присутствующим. Мы – изобретатели, ученые, инженеры, рабочие – сделали страшное оружие, самое страшное в истории человечества. Но использование его целиком будет вне нашего контроля. Решать – «направлять», словами притчи, будут они – те, кто на вершине власти, партийной и военной иерархии»²².

Ситуация, почти идентичная спору между Теллером и Оппенгеймером в 1945 г. в Лос-Аламосе. На сей раз в роли Оппенгеймера выступал маршал Неделин.

Милитаризация международной политики, нарастание ядерной опасности не оставили равнодушной мировую общественность – развернулось широкое движение сторонников мира. Видную роль в этом движении – наряду с крупнейшими учеными, политиками, художниками, общественными деятелями – сыграли представители церкви различных конфессий.

В унисон с этим порывом советская дипломатия выступила с проектами многосторонней договоренности, направленной на поэтапный запрет и уничтожение ядерного оружия под международным контролем.

В обстановке холодной войны эти предложения многим показались пропагандистскими. Возможно, что в известной мере так оно и было, но при всем том это была пропаганда в пользу мира – против ядерной войны и ядерного шантажа. Свою позитивную роль она сыграла, показав, что угрозу ядерной войны может гарантированно устранить лишь полная и всеобщая ликвидация ядерных арсеналов.

Понадобилось, однако, еще выше подняться по лестнице ядерной гонки, взорвать бомбу мощностью в несколько десятков мегатонн, так называемую *кузькину мать*, а потом, в октябре 1962 г. пройти через опаснейший ракетно-ядерный кризис вокруг Кубы, чтобы политики осознали наконец необходимость попятного движения – не наращивания, а ограничения и сокращения ядерных вооружений. Во имя собственной безопасности и международной стабильности.

МЕНЬШЕЕ ЗЛО

Механизм ядерного сдерживания/устрашения представляет собой продукт политики конфронтации, практиковавшийся в годы холодной войны.

Но в не меньшей степени эта концепция – почти неизбежная функция, вытекающая из самого факта существования ядерного оружия в руках двух или более государств. Ядерная бомба в руках другого государства – слишком грозное оружие, чтобы не воспринимать ее как потенциальную угрозу собственной безопасности. Поэтому если, к примеру, имеются два государства, каждое из которых располагает арсеналом ядерного оружия сдерживания, между этими государствами, по существу, автоматически возникает ситуация **взаимного** ядерного сдерживания/устрашения.

Тем не менее, следуя, по-видимому, советской традиции, российская военная доктрина избегает использования термина *взаимное* в данном контексте. Между тем применительно, во всяком случае, к российско-американскому ядерному сдерживанию/устрашению это, как представляется, объективная, экзистенциальная данность.

С некоторых пор – примерно с начала 1960-х гг. – важнейшим элементом механизма ядерного сдерживания/устрашения стала концепция *взаимного гарантированного уничтожения (ВГУ)*, или, по-английски – *mutual assured destruction (MAD)*. Именно такую кару сулят друг другу участники сдерживания в случае возникновения ядерной войны. Эта взаимная угроза отвращает их от ядерной агрессии – царит мир, или ядерный пат.

Соответствующие ведомства зорко наблюдают за тем, чтобы обещанное уничтожение стало действительно гарантированным. Американским министром обороны Робертом Макнамарой в свое время были обнародованы нормы таких гарантий. С подробными выкладками, характеризующими степень ущерба, который был бы нанесен СССР или США в зависимости от количества взорванных на их территории ядерных зарядов, выступил в свое время теоретик Герман Кан. На каком-то этапе *футурология ядерной войны* развилась чуть ли не в особый раздел политологии.

То, что в рамках сдерживания/устрашения состояние отсутствия войны поддерживается с помощью угрозы взаимного ядерного уничтожения, то есть баланса ужаса, само по себе создает немалые затруднения для каждого, кто попытался бы дать оценку механизму сдерживания с точки зрения христианской этики. Возможно, известным утешением здесь мог бы стать тезис о выборе меньшего зла: ядерная война – плохо, и мир при опоре на ВГУ – не идеал, но все же неизмеримо лучше, чем война. Недаром убежденный сторонник и толкователь христианской морали, классик юриспруденции Гуго Гроций еще в 1646 г. отмечал: «[...] Когда невозможно избежать выбора, то наименьшее зло заменяет добро»²³.

УСТОЙЧИВО ЛИ СДЕРЖИВАНИЕ?

Возникает вопрос – насколько устойчивым является ядерное сдерживание/устрашение? Можно ли с полной уверенностью полагаться на этот механизм поддержания мира?

Идеология сдерживания в ее нынешнем виде подпирается множеством теоретических доводов – от специфических военных расчетов до сугубо психологических. Ведь сдерживание рассчитано на то, чтобы воздействовать на поведение и мировосприятие конкретных людей (руководителей государств и работников их военных структур), причем находящихся в здравом рассудке и не подверженных влиянию со стороны тех или иных сект фанатиков. В мире иррациональных побуждений логика сдерживания чахнет. Доступ в клуб ядерного сдерживания для фанатиков должен быть закрыт.

Одним из центральных понятий является концепция убедительности сдерживания. Чтобы рука предполагаемого противника не потянулась к ядерной кнопке, он должен быть в курсе того, что возможная жертва его агрессии обладает достаточной военной силой, чтобы в неминуемом ударе возмездия нанести ему непоправимый урон. Но этого мало. Сдерживание только тогда будет по-настоящему убедительным, если предполагаемый агрессор будет знать, что возможная жертва его атаки исполнена решимости пустить в ход свою ядерную мощь в ответном ударе. Понятия убедительности и решимости в рамках стратегии сдерживания соседствуют.

Наличие воли – отнюдь не пустяк. Возможна ситуация, когда надо будет преодолевать суровую дилемму – либо смириться с утратой крупных объектов на своей территории в результате вражеской ракетно-ядерной атаки, либо давать «добро» ответному ядерному залпу с перспективой развязывания всеобщего ядерного побоища. Именно эти возможности таит в себе *ядерный чемоданчик*, который постоянно находится вблизи высших руководителей ядерных держав. Как отмечалось в докладе *Комиссии Скоукрофта* (1983 г.):

«Сдерживание не является и не может быть блефом. Чтобы сдерживание было эффективным, мы должны не просто обладать вооружениями – нас должны воспринимать в качестве способных и готовых, в случае необходимости, применить их действенным образом против ключевых элементов советской мощи»²⁴.

Для доведения до вероятного противника информации, что воля (или готовность) пойти – в надлежущей ситуации – на использование для целей возмездия своего ядерного арсенала в самом деле наличествует, применяются различные способы и каналы.

Самый очевидный и публичный – провозглашение тех или иных военно-политических доктрин. В США к таковым относятся доктрина «массированного возмездия» (1954 г.) и пришедшая ей на смену доктрина «гибкого реагирования» (1961 г.), действующая – с теми или иными модификациями – по сей день.

Кстати, кризис концепции *массированного возмездия*, предусматривавшего мощный ядерный удар в местах по выбору американской стороны, в значительной степени был связан, как считали критики этой установки, с утратой убедительности такой угрозы в глазах предполагаемого противника. Получалось, что на любую мало-мальски значимую угрозу своим интересам США были готовы ответить массированным применением ядерного оружия. В период подавляющего военного превосходства США такого рода запугивание могло рассчитывать на успех. Но по мере выравнивания советско-американского ядерного баланса вследствие успехов военного строительства в СССР рассчитывать на победу в ядерном столкновении становилось невозможным. Критики в США стали говорить, что *массированное возмездие* представляет собой пустую декларацию либо отсутствие всякой политики, то есть, в практическом плане, заведомое признание своего поражения. Трудно решиться на отпор, если единственный вариант ответа – массированное возмездие – означал бы всеобщую катастрофу.

Доктрина *гибкого реагирования*, предусматривая градуированный ответ на угрозу (то есть в зависимости от масштабов вызова, с которым сталкиваются США), призвана подтвердить решимость (волю) Вашингтона пустить в ход ядерное оружие, если у него не останется другого выбора. Предполагается, что нажать ядерную кнопку для ответного удара в сознании, что это не конец света, будет существенно легче. *Массированное возмездие* не отменили – оно вошло в *гибкое реагирование* в качестве его составного элемента – на самый крайний случай.

Примечательно, что одним из аргументов против доктрины *массированного возмездия* был тезис о том, что ядерное оружие, в силу заключенной в нем огромной и неизбежной разрушительной мощи, ликвидировало установленную Клаузевицем взаимосвязь между войной и политикой. Подчеркивалось, что ядерная война не может быть средством достижения рациональной политической цели, поскольку она ведет лишь к всеобщему уничтожению. Появление доктрины *гибкого реагирования*, в обиходу средств которой входят обе возможности – *массированное возмездие* и *ограниченная ядерная война*, представляло собой попытку восстановить действие закона Клаузевица применительно и к ядерному оружию. Если речь идет об обмене лишь ограниченным числом ядерных ударов, то почему бы, вслед за Клаузевицем, не рассматривать такую войну как продолжение политики иными средствами? Остается, правда, грозная опасность перерастания *ограниченной* ядерной войны во всеобщую, и тогда концепция немецкого теоретика все-таки рушится – вместе с цивилизацией. Но на этот случай приходит на помощь другая возможность – поддержание стабильности сдерживания после начала боевых действий. То есть начавшуюся ядерную дуэль можно «теоретически» держать в рамках.

Следует отметить, что концепция ВГУ, тесно связанная с массированным применением ядерного оружия, исключает понятие *победы* в ядерном конфликте, чего не скажешь о контролируемой, то есть ограниченной ядерной войне. Тут ставка делается на вариант, когда кто-то из участников схватки дрогнет и не захочет подниматься еще выше по лестнице *эскалации*. Он-то и будет проигравшим.

Судя по всему, задаче обеспечить убедительность американского сдерживания служит появляющаяся время от времени в периодической и научной печати информация о составлении в недрах Пентагона перечня целей на территории России для нанесения ядерных ударов на случай войны (то же самое практиковалось и в отношении СССР). Этим занимается специальный орган – Объединенный штаб стратегического планирования целей, в обязанности которого входит выработка планов ведения ядерной войны в соответствии с политическими директивами, которые поступают от министра обороны и Комитета начальников штабов²⁵. Подобная практика находится в полном согласии с

философской сентенцией Германа Кана в его некогда нашумевшем труде «О термоядерной войне»: «Как правило, самый убедительный способ продемонстрировать свою решимость состоит в том, чтобы иметь такую решимость»²⁶. Остается, однако, вопрос: имеется ли принципиальная разница между процедурой выбора целей для нужд сдерживания и такой же процедурой в интересах подготовки к ведению реальных военных действий? Это дает повод некоторым российским авторам упрекать руководство Пентагона в неискренности.

Получается – хочешь ядерного мира, готовься к войне. И громко информируй об этом. Без этого ядерное сдерживание утрачивает весомость, делается дряблым и неэффективным.

Реализация сдерживания/устрашения порою сопровождается шумной и грозной пропагандой.

Были спекуляции о возможности использования американского ядерного оружия в Корею и в Индокитае. Во время войны на Ближнем Востоке в 1973 г. в Вашингтоне было объявлено о приведении ядерных сил в боевую готовность. События весны 1999 г., связанные с началом натовских бомбардировок Югославии, вызвали к жизни активизацию публичной ядерной активности в России. По государственному телевидению был передан сюжет, в котором тогдашний председатель Госдумы Г.Н. Селезнев вел прямой телефонный разговор с командиром подмосковной ракетной базы – обсуждался вопрос, как обстоит дело с нацеливанием ракет на американские объекты. Беспрецедентный случай – даже в самые глухие годы холодной войны такого по телевидению увидеть было нельзя. Через некоторое время президент Б.Н. Ельцин, находясь в Китае, неожиданно в присутствии тележурналистов подтвердил высокий ядерный статус России.

Не слишком ли большую ответственность берут на себя политики, прибегая – с целью убедить в чем-то своего контрагента на внешней арене – к такому средству, как бряцание ядерным арсеналом? Как представляется, делая ставку на этот прием, не следует упускать из виду, что ядерная бомба принципиально отличается от обычной. Новое оружие не уместается в старой политико-дипломатической упаковке. Велик риск. Думается, ядерная аргументация применима лишь тогда, когда задет действительно фундаментальный национальный интерес. Иначе все может кончиться либо катастрофическим конфликтом по ничтожному поводу, либо блефом.

Ядерное сдерживание/устрашение продуцирует определенную степень стабильности. Но, разумеется, далеко не абсолютную. По ряду показателей эта стабильность сугубо относительная.

У системы сдерживания – с точки зрения ее надежности – имеются узкие места. Одно из них – зависимость от функционирования компьютерной аппаратуры. Пуск, осуществляемый по сигналу от национальной системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) о том, что на вас направляется ракетная армада противника, может – если указанное предупреждение оказалось ложным – стать первым актом войны. Из оборонца вы превращаетесь в агрессора поневоле, по неведению. Причем заниматься «разбором полетов» по итогам конфликта будет некому или почти некому. Да, собственно, велика ли разница, что послужило бы причиной для ядерного обмена: то ли стаю диких гусей электронные системы предупреждения приняли за вражеский ракетный залп, то ли действительно состоялось ядерное нападение, на которое нельзя было не отреагировать возмездием. Результат один – ядерная пустыня, мерцающая последними огнями из-под ядовитого пепла и руин.

Американский обозреватель Норман Казенс, в стремлении разобраться в этих вопросах, в середине 1980-х гг. в своей статье, посвященной функционированию ядерного сдерживания/устрашения, отмечал, что в период с 1981 по 1985 г. на экранах американских военных компьютеров более 100 раз зажегся сигнал о возможном ракетном нападении на США. К счастью, времени было достаточно, чтобы установить, что во всех случаях сигнал был ошибочным. Н. Казенс отмечает:

«Поскольку нет никаких оснований считать советскую компьютерную технологию более совершенной, необходимо признать, что ошибочные сигналы появлялись и на советских экранах. Однако то, что Америка добилась размещения пусковых установок вблизи от границ СССР, сократило время в распоряжении советских экспертов, которое необходимо для перепроверки возможных компьютерных сбоев. Например, американским ракетам *Першинг-2* потребовалось бы менее десяти минут, чтобы достичь важнейших советских целей. Поскольку этого времени будет недостаточно, чтобы исключить возможность ошибки компьютера, лицам, отвечающим за принятие решений в СССР, пришлось бы поставить вопрос о выживании своего государства в зависимости от собственных догадок. А это ставит не только советских и американских граждан, но и весь мир под угрозу из-за ошибки или сбоя в компьютере. Присутствие советских подводных лодок с баллистическими ракетами у американских берегов оказывает аналогичное воздействие на оборонную стратегию США».

По мнению Казенса, далеко не ясно, как решалась бы и проблема различения действительной атаки от провокационного пуска, осуществленного третьей стороной, например, с борта подводной лодки в расчете инициировать ядерную войну между СССР и США: «Какая-либо третья сторона, полагающая, что она в состоянии выгадать от войны между двумя другими государствами, могла бы пойти на то, чтобы запустить свою ракету на кого-то из них, тем самым дав старт ядерной цепной реакции. Теоретически *горячая линия* США–СССР задумана для того, чтобы уберечь от подобной возможности. Однако теория содержит элемент абсурда. США потратили сотни миллиардов долларов, чтобы защитить себя от возможного внезапного удара. В основе этого лежит вывод, что внезапное нападение представляет собой не просто реальную возможность, а наиболее вероятный вариант действий в случае, если противник решится на войну. Легко вообразить, насколько сюрреалистично звучал бы телефонный звонок, учиненный с целью прояснить истинное положение дел, если сторона, которой был бы адресован этот телефонный вызов, действительно-таки произвела нападение».

Предупреждает Казенс и об опасности диверсии: «В систему встроены хитроумные уловки, призванные уберечь от безответственных самовольных действий отдельных лиц. Так, каждый из четырех человек, составляющих команду, закрепленную за пусковой установкой, располагает одной четвертой ключа, необходимого для пуска. Даже если у одного из них *поедет крыша* и он попытается запустить ракету, остальные трое помешают этому. К сожалению, эта схема не обладает сто-процентной надежностью. Она не способна защитить от возможности сговора между всеми четырьмя членами команды или от насилия со стороны одного или большего числа ее членов».

Казенс приходит к выводу: «Скорее всего, ядерная война вспыхнет в условиях, когда никто не будет отчетливо осознавать, где же произошел сбой. Научный гений человека создал бесконечно иррациональную ситуацию, благодаря которой жизненные устои могут быть до неузнаваемости и безвозвратно подорваны, а оставшиеся в живых, если их можно причислить к таковым, будут гадать, как именно все это случилось»²⁷.

Похоже на сентенцию, которую приводит в своем эпохальном труде Гуго Гроций:

«Кто из обоих взялся за оружие
С бóльшим правом – неведомо то»²⁸.

О крайне ограниченном лимите времени для принятия рационального и в полной мере обоснованного решения в кризисной ситуации свидетельствует анализ концепции ядерного сдерживания, предпринятый А.Г. Арбатовым на страницах российской печати:

«[...] Руководство будет действовать на основе докладов подчиненных и их оценок обстановки, перепроверить которые или отойти от заранее составленных оперативных планов будет возможно только с риском, что ответный удар вообще не состоится. По существу, роль лидера сводится к формальности, рефлексу дрессированной мартышки, дергающей по сигналу лампочки за рычаг машинки, выдающей банан»²⁹.

Риски, свойственные сдерживанию/устрашению, стремительно возрастают, когда вместо биполярного ядерного противостояния на мировой арене – вопреки принципу нераспространения – возникает ядерная многополярность. Было бы неосмотрительно уповать на техническое несовершенство бомб или ракет новых членов ядерного содружества. Растущие арсеналы Индии и Пакистана – наглядное тому свидетельство.

Это означает, что миротворческий потенциал ядерного оружия отнюдь не безупречен. Ядерное оружие само по себе обоюдоостро и чревато глобальной катастрофой. Надежду приходится возлагать на здравомыслие, добрую волю и психологическую устойчивость политиков, контролирующих наступательные ядерные арсеналы, и их ближайших помощников. Но без соответствующей технологии, со всеми ее недостатками, тут, конечно, не обойтись.

О ЯДЕРНОМ ЗАБЛУЖДЕНИИ

Карибский кризис и его преодоление явились суровым уроком для политиков, но холодную войну этот всплеск ядерной опасности не остановил. Гонка вооружений продолжалась.

И все-таки в инфраструктуре холодной войны появилась брешь – противоборствующие стороны в стремлении обеспечить национальную безопасность и упрочить международную стабильность принялись исследовать пути к договоренностям, направленным на ограничение военного соперничества. В результате этих инициатив в 1963 г. был заключен Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах (в атмосфере, космическом пространстве и под водой). Крупным успехом стало подписание в 1968 г. Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Новой страницей в борьбе за реальное ограничение ядерных арсеналов явились начавшиеся в ноябре 1969 г. советско-американские переговоры по стратегическим вооружениям – наступательным и оборонительным. В рамках этих переговоров были подготовлены, а затем подписаны – в ходе советско-американской встречи на высшем уровне в Москве – Договор об ограничении систем противоракетной обороны и временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Затем был сделан еще один шаг вперед. В 1979 г. на саммите в Вене Л.И. Брежнев и президент Дж. Картер своими подписями скрепили Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2).

Эти исторические достижения сопровождалось снижением международной напряженности, получившим наименование политики разрядки, или детанта.

Однако на рубеже 1970–80-х гг. всему этому, казалось, пришел конец. Состоялось растянувшееся на годы вторжение советских войск в Афганистан. В 1980 г. демократическая администрация президента Дж. Картера одобрила директиву *PD-59*, которая предусматривала обеспечение адекватного ядерного ответа по всему спектру возможных проявлений советской агрессивности. В США публично обсуждались варианты ведения войны против СССР с применением ядерного оружия. Не исключался и массированный ядерный удар. Уже при республиканцах весной 1983 г. президентом Рональдом Рейганом была объявлена программа создания широкомасштабной системы ПРО – так называемая СОИ.

В конце августа – начале сентября 1983 г. вспыхнула полемика вокруг сбитого советскими ПВО южнокорейского авиалайнера, оказавшегося в пределах воздушного пространства СССР на Дальнем Востоке. В ноябре того же года США приступили к развертыванию своих ракет средней дальности в Европе – на расстоянии десятиминутного подлетного времени до Москвы. СССР объявил об ответных мерах и о приостановке своего участия в женевских переговорах с США по ядерным вопросам. Над миром нависла тягостная атмосфера военной тревоги.

В этот период оживления милитаристских настроений в Вашингтоне веско прозвучал голос старейшины американской политологической науки – Джорджа Кеннана, осудившего нагнетание ядерной истерии. В вышедшем в 1984 г. втором издании своей книги «Ядерное заблуждение: советско-американские отношения в атомный век», в которую вошли публичные выступления автора начиная с 1950 г., Дж. Кеннан сообщает, что еще в 1946–47 гг., когда он был одним из руководителей американского Национального во-

енного колледжа, его стало посещать «инстинктивное неприятие самой идеи, что ядерное оружие когда-либо играло важную роль в стратегии США». Использование атомной бомбы против Японии оценивалось Дж. Кеннаном как «достойный сожаления экстремизм»³⁰.

Сразу вслед за первым испытательным взрывом атомной бомбы в СССР в 1949 г. в США встал вопрос о создании водородной бомбы. В этот период, в январе 1950 г. на финише своей трехгодичной службы в Отделе политического планирования Госдепартамента, Дж. Кеннан направил на имя государственного секретаря Дина Ачесона докладную записку, которую он считает самым важным документом в своей карьере. В записке Дж. Кеннан выступил с рекомендацией отказаться от использования ядерного оружия первыми, договориться с другими государствами о запрещении его применения и исследовать возможности для установления международного контроля над таким оружием.

Судя по всему, Д. Ачесон не дал хода этой бумаге. Последовавшее вскоре решение администрации США приступить к созданию водородного оружия побудило Дж. Кеннана покинуть – как выяснилось, не окончательно – государственную службу³¹.

Со свойственным ему публицистическим темпераментом Дж. Кеннан указывает на негативные стороны американской политической жизни на стыке администраций Картера и Рейгана. При этом особый протест вызывает у Дж. Кеннана нарочитый поиск образа внешнего врага и увлечение шовинистической фразеологией. Эти тенденции, по мнению американского историка и идеолога, чреватые неверными оценками, которые, в свою очередь, способны привести к опасным действиям. Дж. Кеннан пишет:

«Наблюдая в те годы, то есть в конце 1970-х и в начале 1980-х гг., казалось бы, неумолимое нашествие истерии, открытого страха и вражды в отношении Советского Союза, но обнаруживая слишком мало объективных причин для нее, я мог лишь заподозрить, что истоки такой истерии носили, по преимуществу, субъективный характер. А это, помнится, породило у меня предположение, что речь идет о чем-то гораздо более зловещем, чем просто ошибка суждения, а именно – о подсознательной потребности у значительной части общества иметь внешнего врага – врага, на которого можно списать все невзгоды, врага, который может послужить в качестве удобного олицетворения зла, врага, в чьем заведомо нечеловечески безобразном облике можно разглядеть отражение вашей собственной непревзойденной добродетели. Возможно, все это и не было таким уж неестественным явлением с учетом разочарований и неудач, которые переживало тогда американское общество и к которым относились такие вещи, как Вьетнам, необъяснимые студенческие волнения, захват заложников, инфляция, растущая и неконтролируемая преступность, всепроникающие коррупция и цинизм самых разнообразных форм в стране, а также предчувствие, что развитие нашего общества вышло из-под контроля. Однако такого рода настроения, хотя и по большей части подсознательные, нежели явно выраженные, оказывали серьезное подспудное воздействие на обстановку. Они служили сильнейшим соблазном для политиков, которые стремились избежать вовлеченности в текущие острые внутренние проблемы. И вместо этого предпочитали поживиться легковесными шумными восторгами, которые, как правило, извлекаются с помощью отчаянного шовинистического трезвона. Психологические последствия подобных восторгов – полярная милитаризованность представлений о разногласиях между Востоком и Западом, ощущение смертельного и непримиримого конфликта, согласие с возможностью, а может быть, и неизбежностью советско-американской войны, высокомерное неприятие более благоприятных альтернатив – все это, вкуче с вытекающими из этих факторов телодвижениями в коридорах власти, создавало, как мне представлялось, ситуацию огромной, непосредственной и – что было особенно трагичным – совершенно необязательной опасности»³².

По оценке Дж. Кеннана, главная и беспрецедентная по своим масштабам угроза таилась в продолжении неконтролируемой гонки ядерных вооружений. Ничего хорошего не сулила и атмосфера взаимных обвинений и подозрений в отношениях между СССР и США. В такой обстановке «могло случиться все, что угодно», предостерегал Дж. Кеннан³³. В речи при получении Премии мира имени Альберта Эйнштейна в мае 1983 г. Дж. Кеннан подчеркнул:

«Нет таких слов, чтобы выразить всю серьезность нынешней ситуации. Дело не только в том, что наша политика сориентирована на конфликт с Советским Союзом и процесс разумных контактов между двумя правительствами, по-видимому, полностью разрушен; еще важнее тот факт, что в качестве крайнего наказующего средства в арсенале сталкивающихся политических курсов, про-

водимых руководством двух стран, выступает оружие такого типа и накопленное в столь больших количествах, что оно не может быть использовано без того, чтобы поставить под угрозу катастрофы всех нас»³⁴.

«По-моему, ядерная бомба, – заявил Дж. Кеннан, – является самым бесполезным оружием, когда-либо изобретенным человеком»³⁵. Необходимо решительным образом сократить его запасы – для нужд «сдерживания», по подсчетам Дж. Кеннана, хватило бы 20% от имеющихся ядерных арсеналов. В качестве первого шага можно было бы пойти на немедленное 50% сокращение всех видов ядерных вооружений, включая средства доставки, при контроле национальными техническими средствами.

Дж. Кеннан подтвердил в 1981 г. призыв к официальному Вашингтону отказаться от использования ядерного оружия первыми исходя из чувства простой предосторожности – любое задействование ядерного оружия на поле боя чревато опасностью эскалации³⁶.

Оппозиция Дж. Кеннана ядерному оружию окрашена в отчетливые морально-этические тона:

«Вся эта увлеченность проблемой ядерной войны представляет собою форму заболевания. Она в высшей степени отвратительна. В этой увлеченности нет надежды – только один ужас. Ее можно понять лишь как вид подсознательного отчаяния у приверженцев речений на эту тему; как некую форму устремленности к смерти, готовности совершить самоубийство из боязни смерти; как состояние ума, которое можно объяснить лишь некоей неспособностью противостоять обычным трудностям и превратностям человеческого существования; как недостаток веры или, точнее, отсутствие самой способности иметь веру, в отличие от бесчисленных поколений, живших до нас.

Я отвергаю мысль, что подобное состояние ума свойственно большинству нашего народа. Не вызывает сомнения, что у нас, по крайней мере, у большинства наших соотечественников, имеется достаточно душевной бодрости и любви к жизни, со всеми ее радостями и волнениями, равно как и со всеми неприятностями и неопределенностями, чтобы можно было выбросить вон эту мрачную увлеченность ядерной войной, распознать и заклеить ее как недуг, коим она и является и сконцентрировать внимание на подлинных вызовах и возможностях, которые располагаются за пределами этого наваждения, восстановив тем самым нашу уверенность в себе и надежду на будущее цивилизации, к которой мы принадлежим»³⁷.

Такова была реакция Дж. Кеннана на получившие широкое распространение в США дискуссии – в Конгрессе или на телеэкране – о принятой в последние месяцы президентства Дж. Картера стратегии *противостояния*, представлявшей собою еще одну модернизацию доктрины *ограниченной ядерной войны*, или *гибкого реагирования*. Надо сказать, что подчас и сами высокие участники подобных дебатов не могли не признать, что стратегическая логика заводит их в области, далекие от здравого смысла. Об этом свидетельствует, например, отрывок из слушаний по вопросу о *стратегии противостояния* в сенатском комитете по иностранным делам 16 октября 1980 г.:

«Министр обороны Браун: Хочу подчеркнуть, что мы сохраняем открытыми все варианты ответа и они [русские. – Авт.] не должны думать, что мы неотреагируем по той причине, что не располагаем правдоподобно-убедительным ответом.

Сенатор Гленн: Я запутался в вопросе, что является правдоподобным, а что – неправдоподобным. Когда разговор заходит о стирании с лица земли целых государств, вся эта проблема становится настолько невыносимой, что трудно определить норму правдоподобия и убедительности ответного удара.

Министр обороны Браун: Вот почему, когда мы об этом рассуждаем, наши замечания начинают напоминать речь умалишенного.

Сенатор Гленн: Это самое удачное заявление за сегодняшний день [...]»³⁸.

По-видимому, блуждания в лабиринтах ядерно-политической философии волей-неволей заставляют, пользуясь терминологией Германа Кана, «мыслить о невыносимом». Между тем совесть христианина, подчеркивает Дж. Кеннан, восстает против того, чтобы ядерное оружие обрекало на гибель и страдания огромные массы мирных граждан, никак не связанных с комбатантами. Более того, ядерные стратеги считают вполне прием-

лемым использовать невинных людей в качестве заложников и уничтожать их – если потребуется – в качестве наказания за те или иные неприемлемые действия их правительства³⁹.

Главный порок, свойственный ядерному оружию, по Дж. Кеннану, состоит в том, что его массированное применение нанесло бы непоправимый ущерб человечеству:

«Даже ведя легкомысленные игры ядерными вооружениями, чем мы занимаемся в настоящее время, мы подвергаем риску всю цивилизацию, частью которой мы являемся»⁴⁰. Кто мы такие, вопрошает Дж. Кеннан, чтобы ставить под угрозу уничтожения всю среду обитания, в рамках которой, по Божьему установлению, должна протекать жизнь людей? Не является ли прямым нарушением библейского установления об уважении к родителям и предкам готовность пожертвовать завоеваниями прошлой культуры, которые неминуемо погибли бы в пламени ядерной войны?⁴¹.

Дж. Кеннан приходит к выводу:

«[...] **готовность применить ядерное оружие против других человеческих существ** – против людей, которых мы знаем и которых мы никогда не видели и чью вину или невинность не нам устанавливать, и, пойдя на это, поставить под угрозу естественную структуру, на которой покоится вся цивилизация, при понимании, будто безопасность и текущие интересы нашего поколения более существенны, нежели все, что в нашей цивилизации имело место или могло иметь место ранее, – **для меня все это есть не что иное, как брошенные в лицо Бога самонадеянность, богохульство и оскорбление, причем оскорбление чудовищное по своим масштабам** (выделено нами. – *Ред.*)»⁴².

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ

Ядерная проблема досталась нам в наследство от холодной войны. Острая идеологическая и политическая конфронтация той эпохи, казалось бы, ушла в прошлое, а ядерная тема в политике далека от забвения.

В необычном ракурсе проблематика ядерного оружия обнаружила себя в связи с отмечавшимся в 2003 г. столетним юбилеем канонизации преподобного Серафима Саровского в качестве святого Русской православной церкви. В этом на первом взгляд сугубо внутрицерковном событии нашли выражение идеологические интересы, характерные для современного общественно-политического развития России.

Прохор Исидорович Мошнин, он же – Серафим Саровский, родился в 1754 г. Год смерти – 1833. Его канонизация случилась в 1903 г. Полвека спустя, в 1953 г., Советский Союз испытал первую в мире водородную бомбу, созданную в секретном наукограде Арзамас-16, расположившемся на месте монастыря, в котором провел свою монашескую жизнь преподобный Серафим. Тогда, правда, никакого праздника по поводу 50-летней годовщины канонизации святого не было – ни в церкви, ни среди ученых-атомщиков.

Сейчас совпадение памятных дат и место действия – столетие канонизации святого и полувековой юбилей изобретения водородной бомбы – дало повод для попыток мистическим образом совместить религиозный порыв с работами в области создания оружия массового уничтожения. Одна российская газета в очерках о торжествах в Сарове (Арзамас-16) в августе 2003 г. по случаю 100-летия канонизации Серафима Саровского написала: «Если бы преподобный Серафим не позволил здесь создать ядерную бомбу, ничего бы и не вышло»⁴³. То есть не обошлось без благословения Серафимова, хотя им самим и не изреченного.

История жизни преподобного Серафима свидетельствует, что он был далек от военных дел – даже современное ему наполеоновское нашествие на Россию не смогло прервать его многолетнее затворничество в монастыре. Серафим гораздо больше трудился по части спасения души и прославился чудотворными деяниями. Православная энциклопедия о главном в деятельности Серафима Саровского сообщает:

«Преподобный Серафим Саровский учит: «Сейте на плодородной почве, сейте и на песке, сейте и на камне: где-нибудь да прорастет семя во славу Божию». Даже скромный посев добра, по милости Всевышнего, может сбыться благодатными всходами для наших ближних и дальних и для наших собственных душ»⁴⁴.

Монашеская жизнь Серафима Саровского представляет собой религиозный подвиг – ради помощи страждущим и нуждающимся в поддержке⁴⁵.

Эпоха революционного радикализма в России напрочь прервала почитание только недавно канонизированного преподобного Серафима. Большевики в своей идеологии и практике придерживались доктрины воинствующего атеизма. Ленинский лозунг *борьбы с половщиной* не обошел и саровскую обитель – в 1919 г. она была закрыта. В начале 1920-х гг. из собора, построенного императором Николаем II, были изъяты мощи Серафима – на долгие десятилетия они исчезли из православного обихода.

Пришло время натиска новой власти на верующих и духовенство. С храмов срывали кресты, сбрасывали колокола, в кострах гибли древние намоленные иконы. Многие священнослужители попали под железную метлу репрессий.

С целью вышибить из людей религиозный дух и еще больше унижить церковь государство проводило линию на превращение храмов в складские помещения, коровники, клубы, мастерские и даже тюрьмы. К моменту учреждения Ядерного центра на месте Саровского монастыря размещался завод боеприпасов.

Саровская обитель приглянулась организаторам Ядерного центра прежде всего потому, что там было удобно учинить изолированную строго охраняемую зону. Часть лабораторий разместились непосредственно в монастырских строениях.

Не следует думать, будто Ядерный центр как-то гарантировал сохранность старинных сооружений. Разрушение монастырей и храмов было составной частью сознательно-агрессивной линии большевизма. Саровский монастырь начали ломать еще в тридцатые годы, в те же годы был, как известно, взорван и Храм Христа Спасителя в Москве.

Первую советскую атомную бомбу – детище Ядерного центра – испытали на полигоне в Семипалатинске 21 августа 1949 г. Не имеется свидетельств того, чтобы в научном коллективе, работавшем над проектом, вспомнили тогда о Серафиме Саровском, подумали о божественном. Скорее всего – наоборот. В начале 1950-х гг. были разрушены главные соборы Саровской пустыни. Под благоприятным предлогом – по причине ветхости. Но когда приступили к подрыву, провозились долго – стены оказались на редкость прочными, динамит пришлось закладывать несколько раз.

После кончины И.В. Сталина, в конце 1950-х гг., теперь уже в рамках хрущевского раунда борьбы с православием – был получен приказ подорвать сохранившуюся колокольню – она демаскирует объект. Руководству Центра удалось убедить Москву отказаться от этого намерения. Кстати, до самого последнего времени место креста на колокольне занимала телевизионная антенна, которая обслуживала город. Когда летом 2003 г. – к 100-летию канонизации св. Серафима – телевизионную антенну меняли на православный крест, горожанам пришлось пережить перерыв в телепередачах. Многие из-за этого роптали. Что касается храма Серафима Саровского, то до нынешней реставрации в нем помещался городской театр, алтарь был разрушен.

Смею предположить, что дух св. Серафима, скорее всего, никакого суждения по вопросу о создании в стенах бывшей Саровской обители атомной и водородной бомб не формулировал – Серафим сугубо мирный святой, в епархию славных покровителей российского воинства – Сергия Радонежского и Александра Невского – он не вторгался. Что же до монашеской жизни преподобного Серафима, то, как представляется, ни воспретить, ни вдохновить на создание ядерной бомбы он не мог. Политические обстоятельства середины XX в. были скрыты от него густой пеленой времени. Попытки приписать св. Се-

рафиму покровительство атомной бомбе, в сущности, равнозначны намерению переиначить прошлое, что, насколько можно судить, неподвластно даже воле Всевышнего.

Интеллектуальные и духовные мостки, которыми иные апологеты стремятся соединить Серафима Саровского с атомной/водородной бомбой, неубедительны. Они, в сущности, опираются на строку, принадлежащую не самому св. Серафиму, а содержащуюся в акафисте, составленном через семьдесят лет после его кончины, в 1903 г. по случаю канонизации: «Радуйся, Отечеству нашему щит и ограждение». Между тем не секрет – не мечом и не бомбой ограждал смиреннейший Серафим российскую землю, а силою своей веры и христианской проповеди, зовущими к нравственному очищению.

Произвольные аллюзии от музейной *царь-бомбы* к раке со вновь обретенными мощами Серафима Саровского выглядят как искусственная идеологическая новация, которая не добавляет ни святости славному чудотворцу и целителю, ни техническому совершенству советской бомбы. Думается, помещать православную традицию в ядерную бомбу не следует, не следует совершать насилие над христианской моралью, уподобляясь невольно экстремизму фундаменталистов, призывавших в свое время к созданию, например, *исламской атомной бомбы*. Думается, любое поползновение приклеить к атомной бомбе ярлык исламской, конфуцианской, англиканской, буддийской, католической или православной принадлежности способно лишь придать дополнительное измерение историческому спору между конфессиями. Стоит ли разбрасывать семена раздора, раскалывать мир по признаку той или иной цивилизации? Это явилось бы попятным движением в направлении эпохи религиозных войн.

Смиреннейший Серафим рука об руку с ядерной бомбой – это противоестественный образ. Испрашивать физического или духовного исцеления у покровителя 50-мегатонной *кузькиной матери*, после взрыва которой острова Новой Земли, по слухам, сменили свои географические координаты, а по тундре еще долго бродили стада оленей, ослепших от небывалой небесной вспышки, было бы вряд ли возможным для немалого числа верующих, да и неверующих.

В истории подвига старца Серафима во имя христианства достойно восхищения то, что память о чудотворце не удалось извести, несмотря на превратности, выпавшие на долю Саровской обители. С атомной бомбой житие преподобного Серафима не вяжется. Что-то здесь не так.

После образования в 1946–47 гг. вокруг КБ-11 закрытой зоны город Саров стал носить кодовые имена-псевдонимы: Москва, Центр-300, Кремлев, Приволжская контора, Арзамас-16. Вновь свое историческое имя Саров обрел в 1995 г. Еще раньше, в 1991 г., в женскую обитель в Дивеево были перенесены заново обретенные мощи Серафима Саровского.

Хотя по соображениям режимности Саров и по сей день остается городом с пропускной системой, действующей по его периметру, восстановление православных святынь, связанных с именем преподобного Серафима, с полным основанием можно рассматривать и как покаяние за унижения, которые православные вера и церковь претерпели от большевизма. Думается, придет время, и будут найдены способы и возможности возродить в полном объеме Саровскую обитель в качестве места паломничества для всех желающих. Именно для всех, а не для какой-то их части.

Не следует только, пренебрегая исторической памятью, осуществлять *ядерную приватизацию* преподобного Серафима в границах закрытого города – соединять его нравственную проповедь с государственным делом совершенствования советского, а теперь и российского ядерных арсеналов. Кесарю – кесарево, а Богу – Богово.

Научный подвиг создания советской ядерной бомбы, благодаря которой был выстроен стратегический паритет с США, отнюдь не забыт. Макет бомбы надежно и почетно хранится в городском Музее ядерного оружия. Там ему и место, но не в храме. Советско-российская ядерная бомба не нуждается в оцерковлении. В храме, как представляется, подобает молиться не об атомной бомбе, а о сбережении и укреплении мира на земле.

Не должно вводить в заблуждение и совпадение по месту – то, что преподобный Серафим и КБ-11, хотя и совсем в разное время, действовали на одной и той же территории Саровской обители, представляет собой достойный внимания исторический факт. Так случилось – волею судеб и, в известной мере, благодаря сознательной антирелигиозной политике режима. По-другому эту ситуацию понять невозможно. Ведь если стать на иную, мистическую точку зрения, то можно вообразить, например, будто прослеживается связь между святостью Соловецкого монастыря и ГУЛАГОм, который в тридцатые годы процветал на его земле. Или взять Андроников монастырь в Москве. После Октябрьского переворота 1917 г. там был развернут один из первых советских концлагерей, где содержался «чуждый элемент». Но может ли иметь к этому отношение созданная в монастырских стенах Андреем Рублевым гениальная *Святая Троица*? Вероятно, может, но лишь как знак, оттеняющий воинственное безбожие власти, превратившей святое место в пересыльную *каталажку*.

МОРАЛЬНЫЙ ИМПЕРАТИВ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Ядерное мышление человечества постоянно эволюционирует. Атомную бомбу то нещадно ругают, то принимаются расхваливать за стабилизирующие свойства. Между тем стоит заметить, что исходящие от ядерного оружия как стабилизирующие, так и дестабилизирующие воздействия на международную политику имеют общую предпосылку – способность такого оружия стать причиной беспрецедентной по своим масштабам глобальной катастрофы. На страхе перед такой перспективой базируется механизм взаимного ядерного сдерживания/устрашения.

Здесь уже говорилось о том, что концепция ВГУ, вынуждающая потенциального агрессора сидеть смирно, представляет собой прагматический выбор *наименьшего зла*. При всех оговорках следует считать справедливым утверждение, что всеобщая ядерная война представляет собой абсолютное зло. И, напротив, исполненный тревог ядерный мир – это абсолютное добро. В афористической и парадоксальной форме это выразил в свое время Бертран Рассел, выдвинувший тезис: *Better red than dead*.

Но можно ли на этом основании сказать, что миротворческая, запугивающая функция ядерных арсеналов снимает с ядерного оружия имманентное проклятие инструмента возможной глобальной катастрофы? Вряд ли – независимо от проникновенности придаваемых ему официальных названий и титулов ядерное оружие в любых ипостасях было и остается тем, чем оно является – средством массового уничтожения. Вошедший в 1960–70-е гг. в плоть и кровь международной политики принцип ограничения и сокращения ядерных вооружений вместе с принципом нераспространения ядерного оружия несут в себе сильнейший морально-этический заряд. Последовательно придерживаться этих принципов – значит работать в пользу ослабления международной напряженности, против военной угрозы, в пользу мира и стабильности. И, напротив, отход от этих принципов – это уступка мировому злу.

Позитивный морально-этический смысл имеют и шаги по поддержанию ядерных сил сдерживания, если они предпринимаются в рамках задачи соблюдения паритета, то есть в соответствии с принципом достаточности. Здесь нет противоречия. Такова современная ядерная данность.

О моральной многозначности ядерного оружия следует помнить всегда. Она – надежный путеводитель, который призван оградить от впадения в ядерную эйфорию в расчете на политический выигрыш. Это важно понимать и политикам, и ученым-физикам.

Та же проблема: физики и лирики. Кому отдать предпочтение? Никому. И те, и другие – одинаково необходимы. Без лирики, то есть без морали, никак невозможно.

Ядерное оружие принадлежит к суровым реалиям нашей эпохи. Настолько суровым, что современная российская военная доктрина отвергла одностороннее обязательство СССР не применять ядерное оружие первыми. Эта перемена, надо полагать, обусловле-

на объективными потребностями обеспечения безопасности страны. Конкретный масштаб и характер угрозы могут вынудить пойти на крайнюю меру пресечения агрессии, если таковая состоится – использование ядерных средств на поле боя.

Вызывают возражения демагогические попытки разыграть атомную карту с *ура-патриотического* фланга в качестве *фишки* в рассуждениях о необходимости *восстановить величие* России. Не секрет, что, хотя биполярная конфигурация международных отношений периода холодной войны распалась, российско-американский ядерный баланс продолжает и сейчас выполнять системообразующую функцию в мировом соотношении сил. В ядерном смысле мир по-прежнему скорее *двоичен*, чем многополярен, или, тем более, однополярен. Публикуемые в печати авторитетные сообщения о практических шагах российского руководства по модернизации и обеспечению боеготовности МБР, БРПЛ, дальней бомбардировочной авиации, средств ПРО и ПВО показывают, что наш потенциал ядерного сдерживания/устрашения поддерживается на достаточном уровне. Алармизм здесь неуместен и вреден. От ядерного потенциала требуется, чтобы, с одной стороны, он обеспечивал убедительность сдерживания/устрашения, и с другой – не выглядел провокационным, что шло бы в ущерб стабильности.

Возникшие на международной арене новые опасности, связанные, прежде всего, с дальнейшим распространением ядерного оружия и обострившейся террористической угрозой, оттеснили идею ядерного разоружения как несвоевременную и утопическую. Велик соблазн придать ядерному оружию роль арбитра – *Великого Инквизитора*, которого так не хватает на международной арене, чтобы не позволить государствам сойтись в смертельной схватке за свои интересы.

Между тем было бы ошибкой преувеличивать значение миротворческой функции ядерного оружия в межгосударственных отношениях. Такой подход был бы равнозначен признанию фатальной неизбежности продолжения гонки ядерных вооружений и их расползания по поверхности Земного шара. Преобладанию силового фактора в политике не было бы конца.

Доктрина *ограниченной ядерной войны* не дает выхода из тупика ядерной угрозы. Выдвинутая в эпоху холодной войны, она вселяла обманчивые чувства некоторой безопасности по сравнению со всеобщим ядерным катаклизмом. Под влиянием этой военно-идеологической установки возникала также иллюзия возвращения ядерного оружия в арсенал военных средств, пригодных для достижения рациональных политических целей. Большая удача, что рецепты этой доктрины так и остались на бумаге. Опубликованные недавно сверхсекретные материалы Организации Варшавского Договора показывают, что *ограниченная* ядерная дуэль НАТО–ОВД превратила бы большую часть Европы в руины. И это без учета опасностей эскалации, внутренне присущих любому применению ядерного оружия в условиях реальной войны.

Находясь перед лицом глобальных вызовов невиданного масштаба – глобальное потепление, разрушение окружающей среды, эпидемии, голод огромных масс людей, кризис энергоснабжения и т.п. – человечество во имя самосохранения, в конечном счете, не сможет не задуматься о необходимости перехода к качественно новому сотрудничеству на международной арене. Хотя и через многие противоречия, этот переход уже совершается в рамках глобализации, означающей рост взаимозависимости государств и их интересов. Что касается так называемых *антиглобалистов*, в нелепой ярости громящих витрины магазинов и поджигающих автомобили добропорядочных граждан, то, думается, они поют с чужого голоса заправил международного терроризма. дезориентированные юноши вымещают недовольство своей общественной неустроенностью на людях, которые не сделали им ничего дурного. Среди расхлебанных антиглобалистов наверняка – немалая доля проплаченных прямых агентов-провокаторов.

Противостояния по линии *социализм против капитализма*, который раскалывал мир в период холодной войны, теперь нет. Непосредственная угроза глобальной военной катастрофы отодвинута. Появились предпосылки для гармонизации интересов госу-

дарств, для совместной борьбы, наверное, с главными проклятиями XXI века – с международным терроризмом и распространением ядерного оружия.

Зависимость человечества от ядерного оружия как гаранта отсутствия войны постепенно отойдет в прошлое. В этом качестве ядерное оружие будет замещено обязывающими международными договоренностями, реализуемыми под эгидой Совета Безопасности ООН и предусматривающими строгий контроль за военной деятельностью государств вплоть до принятия коллективных принуждающих мер в случае нарушения режима поддержания мира, который будет установлен.

Центральным звеном такого режима явился бы запрет на ядерное оружие. Скорее всего, это будет не единовременный акт – государства подойдут к ядерному разоружению параллельно с поступательной гуманизацией всей системы международных отношений и укреплением взаимного доверия. В условиях конфронтации, политической склоки и активного соперничества в наращивании военных потенциалов ставить вопрос о полном и всеобщем разоружении в практическую плоскость было бы, конечно, неразумно. Но и цепенеть перед ядерным оружием, как кролик перед удавом, тоже недопустимо. И, в сущности, аморально. Мир заслуживает участи лучшей, чем сидение на ядерной пороховой бочке.

Противоречивость человеческой природы представляет собой весомый аргумент в пользу ядерного разоружения. Во избежание дьявольского соблазна ядерное оружие, в конечном счете, должно быть изъято из наших рук.

Конечно, остается интригующий вопрос о сроках – когда именно можно было бы приступить к планомерной ликвидации давно вырвавшегося из бутылки и расплодившегося ядерного джинна?

Программа, выдвинутая президентом СССР М.С. Горбачевым в январе 1986 г., предусматривала, что ядерное оружие будет уничтожено к концу XX века. Помнится, на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям в Женеве мы, советские дипломаты, в соответствии с инструкциями в беседах с нашими партнерами обосновывали этот подход. Наша задача облегчалась тем, что главное внимание, по понятным причинам, мы уделяли непосредственным практическим задачам в области ограничения вооружений, укреплению Договора по ПРО, решению проблем ракет средней дальности, радикальному сокращению стратегических наступательных вооружений. Но неминуемо затрагивалась и обозначенная в Программе тема достижения безъядерного мира.

В середине 1986 г. в одной из неофициальных бесед заместитель министра обороны США Ричард Перл, с которым мне довелось готовить проект Соглашения о центрах по уменьшению ядерной опасности, интересовался моей внутренней убежденностью относительно столь близкой перспективы ядерного разоружения в условиях, когда государства еще не приблизились к политическому умиротворению. Моя реакция на этот исполненный скепсиса вопрос Перла сводилась к тому, что наряду с договоренностями по сокращению ядерных арсеналов на пути к разоружению будет меняться сам характер межгосударственных связей, все больше удаляясь от традиций холодной войны.

В скорое ядерное разоружение Ричард Перл, конечно, не верил. В лучшем случае, в ответ заметил он, это может произойти не раньше середины XXI века.

В момент нашей беседы это была загоризонтная временная отметка – будущее, далекое и туманное. Спустя двадцать лет после этой встречи срок, обозначенный Перлом, существенно приблизился. Интересно, что сказал бы он, комментируя им же обозначенную проблему?

Трудности продвижения по пути уменьшения ядерной угрозы очевидны, но их не следует превращать в тупики. Консервация политической напряженности, возврат к старым

конфликтам и поиск новых, попытки так или иначе реанимировать нравы холодной войны – не принесут дивидендов.

Полученные с американских космических роботов цветные фотографии марсианских пустынь, где, судя по всему, когда-то плескались океаны, заставляют задуматься. Что превратило Марс в унылую равнину? Почему выветрилось магнитное поле, некогда обещавшее теперь почти исчезнувшую марсианскую атмосферу? Марсианские аллегии предостерегают и понукают к действию.

Генеральный директор МАГАТЭ д-р Мохаммед Эльбарадей в лекции при вручении ему Нобелевской премии мира 10 декабря 2005 г. подчеркнул:

«Если мы надеемся избежать самоуничтожения, ядерное оружие следует изъять из коллективного разума людей, и оно не должно играть никакой роли в нашей безопасности. Во имя этой цели мы должны гарантировать, причем с абсолютной надежностью, чтобы никакое новое государство не стало обладателем этих смертоносных вооружений. Мы должны добиться того, чтобы ядерные государства предприняли конкретные шаги в направлении ядерного разоружения. И мы должны учредить систему безопасности, которая не опирается на ядерное сдерживание»⁴⁶.

Принимая во внимание, что Мохаммед Эльбарадей является мусульманином, эти слова воплощают фактически всецерковный экуменический призыв к осуществлению ядерного разоружения.

Сейчас, когда улеглись страсти вокруг выхода США из Договора по ПРО, можно было бы серьезно заняться изучением вопроса о постепенном отказе от концепции ВГУ путем выработки широкомасштабных российско-американских договоренностей о взаимной безопасности – вместо взаимной опасности. Такая договоренность могла бы послужить надежным барьером и против ядерного терроризма, и против потенциальных ядерных провокаторов.

В свое время на советско-американских переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений был выработан и успешно применен принцип «равенства и одинаковой безопасности». То была эпоха острой политико-идеологической конфронтации. В новую эпоху отсутствия холодной войны принцип «взаимной безопасности» начал бы замену только одного термина прежней установки.

В повестке действующей доктрины российской внешней политики обозначено ядерное разоружение. Думается, этот компонент можно усилить и конкретизировать в качестве конечной цели, своего рода маяка в деле устранения ядерной угрозы.

Не стоит предаваться маниловским мечтам о полностью бесконфликтном мире – его, по-видимому, не будет никогда. Но вот решать возникающие споры, не прибегая к войне или угрозе силой, не размахивая, так сказать, ядерной берцовой костью, – такому мироустройству конструктивной альтернативы, думается, не подобрать.

Здесь главные прерогативы принадлежат Совету Безопасности ООН. Под его эгидой можно было бы учредить действенный международный механизм контроля над существующими ядерными арсеналами. Подобный контроль позволил бы исключить вероятность внезапной ядерной агрессии или четко идентифицировать источник такой опасности. В результате ядерное оружие еще на подступах к его полному запрету было бы лишено мрачного нимба терминатора человечества.

НА ВЫСТАВКЕ

Вспоминается выставка во второй половине 1950-х гг., устроенная в московском ЦПКиО имени Горького, вероятно, в ознаменование десятой годовщины атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. На высоких панно в стиле традиционной японской живописи художники – муж и жена Маруки – изобразили горе и страдания, выпавшие на долю жителей этих городов, выжженных атомным смерчем в августе 1945 г. Душераздираю-

щие сцены Дантова ада – но здесь, на этом свете, в XX веке. Ад, сотворенный руками людей.

Перелистывая по своему обыкновению книгу отзывов, я наткнулся на запись: «Зачем показывать это людям? Ведь все это случится вновь». Кто-то из зрителей не хотел, чтобы посетители парка огорчались картинами неминуемой судьбы человечества.

По состоянию на данный момент, однако, повторения трагедии японских городов удалось избежать – хотя скорую атомную стычку предсказывали многие теоретики. Благодаря Божьему соизволению. Благодаря соблюдению заветов доктрины сдерживания/устрашения, подпитываемой неугаснувшим инстинктом самосохранения. И благодаря неустанной работе дипломатии ради ограничения ядерных арсеналов, а также пока не отвернувшейся от людей капризной фортуны.

Но для безоговорочного оптимизма оснований, как представляется, недостаточно. Веру в будущее мировой цивилизации необходимо подкреплять настойчивыми совместными усилиями, направленными на предотвращение, а, в конечном счете, на исключение риска ядерной катастрофы. Люди привыкнут жить в мире без такого фактора, как угроза взаимного уничтожения. Тогда можно будет обойтись и без взаимного ядерного сдерживания, или устрашения.

Моральная амбивалентность ядерного оружия тесно связана с его функцией – участием в поддержании международной стабильности. С одной стороны, ядерное оружие заключает в себе угрозу катастрофы, а с другой – крепит равновесие военных сил. В обоих случаях цель одна – не дать разгуляться агрессивным фантазиям. Когда в результате коренных политических преобразований на международной арене ядерное оружие перестанет быть фактором глобального равновесия, забудутся и дуалистические формулы, которыми приходится пользоваться в настоящее время при его оценке с морально-этических позиций – с одной стороны, с другой стороны... Атомная бомба станет лишь средством борьбы с опасными астероидами, несущимися к Земле. Из терминатора человечества она окончательно превратится в его жиддителя. 🐼

Примечания

¹ Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах, т.2. М.: Наука, 1993. С. 391.

² Сладков Дмитрий. Серафим – значит пламенный. *Завтра*. 2003, 6 августа. С. 6.

³ Niebuhr Reinhold. *The Irony of American History*. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1952. P.VII–VI.

⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3, 12-е издание. М.: Новости, 1995. С. 336.

⁵ Судоплатов А.П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-Пресс, 2001. С. 314.

⁶ Джилас Милован. Беседы со Сталиным. М.: Центрполиграф, 2002. С. 174.

⁷ *Известия*. 2004, 28 февраля. С. 13.

⁸ Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991. С. 90.

⁹ Burnham James. *The Struggle for the World*. N.Y.: The John Day Company, Inc., 1947. P. 244.

¹⁰ Ibid. P. 182.

¹¹ Кеннан Джордж. Дипломатия Второй мировой войны. Глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002. С. 257–258.

¹² Там же. С. 256–257.

¹³ Там же. С. 259–260.

¹⁴ Niebuhr Reinhold. *Op. cit.* P. 145–146.

¹⁵ Ibid. P.146.

- ¹⁶ Ibid. P. 129.
- ¹⁷ Ibid. P. 134.
- ¹⁸ Teller Edward. *Memoirs. A Twentieth-Century Journey in Science and Politics*. Cambridge, Massachusetts: Perseus Publishing, October 2001. P. 215.
- ¹⁹ Ibid. P. 287.
- ²⁰ Ibid. P. 292–293.
- ²¹ *Известия*. 1994, 17 апреля. С. 13.
- ²² Сахаров Андрей. *Воспоминания в двух томах. Том первый*. М.: Права человека, 1996. С. 270–271.
- ²³ Гроций Гуго. *О праве войны и мира*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 538.
- ²⁴ Report of the President's Commission on Strategic Forces, April 1983. P. 2–3.
- ²⁵ Ibid. P. 2–3.
- ²⁶ Kahn Herman. *On Thermonuclear War*. Princeton: Princeton University Press, 1960. P. 287.
- ²⁷ *International Herald Tribune*. 1986, 8–9 February. P. 4.
- ²⁸ Гроций Гуго. *Указ. соч.* С. 569.
- ²⁹ Арбатов Алексей. Тонкий политический инструмент. *Независимое Военное Обозрение*, 2003, 5–18 декабря. С. 4.
- ³⁰ Kennan George F. *The Nuclear Delusion: Soviet-American Relations in the Atomic Age*. N.Y.: Pantheon Books, 1982. P. XIV.
- ³¹ Ibid. P. XXII–XXIII.
- ³² Ibid. P. XIV.
- ³³ Ibid. P. 175.
- ³⁴ Ibid. P. 176.
- ³⁵ Ibid. P. 180.
- ³⁶ Ibid. P. 195.
- ³⁷ Ibid. P. 199–200.
- ³⁸ Nuclear War Strategy. Hearing before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Ninety-Sixth Congress, Second Session on Presidential Directive 59, Sept. 16, 1980. US Govt Printing Office, Wash., 1981. P. 22.
- ³⁹ Kennan George F. *Op.cit.* P. 203.
- ⁴⁰ Ibid. P. 204.
- ⁴¹ Ibid. P. 206.
- ⁴² Ibid. P. 206–207.
- ⁴³ Сладков Дмитрий. Серафим – значит пламенный. *Завтра*. 2003, 6 августа. С. 6.
- ⁴⁴ Православная энциклопедия. М.: Русиздат, 1999. С. 450.
- ⁴⁵ Более двадцати лет (1784–1810 гг.) преподобный Серафим провел в отшельничестве в *дальней пустыньке*, пережил нападение разбойников, получив от них тяжелые увечья. В этот период он тысячу дней и тысячу ночей пребывал в молитве в глухом лесу на камне, питаясь травой. С 1810 г. Серафим затворился в монастыре. Выйдя в 1820 г. из затвора, он начал принимать верующих, которые приходили за утешением и исцелением. Страстнохристианским человеколюбивым сердцем обладал Серафим Саровский. Он отказался от черных одеяний и ходил в белом подряснике. Пасхальная радость, вера в Воскресение Христово переполняли его весь год. Каждого он приветствовал: «Здравствуй, радость моя! Христос воскрес!». Биографы сообщают, что с детских лет Серафим находился под особым покровительством Божией Матери, которая неоднократно являлась ему. Неподалеку от Саровского монастыря – в Дивеево – он основал женскую обитель и опекал ее.

Почитание Серафима Саровского началось уже при жизни, а после его смерти к обители приезжали люди со всей страны. Канонизация преподобного Серафима состоялась по инициативе архимандрита Серафима (Чичагова), который поведал историю жизни старца императору Николаю II. В 1903 г. на торжества в Саров по случаю канонизации прибыла императорская семья в полном составе. Мечтавшая о сыне императрица Александра Федоровна с молитвами выкупалась в чудотворном источнике преподобного Серафима и вскоре понесла, а через год родила наследника престола – сына Алексея. Благодарный император распорядился соорудить в Сарове собор, в который были помещены мощи святого Серафима.

⁴⁶ IAEA Information Bulletin. 2005, 10 December. № 348. P. 2.

Екатерина Степанова

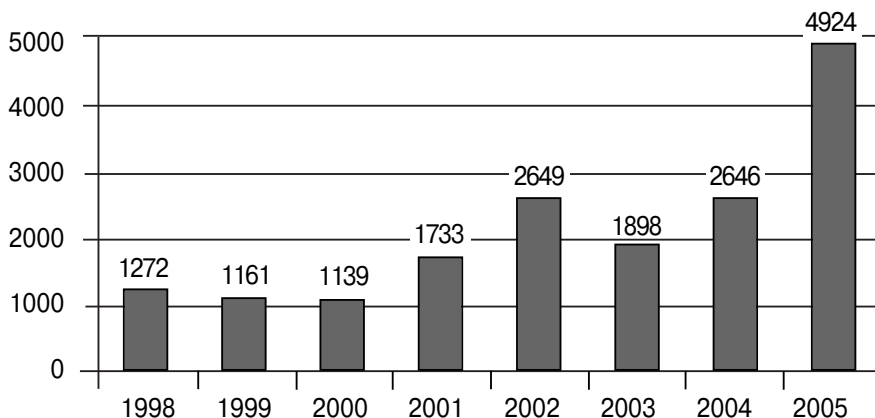
ИСЛАМИСТСКИЙ ТЕРРОРИЗМ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ И ЛОКАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

Главной особенностью террористической активности в мире в последние два года стал ее беспрецедентный рост.

Так, общее число терактов в 2005 г. почти достигло пяти тысяч (точнее говоря: 4 924), что в полтора раза превышает число терактов в предыдущие *пиковые* годы – 2004 г. (2 646) и 2002 г. (2 649) и является абсолютным рекордом в истории терроризма.

По общему числу терактов за 2005 г. с большим отрывом лидировали два региона – **Ближний Восток и страны Персидского залива** (3 035 терактов, т. е. 62% всех терактов в мире) и **Южная Азия, включая Афганистан** (1 238 терактов, или 25% от их общего числа). Во всех остальных регионах число терактов было значительно ниже (от семи в Восточной и Центральной Азии до 247 в Западной Европе)¹.

Рис. 1. Число терактов в мире (1998 – 2005 гг.)

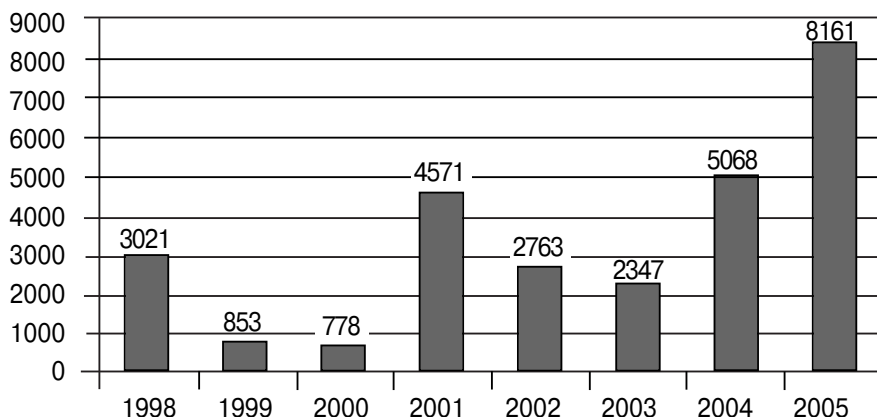

Наряду с числом терактов вторым важнейшим показателем террористической активности является число ее жертв. Только за 2005 г. в терактах в мире погибло более восьми тысяч человек (8 161). Это абсолютно рекордное число значительно превышает показатели предыдущего, 2004 г. (5 068 погибших) и почти в два раза показатели за 2001 г. (4 571 жертв), когда были совершены наиболее смертоносные в истории человечества теракты 11 сентября 2001 г. В 2005 г. два региона с наибольшим числом терактов лидировали со значительным отрывом от остальных и по общему числу жертв. Только на Ближнем Востоке и в странах Персидского залива от рук террористов погибли 6 469 че-

ловек (79% всех убитых в терактах), а в Южной Азии – 1 159 человек (14% от общего числа убитых). Во всех остальных регионах число жертв терроризма было гораздо меньше (187 человек в Африке, 141 в Латинской Америке и т. д.).

Рис. 2. Число погибших в терактах (1998–2005 гг.)

В течение последних восьми лет Ближний Восток и Южная Азия отнюдь не всегда лидировали по числу терактов и жертв терроризма (см. табл. 1)². Хотя в 1998 – 2005 гг. Ближний Восток ежегодно входил в тройку регионов –лидеров по числу терактов, первое место по этому показателю он занял лишь в 2004–2005 гг. Южная Азия (включая Афганистан) вошла в тройку лидеров лишь с 2001 г. и лидировала по числу терактов в 2002 и 2003 гг. По числу погибших в терактах регион Ближнего Востока и Персидского залива (включая Ирак) лидировал только начиная с 2003 г., тогда как в 1998–1999 гг. он занимал лишь третье место по этому показателю, а в 2000–2001 гг., т. е. непосредственно накануне терактов 11 сентября, вообще занимал лишь пятое место в мире по числу погибших от рук террористов. Южная Азия на протяжении того же периода ежегодно входила в тройку лидеров по числу жертв, но первое место по этому показателю занимала лишь в 2000 и 2002 гг.

Табл. 1. Регионы мира, лидировавшие по числу терактов и жертв в 1998–2005 гг.

Год	Регионы, лидирующие по числу терактов	Регионы, лидирующие по числу погибших в терактах
2005	БВ, ЮА, ЗЕ	БВ, ЮА, Афр.
2004	БВ, ЮА, ЗЕ	БВ, ЮА, ВЕ
2003	ЮА, БВ, ЗЕ	БВ, ЮА, ВЕ
2002	ЮА, БВ, ЛА	ЮА, БВ, ВЕ
2001	ЗЕ, БВ, ЮА	СА, ЮА, ЛА
2000	ЗЕ, БВ, ЛА	ЮА, ЛА, ЮВА
1999	ЗЕ, БВ, ЛА	ВЕ, ЮА, БВ
1998	ВЕ, ЗЕ, БВ	Афр., ЮА, БВ

(БВ – Ближний Восток и страны Персидского залива, ВЕ – Восточная Европа, ЗЕ – Западная Европа, ЛА – Латинская Америка, СА – Северная Америка, ЮА – Южная Азия, включая Афганистан, ЮВА – Юго-Восточная Азия). Таблица составлена на основании данных MIPT Terrorism Knowledge Base, 1998–2005.

Показательно, что на рубеже веков – вплоть до 2001 г. включительно – первое место по числу терактов принадлежало отнюдь не азиатским регионам, а Европе: в 1999–2001 гг. по числу терактов в мире лидировала Западная Европа, а в 1998 г. – Восточная (включая Европейскую часть России). В эти годы ни один из азиатских регионов не лидировал и по числу жертв терроризма: в 1998 г. наибольшее число погибших в терактах пришлось на Африку, в 1999 г. – на Восточную Европу/Россию, в 2000 г. – на Южную Америку, а в 2001 г. – на Северную (в основном, ввиду беспрецедентно большого числа жертв терактов 11 сентября в США).

НОВЫЙ ВЕКТОР ТЕРРОРИЗМА

Эти данные свидетельствуют, во-первых, о том, что начавшаяся после 11 сентября 2001 г. *война с терроризмом* и последовавшая реакция на нее сдвинули основной вектор террористической активности в мире в регионы Западной и Южной Азии. Во-вторых, налицо и более тесная взаимосвязь смещения региональных всплесков террористической активности в мире с постепенным сдвигом регионального фокуса глобальной кампании по борьбе с терроризмом во главе с США – от операций возмездия в Афганистане до вооруженных акций, не имевших прямого отношения к борьбе с терроризмом (прежде всего, это американская интервенция и оккупация Ирака). В-третьих, если одной из основных целей международной антитеррористической кампании и было снижение угрозы терроризма в мире в целом, то пять лет спустя налицо обратный результат, то есть неуклонный и беспрецедентный рост террористической активности в глобальном масштабе.

Второй важнейшей тенденцией в развитии современного терроризма стало ускоренное размывание грани между внутренним и международным терроризмом. Если первый понимать как терроризм, жестко ограниченный территорией или осуществляемый гражданами (против граждан) только одной страны, а второй – как террористическую активность на территории, гражданами или против граждан более чем одной страны, то такое традиционное противопоставление все больше теряет свою актуальность. Размывание границы между внутренним и международным терроризмом частично происходит, как и раньше, в форме *интернационализации* отдельных аспектов деятельности террористических группировок: проведения ими терактов за пределами страны основного базирования/происхождения, создания системы сбора средств за рубежом.

Однако все чаще речь идет и о более серьезном феномене – *транснационализации* терроризма: от активизации взаимодействия между самостоятельными группировками в разных странах до создания полноценных транснациональных террористических сетей. Как показывает пример *Аль-Каиды* и особенно активность многочисленных автономных и полуавтономных ячеек посталькаидовского джихадистского движения, такие транснациональные сети ставят глобальные (*неограниченные*) цели и оперируют в глобальном масштабе, позволяя говорить о глобализации терроризма. Хотя эти транснациональные сети отнюдь не подменяют собой всего многообразия группировок, использующих террористические методы в целях, *ограниченных* тем или иным локально-региональным контекстом, и не управляют ими напрямую, они имеют для последних бесспорный демонстративный эффект и нередко активно взаимодействуют с ними (как, например, в постсаддамовском Ираке).

В целом, сейчас актуальнее говорить не столько о «международном» и «внутреннем» терроризме, сколько о его разных уровнях: о более традиционном *локально-региональном* и о новом *глобальном терроризме*.

При этом именно *экстремистская идеология* и *структурные возможности* (форма организации) остаются двумя важнейшими стратегическими ресурсами и сравнительными преимуществами террористических организаций вне зависимости от того, на каком уровне они оперируют. В начале XXI в. исламский экстремизм джихадистского типа продолжал оставаться доминирующей идеологией транснационального терроризма на гло-

бальном уровне. Его роль продолжала расти и на локально-региональном уровне в мусульманских регионах, где, впрочем, он нередко сочетался с радикальным национализмом как этносепаратистского (Кашмир, Филиппины, Северный Кавказ и т. д.), так и национально-освободительного типа (Ирак, Палестинские территории). В структурном плане как на том, так и на другом уровне сохранялась тенденция к все более широкому распространению сетевых элементов и организационных форм. Эффект этой тенденции многократно усиливает новый специфический структурный феномен, не характерный в чистом виде ни для классических сетей, ни для иерархий – эффективная многоуровневая координация действий путем общих стратегических установок.

Основные ресурсы террористических организаций любого уровня – идеологию и структуру – дополняют их финансово-технические характеристики. Здесь особого внимания заслуживают две тенденции.

Это, прежде всего, растущее использование террористами новых, быстро развивающихся *информационных и коммуникационных технологий*, ресурсов и навыков, причем не только в целях расширения аудитории, базы поддержки и усиления демонстрационного эффекта и общественного резонанса терактов, но и непосредственно в целях организационного строительства и распространения экстремистской идеологии. На наш взгляд, эти информационно-коммуникационные возможности и все более *эффективный и изощренный пиар* современных террористических организаций не менее, а, возможно, даже более важны, чем используемые ими вооружение, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства и средства доставки (которые даже в таких масштабных терактах, как взрывы в Мадриде в марте 2004 г. или в Лондоне в июле 2005 г., могут быть относительно стандартными, доступными и недорогими).

Вторая тенденция – это рост степени финансово-экономической автономности вооруженных негосударственных игроков в современном мире – вплоть до полной финансовой независимости и самодостаточности. Такой рост, впрочем, характерен не только для террористических организаций. Важно подчеркнуть, что террористы достигают высокого уровня финансовой автономности не только с помощью все более тесной вовлеченности в теневую экономику и взаимодействие с организованной преступностью, но и вполне легальными способами (от участия в легальном бизнесе до использования в своих целях средств, изначально собранных в качестве законных религиозных пожертвований). Успешный поиск террористами новых источников и способов финансирования и их переход на частичное или полное самофинансирование во многом стал следствием долгосрочной тенденции к постепенному, но неуклонному *сокращению так называемой государственной поддержки терроризма* в глобальном масштабе³.

Рассмотрим вкратце проявления основных видов и тенденций в развитии современного терроризма исламистского толка на примере, во-первых, терактов июля 2005 г. в Лондоне как акта транснационального джихадистского терроризма в его посталькаидовском виде, а во-вторых, терроризма как одной из основных тактик повстанческого движения в Ираке. Именно Ирак стал зоной наиболее активного взаимодействия транснациональных джихадистских сетей с локальными группировками, сочетающими исламский экстремизм с местным национализмом. В-третьих, если в Ираке повстанческие группировки смешанной националистически-исламистской ориентации сформировались лишь к середине 2000-х гг., то для другого очага региональной напряженности – затяжного палестино-израильского и, шире, арабо-израильского конфликта, вылившегося в 2006 г. в полномасштабную войну между Израилем и Ливаном, сочетание исламизма с радикальным национализмом стало уже традиционным. Оно наиболее отчетливо воплотилось в деятельности двух крупнейших военизированных религиозно-социально-политических движений – палестинской «Хамас» и ливанской «Хизбаллы». Хотя деятельность обеих организаций выходит далеко за рамки терроризма, их нельзя обойти вниманием – не в последнюю очередь в связи с резким обострением ближневосточного конфликта в июле-августе 2006 г.

НОВЫЙ ТЕРРОРИЗМ ВЫХОДИТ НА СЦЕНУ: ЛОНДОНСКИЕ ТЕРАКТЫ ИЮЛЯ 2005 Г.

Наряду с мадридскими терактами 2004 г. теракты в Лондоне 7 июля 2005 г. стали самым заметным проявлением «нового терроризма» в текущем десятилетии.

Британские гражданские лица и объекты и ранее становились жертвами террористических атак со стороны джихадистов. В ноябре 2003 г. в результате подрыва машин с взрывчаткой пострадали британское консульство, а также банк *HSBC* в Стамбуле (тогда погиб британский консул); британские граждане были в числе жертв совершенных исламистскими группировками терактов 11 сентября 2001 г. в США, терактов 12 октября 2002 г. на о. Бали (Индонезия) и 11 марта 2004 г. в Мадриде. Однако лондонские взрывы 7 июля 2005 г. стали первой в истории успешной атакой джихадистов, совершенной на территории самого Соединенного Королевства. Более того, за год с июля 2005 г. на территории Великобритании было предотвращено еще как минимум три теракта этого типа⁴. Наконец, 10 августа 2006 г. в Великобритании разразился крупный авиатранспортный кризис в связи с предоставленной властями информацией о превентивном пресечении планов британских исламистских террористов устроить взрывы на борту ряда трансатлантических авиалайнеров с использованием десятков смертников и жидкой взрывчатки, а уровень террористической угрозы был в течение нескольких дней повышен до наивысшего – *критического*.

Показательно, что как раз накануне июльских терактов 2005 г. в мае того же года уровень террористической угрозы Соединенному Королевству был понижен с *сильного общего до значительного*⁵. Между тем основания для такого решения уже тогда были сомнительны, учитывая, что только число «первичных объектов для расследований, связанных с терроризмом», в Великобритании возросло с 250 в 2001 г. до 500 в июле 2004 г. и 800 к июлю 2005 г., а британская Секретная служба еще в марте 2005 г. предупреждала о том, что наибольшая угроза Великобритании и ее интересам на нынешнем этапе исходит от *Аль-Каиды* и ассоциированных (или ассоциирующих себя) с ней террористических групп и сетей⁶.

По своим материально-техническим, финансовым и другим параметрам взрывы 7 июля не особенно отличались от других терактов, совершенных джихадистами в разных странах мира за время, прошедшее после событий 11 сентября 2001 г. Тем не менее есть смысл еще раз остановиться на этих параметрах, так как они совершенно расходятся с распространенными в СМИ и публицистике стереотипами.

В результате трех почти одновременных взрывов в лондонском метро и прогремевшего чуть позднее еще одного взрыва в автобусе на площади Тависток погибли 56 человек и было ранено более 700. Полиция и спецслужбы не получали никаких предупреждений об атаках⁷. Бомбы были изготовлены в домашних условиях (в специально снятой для этих целей квартире в г. Лидс) с использованием подручных, доступных в свободной продаже и недорогих средств и материалов. Хотя самостоятельное производство взрывчатки из этих материалов довольно опасно, оно не требует специальных навыков – достаточно лишь информации, полученной из открытых источников и, возможно, консультации человека, уже имевшего опыт изготовления таких устройств⁸. Непосредственно до мест взрывов террористы несли изготовленную ими сильнодействующую взрывчатку в рюкзаках (по 2–5 кг в каждом), а для приведения в действие взрывных устройств использовались обычные электрические батарейки⁹. Стоимость всей операции, включая оплату аренды квартиры, необходимых материалов, транспортных расходов в Великобритании и зарубежных поездок, составила менее 8 тыс. ф. ст. Группа находилась на самофинансировании, причем из вполне легальных источников, и нет никаких данных о том, что она могла получать какую-либо финансовую помощь извне (основные средства предоставил ее лидер Мухаммед Сайдык Хан, имевший постоянную работу в течение трех лет и персональный банковский заем на сумму в 10 тыс. ф. ст.)¹⁰.

Сходство с предыдущими терактами этого типа заключалось в социально-психологических характеристиках и происхождении четверых террористов-смертников. Главная ха-

рактеристика: они практически *ничем особенным не отличались* от тысяч других своих сверстников, коллег, соседей и друзей, а если и отличались, то, на первый взгляд, скорее в положительную сторону. Возраст террористов варьировался от 18 до 30 лет, двое из них жили отдельно, были женаты и имели по ребенку, двое других проживали с родителями; трое из них были британскими гражданами пакистанского происхождения во втором поколении, хорошо интегрированными в британское общество. Хотя они выросли в небогатом пригороде г. Лидса Бистоне, сами они принадлежали к среднему классу и ни в чем не нуждались, а у одного из террористов отец был крупным местным бизнесменом. Лидер группы М.С. Хан успешно окончил университет, активно занимался общественной работой и социальной помощью (работал с инвалидами и трудными детьми), на основной работе считался талантливым педагогом и вообще был примером для окрестной молодежи. Ни один из членов группы не имел проблем с полицией (единственное, что не вполне типично для района, где они жили), все активно участвовали в социальной жизни своей общины (посещали клубы, книжные магазины и т. д.), и, как и члены других джихадистских ячеек, уделяли достаточно много времени активному отдыху на природе (спорту, походам и т. д.)¹¹.

Хотя все они были религиозны и не скрывали этого (совершали молитву на работе, по пятницам посещали одну из окрестных мечетей, не будучи связанными ни с одной конкретно), никаких явных проявлений религиозного экстремизма за ними замечено не было¹². Ни один из троих британцев пакистанского происхождения не был последователем какого-либо из экстремистских исламских проповедников, открыто действовавших на территории Великобритании вплоть до последнего времени. Лишь четвертый член группы – выходец с Ямайки Ж. Линдсей, принявший ислам в 2000 г. и в целом менее интегрированный в британское общество, мог находиться под влиянием радикального британского муллы Абдаллы аль-Файсала¹³. Более того, незадолго до терактов – очевидно, чтобы окончательно развести любые возможные подозрения, – один из членов группы вернулся к западному стилю одежды, другой сбрил бороду и т. д.

Итак, если речь не идет ни о собственных социальных невзгодах, ни об индоктринации со стороны радикальных мулл, ни о прямом заказе какой-то зарубежной террористической группы, то чем были мотивированы акции очередной группы мусульманских террористов-смертников в Европе? Тем же, что и акции предыдущих групп этого типа – реакцией в форме акта «религиозных мучеников» на политические события на мировой арене последних лет (Афганистан, Ирак и т. д.), воспринимаемых как угроза всей мусульманской умме (сообществу) со стороны Запада во главе с США и при активном участии их верной союзницы Великобритании. Об этом со всей очевидностью свидетельствует традиционная «прощальная видеозапись смертника», записанная М.С. Ханом и показанная катарским телеканалом *Аль-Джазира* 1 сентября 2005 г., и его завещание. Эти документальные свидетельства посвящены в основном «несправедливостям», унижениям, «жестокостям и зверствам», которым «мусульмане всего мира» подвергаются со стороны стран Запада. Превознося «героев нашего времени» – лидеров джихадистского движения «дорогого шейха» Усаму бен Ладена, д-ра Аймана аз-Завахири и Абу Мусаб а-Заркауи, Хан выдвигает поддержку населением западных стран своих «демократически избранных правительств» в качестве основной причины, делающей обычных граждан «напрямую ответственными» за действия своих государств, и главного оправдания ударов по гражданскому населению. Ассоциируя себя со всей уммой, Хан обращается к британским гражданам и населению других западных стран: «Вы несете такую же ответственность за действия ваших правительств, как и я – за защиту моих братьев и сестер мусульман»; «теперь вы тоже ощутите реальность ситуации» и «будете под ударом до тех пор, пока мы не будем чувствовать себя в безопасности»¹⁴.

В целом, пример группировки, совершившей теракты 7 июля 2005 г. в Лондоне, в очередной раз свидетельствует о динамичном развитии и видоизменении джихадистского движения за последние годы, за которым аналитики просто не успевают. Действительно, структура транснационального джихадистского движения начала XXI в. представляет собой переходную форму от более четко оформленного организационного идеологического и финансового ядра (*Аль-Каида*) к все более аморфной, децентрализованной,

расползающейся сети и более активному распространению ячеек по принципу, сходному с «франчайзингом». Такие ячейки разделяют идеологию и общие установки *Аль-Каиды* и используют ее имя как своеобразный *бренд*, но напрямую не связаны с ней организационно: ни в случае с лидской группировкой в Великобритании¹⁵, ни в случае с исламистами, устроившими теракты в мадридских поездах 11 марта 2004 г., не было достоверных данных об их связи с *Аль-Каидой*¹⁶.

В такой «расползающейся» сетевой структуре просматриваются признаки «сегментированной полицентричной идеологически интегрированной» сети (так называемой СПИН-структуры). Однако следует помнить, что в реальности большинство террористических структур, как на локальном, так и на более высоких уровнях, носят смешанный характер, то есть представляют собой гибриды сетевых и иерархических элементов. Например, джихадистское движение, несмотря на преобладание сетевых характеристик, демонстрирует и определенные элементы иерархии. Они присутствуют как на уровне отдельных ячеек (роль М.С. Хана как явного предводителя лидской группы), так и в рамках движения в целом (наличие лидеров, пусть и не в классическом, а, скорее, в идеологическом, смысле слова – таких, как упоминавшиеся Усама бен Ладен, Айман аз-Завахири и покойный Абу Мусаб аз-Заркауи). Характерно, что структуры смешанного, гибридного типа обычно складываются не столько в результате сознательной организационной политики, сколько органически, путем естественного приспособления к условиям существования.

Джихадистское движение не может сводиться к стандартной современной обезличенной функционально-идеологической сети (типа движения антиглобалистов) не только в силу того, что сохраняет смешанный характер не чистой, а многоуровневой иерархизированной сети. Дело в том, что, в отличие от тех же антиглобалистских сетей, для джихадистского движения одних только общих идеологических установок недостаточно, чтобы обеспечить эффективное функционирование отдельных полу- или полностью автономных ячеек на местах «в одном направлении». Эта структурная проблема решается с помощью модели, не свойственной ни сетям, ни иерархиям «в чистом виде»¹⁷ – *эффективной координации действий* низовых полу- или совершенно автономных ячеек не путем централизованного контроля (как в иерархиях) или переговоров и взаимных договоренностей (как в сетях), а с помощью *стратегических установок, сформулированных в самом общем виде*.

В условиях неформальных, латентных связей такая стратегическая координация с помощью общих директив эффективна только в двух случаях. Либо идеология движения уже сама содержит в себе достаточно четкие инструкции к определенным действиям, либо она позволяет сформулировать стратегические цели таким образом, что они могут быть осуществлены разными способами в разных условиях, но все равно будут квалифицироваться как действия в направлении единой цели. Наиболее амбициозный и военизированный вариант исламского экстремизма и концепция глобального джихада в ответ на действия Запада, воспринимаемые как «несправедливые», «преступные» и «направленные против всех мусульман», – как раз удовлетворяет обоим требованиям в качестве идеологии широкого, многоуровневого и сегментированного «посталькаидовского» джихадистского движения. В этом смысле незаменимую роль играют современные информационно-коммуникационные технологии, особенно Интернет, помогающие джихадистам структурировать движение, без труда приписывать отдельные акции общей цели. Десятки похожих друг на друга, хотя и не связанных между собой групп и ячеек по всему миру получают возможность оперативно брать на себя *виртуальную* ответственность за любую акцию, отвечающую глобальным задачам движения в целом.

Помимо общей идеологии, для эффективной координации действий отдельных ячеек джихадистского движения необходим и более высокий уровень взаимных социальных обязательств и межличностного доверия, который ни сетевая, ни смешанная структура сама по себе обеспечить не может. Джихадистов объединяет не только абстрактная идеологическая близость и ощущение собственной принадлежности к одной сети в качестве ее автономных единиц. Члены низовой ячейки, как правило, связаны между со-

бой и более тесными личными отношениями, часто сложившимися еще до их вливания в джихадистское движение. Приоритет здесь имеют не столько архаичные кланово-родственные отношения, сколько дружеские связи и личные контакты, отношения землячества, совместно приобретенный опыт (в учебе, работе, социальной активности), то есть речь идет о группе близких друзей, об ассоциации, своеобразном *братстве* единомышленников¹⁸.

Обычно группа мусульман (возможно, живущих на чужбине, или детей эмигрантов, часто неплохо интегрированных в западное общество) связана тесными дружескими, реже родственными, отношениями, вместе посещает мечеть, снимает жилье или просто регулярно собирается. Постепенно такая группа в составе от 4 до 8–10 человек внутренне интегрируется (как правило, на базе обостренного чувства отчуждения от окружающего их общества и радикального неприятия политики властей страны проживания), политизируется и радикализуется на основе антизападной исламистской идеологии, часто под влиянием лидера группы – духовного мини-авторитета и наставника. Радикализация и стремление найти новую *квазисемью* в виде джихадистской ячейки нередко обострялась после социально-культурного *сдвига* (смены страны пребывания, привычного круга общения и т. д.), усиленного *виртуальным* воздействием и демонстративным эффектом крупных событий мирового масштаба – от терактов 11 сентября 2001 г. до интервенций в Афганистане и Ираке. На каком-то этапе такая группа может прийти к идее о бесполезности *пустых разговоров* и необходимости перехода к *пропаганде действием*. После чего *кружок*, как правило, перестает посещать мечеть и начинает активно искать контакты с действующими участниками (ветеранами) джихадистского движения и способы организовать теракты. Показательно, что такая внутренняя самоиндоктринация все чаще носит почти стихийный характер, не связана напрямую с радикальными мечетями и другими центрами исламского экстремизма на Западе (!) и не обязательно происходит под влиянием известных радикальных проповедников (например, британских мулл Абу Хамзы, Абдуллы аль-Файсала, Абу Катада или Омара Бахри Мухаммада)¹⁹.

Наконец, опыт лидской джихадистской ячейки подтверждает, что главным стратегическим ресурсом джихадистов являются не столько используемое ими вооружение, которое может быть легкодоступным и недорогим, и даже не методы финансирования (которые могут быть вполне легальными) или его масштабы (даже крупные современные теракты стоят сравнительно недорого). Главный стратегический ресурс джихадистов – экстремистская идеология в сочетании с уникальной, гибкой структурно-организационной моделью, позволяющей осуществлять эффективную координацию не с помощью прямого контроля из определенного центра, а путем общих стратегических целей и установок, и обеспечивающей жесткую дисциплину и внутреннюю интеграцию даже на микроуровне отдельных ячеек.

Таким образом, современное транснациональное джихадистское движение сочетает религиозно-экстремистскую направленность с весьма модернизированными организационными формами и информационно-коммуникационными технологиями. Это не позволяет нам свести его к некоему *сетевому трибализму*, понизить уровень глобального джихада до уровня кланово-племенных стычек в Афганистане или межобщинных столкновений в Ираке. Наиболее активные джихадисты – это не племенные вожди, а образованные студенты-мусульмане и другие представители среднего класса, подобно группе британских мусульман, устроившей июльские теракты 2005 г. в Лондоне (или группе арестованных в августе 2006 г. в связи с возможной подготовкой взрывов трансатлантических авиалайнеров)²⁰. Наиболее благодатная почва для формирования современных джихадистов складывается в зонах наиболее тесного контакта с Западом – непосредственного (в мусульманских диаспорах в западных странах или в зонах расширенного западного экономического, военно-политического и культурного присутствия и влияния) или опосредованного (например, в мусульманских странах, правящие режимы которых воспринимаются как союзники или *агенты* Запада и, прежде всего, США).

ИРАК: СОЧЕТАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ПОВСТАНЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Наивысший уровень террористической активности в последние два года наблюдался в регионе Ближнего и Среднего Востока, который с большим отрывом опережал по числу терактов и жертв второй по уровню террористической активности регион – Южную Азию. Показательно, что в середине первого десятилетия XXI в. таким высоким уровнем терроризма Ближний и Средний Восток обязан даже не столько многолетнему палестинско-израильскому противостоянию, сколько ситуации в Ираке, на территории которого находятся коалиционные войска под командованием США и где с большими трудностями формируется новый, прозападный государственный режим. Им противостоит иракское движение сопротивления, состоящее из целого ряда группировок и использующее самые различные методы борьбы – от партизанских атак против иностранных войск и местных сил безопасности до терроризма и внутреннего межобщинного (межфракционного) насилия.

Движение сопротивления в Ираке носит очень динамичный характер. Оно развивается и видоизменяется (в том числе в ответ на политику и действия США и поддерживаемого ими режима в Багдаде) почти так же быстро, как и джихадистское движение на транснациональном уровне, о котором речь шла выше. Спустя три года после оккупации Ирака повстанческое движение проделало большой путь.

На ранних этапах повстанцы начинали практически с нуля: вопреки распространенному мнению, нет полной уверенности в том, что в начале 2000-х гг. Саддам Хусейн готовил полноценную стратегию партизанской войны на случай военного поражения. Это подтверждает и установившееся в Ираке в течение нескольких месяцев после свержения его режима относительное затишье, когда войскам США практически никто не противостоял. Первые повстанческие ячейки стали формироваться позднее, на самой разной основе – то есть не столько и не только в силу причастности к свергнутому баасистскому режиму, но и на базе комплекса профессиональных, семейно-клановых, соседско-общинных, регионально-земляческих и других связей. При этом мотивация повстанческих групп изначально носила скорее патриотически-националистический и постепенно – все более отчетливый религиозный характер, чем базировалась на дискредитированной баасистской идеологии²¹.

На этом этапе повстанческое движение состояло из множества небольших локализованных групп, которые появлялись так же быстро, как и исчезали. Ответственность за большинство атак либо не брал никто, либо брали сразу несколько группировок. Характерно, что на этом этапе не только первые партизанские атаки против коалиционных сил встречали поддержку населения, но и первые теракты против международных объектов, включая представительство ООН²², не вызвали неприятия у населения. Теракты же против местного гражданского населения еще не были широко распространены и приписывались в основном иностранным боевикам-джихадистам, хотя их присутствие на ранних этапах сопротивления было очень ограниченным²³ (как поначалу минимальным было и число атак смертников). В целом, уже в 2004 г. интенсивность партизанских и террористических атак со стороны повстанцев стала достигать 40–50 в день, а в начале 2005 г. возросла до 50–60 атак в день²⁴.

Уровень поддержки повстанцев со стороны местного населения варьировался по времени и в зависимости от региона и конкретной общины (например, в отличие от суннитов и значительной части шиитов, большинство курдов в целом поддерживает коалиционные силы, видя в ослаблении Иракского государства шанс улучшить позиции своей общины и реализовать свои сепаратистские устремления). С начала оккупации поддержка повстанцев как среди суннитского, так и среди шиитского населения росла, чему немало способствовало разочарование ходом политического процесса и недовольство силовыми операциями коалиционных сил. Пик этой межконфессиональной поддержки пришелся на события весны–лета 2004 г. – осаду американцами суннитской Фалуджи и подавление волнений среди шиитов в апреле и августе, включая операции против вооруженных формирований под руководством Муктады ас-Садра («Армии Махди»). Однако сближение шиитских и суннитских повстанцев оказалось недолговременным.

Радикализация сопротивления, участвовавшее в совершении менее избирательных и более смертоносных атак, в результате которых все чаще гибли иракские граждане, в основном шииты, а также сознательная политика коалиционных держав по поощрению межфракционных трений способствовали обострению межобщинных противоречий и мешали созданию единого повстанческого суннитско-шиитского фронта.

С конца 2004 г. движение сопротивления носило все более явно выраженный преимущественно суннитский характер, хотя речь и не идет о всеобщей поддержке повстанцев среди иракских суннитов²⁵. Этот процесс способствовал консолидации вооруженной оппозиции иностранным войскам и проамериканскому режиму на основе *суннитского фундаментализма и радикального иракского национализма* и заставил повстанцев уделить большее внимание пропагандистской активности. Подчеркнем, что сложившийся к концу 2004 г. преимущественно суннитский характер сопротивления в какой-то мере стал отражением этноконфессиональной основы того государства, которое США создают в послевоенном Ираке (с опорой на курдов и умеренных шиитов), и избранной ими антиповстанческой стратегии. Эта стратегия в целом носила антисуннитскую направленность при определенной опоре на курдское племенное ополчение и отчасти лояльные шиитские военизированные формирования.

К 2005 г., в отличие от хаотичного первоначального этапа, в повстанческом движении сформировалось несколько более однородных и крупных группировок. Они уже были хорошо организованы, сочетали сетевые характеристики с необходимым уровнем централизации, гибко реагировали на изменения политической обстановки и создали свою систему пропаганды с использованием новейших средств информации и коммуникации.

Одной из наиболее крупных группировок стала «Танзим аль-кайда фи билад аль-рафидайн» (*Организация Аль-Кайды в Месопотамии*), известная по американским источникам как *Аль-Кайда в Ираке* и в октябре 2004 г. внесенная США в список иностранных террористических организаций. До своей гибели 7 июня 2006 г. в окрестностях Багдада в результате американского авиаудара ее возглавлял Абу Мусаб аз-Заркауи. По заявлениям организации, две из ее 15 бригад укомплектованы смертниками (причем одна из них – исключительно иракскими добровольцами)²⁶. На протяжении 2005 г. *Организация Аль-Кайды в Месопотамии*, которая в наибольшей степени задействует иностранных бойцов, активно пыталась придать своему имиджу более *иракский* характер. При этом, однако, даже американские источники признают, что большинство ее членов – иракцы и что в целом иностранные боевики составляют лишь от 4 до 10% всех повстанцев в Ираке²⁷. Группировка является активным участником иракского сопротивления, однако американские источники склонны преувеличивать ее роль в повстанческом движении.

Не менее активна «Джейш ансар аль-сунна» (Партизаны армии сунны) – группировка, сочетающая исламизм с иракским патриотизмом и имеющая, помимо военных подразделений, политическое крыло. Одной из наиболее националистически настроенных является группировка «Аль-джейш аль-ислами филь-‘Ирак» (Исламская армия в Ираке). «Аль-джабха аль-исламийа лиль-мукавама аль-‘Иракийя» (Исламский фронт иракского сопротивления) наиболее активна на пропагандистском фронте. Наряду с этими организациями в Ираке действует и ряд более мелких повстанческих групп, например «Джейш аль-рашидин» (Армия первых четырех халифов), «Харакат аль-мукавама аль-исламийя» (Движение исламского сопротивления), «Джейш аль-та‘ифа аль-мансура» (Армия победоносной группы), «Джейш аль-муджахидин» (Армия моджахедов) и еще около 30–40 группировок.

В отличие от раннего этапа сопротивления, в 2005–2006 гг. одна из группировок уже, как правило, брала ответственность за любую крупную вооруженную акцию, а все более редкие заявления причастности к таким акциям со стороны сразу нескольких группировок свидетельствовали о росте согласованности, и, возможно, о координации действий между ними. Более того, несмотря на жесткие контрпартизанские меры коалиционных сил – регулярные специальные операции, рейды, зачистки и массовые обыски (около

8 тыс. за 2 года с мая 2003 г.), массовые аресты и задержания (около 80 тыс. иракцев за тот же период)²⁸, потерю повстанцами таких анклавов, как оплот сопротивления г. Фалуджа, и гибель ряда их лидеров (в том числе такой крупной фигуры, как Абу Мусаб аз-Заркауи), в их рядах не наблюдалось паники, а вооруженная активность не прекращалась. Напротив, налицо дальнейшее укрепление повстанческого движения в его стремлении бороться с «оккупантами и их пособниками», вплоть до совместных деклараций и операций, не говоря уже о складывающемся своеобразном *разделении труда* между различными группами²⁹.

Постепенное идеологическое сближение рядов сопротивления на основе сочетания исламизма в его военно-политической, радикально-джихадистской форме с иракским национализмом ведет к размыванию идеологических и других различий между иностранными джихадистами и иракскими повстанцами. Присутствие коалиционных сил в Ираке, воспринимаемое как «оккупация», остается главным скрепляющим элементом организационно-идеологического сближения между различными элементами сопротивления и неизвестно, сохранится ли оно в случае вывода этих сил. Тем не менее повстанческое движение отнюдь не так разнородно и разделено между иракцами и зарубежными джихадистами, как, например, можно заключить из данных американских источников. Правительство США продолжает (в том числе в политико-пропагандистских целях) настаивать на том, что эти различия неуклонно растут³⁰, и именно на этом строит свою антипартизанскую и контртеррористическую стратегию в Ираке.

В целом, оппозиционные повстанческие группировки не только едины в своей нежелании вступать в переговоры с американской коалицией и новыми иракскими властями, но и все более оптимистично оценивают шансы реализации своей первоочередной задачи – изгнания иностранных сил из Ирака, попутно включая наказание, вплоть до физического уничтожения, *отступников* из числа мусульман, перешедших на сторону врага³¹. Однако помимо этой вполне конкретной задачи ни движение сопротивления в целом, ни какая-либо из входящих в него группировок пока не выдвинули четкой политической программы относительно будущего устройства Ирака после вывода иностранных сил.

Отметим, что исламистская радикализация иракского сопротивления помогла повстанцам подвести религиозно-идеологическую базу под неизбирательное использование насилия, жертвами которого могут оказаться гражданские лица. Возможность случайной или неизбежной гибели гражданского населения в ходе борьбы с войсками коалиции и противостояния силовым структурам «коллорационистского» режима поставила руководство повстанцев перед моральной дилеммой. Эта дилемма была «решена» в рамках радикальной интерпретации концепции *джихада* (священной войны), включая принцип, в соответствии с которым те или иные действия необходимо оценивать по их цели, а не по результатам. Иными словами, «побочные» жертвы среди гражданского населения считаются допустимыми и оправданными при условии, что цель акции – прямой или косвенной – состояла в подрыве сил, мощи или влияния «врага». При этом попытки противника раствориться среди местного населения, прикрываясь им как щитом, не рассматриваются как препятствие для совершения возмездия над врагом. В таком случае действия, в результате которых могут погибнуть и мирные жители, считаются оправданными, а сами жертвы среди гражданских лиц, как и боевики, ответственные за их гибель, зачисляются в разряд *мучеников* (с той лишь разницей, что если вторые идут на смерть добровольно, то первые становятся *мучениками поневоле*).

Что касается актов *чистого терроризма*, изначально и сознательно направленных именно против гражданского населения, то подчеркнем, что до сих пор действующие группы вооруженной оппозиции в Ираке крайне редко берут на себя прямую ответственность за их совершение. Таким редким примером можно считать некоторые заявления покойного аз-Заркауи, в которых он одобрил одновременные взрывы бомб в Багдаде и Кербеле в марте 2004 г. во время шиитского праздника Ашуры (когда погибли более 180 человек) и нападение на лидера одной из крупнейших шиитских организаций Верховного совета исламской революции в Ираке А. аль-Хакима в декабре того же года. Хотя эти заявления можно интерпретировать как признание его причастности к этим терактам, даже аз-

Заркауи отрицал причастность своей организации к взрывам в священных шиитских городах Кербеле и Наджафе в том же месяце³².

В этом контексте хотелось бы отметить, что, пытаясь возложить, и не без оснований, вину за развязывание междоусобных столкновений в Ираке на «иностранных джихадистов во главе с аз-Заркауи», США сами во многом провоцируют межфракционные конфликты, опираясь на полувоенные племенные и иные формирования в своей борьбе с повстанцами и действуя по старому принципу *разделяй и властвуй*. Не удивительно, что любой очередной теракт способствует не только разжиганию междоусобных столкновений, но и росту антиамериканских настроений среди иракцев.

ВОЙНА И КРИЗИС НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ЗА РАМКАМИ ТЕРРОРИЗМА

В 2005–2006 гг. Ближний и Средний Восток оставался наиболее проблемным регионом с точки зрения не только террористической, но и военной активности. Действительно, новый всплеск насилия в зоне ближневосточного конфликта был связан уже не столько с террористическими акциями против мирного населения со стороны негосударственных группировок, сколько с локальной войной между Израилем и ливанской шиитской военно-политической группировкой «Хизбалла» и вторжением Израиля в Ливан. Число гражданских жертв, в первую очередь израильских военных ударов, только за месяц с начала военных действий 12 июля до начала перемирия 14 августа 2006 г.³³ сопоставимо со среднегодовым числом жертв террористической активности в зоне ближневосточного конфликта.

В ходе кризиса переплелись противоречия и интересы разного типа и уровня.

Среди локальных противоречий – сохраняющиеся ливано-израильские противоречия, в том числе военизированный потенциал шиитского движения «Хизбалла», рассматриваемый Израилем как угроза его безопасности, и нерешенность проблемы ливанских заключенных в Израиле, захваченных в период израильской оккупации до 2000 г. (на фоне прихода к власти исламистского движения «Хамас» в Палестинской автономии в 2006 г.).

На региональном уровне свою дестабилизирующую роль сыграли противоречивые интересы Израиля, с одной стороны, и Сирии и Ирана, с другой стороны, в Ливане и регионе в целом, стремление всех этих государств изменить общий расклад сил на Ближнем Востоке, продолжение арабо-израильской конфронтации и нерешенность палестинского вопроса на фоне продолжающегося кризиса и растущего сопротивления иностранному военному вмешательству в Ираке.

Наконец, ситуацию можно рассматривать и в более широком международном контексте – то есть прежде всего на фоне противоречий между США и такими региональными игроками, как Сирия и особенно Иран.

Тем не менее, очередной ближневосточный кризис имеет вполне конкретный подтекст и с точки зрения терроризма/антитерроризма. Он со всей остротой поднимает как минимум две более широкие проблемы, по которым в международном сообществе нет согласия.

Первая проблема – это принципиально новое соотношение между собственно терроризмом, то есть *негосударственным терроризмом* (со стороны субнациональных или транснациональных группировок и сетей), и так называемой *государственной поддержкой терроризма*. По мере постепенного снижения, особенно с окончанием холодной войны, поддержки террористических группировок со стороны отдельных государств это соотношение к настоящему моменту радикально изменилось в пользу терроризма со стороны негосударственных организаций – экстремистских с идеологической точки зрения, гибких и мобильных в плане структуры, политически автономных и все более независимых в финансовом отношении. Такой сдвиг диктует принципиальный отход от

прежних представлений и оценок террористических угроз безопасности, ориентированных преимущественно на оказание давления на «государства, поддерживающие терроризм». К сожалению, как показывает развитие иракского, палестино-израильского и в целом ближневосточного конфликта, эти изменения либо недостаточно учитываются некоторыми государствами, включая США как основного внешнего игрока, либо сознательно ими игнорируются.

Это изменившееся соотношение между негосударственным терроризмом и его поддержкой со стороны государств может несколько варьироваться и быть более или менее заметным в зависимости от конкретного региона, но в глобальном масштабе носит явный характер. Оно послужило одной из причин для возражений со стороны России на саммите «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в июле 2006 г. (который совпал с резким обострением ситуации на Ближнем Востоке) против попыток напрямую обвинить Сирию и Иран в эскалации конфликта между ливанской шиитской группировкой «Хизбалла» и Израилем. Даже если, как в данном случае, налицо близость, а порой и совпадение интересов между военизированной негосударственной организацией и рядом государств региона, усиленное их давними связями³⁴, было бы сильным преувеличением и упрощением ситуации полагать, что действия «Хизбаллы» напрямую контролировались Сирией или Ираном и осуществлялись по приказам из Дамаска или Тегерана³⁵. В более общем плане главная причина продолжающейся нестабильности в регионе кроется не столько в «злонамеренном» влиянии Сирии и Ирана (которые, как и Израиль, безусловно, готовы на многое ради защиты своих стратегических интересов), сколько в нерешенности палестино-израильского вопроса, а в последние несколько лет – и в ухудшающейся ситуации в Ираке. На этом фоне Ливан, почти восстановленный, выбравший из руин затаяющей гражданской войны и освободившийся от обеих иностранных оккупаций (израильской и сирийской), до начала очередной израильской интервенции в июле 2006 г. выглядел своеобразным *светлым пятном*. Хотя прогнозы, предрекавшие Ливану новую межфракционную войну, пока не оправдались, внутривнутриполитические позиции «Хизбаллы» в результате войны с Израилем не ослабли, а усилились, что может иметь весьма неоднозначные последствия как с точки зрения поддержания хрупкого межфракционного баланса, так и в других отношениях.

Вторая, даже более важная проблема, актуальная в том числе в антитеррористическом контексте, как раз и состоит в том, что делать, если государство слабо, а фракционная/негосударственная группировка, или движение, сравнительно сильна и популярна. Хотя такая группировка могла ранее использовать террористические методы и сохраняет возможности для их применения, она также может выступать основным политическим представителем своей общины и пользоваться широкой поддержкой у местного населения. Конечно, эта проблема выходит далеко за рамки терроризма. Важно понимать, что ключевое значение здесь имеет не столько сравнительная «сила» или «слабость» государственной власти (в их традиционном понимании как степени централизованного государственного контроля), сколько *функциональность* (дееспособность) государства в конкретных политических, этноконфессиональных, социально-экономических и региональных условиях. Например, в такой крайне пестрой в политико-конфессиональном отношении стране, как Ливан, представляющей собой союз нескольких крупных общин (маронитов, православных, суннитов, друзов, шиитов и т. д.), государство, для того чтобы быть функциональным в постконфликтных условиях (поддерживать относительную политическую стабильность и хрупкий межобщинный баланс, создавать условия для социально-экономического развития), *вынуждено* оставаться относительно слабым и децентрализованным. В этих условиях его роль во многом ограничивается тем, чтобы служить арбитром в межобщинных противоречиях. Такое межфракционное государство в целом, и его армия в частности, функциональны в том смысле, что могут поддерживать законность и порядок внутри страны, особенно между общинами, но слабы в том отношении, что не могут ни предотвратить вылазки со стороны общинных военизированных формирований на территорию другого государства, ни тем более защитить страну от внешней агрессии. Понятно, что попытки ускоренными методами искусственно *укрепить* и централизовать такое государство и силовым путем *заставить* его создавать мощный военный потенциал не просто имеют мало шансов на успех, а грозят подорвать

внутриполитическую стабильность и межфракционный баланс, которые с таким трудом удалось восстановить после десятилетий гражданской войны и вооруженного иностранного вмешательства. Если международное сообщество в лице Совета Безопасности ООН настаивает на обременении такого государства всей полнотой функций в области безопасности, включая внешнюю оборону, оно должно быть готово взять львиную долю усилий в этом направлении на себя (в том числе выполнение функций по разграничению сторон, соблюдению пограничного режима и т. д.).

В более острой форме эту проблему можно сформулировать так: что делать, если негосударственная военно-политическая организация не только сравнительно сильна по сравнению с собственным государством (что не позволяет обеспечить ее разоружения и демилитаризации внутренними силами), но и в принципе не может быть разгромлена извне без а) полного уничтожения базы ее общественной поддержки внутри страны (вплоть до геноцида против конкретной общины) и б) дестабилизации всего государства и подрыва его дееспособности путем разрушения его внутреннего межобщинного и/или социально-политического баланса? Рассмотрим эту проблему на примере палестинской «Хамас» и ливанской «Хизбаллы».

Первые десятилетия своего существования «Хамас», выросшая из отделения «Братьев-мусульман» в секторе Газа, посвятила религиозной и социально-гуманитарной деятельности, лишь впоследствии подключившись к вооруженной борьбе, в том числе с применением террористических методов. Отметим, что «Хамас», как и многие группировки этого типа, существует как бы в двух измерениях и преследует цели двух уровней. На религиозно-идеологическом уровне их конечная задача носит фундаменталистский характер и сфокусирована на создании исламского государства, для которого «Аллах является целью, Пророк является примером, а Коран – конституцией»³⁶. В идеологическом плане такие группировки не просто радикальны, а мечтают о возможности существования в *ином измерении* воображаемого аналога общества первых мусульман.

В условиях, когда в любом сколько-нибудь обозримом будущем такая «воображаемая реальность» вряд ли может быть реализована, а идея о возможности ее создания в значительной мере иррациональна, исламистские организации должны «тем временем» как-то существовать и поддерживать свою активность, в ожидании постепенного приближения к такой отдаленной цели. На этом *затянувшемся на бесконечность* промежутке времени между настоящим и отдаленным *светлым будущим* исламисты сосредотачивают свою деятельность на окружающем их обществе – от наиболее обездоленных его слоев до недовольных сегментов элит. «Хамас» является одним из самых ярких примеров такого сочетания декларированных малодостижимых религиозно-идеологических целей и несравнимо более прагматичных социально-религиозных и социально-политических задач. В частности, признанным фактом является то, что по объему, многообразию, широте охвата и эффективности социально-гуманитарная деятельность «Хамас» значительно превосходила соответствующую деятельность официальных властей – Палестинской национальной администрации. Именно эта каждодневная социальная «работа в массах» с помощью созданной «Хамас» альтернативной сети социально-религиозных центров помощи, школ, больниц и т. д. и стала главным стратегическим ресурсом этой организации, обеспечив ей поддержку значительной части палестинского населения, особенно в секторе Газа, и победу на выборах в Автономии в январе 2006 г.

В этом контексте интересно рассмотреть переход «Хамас» и других группировок этого типа к вооруженному насилию. Дело в том, что сама иррациональность конечных религиозно-идеологических целей и отсутствие видимого прогресса в их достижении делают такие исламистские организации особенно зависимыми от поддержки со стороны местного населения. Она им просто жизненно необходима для продолжения своей деятельности и существования на долгосрочной основе, по мере того как они будут медленно, постепенно продвигаться по пути создания «идеального» исламского государства. В отличие от небольших маргинальных группировок политических экстремистов (например, в странах Запада), исламистские группировки на местах, подобные «Хамас», просто не могут существовать без поддержки населения и не могут себе позволить поте-

рять эту поддержку. Зачастую именно этот императив – необходимость соответствовать чаяниям поддерживающего их населения – и заставляет таких исламистов «подключиться» к вооруженной борьбе, как это произошло с «Хамас» в начале 1990-х гг. (показательно, что в других условиях этот же императив с таким же успехом может заставить исламистов-прагматиков приостановить или прекратить вооруженное насилие, включая терроризм). Даже на пике вооруженно-террористической активности в ходе «второй интифады» в начале 2000-х гг. вооруженная борьба, включая терроризм, занимала не более одной десятой от общего объема и спектра деятельности «Хамас», основой которой продолжали составлять социально-гуманитарная работа, религиозные функции, а к середине 2000-х гг. – все заметнее и политическая активность.

В отличие от «Хамас», первоначально сформировавшейся как религиозно-социальное движение и лишь спустя десятилетия перешедшей к вооруженному противостоянию с использованием террористических методов, «Хизбалла» возникла непосредственно в ходе сопротивления со стороны шиитской общины Ливана предыдущей израильской оккупации (Южного Ливана в 1982–1985 гг. и приграничных районов в 1985–2000 гг.) и именно как реакция на эту оккупацию. Освобождение юга Ливана от израильских войск составляло главную военно-политическую цель организации вплоть до их вывода в мае 2000 г., который, с одной стороны, был воспринят «Хизбаллой» как крупная победа, но, с другой стороны, лишил ее главного повода для поддержания мощного вооруженного потенциала и поставил организацию перед первым серьезным политико-стратегическим выбором. Он был связан с, как минимум, двойственной – военной и социально-политической – и даже более многоплановой природой движения. С одной стороны, «Хизбалла» десятилетиями вела партизанскую войну против иностранных войск, в том числе с использованием террористических методов (которые, однако, не доминировали над нападениями, вылазками и обстрелами военных формирований) и продолжала сохранять и даже развивать свой военный потенциал в течение шести лет после ухода Израиля с юга Ливана – потенциал, который рассматривается Израилем как прямая угроза безопасности его северных районов. С другой стороны, в специфических условиях ливанского общества и государства, являющегося своеобразным союзом различных конфессиональных общин, «Хизбалла», во-первых, стала основной формой организации наиболее крупной шиитской общины страны, выстроив целую сеть социальных институтов – от больниц и школ до собственных СМИ (телекомпания *Аль-Манар*, сеть периодических изданий) и специального Агентства по восстановлению ущерба, нанесенного экономике подконтрольной части страны многолетней гражданской войной и иностранной интервенцией (Джихад аль-бина). Во-вторых, в этом качестве «Хизбалла» активно включилась в политический процесс, участвуя в выборах и имея фракцию в ливанском парламенте и министров в коалиционном правительстве. В-третьих, как политический представитель крупнейшей ливанской общины и единственная группировка, обладающая вооруженными формированиями, которые хотя бы отдаленно соответствуют задаче обороны страны от внешнего врага, «Хизбалла» претендует на более широкую роль в общенациональном и межконфессиональном контексте, став одной из основных патриотических сил. В-четвертых, благодаря своим связям с Ираном и Сирией, «Хизбалла» выступает не только как сектарный и национальный, но и как важный региональный игрок. Наконец, радикальная интернационалистская исламистская идеология движения имеет более широкий международный резонанс – как в мусульманском мире, так и за его пределами.

Эта сложная и многоплановая природа «Хизбаллы», и прежде всего ее встроенность в ливанскую общинно-конфессиональную мозаику и региональный контекст, объясняет, почему главная непосредственная задача военной кампании, начатой Израилем в июле 2006 г. – уничтожение военного потенциала «Хизбаллы» – не может быть реализована (по крайней мере, в том виде, в каком она ставится). Прежде всего, очередная израильская интервенция в Ливане фактически воссоздает условия, которым движение «Хизбалла» обязана своим возникновением и многолетним существованием. В остальном влияние новой ливано-израильской войны на «Хизбаллу» не столь однозначно: с одной стороны, она усиливает военизированный профиль движения и позиции его наиболее радикальных элементов, а с другой стороны – способствует не только дальнейшей

консолидации общественной поддержки «Хизбаллы» в шиитской общине Ливана, но и усиливает ее общенациональный (а не просто узкоконфессиональный) имидж, пафос и политические позиции.

В целом, на национальном (внутрипалестинском и внутриливанском) и региональном уровнях подход к таким неоднозначным и многоплановым движениям исламистско-националистического толка, как «Хамас» и «Хизбалла», вряд ли будет адекватным без сбалансированного соотнесения задач в области *безопасности* и мер по поддержанию *функциональности* государства или государственного образования. Стоит ли говорить, что путем военной интервенции такой сбалансированности добиться в принципе невозможно. Наоборот, это не просто предполагает, а настоятельно требует прежде всего внутривнутриполитической трансформации и дальнейшей политизации негосударственных игроков на национальном уровне – процессы, к которым и «Хамас», и «Хизбалла» уже начали подключаться в последние годы.

Эта стратегия должна сочетаться с легитимными международными гарантиями трансграничной безопасности в регионе (как для Израиля, так и для его соседей), подкрепленными международной помощью – в первую очередь, такому сложному межфракционному государственному образованию с традиционно и вынужденно слабой центральной властью, как Ливан, – в плане обеспечения его внешней безопасности. Наконец, в долгосрочной перспективе окончательная демилитаризация и/или частичное «огосударствление» и введение в более или менее контролируемые рамки военизированного потенциала таких исламистских движений, как «Хамас» и «Хизбалла», вряд ли возможно без возобновления и прогресса в урегулировании ближневосточного конфликта (и других очагов региональной напряженности – прежде всего, иракского).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Транснациональные сети, действующие в глобальном масштабе, и группировки, базирующиеся и оперирующие – часто десятилетиями – на локально-региональном уровне, могут быть не только идеологически близки. Между ними, их лидерами и рядовыми членами, могут наблюдаться и некоторые структурные параллели, и даже быть налажены прямые контакты (как, например, в ходе вооруженного противостояния в Ираке). Однако это еще не делает современные локально-региональные группировки исламистского толка, использующие терроризм как одну из тактик вооруженного противостояния, *автоматическим* придатком *глобального джихада*, целиком направляемым и инспирируемым извне³⁷.

Различия между террористическими структурами на локально-региональном и глобальном уровнях состоят и в масштабе их целей – неограниченно-экзистенциальными для глобального джихада и ограниченными локально-региональными/национальными рамками для местных повстанческих, сепаратистских и прочих группировок исламистского толка. Каждый из этих двух уровней терроризма сохраняет значительную степень автономии и собственную динамику и логику развития. Поэтому речь должна идти не о противостоянии некоему *всемирному исламистскому террористическому интернационалу*, полностью интегрированному от локального до глобального уровня, сколько о решении более сложной задачи – о противодействии исламистскому терроризму на различных уровнях. 🗑️

Примечания

¹ Здесь и далее вычисления проведены на основе данных Terrorism Knowledge Base. National Memorial Institute for the Prevention of Terrorism (MIPT). – Oklahoma, 2005. <http://www.tkb.org> (далее везде: MIPT Terrorism Knowledge Base). Все данные относятся только к периоду с 1998 г. включительно, так как только для периода начиная с 1998 г. база данных содержит информацию как о международных, так и о «внутренних» терактах.

² Там же.

³ Подробнее об этих тенденциях см.: Степанова Е.А. Противодействие финансированию терроризма. *Международные Процессы*. 2005. Т. 3. № 2 (8). Май – август. С. 66–73.

⁴ Report of the Official Account of the Bombings in London on 7th July 2005. – London: The Stationary Office, 11 May 2006. P. 30 (далее везде: Official Account of the Bombings in London).

⁵ Intelligence and Security Committee Report into the London Terrorist Attacks on 7 July 2005 / Cm6785. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty, May 2006. – L.: The Stationary Office, 2006. P. 17–18. Навысшие 4 уровня террористической угрозы варьируются от «значительного» до «критического».

⁶ Ibid. P. 8–9.

⁷ Ibid. P. 13.

⁸ Ibid. P. 11; Official Account of the Bombings in London. P. 4, 23.

⁹ Official Account of the Bombings in London. P. 4–5.

¹⁰ Ibid. P. 23.

¹¹ Ibid. P. 13, 16–17 etc.

¹² Ibid. P. 14–16.

¹³ Ibid. P. 18.

¹⁴ Цит. по: Ibid. P. 19.

¹⁵ Ibid. P. 31.

¹⁶ Испанские власти также не нашли доказательств того, что между группой, взорвавшей поезд на станции Аточа в Мадриде в марте 2004 г., и руководством *Аль-Каиды* существует какая-либо организационная связь. См., например: Первый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, учрежденной резолюцией 1526 (2004) по организации *Аль-Каида* и движению *Талибан* и связанным с ними лицам и организациям. Документ ООН S/2004/679, 25 авг. 2004. Нью-Йорк, 2004. С. 8.

¹⁷ Подробнее об организационной специфике современного терроризма см.: Степанова Е.А. Организационные формы глобального джихада. *Международные Процессы*. 2006. № 1 (10). Январь–апрель. <http://www.intertrends.ru/tenth/008.htm>.

¹⁸ Например, как и в случае с лондонскими терактами, взрывы в марокканской Касабланке в мае 2003 г. были совершены джихадистами, в буквальном смысле слова «выросшими на одной улице». По данным американского психолога М. Сэйджмана, обобщившего информацию об активных участниках джихадистского движения, «дружеские связи» сыграли важную роль для вступления в джихад для 68% джихадистов (причем большинство из них вступили в джихад не поодиночке, а уже в составе группы «друзей-единомышленников»). Sageman M. *Understanding Terror Networks*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.

¹⁹ Official Account of the Bombings in London. P. 29.

²⁰ Из двух десятков арестованных по этому делу, имена которых были официально опубликованы, все мусульмане-британцы возраста чуть старше 20 лет (лишь одному за 30) – студенты, работники сферы обслуживания и медучреждений, предприниматели и т. д. См., например: “Air Plot” Suspects: Names Released. BBC News, 11 Aug. 2006; Financial Sanctions: Terrorist Financing. Bank of England Press Release, 24 Aug. 2006 <http://www.bankofengland.co.uk/publications/news/2006/082.htm>; CPS Authorises Charges in Alleged Aircraft Terror Plot. Crown Prosecution Service Press Release, 21 Aug. 2006 http://www.cps.gov.uk/news/pressreleases/149_06.html etc.

²¹ Подробнее см.: Stepanova E. The Challenge of Terrorism in Post-Saddam Iraq: A View from Russia. Program on New Approaches to Russian Security (PONARS) Policy Memo No. 325. Wash. D.C.: Center for Strategic and International Studies (CSIS), April 2004. http://www.csis.org/media/csis/pubs/pm_0325.pdf

²² Несмотря на то, что США не удалось заручиться мандатом ООН на военную интервенцию в Ираке, ООН отнюдь не пользовалась популярностью среди иракцев из-за ее роли в эмбарго против Ирака в 1990-е гг.

²³ За первые полгода оккупации исламисты не взяли на себя ответственность ни за одну крупную акцию сопротивления.

²⁴ По данным председателя Объединенного комитета начальников штабов США генерала Р. Майерса. Цит. по: *Iraqi Insurgency Undiminished*. BBC. 2005, April, 27.

²⁵ Особенно учитывая пассивное неприятие значительной частью населения таких методов, как атаки смертников, направленные против иракцев, стоящих в длинных очередях в попытке получить хоть какую-нибудь работу (в том числе в новых структурах безопасности) или участвовавшие неизбирательные взрывы в общественных местах.

²⁶ *In Their Own Words: Reading the Iraqi Insurgency*. International Crisis Group (ICG) Middle East Report № 50, 15 February 2006. Amman; Brussels, 2006. P. 1.

²⁷ *Country Reports on Terrorism – 2005*. Washington D.C.: U.S. State Dep. Office on Counter-terrorism, 2006. P. 131. По правительственным данным, общая численность повстанцев в Ираке может достигать 20 тыс. В известном докладе двухпартийной Iraq Study Group численность иностранных джихардистов в Ираке оценивается в 1300 человек (см.: *The Iraq Study Group Report*. Washington D.C., 2006. P. 10. http://www.bakerinstitute.org/Pubs/iraqstudygroup_findings.pdf

²⁸ Conetta C. *Vicious Circle: The Dynamics of Occupation and Resistance in Iraq*. Project on Defense Alternatives Research Monograph №1. Cambridge (Mass.), 18 May 2005. <http://www.comw.org/pda/0505rm10.html>

²⁹ Например, «Организация Аль-Каиды в Месопотамии» больше специализируется на атаках смертников против американских сил и объектов, а «Джейш ансар аль-сунна» – на нападениях на иракские силы безопасности.

³⁰ *Country Reports on Terrorism – 2005*. P. 130.

³¹ *In Their Own Words: Reading the Iraqi Insurgency*. P. ii, 14.

³² *Country Report on Terrorism – 2004*. Wash. D.C.: U.S. State Dep. Office on Counter-terrorism, 2006. P. 61.

³³ По официальным данным ливанских властей, на конец августа 2006 г. в результате военной операции Израиля против Ливана с 12 июля по 14 августа погибли 1287 ливанцев, в основном мирных жителей, и более 4 тыс. получили ранения. Из 157 убитых израильтян 118 – военнослужащие. Цит. по: *Росбизнессалтинг*. 2006, 20 августа.

³⁴ Так, например, хотя иранские аятоллы пользуются большим авторитетом у «Хизбаллы», на практике еще не было случая, чтобы духовный лидер Ирана Али Хаменеи изменил или настоял на отмене какого-либо решения Консультативного совета по принятию решений – высшего политического органа «Хизбаллы», генеральным секретарем которого с 1992 г. является шейх Хасан Насрулла.

³⁵ С таким же успехом можно было бы утверждать, что Израиль действует напрямую и исключительно под диктовку со стороны Вашингтона.

³⁶ Текст Устава «Хамас» в английском переводе доступен на сайте проекта «Авалон» юридического факультета Йельского университета (США): *Covenant of the Islamic Resistance Movement*, 18 Aug. 1988. – Article 5: <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/mideast/hamas.htm>

³⁷ Как, впрочем, и *безвольным* объектом полного контроля и безграничной манипуляции со стороны тех или иных региональных держав.

Екатерина Шадрина

БОЛЬШАЯ КАСПИЙСКАЯ ИКРА

Почти все, что связано с историей осетровых, представляет смесь легенд, слухов и фактов, которые подчеркивают уникальность этого вида рыб. Осетровые – одни из древнейших представителей животного мира, которые появились более 250 миллионов лет назад и до сегодняшнего дня сумели пережить все катаклизмы на Земле, а также своих ровесников – динозавров и мамонтов. Есть археологические свидетельства того, что еще за 2400 лет до нашей эры египтяне и финикийцы засаливали черную икру, чтобы использовать ее в качестве консервов во время долгих морских путешествий. С древности в Китае существовала легенда, что осетр со временем превращается в дракона¹.

Первые упоминания об осетровых и продукции из них можно обнаружить в работах Гомера, Геродота и Аристотеля. Одна из легенд гласит, что люди в Европе узнали об икре осетровых после походов Александра Македонского. Его учитель Аристотель описывал античные пиры, на которых икра подавалась на стол победителей под звуки триумфальных маршей. Про осетровых Каспийского моря писал Клавдий Элиан, греко-римский писатель II в. н. э., рассказывая об огромном озере в земле каспиев, где водятся большие остроносые рыбы. Геродот упоминал о скифских племенах, добывавших осетровых, более 2500 лет назад, арабский писатель Ибн-Факих говорит о них в «Книге о странах» в IX в., а Марко Поло и Олеарий уже описывали в деталях добычу осетровых в Каспийском море. Русские рыбаки научились производить икру еще в XII в., а в начале XVI в. папа римский Юлий II ввел икру в меню европейских королевских мероприятий.

Казалось, что такое завидное долголетие служит гарантом бессмертия этой популяции, но грубое вмешательство человека на протяжении всей истории привело к тому, что осетровые в большинстве регионов мира практически исчезли. Специалисты насчитывают 28 видов осетровых рыб, которые обитают в Северном полушарии и, помимо прикаспийских стран, встречаются в Румынии, США, немного в Западной Европе (Франции, Испании, северной части Адриатического моря), Украине, Турции, Болгарии и Китае.

В наше время основная часть (более 90%) мировых запасов осетровых рыб сосредоточена в бассейне Каспийского моря, но в последние годы эти запасы катастрофически сократились, а теперь и вовсе находятся на грани полного исчезновения. Именно проблема сохранения популяции осетровых будет рассмотрена в данной работе, где я анализирую причины сложившейся ситуации и предложу рекомендации по ее возможному решению.

ОСЕТРОВЫЕ КАСПИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Взаимосвязь между природными ресурсами и безопасностью государства указывает на то, что резкие негативные изменения, связанные с потерей средств к существова-

А
Н
А
Л
И
З

нию, подрывают устойчивость сообществ и повышают вероятность возникновения напряженности и даже конфликтов с применением силы². Нехватка природных ресурсов, зависимость от них, ущемление прав, связанных с их использованием, а также экологическая маргинализация – вот типичные причины, ведущие к возникновению конфликтов³. Сегодня борьба за эти ресурсы Каспия происходит на международном и региональном уровнях. И в обоих случаях присутствует конфликтный фактор. Богатый нефтегазовый потенциал делает Каспийский бассейн субъектом геополитики, привлекая внимание ведущих мировых держав, в первую очередь США, Великобритании, Франции и Китая, которые пытаются установить контроль над такими ресурсами и путями их транспортировки на мировые рынки. Распад СССР, создание новых независимых государств в 1990-х гг. привели к трансформации политической ситуации в регионе и открыл доступ к его энергоресурсам. Каспий приобрел приоритетный статус в стратегиях региональных и международных игроков.

На региональном уровне четко прослеживается связь между региональной безопасностью и эксплуатацией водных биоресурсов, борьба за которые может перерасти в конфликт между прикаспийскими странами⁴ или, как в свое время предостерегал У.Т. Касенов, в «осетровую войну»⁵. Пока настоящая *осетровая война* идет между теневыми структурами и правоохранительными органами и достигла эта война таких масштабов, что ученые пророчат биологическую катастрофу в самое ближайшее время. В Дагестане, например, продолжает сохраняться напряженность в отношениях между значительной частью населения прибрежных районов и правоохранительными органами. Неоднократно отмечались столкновения между жителями дагестанского и калмыцкого побережья и служащими Каспийской государственной морской инспекции Каспийского пограничного управления. Дело дошло до того, что в г. Каспийске был взорван жилой дом (16 ноября 1996 г.), в котором проживали семьи пограничников⁶.

Истощение водных биоресурсов уже начинает представлять угрозу безопасности прикаспийских стран, ведет к обострению отношений между ними. Во-первых, идут непрекращающиеся споры и разногласия между сторонами о выработке общих концепций по рыболовству на Каспии, определении экологических аспектов, связанных с интенсивной добычей нефти и газа на шельфе, и мере ответственности за экологические катастрофы⁷. Во-вторых, периодическое бойкотирование совместных заседаний Комиссии по водным ресурсам отдельными странами, в частности Туркменистаном, взаимные обвинения в деградации биосистемы моря, неэффективной борьбе с браконьерами и теневыми структурами и различная степень приоритетности вопроса по сохранению биоресурсов в странах Прикаспия ведут к напряженности межгосударственных отношений. Разногласия между этими государствами препятствуют выработке совместных подходов к управлению и рациональному использованию биоресурсов Каспия, сохранению его биологического разнообразия как элемента общемирового значения. Эти сложные взаимоотношения еще больше усугубляются неопределенным статусом Каспийского моря.

Деградация биоресурсов моря также несет серьезные экономические последствия населению прибрежных районов прикаспийских стран, для которого рыболовство (в основном браконьерство) является единственным источником дохода, и самим странам, которые теряют многомиллионную прибыль от невозможности экспорта икры.

ОСЕТРОВЫЕ ВОЙНЫ

В Каспийском бассейне обитают шесть видов и один подвид осетровых (*Acipenseridae*): белуга (*Huso huso*), шип (*Acipenser nudiiventris*), стерлядь (*Acipenser ruthenus*), русский осетр (*Acipenser gueldenstaedti*), персидский осетр (*Acipenser persicus*), севрюга северокаспийская (*Acipenser stellatus*) и севрюга южнокаспийская (*Acipenser stellatus stellatus nation cyrensis*)⁸. На протяжении всей истории каспийского рыболовства уловы осетровых рыб испытывали значительные колебания, которые определялись уровнем воспроизводства популяции и интенсивностью промысла⁹. В настоящее время наблюдается резкое снижение численности практически всех видов и популяций осетровых в морских

и пресноводных водоемах Каспийского бассейна, обусловленное влиянием антропогенных и природных факторов, прежде всего браконьерства, а также изменением уровня моря и кормовой базы¹⁰. Среднегодовые уловы осетровых в Каспийском бассейне в XX в. изменялись (по пятилетним периодам) от 32 тыс. т в 1900–1905 гг. с падением до 7 тыс. т в 1940–1945 гг., затем с ростом до 20–25 тыс. т в 1975–1985 гг. и опять с резким падением до 1,1 тыс. т в 2001–2005 гг.¹¹

Самый ценный продукт осетровых, из-за которого и происходит истребление популяции, – это знаменитое на весь мир своеобразное *черное золото* – **икра** (*caviar*), уникальный по своим качествам продукт, синонимом названия которого длительное время была *русская икра*. Только икра осетровых имела право носить название *caviar*. По товарной ценности лидирует белужья икра, за ней следует осетровая, а на третьем месте – севрюжья. На рынке Западной Европы и США цена килограмма икры белуги (в мелком опте) колеблется от 2–3 тыс. долл. США, на отдельные партии она достигает 10 тыс. долл. за килограмм. Ресторанная цена на 50–100 % выше. Икра осетра, как правило, в два раза дешевле белужьей (до 1,5 тыс. долл. США за 1 кг), севрюжья стоит чуть более 1,2 тыс. долл.

Первая осетровая война: с древних времен по 1986 г.

Этот период борьбы с осетровыми начался в XII в., когда на Волге научились добывать икру. Во времена Золотой Орды астраханские татары придумали перегораживать протоки реки так называемыми учугами, чтобы осетровые не доходили до русских. Учуг (забойка) – забор из бревен на реке на пути миграции рыбы, наиболее древний и варварский способ лова рыбы. Во времена Ивана Грозного фактически начался промышленный лов, сопровождаемый развитием браконьерства на государственном и бытовом уровне. Промысел стал осуществляться способами, которые не только позволяли добывать рыбу, но и зачастую наносили ущерб рыбным запасам. Учуги и крючковые снасти, которыми ловили рыбу, повреждали ее в больших количествах, вызывая болезни и гибель рыбы (не зря потом эти снасти стали запрещать). Тогда же появилось неучтенное изъятие и браконьерство. С этого периода осетровые стали поставляться к царскому столу; например, по указу царя Алексея Михайловича в Москву доставлялось до 1500 живых осетров в год. Указом от 6 января 1704 г. Петр Первый ввел государственную монополию на рыбный промысел, положив начало традиции рассматривать осетровых как *царскую рыбу*, которая сохранилась в России практически до революции.

В советское время развитие промышленности привело к появлению большого количества вредных отходов, которые сбрасывались в водоемы и также приводили к сокращению запасов водных биоресурсов. Гидростроительство на реках Волга, Терек и Кура привело к потере нерестилищ осетровых и резко снизило масштабы естественного воспроизводства. Однако проблема сокращения популяции была частично решена за счет строительства и эксплуатации осетровых рыбоводных заводов, выращивающих молодь для последующего выпуска в море, и наложением временного (три года) моратория на вылов. Подобную роскошь мог себе позволить только Советский Союз, у которого была госмонополия на вылов и который жестко контролировал ситуацию в сфере производства и сохранения осетровых. Тем не менее впоследствии, когда основой промысла стали малочисленные поколения рыбы 1975–1977 гг. (периода малых пропусков воды волжским каскадом водохранилищ и низкого уровня моря), а браконьерство в реке и в море превысило масштабы промышленного вылова, запасы осетровых резко сократились¹².

Вторая осетровая война: СССР – Иран, 1986–1991 гг.

Начавшееся в 1960–1970-х гг. загрязнение Волго-Каспийского бассейна нефтью, нефтепродуктами, промышленными и хозяйственно-бытовыми сточными водами значительно возросло к 1987–1988 гг. Как следствие, в этот период (особенно в 1988 г.) отмечается массовая гибель осетровых в Волге, ниже Волгограда из-за сброса ядовитых веществ.

У осетровых обнаруживается миопатия – заболевание, поражающее мышечную ткань, печень, икру и молоки. В этот же период Иран начал необъявленное противодействие СССР на международном рынке. Американский рынок для Ирана был закрыт, а на европейском рынке превалировала *русская икра*. Воспользовавшись информационной открытостью советских СМИ в связи с перестройкой, когда СМИ активно писали об экологической катастрофе на Волге, в Западной Европе стали появляться многочисленные статьи и передачи о том, как плоха *русская икра* и как хороша иранская¹³. Иран в это же время стал наращивать поставки икры на европейский рынок, естественно, увеличив добычу рыбы, что можно назвать государственным браконьерством. Да и СССР не очень оставал в этом вопросе, правда, в какой-то степени компенсировал свою деятельность на промысле работой осетровых рыбоводных заводов и значительным выпуском молоди.

В итоге, этот период характеризуется государственным браконьерством Ирана и СССР, которые в значительной степени сократили запасы осетровых. Одним из следствий этих войн, агрессивной маркетинговой политики Ирана, бездеятельности, а иногда и неуклюжей, непродуманной политики советских чиновников стала потеря брэндом *русская икра* своей значимости, и, соответственно, появление нового брэнда *иранская икра*.

Третья осетровая война: с 1991 г. до наших дней

Более 60 лет СССР и Иран (под контролем своего северного соседа) стабильно добывали и экспортировали продукцию из осетровых на мировой рынок, при этом обеспечивая сохранность популяции (периодически сокращая или наращивая их запасы). Ситуация резко изменилась в постсоветский период, когда в одночасье появилось пять прикаспийских стран, и только у одной из них – Ирана – сохранилась монополия государства на вылов осетровых. По данным Международного фонда охраны природы, за последние 100 лет мировые запасы осетровых уменьшились на 70%, причем браконьерский вылов гораздо выше законного – и на Каспии, и в бассейне Волги такой вылов превышает законный в 10–12 раз (по данным на 2002 г.)¹⁴. По словам директора Международного института по изучению осетровых Мохамеда Пурказеми, последнее исследование каспийской популяции осетровых показало, что их запасы резко истощаются и только за последний год уменьшились на 30% (2005 г.)¹⁵.

График 1. Динамика численности (в млн.шт.) и уловов осетровых (в тыс.т.) в Каспийском бассейне¹⁶

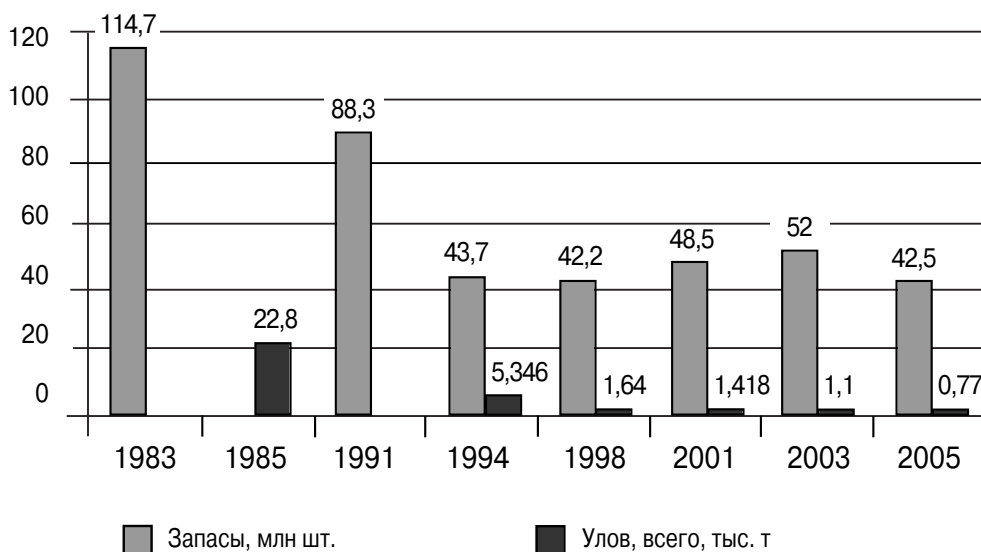
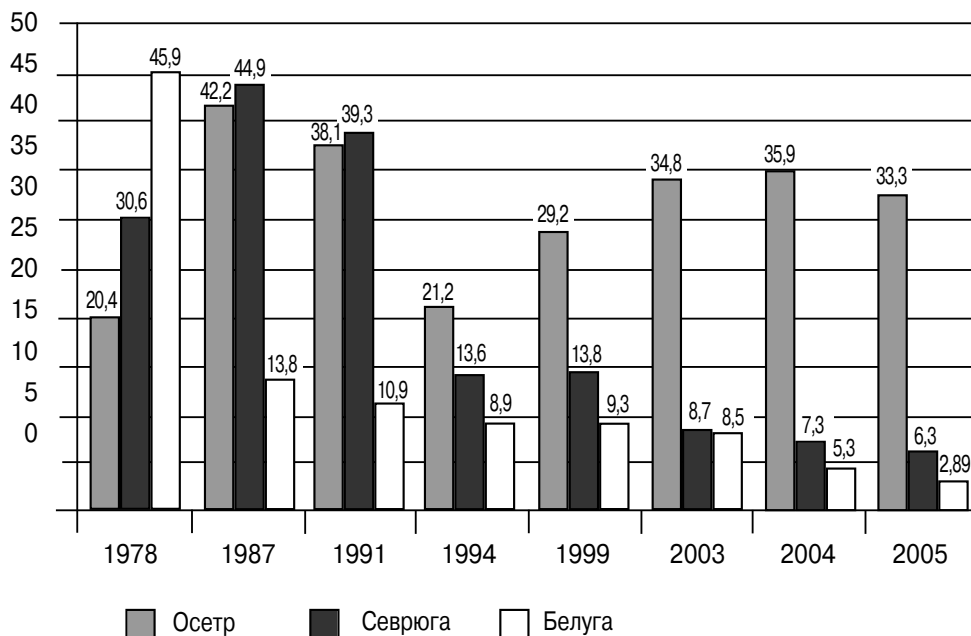

График 2. Динамика численности основных видов осетровых в Каспийском бассейне (млн.шт.)¹⁷

Кроме того, добавилось несколько новых факторов, которые поставили осетровых под угрозу исчезновения:

- Бюджетный кризис, новые приоритеты и сложное экономическое положение четырех новых прикаспийских государств, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, сразу же сказались на их деятельности по воспроизводству осетровых. Рыбоводные заводы из-за недостаточного финансирования оказались на грани остановки и резко снизили выпуск молоди в Волгу и Каспий, нарушив баланс, поддерживаемый в СССР для уменьшения ущерба, наносимого популяции рыбы вследствие строительства плотин и действия других антропогенных факторов.
- Резко увеличившиеся объемы разведочных работ и промышленное освоение нефтегазовых месторождений на шельфе и, как следствие, полномасштабное загрязнение Каспийского моря (при наличии традиционной проблемы – загрязнения Каспия и рек, впадающих в этот водоем, промышленными отходами предприятий с неэффективными системами очистительных сооружений). В свою очередь, загрязнение среды обитания и нерестилищ ведет к болезням осетровых рыб, которые уже зафиксированы учеными. Главным загрязнителем моря, безусловно, является нефть. Нефтяные загрязнения подавляют развитие фитобентоса и фитопланктона Каспия, представленных сине-зелеными и диатомовыми водорослями, снижают выработку кислорода, вызывают массовую гибель рыб и других живых организмов, оказывая негативное влияние на популяцию осетровых. Кроме того, с балластными водами нефтяных танкеров из Черного моря были занесены чужеродные виды морских обитателей (гребневик мнемнопсис – разновидность медузы), которые теперь активно размножаются на Каспии, подрывая кормовую базу одного из объектов питания осетровых – кильки. Ее массовая гибель (40% популяции), в том числе и из-за вторжения чужеродных видов,

только осложнила драматическую ситуацию на Каспии и впервые заставила ученых прикаспийских стран осознать новый вид угроз. Да и внезапный выброс сероводорода со дна Каспийского моря, повлекший за собой гибель многих видов каспийской фауны, в том числе и кильки, радикально нарушил всю экосистему водоема.

- Повышение уровня Каспия и, как следствие, затопление нефтяных скважин, загрязнение от которых уже стало экологической катастрофой. Дальнейшее прогнозируемое повышение уровня моря приведет к необратимым последствиям для экологии этого водоема и региона в целом. Само по себе повышение уровня моря не является экологической катастрофой и не несет угрозы осетровой популяции, основной ущерб связан в этом случае только с хозяйственной деятельностью человека. Уровень Каспия всегда испытывал колебания, которые являются нормальным проявлением неустойчивого состояния замкнутого водоема с переменными условиями на внешних границах¹⁸. Резкие колебания уровня моря создавали временные неблагоприятные условия для осетрового стада (при снижении уровня), которое быстро преодолевало временные ухудшения¹⁹.
- Загрязнение моря радиоактивными отходами, что привело к повышенному содержанию урана в организмах обитателей моря – в пять раз больше, чем в других водоемах²⁰.
- Неопределенный правовой статус Каспийского моря является основной проблемой, которая тормозит принятие соглашения прикаспийскими странами по охране водных биоресурсов Каспия в общем и осетровой популяции в частности. После образования новых прикаспийских стран в начале 1990-х гг. стало ясно, что российско-иранские договоры 1921, 1935 и 1940 гг., регулирующие статус Каспия, не соответствуют новой геополитической действительности. Вопрос нового статуса моря остается нерешенным вот уже 15 лет, так как страны все не могут договориться по вопросу о размере суверенной зоны для каждого государства, освоения углеводородов и биоресурсов, а также по природоохранным стандартам, рыболовству и мере ответственности за загрязнение Каспия. До определения статуса Каспия все страны придерживаются советско-иранских договоров, по которым Россия, Казахстан, Туркменистан, Иран и Азербайджан имеют суверенные права на 10-мильную зону и равные права на ресурсы остальной части моря. При этом Каспийское море является закрытым водоемом для государств, не имеющих естественного доступа в его бассейн, и их компаний.
- Основной причиной гибели популяции осетровых остается браконьерство, организованное на международном уровне, фактически не признающее никаких границ, хорошо технически оснащенное.

Представьте, что на все это накладываются последствия интенсивного экономического развития прикаспийских стран, разработка потенциального проекта прокладки газопровода по дну Каспийского моря, коррупция официальных структур, высокая степень организованности преступности. Результат совокупного действия этих факторов – катастрофически быстрое и полномасштабное исчезновение осетровых, огромные экономические потери прикаспийских стран. По оценке исполнительного директора Ассоциации предприятий по добыче и воспроизводству осетровых В.Н. Пальцева, финансовые потери прикаспийских стран из-за снижения уловов осетровых за период с 1996 по 2005 гг. превышают 10 млрд долл.²¹ Строго говоря, эти потери складываются из собственно недолова и незаконного вылова осетровых, который оценивается за указанное десятилетие всего по Каспийскому бассейну в 90 тыс. т, или в стоимостном выражении в 6,8 млрд долл.²²

ВСЕ НА СПАСЕНИЕ ОСЕТРОВЫХ!

В настоящее время главным международным органом, оказывающим воздействие в части сохранения осетровых, является Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения – СИТЕС (*The Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora, CITES*), которая с 1998 г. включила все виды осетровых в свои Приложения I и II (до 1997 г. было включено только 4 вида).

Роль СИТЕС

Для экспортеров и импортеров продукции осетровых, и также для индивидуальных лиц это означает, что международная торговля продукцией осетровых, включая икру, должна осуществляться в соответствии с правилами, определенными Конвенцией. Под контролем и с участием национальных административных и научных органов СИТЕС икра, отгружаемая на экспорт, должна иметь разрешительный документ, а банки – специальную маркировку, которая позволяет определить страну происхождения, вид рыбы, из которого она произведена, год изготовления, тип икры (*дикий*, т.е. из природы, или из аквакультуры), номер предприятия-изготовителя и идентификационный номер отгружаемой партии.

Страны-экспортеры ежегодно информируют Секретариат СИТЕС о мерах, принятых по сохранению популяции, и совместно согласовывают прогнозируемые объемы экспортных квот на продукцию осетровых на следующий год. Секретариат СИТЕС, в свою очередь, может согласиться с ними, о чем свидетельствует официальная публикация на сайте этой организации, или не публиковать квоты, если представленный отчет каждой страны по плану мер и действий, направленных на сохранение осетровых, будет признан неудовлетворительным. Правилами СИТЕС также ограничивается вывоз и ввоз черной икры для индивидуального пользования до 250 г на человека.

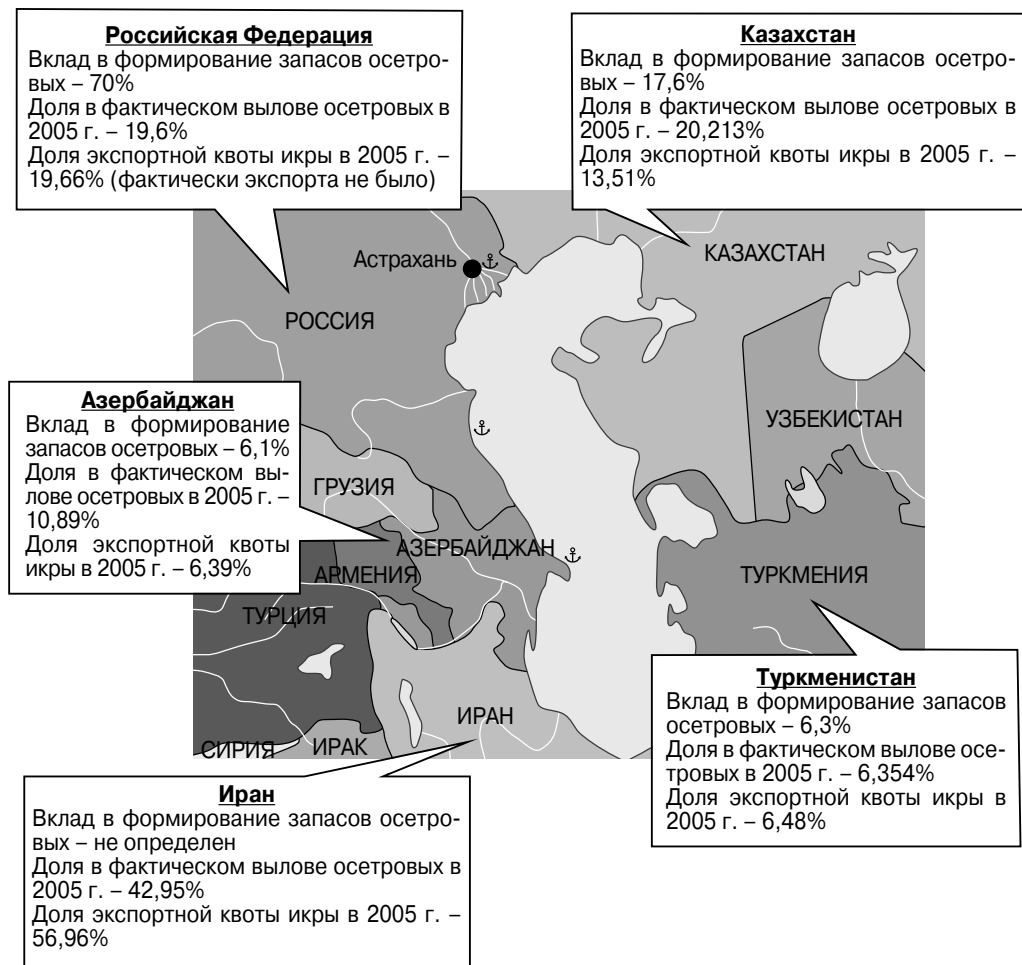
На Конференции стран – участниц СИТЕС в 2000 г. было решено ввести стандартную и унифицированную систему маркировки для экспорта икры²³. В 2001 г. СИТЕС инициировала встречу и последующее подписание так называемого «Парижского соглашения», обязывающего Россию, Казахстан, Азербайджан и Туркменистан принять срочные меры по предотвращению сокращающихся запасов осетровых на Каспии. Пока ни одна из перечисленных стран не смогла обеспечить выполнение рекомендаций этого соглашения, которые предусматривают коллективный подход к проблеме, борьбу с браконьерством и нелегальной торговлей, регулирование продаж продукции осетровых на внутреннем рынке и введение единой маркировки.

Каждый год СИТЕС публикует квоты на экспорт икры из прикаспийских стран на основе представляемой этими странами в Секретариат информации о состоянии популяции осетровых, о работе, проделанной по ее сохранению, и о принятых мерах по пресечению браконьерства. В январе 2006 г. СИТЕС объявила о том, что временно не публикует экспортные квоты на икру из прикаспийских стран, так как они не предоставили в Секретариат информацию об объемах икры незаконного происхождения²⁴. В 2006 г. Секретариат СИТЕС опубликовал экспортную квоту только на икру персидского осетра для Ирана (квота – 44,3 т вместо 51 т, заявленной Тегераном), признавая таким образом, что Иран выполнил все рекомендации Парижского соглашения и Резолюции 12.7²⁵. Это вызвало сомнения ихтиологов в четырех остальных прикаспийских странах, которые не согласились с решением Секретариата СИТЕС о признании персидского осетра эндемичным видом. В публикации не было *нулевой квоты* для других четырех видов осетровых, добываемых этим государством, *нулевых квот* также нет для остальных государств. А ведь только такая квота означает полный запрет экспорта. Такая позиция Секретариата не способствует консолидации стран Прикаспия и вызывает большую озабоченность у их руководства²⁶.

После предоставления четырьмя странами необходимой информации решением Секретариата СИТЕС от 2 января 2007 г. был снят запрет на экспорт икры осетровых (осетра и севрюги) из России, Туркменистана, Казахстана и Азербайджана. Согласно квотам, опубликованным СИТЕС, в 2007 г. Россия сможет экспортировать 23,5 т икры, Туркменистан – 2,33 т, Казахстан – 11,57 т, Азербайджан – 6,36 т²⁷. Запрет на экспорт икры белуги сохраняется для всех прикаспийских стран, так как они предоставили неполную информацию о состоянии популяции, а окончательное решение СИТЕС по этому виду будет опубликовано в ближайшие месяцы. По сообщению Секретариата СИТЕС, прикаспийские страны договорились сократить общую квоту на улов шести видов осетровых на 20% по сравнению с 2005 г., а общая квота на экспорт икры в 2007 г. сокращена на 15%²⁸.

Карта 1. Действия прикаспийских стран по сохранению осетровых

Россия

В 1992 г. в Астрахани президент РФ Б.Н. Ельцин подписал распоряжение «О мерах по охране осетровых видов рыб Каспийского бассейна», которое стало основополагающим документом для разработки долгосрочной программы воспроизводства, сохранения и увеличения численности осетровых видов рыб, частично реализованной к настоящему времени²⁹.

Россия играет первостепенную роль в воспроизводстве осетровых, выпуская около 50–55 млн штук молоди белуги, осетра и севрюги, которых выращивают восемь рыбобродных заводов Астрахани – икорной столицы на Каспии³⁰. Всего за годы своей деятельности (с учетом 2006 г.) этими заводами выпущено более 1,2 млрд штук молоди осетровых. Как следствие, сегодня свыше 90% белуги, свыше 60% осетра и около 50% севрюги имеют происхождение от искусственного воспроизводства осетровых рыбобродными заводами России.

Осетровые в процессе эволюции из-за высоких адаптивных способностей сохранили возможность поддерживать в реальных природных условиях численность популяции, достаточную для компенсации естественной убыли и промысловой нагрузки, поэтому Каспийский бассейн остается по-прежнему важнейшим рыбохозяйственным водоемом России. Несмотря на заметные достижения по сохранению популяции, уловы осетровых в России продолжают стремительно снижаться: если в 1990 г. было выловлено почти 12 тыс. т осетровых и отгружено на экспорт более 100 т икры, то в 2000 г. рыбы по официальным отчетным данным добыто всего 470 т и экспортировано только 25 т. С 2000 г. в России прекращен промышленный вылов осетровых и разрешен только их прилов при промысле других видов речных рыб, а с 2005 г. был запрещен и такой прилов. Сейчас осетровые добываются для целей воспроизводства и научных исследований.

Несмотря на официальные заявления и постановления, российские магазины бесперебойно предлагают различную продукцию из осетровых. По словам Р. С. Моисеева, директора Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Петропавловск-Камчатский), в сфере торговли икрой и рыбой сложилась многоуровневая, многоотраслевая теневая система:

«[...] одни ловят, другие заготавливают, третьи хранят в холодильниках, четвертые транспортируют до самолета, пятые везут на самолете, шестые принимают на аэродроме в Подмосковье, где находятся основные рыбоперерабатывающие заводы. Кто-то содержит эти заводы, кто-то реализует продукцию, а кто-то *крышует*»³¹.

Россия, по заниженным подсчетам, теряет ежегодно до 400 млн долл. от браконьерства, и даже Турция, которая вообще не располагает запасами осетровых рыб, обогнала Россию по экспорту этого деликатеса³². По оценке МВД России, теневой доход от незаконной добычи икры и рыбы осетровых пород сопоставим с прибылью, получаемой от незаконной торговли наркотиками³³.

Браконьерство существует во всех трех прикаспийских субъектах Российской Федерации: Дагестане, Калмыкии и Астраханской области. Такой промысел первыми двумя ведется в море, при этом браконьеры работают не только в районах *своего* побережья, но проникают и в соседние районы, и в воды Казахстана, уходя далеко на восток от своих берегов. «Байды» – специальные скоростные суда, оснащенные импортными подвесными моторами, системами спутниковой навигации, позволяют при хорошей погоде буквально за считанные часы доходить до мест лова. В Астраханской области браконьеры действуют и в реке – используя, как правило, небольшие суда, и в море – аналогично тому, как ведут добычу браконьеры Дагестана и Калмыкии. Кому-то из названных субъектов отдать *пальму первенства* невозможно, однако анализ публикаций в региональных и федеральных СМИ показывает, что чаще всего правоохранные органы задерживают в море выходцев из Дагестана и Калмыкии.

Основная проблема российского подхода к сохранению осетровых и получению прибыли от их экспорта – это, безусловно, государственная бюрократия, коррупция и кажущаяся неприоритетность данного вопроса в государственной политике. Несмотря на многочисленные заявления властей о необходимости срочных реформ касательно рыболовства в целом и осетровых в частности, *де-факто* сделано совсем немного.

Тем не менее определенные предпосылки для улучшения ситуации за последние два года были созданы.

Во-первых, был сформирован Административный орган СИТЕС Российской Федерации, занимающийся осетровыми видами рыб (сентябрь 2005 г.), который отвечает за соблюдение процедур СИТЕС и находится сейчас в ведении Минсельхоза и Россельхознадзора. Трудно поверить, что из-за бюрократической задержки с созданием этой структуры Россия несколько лет не могла экспортировать черную икру, теряя при этом серьезные прибыли³⁴. По словам директора научно-производственного центра по осетроводству *БИОС* Л.М. Васильевой, причины тому – сугубо бюрократического свойства:

«В Болгарии, к примеру, где есть орган СИТЕС, на то, чтобы получить лицензию и вывезти икру за границу, уходит полдня. Мне же нужно пройти 12 ведомств, на что уходит целых два месяца. Имея маточное стадо, мы ничего не можем сделать. В результате Россия теряет свое национальное достояние»³⁵.

Во-вторых, с 1 января 2005 г. вступил в силу Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (до этого его просто не существовало!). Российскими парламентариями был разработан проект модельного закона о сохранении осетровых рыб для государств – участников Межпарламентской ассамблеи СНГ. По мнению Г.А. Горбунова, председателя Комитета по аграрно-продовольственной политике Совета Федерации Федерального Собрания РФ и одного из разработчиков законопроекта, принятие такого закона будет первым шагом в направлении консолидации законодательных усилий государств в управлении водными биологическими ресурсами Каспийского и Азовского морей. Кроме того, Президентом России В.В. Путиным подписан Федеральный закон «О принятии Российской Федерацией Устава Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций», что является официальным вступлением государства в эту международную организацию, известную под аббревиатурой *ФАО (Food and Agriculture Organisation of the United Nations, FAO)* и играющую важную роль в мировом рыболовстве.

В-третьих, подготовлен ряд проектов нормативных актов, регламентирующих деятельность в отношении осетровых³⁶.

Наконец, ужесточаются меры по предотвращению загрязнения российской части Каспийского моря. В июле 2006 г. Федеральная служба по надзору в сфере природопользования Министерства природных ресурсов России заявила, что намерена предпринять комплекс мер по недопущению загрязнения российской части Каспийского моря в результате увеличения перевозки нефти и нефтепродуктов сопредельными с Россией государствами. В связи с этим у министерств и ведомств будет запрашиваться информация об организации системы безопасности перевозки нефти и нефтепродуктов сопредельными государствами, о транспортных средствах, перевозящих опасные грузы через акваторию, прилегающую к границам России, а также информация о том, кому принадлежит нефть, которая в случае попадания в Каспийское море нанесет непоправимый ущерб экологии Астраханской области, Калмыкии и Дагестана³⁷.

Азербайджан

Азербайджан занимает второе место после России по искусственному разведению осетровых с мощностью рыбоводных заводов около 30 млн единиц рыбы в год. Первый в истории осетровый рыбоводный завод был построен в Нефтчалинском районе на реке Кура в 1954 г., где в результате научно-исследовательских работ с участием ученых с мировыми именами и десятилетних опытов впервые в мире были разработаны биотехнические нормативы искусственного разведения осетровых³⁸. Позднее такие заводы были построены на Волге, а затем в Иране и Казахстане. По словам Гусейна Багирова, министра экологии и природных ресурсов Азербайджана, за годы существования трех осетровых рыбоводных заводов в Азербайджане в Каспийское море выпущено более 200 млн единиц молоди осетровых рыб. Кроме того, в 2003 г. за счет кредита Всемирного Банка в Азербайджане был построен современный осетровый рыбоводный завод с проектной мощностью 15 млн единиц молоди в год³⁹. На данный момент это самый современный осетровый рыбоводный завод на Каспии и четвертый в Азербайджане. По

официальным данным, выпуск молоди осетровых всеми заводами Азербайджана составил 16,89 млн штук со средней навеской 1,2 грамма при стандартной в 3 грамма⁴⁰. В таких условиях Азербайджан настаивает на увеличении ежегодной квоты на вылов, устанавливаемой странами в зависимости от национального вклада в восстановление популяции⁴¹.

Как и в России, главной проблемой продолжает оставаться браконьерство, несмотря на существующие законы – Закон о рыболовстве (1998 г.) и Постановление об охране осетровых видов (1998 г.). Доходы от азербайджанского экспорта не разглашаются, но, по данным местных СМИ, торговлю осетровыми в Азербайджане контролирует организованная преступность. Р. Гаджиев, начальник департамента по сохранению осетровых видов в министерстве экологии и природных ресурсов Азербайджана, считает, что браконьерство дает 10–15% всей рыбодобычи в стране⁴². По данным на 2006 г., МВД готовило новые катера для рыбнадзора, который сейчас располагает всего одним судном для реализации Закона о рыболовстве⁴³.

Наравне с Казахстаном, Азербайджан наиболее интенсивно осуществляет разведку и бурение скважин в акватории моря, что ведет к обширному нефтяному загрязнению в районе Бакинской бухты и у прибрежных районов Азербайджана. Основными проблемами продолжают оставаться загрязнение водных ресурсов, в том числе трансграничных вод, загрязнение атмосферного воздуха и сокращение биоразнообразия⁴⁴.

Иран

На данный момент Иран на международном рынке – официальный лидер икорного бизнеса, который является стабильным источником дохода страны. Такая ситуация начала складываться сравнительно недавно (с 1980 г.).

Развитие икорного бизнеса Ирана началось в XX в. – во многом благодаря Советскому Союзу. Подписанный в Москве 1 октября 1927 г. советско-иранский Договор о гарантии и нейтралитете сопровождался Соглашением об эксплуатации рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря. По этому договору Россия получила права на добычу рыбных ресурсов, включая осетровых, в южной части Каспийского моря. Именно тогда создается крупнейшее рыбное хозяйство Ирана – Шилат (*Shilat*), основанное на базе существовавшей в 1920–1940 гг. Российско-Персидской компании. Кроме того, икорные специалисты Ирана учились своей профессии у русских мастеров-икрянщиков.

В Иране не существовало традиции добычи осетровых и потребления икры, что во многом объясняется религиозным запретом на принятие их в пищу. Согласно верованиям ислама, осетровые – бесчешуйные – рыбы являются *грязными* подобно свинье и не должны употребляться в пищу. В период правления шаха Пехлеви, особенно в 1960–1970 гг., Иран получил суверенные права на добычу осетровых в южной части моря, что сопровождалось предоставлением свободного выбора относительно потребления осетровых и икры. Ситуация кардинально поменялась после революции 1979 г., когда новое правительство запретило потребление и производство икры, назвав ее *харамом* (действие, категорически запрещаемое и осуждаемое по исламским законам). Однако через несколько лет, осознав важность этого источника дохода для экономики изолированной страны, аятолла Хомейни принял специальное решение, разрешающее *правоверным* употреблять в пищу продукцию из этих рыб и производить икру⁴⁵. Но религиозные традиции оказываются сильнее и не позволяют сделать массовым потребление такой продукции. Икра практически не употребляется в пищу населением Ирана, поэтому 89% икры поступает на международный рынок, а остальные 11% потребляются на большом внутреннем рынке страны⁴⁶.

Иран единственным из прикаспийских государств смог сохранить госмонополию на вылов осетровых. Проблема браконьерства существует и там, хотя не в таких масштабах,

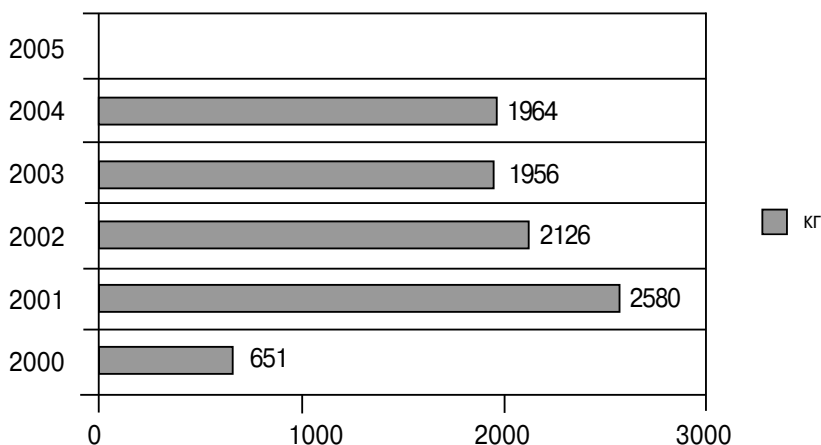

как в других странах. Из всех прикаспийских государств только Иран традиционно осуществляет морской промысел осетровых, а остальные страны Прикаспия формально продолжают соблюдать правила рыболовства, принятые еще в Советском Союзе в 1962 г. и закрепленные приказом министерства рыбного хозяйства СССР в 1984 г. Эти правила запрещают промысел осетровых в Каспийском море, вылов ведется в реках нерестовой миграции. Иран (так же, как и Туркменистан) таких рек не имеет и поэтому вклад этих государств в формирование запасов осетровых за счет естественного нереста крайне невелик. Ежегодно Иран выпускает около 10,5 млн единиц молоди ежегодно, а в 2005 г. выпустил 15,1 млн единиц молоди. Тем не менее Иран до настоящего времени не представил материалов, которые позволили бы определить его вклад в формирование ресурсов (хотя он и принимает активное участие в обсуждении методики такого определения⁴⁷).

Проблемой остается загрязнение Каспия, что обусловлено близостью к побережью большого числа промышленных предприятий Ирана, мест добычи минеральных ресурсов и поступления в море загрязненных промышленных, городских и сельскохозяйственных сточных вод.

На сегодняшний день Иран является единственным экспортером икры из Каспийского региона на мировой рынок, стабильно поставляя продукцию в Европу, ОАЭ и США. Длительное время до 70% импорта икры осетровых рыб в США осуществлялось напрямую из СССР (затем России). Несмотря на торговое эмбарго в отношении Ирана, иранская икра всегда поставлялась в США. Так, примерно 500 кг иранской икры поступило на рынки США с 1991 г. из Европы⁴⁸. Иранско-американские икорные отношения возобновились только через 21 год после исламской революции. 17 марта 2000 г. госсекретарь Мадлен Олбрайт объявила, что США снимает запрет на импорт различной пищевой продукции из Ирана, включая икру⁴⁹. Именно с этого момента начинаются регулярные прямые поставки иранской икры на американский рынок при продолжении традиционных поставок реэкспортируемой икры из Франции, Швейцарии и, с недавнего времени, из ОАЭ. Так, например, по данным Рыболовной организации Ирана, только за 11 месяцев 2004 г. (с января по ноябрь) экспорт икры в США вырос на 48% по сравнению с 2003 г. и составил 3,5 т стоимостью в 2,6 млн долл.⁵⁰ Экспорт икры в США из остальных прикаспийских стран за это же время составил 2,1 т (0,49 млн долл.) из России, 1,8 тонны (0,75 млн долл.) из Казахстана и 1 т (0,44 млн долл.) из Азербайджана⁵¹. Данные базы данных СИТЕС несколько скромнее:

График 3. Экспорт икры из Ирана в США (2000–2005 гг.)⁵²

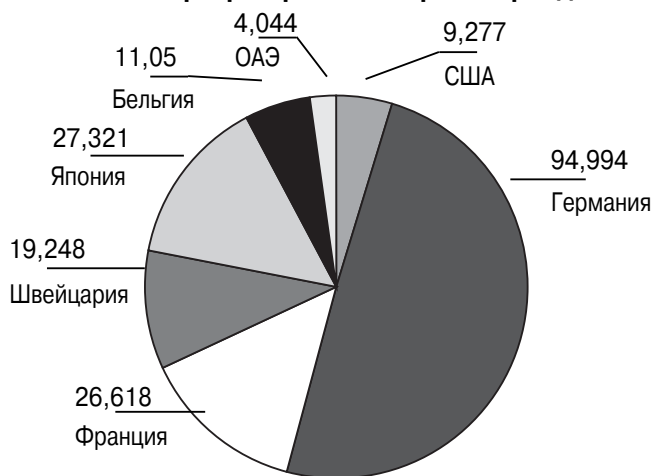

Примечание: в 2005 г. экспорт иранской икры в США не осуществлялся из-за запрета на импорт, наложенного Службой управления ресурсами рыб и диких животных США (US Fish and Wildlife Service).

Есть опасения, что стабильность поставок может быть нарушена в связи с непредсказуемой ситуацией вокруг ядерной программы Ирана и ужесточением международных экономических санкций. Даже если *икорные санкции* в отношении Ирана не будут введены СБ ООН⁵³, то их могут ввести в одностороннем порядке некоторые государства, прежде всего – в рамках ЕС.

В 2006 г. только Ирану (из всех прикаспийских стран) по решению Секретариата СИТЕС был разрешен экспорт икры персидского осетра, что вызвало негативную реакцию других стран ареала. В случае санкций ЕС поставки даже этой икры в страны Евросоюза и США могут прекратиться, оставляя Швейцарию единственной страной в Европе, которая сможет закупать продукцию. В то же время Швейцария может ввести свои санкции, аналогичные санкциям ЕС. Напомню, что в 2006 г. крупнейшие банки Швейцарии Credit Suisse и UBS добровольно прекратили сотрудничество с Ираном, рассчитав, что в случае обострения ситуации вокруг Ирана потери банков на американском рынке будут куда более значительны, чем на иранском. Поэтому вполне возможно предположить такую же логику правительства Швейцарии при принятии решения о европейских санкциях. В случае применения санкций Швейцария может временно прекратить закупку икры у Ирана, полностью изолировав Иран на западном рынке икры. Именно Швейцария традиционно является западным центром импорта и экспорта икры, ежегодно потребляя восемь тонн этого продукта на своем внутреннем рынке⁵⁴. При таком развитии событий Иран, скорее всего, сможет переориентироваться на ближневосточный и азиатский рынки. Ущерб будет нанесен не Ирану. Наоборот, получится, что это Иран применит *икорные санкции* к Европе и США, нанеся, таким образом, экономический ущерб западным компаниям.

График 4. Крупнейшие импортеры иранской икры в период с 2000–2005 гг.⁵⁵

Казахстан

В Казахстане находится два крупных рыбозаводных завода (Атырауский и Урало-Атырауский), каждый из которых способен разводить до 3 млн личинок, поэтому ежегодно страна выпускает около 6,71 млн молоди. С 2005 г. в Казахстане реализуется проект по искусственному разведению осетровых в озерах и прудах. В течение полутора-двух лет в зависимости от кормовой базы рыба будет выращиваться до товарного вида (1,5–2 кг) и поступать на рынки республики⁵⁶. Одним из успехов Казахстана стало создание в г. Атырау Центра экологического мониторинга на Каспии, который тесно сотрудничает с аналогичным центром в Астрахани. По словам губернатора Астраханской области

А.А. Жилкина, формируется совместный проект двух областей – Астраханской и Мангыстау – при ведущей роли астраханских специалистов⁵⁷.

Казахстан испытывает те же проблемы, что и Россия, Туркменистан и Азербайджан, и пытается бороться с браконьерством путем ужесточения законов. В 2006 г. парламент Казахстана ратифицировал соглашение между правительствами Казахстана и России о деятельности пограничных представителей. Этот документ предусматривает усиление борьбы с браконьерством на Каспийском море и возможность перемещаться по территории сопредельного государства на основании специального письменного разрешения, которое предусматривает упрощенный режим пропуска⁵⁸.

Основной проблемой в Казахстане продолжает оставаться загрязнение моря нефтью в результате интенсивных нефтяных разработок на морском шельфе. Ситуация в районе нефтяных промыслов Казахстана, самых обширных на Каспии, просто критическая. Министр охраны окружающей среды Казахстана А.Б. Самакова заявила, что несмотря на принимаемые меры затраты на охрану природы не адекватны темпам роста добычи углеводородов⁵⁹. Особенно тревожат 85 затопленных нефтегазовых скважин в прибрежной зоне Каспия, из которых просачивается нефть. Пока что были ликвидированы только пять из них. Как следствие, в мае 2006 г. в казахстанском секторе Северного Каспия отмечалась массовая гибель осетровых и тюленей. Кроме того, прогнозируемое увеличение добычи нефти на шельфе Казахстана приведет к увеличению объемов загрязнения окружающей среды продуктами нефтедобычи примерно в 2,5 раза (12,5 тыс. т в год), причем объем загрязнения Каспия всеми прикаспийскими странами может достичь 30–40 тыс. т в год⁶⁰.

Туркменистан

Общий допустимый улов осетровых самым низким является в Туркменистане: 6,3% от общего по бассейну – в соответствии с вкладом этого государства в воспроизводство осетровых. Из-за отсутствия нерестовых рек на своей территории Туркменистан не имеет возможности вести промысел осетровых. Как уже указывалось выше, согласно советским правилам рыболовства (соблюдать которые новые государства Прикаспия договорились в 1992 г.) Туркменистан не имеет права ловить эти виды рыб в море. Согласно договоренностям, достигнутым на Комиссии по водным биоресурсам Каспийского моря, осетровые в счет доли Туркменистана вылавливаются в реках России и Казахстана. В Туркменистане строится первый комплекс по искусственному разведению осетровых видов рыб и производству икорной продукции, тендер на строительство которого выиграла компания *Florida Sturgeon Engineering* (США). Президент Туркменистана С.А. Ниязов утвердил решение тендерной комиссии и дал разрешение государственному комитету рыбного хозяйства Туркменистана на заключение инвестиционного контракта на проектирование и строительство комплекса производительностью до трех тонн икры, ста тонн товарной рыбы осетровых видов и пяти млн штук молоди осетровых рыб в год стоимостью 16,9 млн долл. США (окончание работ намечено на декабрь 2006 г.)⁶¹.

Ситуация с браконьерством остается критической: власти Туркменистана совершенно не контролируют ситуацию с незаконным выловом осетровых⁶². Браконьерский лов осетровых в южной части туркменского Прикаспия ведется повсеместно рыбаками, у которых есть разрешения на лов других видов рыб. Однако техническая оснащенность местных браконьеров уступает таковой из Азербайджана, России и Казахстана из-за отсутствия скоростных судов и навигационных приборов. Да и о наличии организованных преступных группировок в Туркменистане говорить неуместно. Сбыт браконьерской осетрины осуществляется, как правило, в пределах Юго-Западного Туркменистана и в столице Ашхабаде. Государство считает такой промысел допустимым и почти единственным источником существования населения этого региона (*прослеживается принцип: здесь наше море и что хотим, то и будем делать*).

Региональное сотрудничество

После распада СССР страны бассейна Каспийского моря приняли решение о необходимости регионального сотрудничества в рыбохозяйственной деятельности и с этой целью сформировали Комиссию по водным биоресурсам Каспийского моря⁶³. Пока что результаты ее деятельности можно оценить как скромные.

На заседании Комиссии в Астане (ноябрь 2005 г.) в отношении осетровых были согласованы объемы общего допустимого улова (ОДУ) для дальнейшего представления их в СИТЕС. Страны снизили их величины на 2006 г. по сравнению с предыдущим годом в среднем на 23,2%: Россия – на 30,5% (с 371 т в 2005 г. до 258 т), Иран – на 16% (с 595 т до 500 т), Казахстан – на 12% (с 220 т до 195 т) и Азербайджан – на 8% (со 100 т до 92 т). Вопрос о величине ОДУ Туркменистана не рассматривался из-за отсутствия представителя этого государства на заседании. Значительным изменениям подверглись и квоты на экспорт мяса и икры осетровых на 2006 г. В частности, по сравнению с 2005 г. квота РФ на экспорт икры на будущий год снижена с 21 т до 3,9 т, для Ирана – с 60 т до 51 т, для Казахстана – с 15,9 т до 13,2 т и для Азербайджана – с 6,7 т до 6,5 т⁶⁴. Сторонами были также согласованы квоты экспорта на продукцию и икру осетровых рыб в соответствии с Резолюцией 12.7 СИТЕС, при этом экспортная квота по икре белуги сократилась на 50%, по икре севрюги на 40%, по икре осетра на 10%.

Прикаспийские страны постепенно увеличивают мощность рыбопроизводных заводов, что может принести положительные результаты в далеком будущем (возраст, при котором осетровые достигают половой зрелости, необходимый для получения икры, около 10–12 лет). За 50 лет количество молоди, выпущенной осетровыми рыбопроизводными заводами прикаспийских стран, увеличилось в десятки раз: в 1955 г. – 2,59 млн ед., в 2005 г. – 79,41 млн. Ведущее место в пополнении стада осетровых рыб занимает Россия – 56,7%. Вклад Ирана составляет 21,6%, Азербайджана – 13,1%, Казахстана – 7,5%. Русский осетр волжского происхождения составляет более 90% численности нагуливающегося в море. В территориальных водах России сосредоточена большая часть (60%) общего запаса севрюги⁶⁵.

Региональное сотрудничество будет развиваться еще и в рамках Конвенции по охране окружающей среды Каспийского моря, подписанной всеми прикаспийскими странами в Тегеране в 2003 г. Целью Тегеранской конвенции является защита окружающей среды Каспийского моря от всех источников загрязнения, а также охрана, поддержание и рациональное использование ресурсов Каспия. Документ также предусматривает самостоятельное или совместное принятие всех соответствующих мер для предотвращения загрязнений, а также охраны, поддержания и восстановления среды Каспийского моря. Одним из главных принципов, которыми руководствуются договаривающиеся стороны при выполнении положений Конвенции, является принцип *загрязнитель платит*, согласно которому сторона, оказывающая неблагоприятное воздействие на бассейн моря, несет расходы по осуществлению мер по предотвращению, контролю и снижению загрязнения морской среды Каспия.

Конвенция была подписана Ираном, Россией, Азербайджаном и Казахстаном. Позже к ним присоединился Туркменистан. Тегеранская конвенция является первым документом, подписанным всеми прикаспийскими странами, и создает основу для принятия других многосторонних соглашений. Среди них – соглашение о сохранении биологических ресурсов Каспия, соглашение о сотрудничестве в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения моря. Конвенция официально вступила в силу 12 августа 2006 г. с момента ее ратификации последним из прикаспийских государств – Азербайджаном.

Осенью 2006 г. в трех странах Прикаспия начались контрольные мероприятия – параллельная проверка Счетной палатой Российской Федерации, Счетной палатой Азербайджана и Счетным комитетом по контролю за использованием республиканского бюджета Казахстана, которые оценивают эффективность использования водных биологических ресурсов Каспийского моря, а также средств, направляемых на защиту, поддержание, восстановление и рациональное использование осетровых рыб. Возможно, к этой

работе подключатся и соответствующие органы Ирана. Насколько результативны данные шаги, пока судить рано.

ДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИГРОКОВ

Евросоюз как один из основных импортеров икры принимает активные меры по борьбе с проникновением нелегальной продукции на европейские рынки. В частности, решением ЕС (вступило в силу 9 июля 2006 г.) приняты новые правила маркировки для государств-членов, которые обязывают их использовать этикетку СИТЕС. Новые правила предписывают импортерам указывать место и дату вылова продукции для подтверждения ее легального происхождения. Комиссар ЕС по вопросам окружающей среды Ставрос Димас выразил надежду, что новые правила будут способствовать восстановлению популяции осетровых в Каспийском море и подвигнут потребителей в других странах принять аналогичные меры⁶⁶.

27–29 июня 2006 г. ЕС организовал конференцию по обсуждению проблемы катастрофического уменьшения осетровой популяции, куда были приглашены основные игроки икорной игры – страны-экспортеры, основные импортеры продукции, частные компании, неправительственные и международные организации, а также правоохранные органы. Рекомендации конференции включают улучшение процесса обмена информацией между правоохранными органами и создание общей базы данных, совместные международные расследования, универсальную и единую маркировку икры, усиленный контроль над нелегальной продажей икры и возможными маршрутами провоза, проведение тестов ДНК по определению происхождения икры. Интерпол, Всемирная таможенная организация, Европейское агентство по борьбе с мошенничеством (OLAF) и Европол предложили свою помощь в решении данных задач⁶⁷.

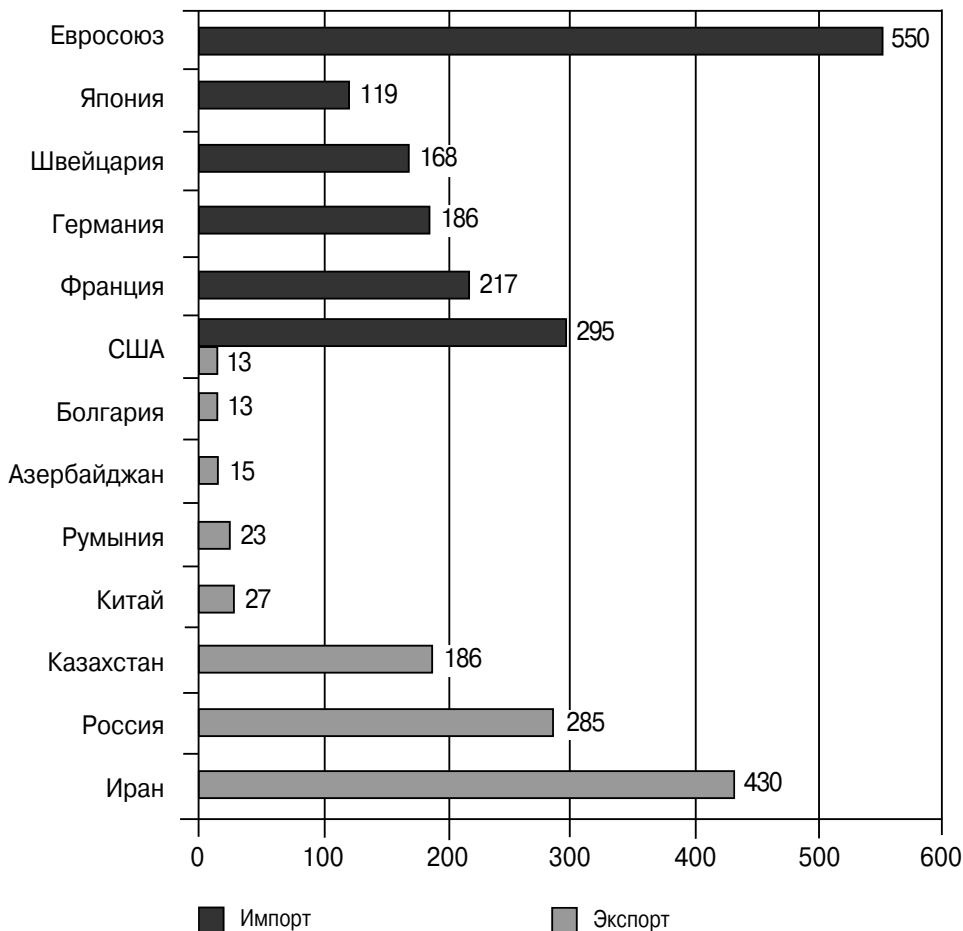
Служба управления ресурсами рыб и диких животных США регулирует ввоз в США икры и другой продукции осетровых, в том числе происходящих из стран Каспийского бассейна. Будучи главным импортером икры белуги (70% от мирового импорта), США принимают активное участие в сохранении осетровых, пресекая нелегальную торговлю икрой и сотрудничая с прикаспийскими странами. В 2005 г. США ввели запрет на экспорт икры и продукции из белуги, так как прикаспийские страны не представили планы действий по сохранению вида, который по законодательству США внесен в перечень исчезающих. В 2006 г. запрет продолжался, и только Иран мог экспортировать икру персидского осетра в США по квотам СИТЕС 2006 г. Кроме Ирана, был разрешен экспорт икры из Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории.

Интересно, что ЕС и США, предъявляя высокие требования к странам-экспортерам, фактически допускают торговлю икрой незаконного происхождения на рынках Западной Европы и Северной Америки. Достаточно в интернете сделать запрос о покупке икры осетровых, как тут же найдутся значимые объемы такой продукции, например, российского происхождения, хотя ни в 2005 г., ни в 2006 г. официального экспорта из России не было. Таким образом, несмотря на принимаемые меры, контрабандная торговля икрой на мировых рынках продолжается. По данным, представленным странами ЕС и Швейцарией, с 2000 по 2005 г. было перехвачено в общей сложности 12 т нелегальной черной икры (из них 2224 кг в Германии, 2067 кг в Швейцарии, 1920 кг в Нидерландах, 1841 кг в Польше и 1587 кг в Великобритании). Координатор программы *Траффик* (TRAFFIC)⁶⁸ Стефани Тайле считает, что оборот нелегальной икры гораздо больше, чем официальная статистика, а из-за задержки принятия системы универсальной маркировки, которая помогла бы определять происхождение *черного золота*, бороться с нелегальным рынком особенно сложно⁶⁹.

Отдельно нужно сказать о роли *частного бизнеса*, который активно ищет альтернативные источники икры и уже достиг определенных успехов в выращивании осетровых в искусственных условиях. В начале 1990-х гг. образовался новый вид международного бизнеса – товарное осетроводство. Сегодня товарное осетроводство – один из реальных

альтернативных путей сохранения генофонда осетровых, снижения пресса осетрового браконьерства, а также возможность восполнения убытков государств-экспортеров и импортеров от потери осетрового промысла в естественных условиях. Оно интенсивно развивается во всем мире, прежде всего в Китае, США, Швейцарии, Франции, Германии, Италии, Японии, Уругвае и ОАЭ. Производители оптимистичны и рассчитывают, что объем икры, добытой на рыборазводных фермах, почти удвоится – с 64 т в 2005 г. до 125 т в 2010 г.⁷⁰ Должна сразу оговориться, что по вкусовым качествам такая икра уступает икре, полученной из осетровых в естественных условиях. Но приемлемая цена, отсутствие ограничений на продажу со стороны СИТЕС, а также надежность поставок делают товарное осетроводство прибыльным и экономически перспективным направлением рыбного хозяйства.

График 5. Крупнейшие экспортеры и импортеры икры (1998–2004 гг., в тоннах)⁶⁷¹

А
Н
А
Л
И
З

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ: КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

После нас хоть потоп – это высказывание точно отражает сложившуюся ситуацию на Каспии в отношении осетровых. Отношение государств к этому прибыльному и престижному источнику дохода сейчас является безответственным. Эффективное и рациональное управление им могло бы гарантировать неиссякаемость источника, в то время как нефтегазовый потенциал региона будет исчерпан через 30–40 лет. Этим пользуются

криминальные структуры, ежегодный доход которых от браконьерства, производства и реализации продукции осетровых достигает 9–10 млрд долл.⁷².

Во время своего первого визита в Астраханскую область (апрель 2002 г.) президент России В.В. Путин побывал в районах промысла и назвал ситуацию с осетровыми *биологическим терроризмом*: всекаспийским браконьерством, ориентированным на варварскую добычу этих ценнейших рыб и реализацию продукции из них на экспорт⁷³.

Сложившаяся ситуация приводит к следующим необратимым последствиям:

- истощение запасов осетровых и вероятность их полного исчезновения;
- снижение возрастного ряда и доли самок в нерестовой части популяций осетровых. Максимальный возраст осетровых рыб в море изменился следующим образом: белуга – с 40 до 23, осетр – с 33 до 20, севрюга – с 25–28 до 15 лет⁷⁴;
- уменьшение средней популяционной массы осетра⁷⁵;
- экономические потери стран региона из-за браконьерства;
- снижение качества, ухудшение репутации и падение цены икры на международном рынке в результате процветания теневого рынка.

Карта 2. Слева от рая – Каспий. Карта мира из романа Умберто Эко «Баудолино»

Источник: СПб: Симпозиум, 2005. С. 89.

Решение проблемы – в сохранении естественной репродукции и устойчивой добычи осетровых на Каспии. Однако значимая репродукция может существовать только в пер-

спективе, поэтому сейчас прикаспийским странам нужно предпринять следующие шаги для сохранения популяции⁷⁶:

- ❑ ввести государственную монополию на оборот осетровых: вылов, транспортировку, переработку и реализацию продукции из них;
- ❑ устранить экономические и социальные основы браконьерства. В первую очередь, должно быть усовершенствовано законодательство, направленное на борьбу с браконьерством. Сейчас изъятая у браконьеров продукция легально реализуется на внутреннем рынке стран, что делает ее прибыльным предприятием для государства и правоохранительных органов. Получается парадоксально-трагическая ситуация, когда у всех участников есть сильная (и прибыльная) мотивация продолжать *Большую икорную игру*;
- ❑ разработать международную нормативно-правовую базу с учетом специфики Каспия и с акцентом на различные аспекты его устойчивого развития⁷⁷;
- ❑ гармонизировать усилия прикаспийских государств по сохранению осетровых, включая временный запрет вылова осетровых для коммерческих целей, увеличение производительности рыбопроизводных заводов и, как следствие, увеличение выпуска молоди; сформировать Международный единый комплекс воспроизводства для сохранения ценных видов рыб Каспийского моря с полным использованием производственных мощностей осетровых рыбопроизводных заводов бассейна на базе совместного использования ресурсов производителей, взятых из дикой природы, и от ремонтно-маточных стад осетровых, включая передачу *живой икры* между странами для достижения этих целей;
- ❑ развивать товарное осетроводство, что позволит *снизить давление* на популяцию осетровых в дикой природе;
- ❑ более жестко контролировать экологические аспекты деятельности нефтяных компаний в регионе;
- ❑ создать в странах региона национальные коллекции образцов осетровых из *дикой природы* и обеспечить официальный обмен эталонными образцами осетровых между национальными и научными органами СИТЕС;
- ❑ сформировать репродуктивные стада осетровых как на государственных осетровых рыбопроизводных заводах, так и в частном секторе, для обеспечения искусственного воспроизводства производителями, сохранения биоразнообразия популяции;
- ❑ осуществлять постоянный национальный и международный мониторинг состояния и функционирования экосистемы Каспийского моря.

Отдельной – но от этого не менее важной, а, скорее, наоборот, ключевой – задачей, стоящей перед прикаспийскими государствами, является скорейшее разрешение проблемы правового статуса Каспийского моря, который сейчас никак не определен и тормозит выработку соглашения по охране биоресурсов Каспия и разделения ответственности между прикаспийскими странами. Более того, неопределенность статуса моря является главным фактором напряженности между странами и может привести к конфликту на почве вопроса о праве владения нефтегазовыми месторождениями.

Несмотря на определенный прогресс, ситуация на Каспии остается критической. Отсутствие скоординированной политики прикаспийских государств и международного сообщества по устойчивому развитию водных биоресурсов Каспия в целом и осетровых в частности создает угрозу региональной безопасности. С этим вызовом можно бороться только общими усилиями прикаспийских стран, поэтому повышение уровня регионального и международного сотрудничества становится необходимостью. Разработка еди-

ной каспийской политики по сохранению, восстановлению и рациональному использованию запасов осетровых видов рыб на долгосрочный период позволит предотвратить возможные обострения отношений между государствами региона, обеспечить их долгосрочные национальные интересы и, самое главное, сохранить этот уникальный водный биоресурс.

Хочется верить, что худшие времена для осетровых останутся в прошлом, а тот факт, что царским указом запрещалось шуметь и петь в местах нереста осетровых, чтобы не испугать рыбу, не будет и в наше время казаться почти легендой. 🐟

Примечания

¹ Волков Константин. Икра без правил. *Итоги*. 2006, 2 октября, http://www.7days.ru/Paper2006.nsf/Article/Itogi_2006_01_14_23_0112.html.

² Публикация Инициативы «Окружающая среда и безопасность», созданной четырьмя международными организациями: Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Программой развития ООН (ПРООН) и Организацией Североатлантического договора (НАТО). ЮНЕП, ПРООН, ОБСЕ, НАТО. Окружающая среда и безопасность: Трансформация рисков в сотрудничество. Центральная Азия: Регион Фергана – Ош – Худжанд, 2005. С. 8, <http://enrin.grida.no/environment-and-security/ferghana-report-rus.pdf>

³ Там же. С. 9.

⁴ В данной работе речь идет о пяти прикаспийских странах, включающих Россию, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Иран.

⁵ Касенов Умирсерик. Каспийская нефть и международная безопасность. Центральная Азия и Кавказ. 1997. № 11, http://www.ca-c.org/journal/11-1997/st_07_kasenov.shtml

⁶ Пограничные службы согласно указу Президента России ведут охрану осетровых на Каспии и регулярно задерживают браконьеров не только из местных поселков, но и из соседних Азербайджана и Казахстана.

⁷ Россия и Иран солидарно выступают за сохранение уникальной природной среды Каспийского моря и предупреждение его загрязнения. С этой целью две страны не поддерживают проекты строительства подводных нефте- и газопроводов по дну Каспийского моря между Казахстаном и Азербайджаном и между Туркменией и Азербайджаном.

⁸ Иванов В.П. Биологические ресурсы Каспийского моря. Астрахань: КаспНИИРХ, 2000. С. 12.

⁹ Мажник А.Ю., Власенко А.Д., Ходоревская Р.П., Зыкова Г. Ф., Попова А.А., Романов А.А., Бушуева С.А. Разработка подходов к оценке запасов и ОДУ осетровых Каспийского моря. В кн.: Рыбохозяйственные исследования на Каспии: Результаты НИР за 2004 г. Астрахань: КаспНИИРХ, 2005. С. 256.

¹⁰ Там же.

¹¹ Sternin V. & Dore I., 1993, Иванов, 2000, Протоколы заседаний Комиссии по водным биоресурсам Каспийского моря 1998–2005 гг.

¹² Иванов В.П. Цит. соч. С. 14.

¹³ Неверно утверждать, что осетры, выловленные в Волге, *грязнее* выловленных в иранских водах. Все осетровые растут и питаются в Каспийском море, в одних водах. Степень их чистоты одинакова, так как рыба, идущая на нерест, в реке не питается.

¹⁴ WWF Factsheet. Sturgeon. 12th Meeting of the Conference of the Parties of CITES Santiago, 3–15 November 2002, http://assets.panda.org/downloads/Sturgeon_factsheet.pdf

¹⁵ Barringer Felicity and Fabricant Florence. In Conservation Effort, U.S. Bans Caspian Beluga Caviar. *The New York Times*. 2005. 30 September, <http://www.nytimes.com/2005/09/30/politics/30caviar.html?ex=1285732800&en=87924b6325822368&ei=5090&partner=rssuserland&emc=rss>

¹⁶ Мажник А.Ю., Власенко А.Д., Ходоревская Р.П., Зыкова Г. Ф., Попова А.А., Романов А.А., Бушуева С.А. Цит. соч. С. 258.

¹⁷ Ходоровская Р.П., Романов А.А. Изменение распределения и численности осетровых в Каспийском море. В кн.: Аквакультура осетровых рыб: достижения и перспективы развития (Материалы докладов Международной научно-практической конференции, 13-15 марта 2006 г.). Астрахань. – М.: Издательство ВНИРО, 2006. С. 12–15.

¹⁸ Средняя интенсивность снижения уровня составила с 1929 по 1941 г. около 16 см/год, достигая в отдельные годы 30–33 см/год. Средняя скорость повышения уровня с 1978 по 1995 г. составила 13 см/год, достигая в отдельные годы 33–35 см/год. Д-р В.Н. Михайлов, д-р Г.И. Рычагов, к.н. Е.С. Полавишникова. Являются ли недавний подъем уровня Каспийского моря и его последствия природной катастрофой? *Вестник РФФИ*. 1998, № 4 (декабрь), http://www.rfbr.ru/default.asp?section_id=83

¹⁹ Там же.

²⁰ Байдельдинова Д. Угрозы экологической безопасности на Каспии. Публикация Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. 2005. 28 января, <http://www.kisi.kz/img/docs/1220.pdf>

²¹ Величина возможного недолова за указанный период составила 132 тыс. т = 150 тыс. т (прогнозируемый улов) минус 18 тыс. т (фактический вылов). При этом из 132 тыс. т осетровых возможно выработать до 13 тыс. т икры осетровых рыб при средней цене 750 долларов США за 1 кг на рынке в 1996–2005 гг. стоимостью 9,7 млрд долл. США и до 103 тыс. т пищевой продукции (в пересчете на замороженную) при средней цене реализации 6 долл. США за 1 кг, общей стоимостью 618 млн долларов США. Интервью автора статьи с В.Н. Пальцевым, исполнительным директором Российской ассоциации предприятий по добыче и воспроизводству осетровых.

²² Интервью автора статьи с В.Н. Пальцевым, исполнительным директором Российской ассоциации предприятий по добыче и воспроизводству осетровых.

²³ Эти договоренности вступили в силу с 1 января 2004 г.

²⁴ CITES. Exporters to strengthen controls and promote sustainable fishing before CITES can publish 2006 export quotas (Press Release). 3 January 2006, <http://www.cites.org/eng/news/press/2006/060103.shtml>

²⁵ Резолюция 12.7 определяет порядок и сроки установления и действия экспортных квот, принципы универсальной маркировочной системы икры и идентификации ее и др. См.: CITES. Export Quotas for Sturgeon. 2006, http://www.cites.org/eng/resources/quotas/sturgeon_intro.shtml

²⁶ Интервью с В.Н. Пальцевым. Такая точка зрения официально высказана Россией, Казахстаном и Азербайджаном во время встречи представителей этих стран 24 апреля 2006 г. в г. Москве и заявлена Секретариату СИТЕС. Текст заявления представил председатель Комитета рыбного хозяйства Казахстана Сулейменов К.Б. – как представитель председательствующей в настоящее время стороны в Комиссии по водным биоресурсам Каспийского моря.

²⁷ CITES Export Quotas for Sturgeons. 2 January 2007, <http://www.cites.org/common/quotas/2007/Sturgeon2007.pdf>

²⁸ CITES Press Release. Following 2006 ban, CITES authorizes 2007 quotas for all Caspian Sea caviar except beluga. Geneva, 2 January 2007, <http://www.cites.org/eng/news/E-Press%20release%202007%20quotas.pdf>

²⁹ Основные разделы этой программы заключаются в следующем: научные наблюдения и исследования для оценки состояния запасов и определения общего допустимого улова (ОДУ), совершенствование технологий воспроизводства и сохранения осетровых; добыча, создание маточных стад, содержание их для целей искусственного воспроизводства; государственное регулирование отдельных этапов оборота осетровых – добыча, транспортировка, производство пищевой продукции и реализация ее на внутреннем и внешнем рынках; поддержание условий для естественного обитания и нереста в водоемах (рыбохозяйственно-мелиоративные работы); товарное осетроводство; охрана рыбных запасов, борьба с браконьерством и незаконным оборотом осетровых и продукции из них. Эти работы осуществляют не только государственные предприятия и учреждения, но и частные предприятия, которые финансируют их за счет собственных средств.

³⁰ Всего в России 11 заводов по искусственному разведению осетровых.

³¹ Гликман Екатерина. Дума готовит закон об икорном бизнесе. 2006. № 23, 30 марта, <http://2006.novayagazeta.ru/nomer/2006/23n/n23n-s17.shtml>

³² Козырева Анна. Осетрина последней свежести. *РФ Сегодня*. 2003. № 16, http://russia-today.ru/2003/no_16/16_SF_2.htm

³³ «Теневой» деликатес. 2003. 17 июня, <http://www.mvd.ru/news/769/>. Так, во время крупномасштабной операции «Блокпост Юг-Восток» на Каспии в 2003 г. сотрудники ГУСБ МВД за период меньше месяца пресекли почти 1 200 фактов браконьерства, изъяли более 180 браконьерских лодок, 10 000 метров сетей и около 400 крючковых снастей, 1236 кг икры рыб осетровых пород, 170 кг осетровых рыб и почти 135 тонн прочих морепродуктов (общая стоимость изъятого по самым скромным подсчетам составляет 81 724 тыс. рублей). Более 73 тысяч человек были уличены в незаконной ловле рыбы, и в результате возбуждено пять тысяч уголовных дел.

³⁴ Каждая партия икры осетровых рыб при отгрузке на экспорт, да и при импорте в страну назначения должна иметь разрешительный документ определенной формы и степени защиты, выданный национальным Административным органом СИТЕС. Россия вообще не экспортировала икру осетровых рыб, в том числе икру рыб Каспийского бассейна в 2003 и в 2005 годах, когда экспортные квоты, опубликованные Секретариатом СИТЕС, составили соответственно: 29,5 т (<http://www.cites.org/common/quotas/2003/2003sturgeon.pdf>) и 20,7 т (http://www.cites.org/common/quotas/2005/sturgeon_quotas2005.pdf). Потери в финансовом плане можно оценить в сумме около 65 млн. долларов США (или 55 млн евро). Принята средняя цена на икру осетровых рыб, сложившаяся на рынке Западной Европы в эти годы на уровне около 1100 евро за 1 кг.

³⁵ Комарова Елена. Соленые плоды запрета. *Московские Новости*. 2005, 30 декабря, <http://www.mn.ru/issue.php?2005-50-36>

³⁶ Комиссия Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности 22 мая 2006 г. утвердила концепцию и техническое задание на разработку Федерального закона «О сохранении, воспроизводстве, рациональном использовании осетровых видов рыб и регулировании оборота продукции из них». Рассмотрение этого законопроекта в Правительстве Российской Федерации для последующего представления в Государственную Думу Российской Федерации в соответствии с техническим заданием на его разработку предусматривается в IV квартале 2006 г. Разработан проект федерального закона «О внесении изменений в статью 56 Федерального закона «О животном мире», положения которого предусматривают уничтожение изъятых незаконно добытых объектов отдельных видов животного мира (в том числе осетровых видов рыб) и продукции, изготовленной из них. Данный законопроект рассмотрен и одобрен на заседании Правительства Российской Федерации 4 октября 2006 г. После принятия указанного проекта федерального закона на подпись главе государства будет представлен проект Указа Президента России «О мерах государственного регулирования оборота продукции из осетровых видов рыб, включая икру», реализация положений которого позволит осуществлять уничтожение конфискованной продукции из осетровых видов рыб в целях недопущения возможности ее легализации и реализацию продукции из осетровых только в специализированных магазинах. Подготовлены: проект федерального закона «О внесении изменений в статью 17 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»; проект федерального закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части ужесточения санкций за незаконную добычу водных животных и растений в виде лишения свободы на срок до пяти лет с обязательным изъятием и обращением в доход государства орудий преступления, а также ряд проектов постановлений Правительства Российской Федерации, необходимых для реализации названных законопроектов и Указа.

³⁷ Минприроды РФ обеспокоено возможностью загрязнения Каспия из-за казахских и азербайджанских нефтеперевозок. *REGIONS.RU/Новости Федерации*. 2006, 7 июля, <http://www.regions.ru/news/1989796>

³⁸ Багиров Гусейн, Министр экологии и природных ресурсов Азербайджана. Определение правового статуса Каспия поможет разрешению экологических проблем этого водоема. *Интерфакс*. 2005. 7 февраля, http://www.interfax.ru/r/B/exclusive/246.html?menu=65&id_issue=10747108

³⁹ Там же.

⁴⁰ Комиссия по водным биоресурсам Каспийского моря. Протокол 24-го заседания, приложение № 4. Астана, 2005.

⁴¹ Так, по Азербайджану квота на вылов осетровых в 2005 г. составила 100 т. В 2006 г. вылов будет сокращен до 92 т. Экспортная квота на икру в 2005 г. составляла 6,7 т, в текущем году ожидается, что квота на ее вывоз составит 6,5 т.

⁴² Римпл Пол. Азербайджан берет под контроль осетровые виды. *EURASIA*. 2006. 27 февраля, <http://www.eurasianet.org/russian/departments/insight/articles/eav022706aru.shtml>

⁴³ Там же.

⁴⁴ Багиров Гусейн. Там же.

- ⁴⁵ Mirfendereski Guive. Sag mahi: The theology of caviar. *The Iranian*. 2000. 13 September, <http://www.iranian.com/GuiveMirfendereski/2000/September/Caviar/index.html>
- ⁴⁶ Boosting Caviar Production. *Iran Daily*. 2006, 9 July. P.6, <http://iran-daily.com/1385/2605/pdf/i6.pdf>
- ⁴⁷ Это интегрированный показатель, который учитывает естественное и искусственное воспроизводство, объем пресноводного стока, экологические факторы, величину нагульных площадей осетровых в зонах конкретных государств и т.д.
- ⁴⁸ Sturgeon Stocks Slump. *Iran Daily*. 2006, 5 March, <http://www.iran-daily.com/1383/2228/pdf/i6.pdf>
- ⁴⁹ Remarks by Secretary of State Madeleine K. Albright on American-Iranian Relations (As released by the Office of the Spokesman U.S. Department of State). 2000. 17 March, Washington, D.C., <http://www.fas.org/news/iran/2000/000317.htm>
- ⁵⁰ Iran's Caviar exported to the USA grows 48%. Iran Fisheries Organisation. 2005, 25 January, <http://www.iranfisheries.net>
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Источник: База данных СИТЕС по торговле (CITES trade database), <http://www.unep-wcmc.org/citestrade/trade.cfm>
- ⁵³ На момент подготовки статьи к печати переговоры о санкционной резолюции в отношении Ирана велись в Нью-Йорке между «Пятеркой» постоянных членов СБ и Германией, однако масштаб возможных санкций и сама вероятность принятия резолюции СБ ООН были не очевидны.
- ⁵⁴ Sturgeon Stocks Slump. Цит. соч.
- ⁵⁵ Источник: База данных СИТЕС по торговле (CITES trade database), <http://www.unep-wcmc.org/citestrade/trade.cfm>
- ⁵⁶ Пирметова Наида. Влияние браконьерства на запасы рыбы ценных пород на Каспии. Публикация Центра регионального развития в Азербайджане, <http://www.azregionaldevelopment.org/cgi-bin/e-cms/vis/vis.pl?s=001&p=0019&n=000093&g=>
- ⁵⁷ Mangystau oblast to set up sturgeon's reproduction centre. *Kazinform*. 2006, 25 August, <http://www.uzinform.kz/showarticle.php?lang=eng&id=144100>
- ⁵⁸ Соглашение между Правительством РФ и Правительством Казахстана о деятельности пограничных представителей, <http://www.rian.ru/doc/20040109/1718709.html>
- ⁵⁹ Бородинов Константин. Экологические проблемы нефтепромыслов нужно решать сообща – министр А.Самакова. *Казинформ*. 2005, 5 октября, <http://www.earthwire.org/cache.cfm?aid=98482>
- ⁶⁰ Байдельдинова Д. Цит. соч.
- ⁶¹ Компания из США победила в «осетровом» тендере, объявленном Госкомитетом рыбного хозяйства Туркменистана. *Туркменистан*. 2005, 11 июля, http://www.turkmenistan.ru/?page_id=3&lang_id=ru&elem_id=6865&type=event&sort=date_desc
- ⁶² Курбангельдыев Ораз. На безрыбье... Власти Туркменистана не контролируют лов осетровых Каспия. *ЦентрАзия*. 2004, 24 октября, <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1098626580>
- ⁶³ Комиссия была создана в 1992 г. по инициативе России в целях совместного ведения рыбного хозяйства и до настоящего времени выполняет функции по оценке запасов и общих допустимых выловов трансграничных видов водных биоресурсов (осетровых, килек, тюленей и др.), выработке правил регулирования промысла и мер по охране рыбных ресурсов, разработке рекомендаций по использованию унифицированных орудий промысла, по научно-исследовательской деятельности в области сохранения и воспроизводства рыбных запасов. Первоначально в работе Комиссии принимали участие только страны СНГ. Иран участвовал в качестве наблюдателя. В 2002 г. и это государство стало полноправным членом Комиссии. Учитывая рекомендации Комиссии, все прикаспийские государства с 2001 г. ежегодно проводят по единой программе сезонные Всекаспийские морские экспедиции по оценке численности и запасов осетровых и определению влияния на них природных и антропогенных факторов.

Комиссия ежегодно определяет квоты на вылов осетровых рыб и экспорт черной икры, которые потом представляются в Секретариат СИТЕС, где после рассмотрения и одобрения они публикуются на официальном сайте СИТЕС. Одно из последних нововведений Комиссии – определение квот по новой единой методике с проведением общего мониторинга рыбных ресурсов Каспийского моря. До сих пор каждая из стран представляла свои расчеты по кормовой базе, рыбным ре-

сурсам своего сектора, возможностям по воспроизводству, на основе чего определялись общие рыбные ресурсы Каспия, квоты на вылов осетровых в целом и их распределение по странам. Комиссия по водным биоресурсам Каспийского моря работает уже на протяжении четырнадцати лет и достигла определенных успехов. В частности, за последние два года разработана и принята Межгосударственная региональная программа прикаспийских государств по совместному управлению, сохранению и устойчивому использованию биоресурсов Каспийского моря, организованы и проведены три международных семинара, налажено взаимодействие Комиссии с Секретариатом СИТЕС и другими международными организациями, занимающимися проблемой осетровых.

⁶⁴ Общая квота на вылов осетровых пород рыбы прикаспийскими странами на 2006 г. снижена на 23,2%. *Рахат-ТВ*. 2005. 1 декабря, <http://www.rakhatv.kz/section.asp?SectionID=29>

⁶⁵ Мажник А.Ю., Власенко А.Д., Ходоревская Р.П., Зыкова Г. Ф., Попова А.А., Романов А.А., Бушуева С.А. Цит. соч. С. 256.

⁶⁶ ЕС вводит новые правила маркировки икры осетровых рыб. *РосБизнесКонсалтинг*. 2006, 16 мая, <http://www.fishery.ru/news/index.php?id=8008>

⁶⁷ New rules to combat illegal caviar trade (Press Release), Brussels, 15 May 2006, <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=IP/06/611&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>

⁶⁸ Инициатива *Траффик* была разработана Всемирным фондом охраны дикой природы и Всемирным союзом охраны природы (IUCN) для мониторинга торговли исчезающими видами флоры и фауны и исследований, направленных на устойчивое развитие этих видов. «Траффик» наряду с американской программой *Кавиар Эмптор*, основанной Институтом научного исследования океана Пью (The Pew Institute for Ocean Science), организацией «Sea Web» и Национальным советом охраны ресурсов США для сохранения осетровых, на сегодняшний день основные неправительственные организации, которые проводят активные информационные кампании по спасению осетровых.

⁶⁹ Cracking down on illegal caviar trade. WWF. 2006, 3 July, http://www.panda.org/about_wwf/what_we_do/marine/news/index.cfm?uNewsID=74780

⁷⁰ Black Jane. Caviar from farms instead of the seas. *New York Times*, 2006. 26 September, <http://www.ihf.com/articles/2006/09/26/news/caviar.php>

⁷¹ Black Gold: The caviar trade in Western Europe. Factsheet. *TRAFFIC*. http://www.traffic.org/news/Caviar_factsheet.pdf#search=%22traffic%20caviar%20factsheet%22

⁷² Байдельдинова Д. Цит. соч.

⁷³ В. Путин. Выступление на совещании по проблемам прикаспийского региона. 2002. Астрахань. 25 апреля, <http://www.kremlin.ru/text/appears/2002/04/28886.shtml>

⁷⁴ Мажник А.Ю., Власенко А.Д., Ходоревская Р.П., Зыкова Г. Ф., Попова А.А., Романов А.А., Бушуева С.А. Цит. соч. С. 259.

⁷⁵ В популяции осетра в Северном Каспии в 2002 г. преобладали взрослые особи (80,4%), к 2004 г. их доля снизилась до 61,5%, а в Среднем и Южном Каспии – молодь и особи непромысловой длины составляли 88,7 и 92,9% соответственно. По сравнению с 2002 г. в мелководной зоне Северного Каспия доля незрелых рыб в популяции северюги возросла с 58,2 до 64,7%, в глубоководной зоне она достигла 75%. В Среднем Каспии количество молоди и особей непромысловой длины увеличилось с 55,5% до 90,0%, в Южном Каспии – снизилось с 73,7 до 61,4%. В структуре стада белуги преобладают молодые особи. Средние показатели длины и массы находятся на уровне 153,9 см и 37,3 кг. Доля старшевозрастных рыб не превышает 9%, а на долю впервые созревающих особей приходится 35%.

⁷⁶ Рекомендации составлены по результатам анализа и интервью с экспертом В.Н. Пальцевым.

⁷⁷ В частности, это касается выработки нормативов по охране окружающей среды моря, сохранения биологического разнообразия, создания жесткого механизма контроля за выполнением договоров и применением соответствующих законов, выработки нормативно-правовой базы прикаспийских государств по предотвращению разливов нефти и быстрому реагированию на аварийные ситуации.

Алексей Арбатов

Андрей Пионтковский

ЧТО ОБЩЕГО У АХМАДИНЕДЖАДА С ГАВРИЛОЙ ПРИНЦИПОМ:
РЕШАЕМ ИРАНСКИЕ ГОЛОВОЛОМКИ

From: Alexei Arbatov
To: Andrei Piontkovski
Subject: Iran's nuclear program

Добрый день, Андрей,

Чем больше я размышляю над ситуацией, складывающейся вокруг Ирана, тем больше приходят на ум исторические аналогии, например, преддверие 1914 года. В связи с этой аналогией в качестве *Гаврилы Принципа* сейчас выступает президент Ирана Ахмадинежад. И хотя никто не хочет войны в Иране, неумолимое развитие событий, эскалация кризиса, столкновение амбиций, совершенно разных углов зрения на проблему может в конечном итоге привести к войне. И с каждым месяцем эта вероятность усиливается.

Конечно, в отличие от 1914 года, скорее всего, эта война не станет третьей мировой войной. Тем не менее, последствия войны в Иране будут катастрофическими с учетом того, что по соседству в Ираке и с другой стороны в Афганистане уже идет война. Может получиться то, чего после 1945 г. еще не было: трансрегиональная *черная дыра*, которая будет простираться от Палестины до Гиндукуша – сплошная зона терроризма и гражданских войн, хаоса и краха государств, этнических чисток и миллионов беженцев, потока наркотиков и оружия с выплесками метастазов из этой чудовищной «раковой опухоли» в сопредельные регионы (Балканы, Малая Азия, Кавказ, Центральная и Южная Азия) и далее по всему миру. Международный терроризм и распространение ОМУ получат сильнейший стимул, сотрудничество великих держав в борьбе с ними будет долго подорвано.

Проблема осложняется тем, что каждая сторона этого конфликта не просто уверена в своей правоте, но в известном смысле по-своему права. Иран, как государство – член Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в соответствии с его Статьей IV имеет право на мирную атомную энергетику, которая не исключает и полный топливный цикл. Многие неядерные страны – члены Договора имеют такой цикл или его звенья – Япония, Германия, Нидерланды, Бразилия, Аргентина, ЮАР. Что бы ни думали другие страны об иранской программе и ее несуразности, Тегеран сам вправе определять ее параметры при условии, что она осуществляется в рамках ДНЯО и под гарантиями МАГАТЭ. От этого Иран и не отказывается.

С уважением,
А. Арбатов

А
К
И
М
Е
Л
О
П

From: Andrei Piontkovski
To: Alexei Arbatov
Subject: re Iran's nuclear program

Доброе утро, Алексей,

Что ж, поговорим об иранском ядерном проекте. Но только не в чисто легалистской плоскости, что, на мой взгляд, бесплодно. Все эти рассуждения о «праве»: имеет ли Иран право на создание ядерного оружия... имеет ли Израиль – государство, которое иранский президент чуть ли не ежедневно угрожает снести с лица земли, право на превентивный удар по ядерным объектам Ирана, – такие рассуждения по большому счету бессмысленны.

Почему? Да потому что современное международное право представляет собой систему противоречащих друг другу утверждений. Я об этом ранее подробно писал в журнале *Ядерный Контроль*, поэтому сегодняшним утром не буду по этому поводу повторяться. Скажу только, что, как хорошо известно из курса элементарной логики, из такой системы легко вывести любое произвольное заключение. Практически любое действие государства на мировой арене может найти обоснование в той или иной норме международного права.

Да, Иран – суверенное государство и может обладать любым современным оружием. Договор о нераспространении? Иран имеет право в любой момент выйти из него, и это будет честнее, чем непрерывная цепь обмана и игры в кошки-мышки.

Да, Израиль и его стратегический союзник США имеют право на самооборону и не обязаны дожидаться реализации мечты г-на Ахмадинежада об уничтожении Израиля.

Если у Вас, Алексей, имеются сомнения по поводу такой интерпретации принципа права на самооборону, приведу мнение двух весьма авторитетных экспертов.

«Если кто-то хотя бы попытается использовать средства, сопоставимые со средствами массового уничтожения, в отношении нашей страны, мы будем отвечать мерами, адекватными угрозе. По всем местам, где находятся террористы, организаторы преступлений, их идейные и финансовые вдохновители. Подчеркиваю, где бы они ни находились».

«В таких случаях, и я это официально подтверждаю, мы будем наносить удары. В том числе превентивные».

Догадайтесь, Алексей, кто эти ястребы, проповедующие концепцию превентивных ударов, которая нарушает священный принцип суверенитета национального государства, – Дональд Рамсфелд, Пол Вулфовитц, Дик Чейни?

Первое высказывание – из выступления президента В.В. Путина на заседании правительства 28 октября 2002 г., второе – из заявления министра обороны С.Б. Иванова, сделанного им 22 сентября 2002 г.

Итак, будем исходить в анализе ситуации вокруг Ирана не из бесплодных правовых дискуссий, а из реальных военно-политических факторов. Иран последовательно осуществляет (иногда тайно, иногда открыто) все необходимые технологические шаги по овладению ядерным оружием. Параллельно и даже опережающими темпами развивается иранская ракетная программа, которая была бы совершенно бессмысленной без перспективы оснащения этих ракет ядерными боеголовками.

Доброжелатели и адвокаты Ирана могут сколько угодно (вплоть до первого ядерного взрыва) говорить, что они не до конца уверены в военном характере иранской ядерной программы. Важно, что в нем уверено руководство Израиля, США, так же как подавляющее большинство профессиональных военных экспертов. Лидеры Израиля и США уже

достаточно ясно дали понять, что в случае краха дипломатических усилий они прервут дальнейшее развитие иранской ядерной программы военным путем.

Ваш,
А. Пионтковский

From: Alexei Arbatov
To: Andrei Piontkovski
Subject: bombing is not a solution

Андрей,

Да, в смысле соблюдения гарантий МАГАТЭ Иран допускал нарушения, скрывал некоторые свои проекты, что вызвало серьезные подозрения о наличии у него военных, а не мирных ядерных планов. Есть тому и ряд косвенных свидетельств.

Но все это – повод для более тщательной проверки со стороны МАГАТЭ и предотвращения подобных нарушений в будущем, а не для требования прекратить все работы по обогащению урана, выдвигаемые со стороны США и включенные в резолюцию СБ ООН №1696 и №1737. Ссылаясь на неправомочность этого требования, Иран не ратифицировал подписанный им в 2003 г. Дополнительный протокол 1997 г. (дающий возможность практически неограниченных проверок) и теперь не допускает расследования МАГАТЭ по нормам этого протокола. А ранее возобновление программы обогащения урана мотивировалось Ираном передачей его дела в СБ ООН, после чего он отменил свое решение от 2004 г. о временном *замораживании* этой программы в духе доброй воли на переговорах с «Евротройкой».

Все это не повод для санкций и, тем более, вооруженного вмешательства. Многие государства, включая великие державы, имеют длинный список прошлых нарушений различных договоров по разоружению. Северная Корея вообще демонстративно вышла из ДНЯО и объявила о создании ядерного оружия, а теперь вот и ядерные испытания провела, – и никто не начал военные действия против нее, а, наоборот, с удвоенной силой призывают Пхеньян вернуться за стол переговоров. Кстати, в этом плане КНДР последовала примеру США, вышедших из Договора по противоракетной обороне (ПРО) и отказавшихся ратифицировать подписанный ими Договор по всеобщему запрещению ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Пакистан, Индия, Израиль, расположенные вокруг Ирана, имеют ядерное оружие и не являются членами ДНЯО, причем США поддерживают с ними дружественные отношения и планируют (в случае Индии) обширное мирное ядерно-техническое сотрудничество.

Со своей стороны, Соединенные Штаты правы в том, что для них наличие не только ядерного оружия, но и полного топливного цикла в Иране недопустимо. Ведь даже под контролем МАГАТЭ можно создать комплексы обогащения урана и выделения плутония для мирных нужд, а потом, как сделала КНДР, изгнать МАГАТЭ, выйти из ДНЯО с уведомлением за три месяца (Статья X), обогатить уран до оружейного уровня и быстро создать ядерное оружие. При этом жесткая позиция Вашингтона обусловлена не формальными нарушениями Договора о нераспространении Ираном, а более всего исламско-фундаменталистским характером режима, его претензиями на лидерство в исламском мире, связями с организациями, которые некоторые страны считают (тогда как другие не считают) террористическими, а также провокационными антиизраильскими и антиамериканскими заявлениями иранского руководства.

Однако по этим вопросам нет норм международного права или договорных статей. И то, что нынешний режим Ирана (в отличие от прошлого, шахского, при котором с помощью США была начата иранская ядерная программа) не нравится Вашингтону, – не повод для войны с точки зрения других держав, имеющих хорошие отношения с Ираном. При этом главная слабость позиции США – это тупик их политики в Ираке, куда они вторглись во-

преки возражениям многих других стран и СБ ООН под предлогом уничтожения ядерной программы Багдада, которую в ходе оккупации так и не удалось отыскать.

А. Арбатов

From: Andrei Piontkovski
To: Alexei Arbatov
Subject: Israel last resort

Алексей,

Лидеры Израиля уже достаточно ясно дали понять, что в случае краха дипломатических усилий они прервут дальнейшее развитие иранской ядерной программы военным путем.

Да, это будет очень тяжелым решением. Прежде всего, технически операция уничтожения разветвленного и рассредоточенного иранского ядерного комплекса на порядок сложнее одиночного удара по иракскому реактору в 1981 г. Но допустим, что израильская авиация и спецназ или американские крылатые ракеты с этой задачей справятся.

Политические и военные последствия ядерной кастрации Ирана окажутся крайне негативными. Неизбежны гражданские жертвы. *Аль-Джазира*, *BBC*, *CNN* и *PTP* с возмущением расскажут об этом всему прогрессивному человечеству. Новая волна ненависти к Израилю в исламском мире вряд ли сильно удивит и огорчит еврейское государство, но она будет сопровождаться и чрезвычайно болезненными военными ударами. Все то «оборонительное оружие», что российское руководство успело за последние годы поставить своим сирийским и иранским геополитическим союзникам (*Грады*, *Иглы*, крылатые ракеты) будет обрушено на Израиль. Не исключено, что будут поражены и какие-то его ядерные объекты. На какой-то период прекратится экспорт нефти с Ближнего Востока, что нанесет тяжелый удар по мировой экономике.

Но поймите: альтернатива превентивному удару – это ядерное оружие и средства его доставки в руках человека, столь же глубоко и страстно убежденного в необходимости окончательного решения еврейского вопроса, как и канцлер Германии Адольф Гитлер. Поэтому, если Иран не остановит свою ядерную программу, удар будет нанесен. Другое дело, что Израиль хотел бы максимально возможно оттянуть роковое решение, пока еще сохраняется какая-то надежда на дипломатическую развязку кризиса. Не склонны форсировать события и США, которые понимают, что невиданная волна исламского терроризма обрушится не только против Израиля, но и против Америки.

А. Пионтковский

From: Alexei Arbatov
To: Andrei Piontkovski
Subject: do not dramatize

Андрей,

Поверьте мне, я допускаю, что США и Израиль готовы развязать войну, чтобы не допустить иранского ядерного оружия.

Но ведь есть и другие игроки.

Россия и по политическим, и по коммерческим соображениям не хочет, чтобы Иран имел полный ядерный топливный цикл, но не готова поддержать полномасштабные санкции и, тем более, военные меры для предотвращения такого потенциала. Той же линии придерживается Китай. Евросоюз занимает промежуточную позицию.

Всеобщее ощущение цейтнота порождается упорным продвижением Ирана шаг за шагом на этом пути, при котором он вызывающе пересекает одну за другой черты, проводимые США, Евросоюзом, Россией, МАГАТЭ и Советом Безопасности ООН. И с каждым очередным таким шагом, проходящим безнаказанно, новые требования и предупреждения извне становятся все менее убедительными. Другой ускоритель метронома – это приближающиеся президентские выборы в США. Увязнув в Ираке, республиканская администрация не может прийти на выборы, не решив ядерную проблему Ирана.

Выход из возникшего тупика и неуклонного соскальзывания к войне я вижу следующим образом.

Во-первых, не следует драматизировать ситуацию и поддаваться настроениям цейтнота. С точки зрения ядерно-технического прогресса Ирана, для переговоров есть достаточно много времени. Американские выборы не должны диктовать график дипломатических усилий по мирному решению этого кардинального вопроса.

Во-вторых, требовать от Ирана отдать то, что он уже создал (первые каскады обогащения) и на что имеет право по ДНЯО, – нереалистично. Но его программу можно ограничить на перспективу, и это может быть предметом переговоров «шестерки» (США, РФ, «Евротройка», Китай) с Ираном. Нужно вести нормальные переговоры об ограничении вооружений (в данном случае технологий двойного назначения), которые никогда не строятся по принципу: все или ничего, а всегда предполагают взаимоприемлемый компромисс.

Возможные ограничения на иранскую программу следует рассмотреть во временном разрезе, а именно: сколько времени достаточно оставить в запасе от момента гипотетического принятия Ираном решения о выходе из ДНЯО и разрыва с МАГАТЭ и до создания ядерного оружия? Кстати говоря, этот принцип имеет отношение к любой договоренности по ограничению вооружений и разоружению. Речь идет о времени, которое останется в запасе для принятия контрмер после гипотетического нарушения договора другой стороной или выхода из него.

Если бы удалось остановить программу обогащения на уровне имеющихся у Ирана 160 центрифуг первого поколения, то время до создания ядерного оружия оценивается в 10 и более лет. Но этого вряд ли удастся добиться, учитывая ход иранской программы и политические и временные параметры для переговоров.

Думаю, что приемлемой и в то же время реалистично достижимой целью может быть временной интервал примерно в 5–7 лет. Это подразумевает порядка 700–800 центрифуг первого поколения (P-1) или 300–400 второго (P-2). Конечно, дело технических специалистов точно оценить эти параметры, а также способы ограничения плутониевой программы, представляющей собой более сложный вопрос. Но в принципиальном плане проблема, видимо, может решаться именно в таком разрезе. Разумеется, разрешенная деятельность Ирана должна быть под всеобъемлющими гарантиями МАГАТЭ, включая ратификацию и выполнение Дополнительного протокола 1997 г.

Для политической подготовки такого решения нужно действовать по нескольким направлениям. Прежде всего, вопрос следует согласовать техническим специалистам, вслед за чем «шестерка» на политическом уровне должна достичь единой позиции. Затем надо выработать пакет предложений Ирану экономического, политического и технического порядка (включая сотрудничество в мирной ядерной энергетике), чтобы заинтересовать его в достижении договоренности. Отказ Ирана от столь заманчивого предложения, к тому же оставляющего ему широкие возможности развития мирных ядерных технологий, можно было бы тогда расценивать как явное свидетельство его намерения идти к созданию ядерного оружия. В этом случае великие державы могут согласиться на полномасштабные санкции против Ирана по резолюции СБ ООН и другие меры.

Кроме того, Россия и Запад должны снять остроту других своих противоречий (например, по поводу расширения НАТО на постсоветское пространство).

Далее, ядерные державы обязаны возобновить продвижение в ядерном разоружении согласно их обязательству по Статье VI ДНЯО (в частности, выполнить ряд из 13 рекомендаций Конференции по рассмотрению ДНЯО от 2000 г.).

И последнее, США должны, безусловно, начать вывод войск из Ирака. Ситуация там жестко связывает им руки по другим вопросам в политическом и военном отношениях, пагубно влияет на стабильность в Афганистане, подстегивает международный терроризм и распространение ядерного оружия.

А. Арбатов

From: Andrei Piontkovski
To: Alexei Arbatov
Subject: Russia and nothing personal

Алексей,

Можно ли остановить катастрофическое развитие событий по скатыванию к войне в Иране? Да, можно. Но совсем не так, как Вы предлагаете.

Ваши предложения – набор утопий. Давайте посмотрим прагматически: иранское руководство неоднородно, и внутри его, видимо, идут острые дискуссии. Согласованная позиция мирового сообщества и реальная перспектива серьезных политических и экономических санкций могла бы подтолкнуть «умеренных» в Тегеране к компромиссу.

Ключевой в этом контексте становится роль Москвы, о которой Вы мне только что написали: «Россия не хочет., но не готова», – то есть Вы исходите из того, что российская политика непоследовательна. В моей интерпретации мотивов российского руководства логика его действий вполне последовательна и, скорее всего, приведет к желаемому результату.

Соображения, определяющие эту логику, – политические (желание нанести максимальный вред США) и экономические (поддержание высоких цен на нефть), гармонично дополняют друг друга. Кроме того, как хорошо известно, в том числе и моему уважаемому оппоненту, в торговых сделках с Ираном не последнюю роль играют, к сожалению, и личные коммерческие интересы (*откаты*) высших государственных чиновников. При желании можно назвать это «нескоординированностью отдельных ведомств».

Сегодня на любом форуме, обсуждающем иранскую проблему, – Совет Безопасности, «шестерка» – Москва играет роль *политической крыши* иранского режима и его ядерной программы, заранее объявляя, что она не допустит никаких значимых санкций и тем самым позволяя иранскому руководству продолжать выигрывать время, необходимое для завершения своей ядерной программы.

Но у этой политики есть и другая сторона медали. Она сокращает время, которое еще есть у Израиля и США для дипломатического маневра, и приближает военную развязку. Что касается Израиля, то окно его военных возможностей резко сужается также поставкой российских зенитных комплексов *Тор М-1*, что, безусловно, подталкивает его к форсированию событий.

Можно назвать эту политику безответственной, а можно прагматичной. Это вопрос вкуса. Люди в Кремле прекрасно видят сценарии, рассмотренные нами выше. Похоже, что удар Израиля и/или США по иранским ядерным объектам устраивает их, как минимум, по трем причинам.

Во-первых, будет решена иранская ядерная проблема. Иранская бомба совсем не нужна России.

Во-вторых, вся ярость мусульманского мира будет с удвоенной энергией обрушена против США и Израиля, а Москва, присоединившись к благородному негодованию всего прогрессивного человечества, заработает дополнительные очки в исламских странах.

И, наконец, *the last but not the least*, нефтяные цены после прекращения экспорта с Ближнего Востока подскочат до невероятных высот. Тех десять-пятнадцать членов сегодняшнего политбюро, которые не только правят Россией, но по совместительству и владеют ею, это чрезвычайно порадует. Только бизнес, господа. Ничего личного.

Всего доброго,
Андрей

From: Alexei Arbatov
To: Andrei Piontkovski
Subject: re Russia and nothing personal

С оценкой мотивов российской политики не вполне согласен. Если бы Россия была заинтересована только в высоких ценах на нефть и вообще руководствовалась бы соображениями *realpolitik* в ее самом циничном виде, то она как раз стремилась бы спровоцировать США на военную акцию против Ирана. Это наверняка взвинтило бы цены на нефть до беспрецедентной высоты, повлекло бы окончательное увязание США в тряси-не безвыходных конфликтов Ирак – Иран – Афганистан и тем самым означало бы конец «Американского века» (в качестве единственной сверхдержавы). Это вызвало бы глубочайший раскол США с ЕС, Индией и КНР, умеренными исламскими режимами, а *заодно* покончило бы навсегда с ядерной программой Ирана, военного ответвления которой Россия, конечно, не хочет. Но Россия, уверен, делает все, что может, чтобы не допустить войны, поскольку все другие ее последствия в отношениях с Западом, Ираном, в плане борьбы с терроризмом и распространением ОМУ, в смысле региональной стабильности будут катастрофическими.

Вместе с тем Россия хочет иметь хорошие отношения с Ираном, которые для нее ничуть не менее важны сейчас, чем были для США отношения с шахским Ираном 30 лет назад, когда США помогали Ирану начать его ядерную программу в еще больших масштабах, чем планируется сейчас, включая обогащение урана.

Потому-то, в частности, Россия присоединилась к резолюциям СБ ООН № 1696 и № 1737, надеясь, что Иран уступит перед угрозой санкций и приостановит обогащение урана. Потому Москва предложила создать международный центр по обогащению на своей территории. Потому РФ тянет с вводом в строй первого блока Бушерской АЭС. И в то же время, РФ выступает против полномасштабных санкций, таких, которые спровоцируют Иран на контрсанкции и начнут подъем по лестнице эскалации, с которой будет трудно слезть и которая неизбежно приведет к войне.

Но почему Россия обязана безоговорочно присоединиться к американской линии давления на Иран только потому, что его нынешний режим не нравится нынешней администрации США? Кстати, с ней не согласны многие союзники США по НАТО, глава МАГАТЭ, прежний генсек ООН, бывший глава ЮНМОВИК Ханс Бликс и даже демократическая оппозиция в США. Разве что, *не глядя* присоединиться к Вашингтону из союзнической солидарности и в духе *стратегического партнерства*, как Великобритания и Испания в Ираке в 2003 г.? Но почему тогда США не вели и не ведут себя в таком же духе по отношению к Москве, когда речь шла о войне в Ираке 2003 г., о выходе из Договора по ПРО, о ратификации ДВЗЯИ, о предложениях Путина по стратегическому диалогу после исте-

А
К
И
М
Е
Л
П

чения срока СНВ-1 в 2009 г. и о космических вооружениях, о вероятном расширении НАТО на Украину и Грузию, не говоря уж о *доисторической* поправке Джексона-Вэника? И дело тут вовсе не в перечислении взаимных претензий РФ – США, а в том, что вся остальная политика Соединенных Штатов создает отвратительный фон для согласования позиций в столь сложном и деликатном вопросе, как иранская программа.

Другое дело, что линия РФ непоследовательна и пассивна, адресована периферийным аспектам проблемы и предоставляет инициативу (а также и ответственность, которой, возможно, стремятся избежать в Москве) Евротройке, Ирану, США и МАГАТЭ. Это обрекает нас на реагирование и дрейф по течению событий. О том, какой мне видится правильная линия РФ, я уже писал выше.

Что касается *откатов*, то для такого обвинения нужно иметь твердые факты («адреса, имена, явки»), а не гипотезы, пусть и выглядящие достоверно. Я таких фактов не имею, но и не готов их напрочь исключать, и потому не могу адекватно учесть их влияние на практическую дипломатию Москвы. Вообще говоря, такого рода интересы всегда пришиваются к большой политике и не только в России (вспомним Ирак и *Halliburton*, Шредера и *БТС*, многие другие примеры). Но оценить их «удельный вес» весьма трудно, хотя ясно, что сводить к ним все – неправильно (что делала наша пропаганда в прежние времена, объясняя гонку вооружений «аппетитами военно-промышленного комплекса США», а в недавние времена – объясняя американскую акцию в Ираке стремлением «наложить лапу на его нефть».)

А как, по-вашему, должна вести себя Россия в этой ситуации?

А.

From: Andrei Piontkovski
To: Alexei Arbatov
Subject: krysha no more

Если кто-то еще способен остановить иранскую ядерную программу мирным путем, то это Россия. Но сделать это можно, не *крышуя* Иран от полномасштабных жестких санкций и продавая ему оружие, а поставив его перед серьезной перспективой прекращения российского сотрудничества в атомной и военно-технической сфере.

А.П.

From: Alexei Arbatov
To: Andrei Piontkovski
Subject: what Iranians want

Андрей,

Вообще-то, чтобы нам было проще понять, как вести себя России, надо еще разобраться, какие цели преследует Иран, хочет ли он реально создать ядерное оружие?

Я, со своей стороны, могу с уверенностью говорить только о том, что такой вариант он желает держать для себя открытым. Неизвестно, будет ли он в конечном итоге реально создавать ядерное оружие, но приобрести техническую возможность для быстрого создания такого оружия в виде промышленного ядерного топливного цикла Иран считает для себя обязательным и прямо рвется к этой цели, ссылаясь на статьи ДНЯО.

Алексей

From: Andrei Piontkovski
To: Alexei Arbatov
Subject: re what Iranians want

Алексей,

Видите ли, «держать для себя открытым вариант создания ядерного оружия» во всех практических смыслах означает «создавать» его, то есть приближаться к заветной цели или, как Вы справедливо формулируете, «упрямо рваться» к ней каждый день.

Знаете, что меня особенно удивляет – и в Вашей позиции, и в позиции тех экспертов, которые Вам, видимо, близки? Формула «не допустить санкций и тем более войны». Эта формула лукава и внутренне противоречива!

Только серьезные санкции или убедительная угроза таковых может остановить иранскую ядерную программу. А может и не остановить. Все зависит от соотношения сил различных группировок в иранской верхушке, которое нам не известно. Зато политика «не допустить санкций» гарантированно позволит иранским ястребам и дальше «упрямо рваться» к ядерной бомбе. Что по соображениям, изложенным выше, сделает удар Израиля или/и США по ядерным объектам Ирана неизбежным.

From: Alexei Arbatov
To: Andrei Piontkovski
Subject: change the formula

Андрей,

Давайте разберемся с «моей формулой» – «никакого обогащения и никаких санкций», хотя она не «моя». Да, есть с ней проблемы. Вторая ее часть делает позицию слабой, но первая делает ее совершенно нереалистичной. Мы требуем от Ирана (как и резолюция № 1696 и № 1737) отказаться от того, что у них уже есть и на что они имеют право по ДНЯО, только потому, что режим кому-то не нравится. Мало ли кому какой режим не нравится! Есть международное право, и только оно может быть критерием для осуждения и наказания государств. Отнять у Ирана тот комплекс обогащения, который уже есть, можно только военной силой, что было бы вопиющим превышением пределов адекватного реагирования. После войны в Ираке это не пройдет не только в исламском мире, «третьем мире» в целом, в Китае, Индии, у нас в России, но и в Западной Европе и значительной части политических кругов США.

Мы что, хотим получить *войну цивилизаций* из-за 164 центрифуг типа P-1, от которых до ядерного оружия 13 лет?!

Поэтому нужно изменить обе части формулы. Определить для себя и остальной «пятерки» допустимо безопасные пределы обогащения, выставить эти условия Ирану (скажем, по числу центрифуг того или иного типа), а за несогласие уже грозить санкциями как за явный признак стремления к военному потенциалу обогащения, не оправданного ни по энергетической программе, ни по иранским запасам природного урана. Как политика «не допустить санкций», так и политика «отдайте все» укрепляет в Иране тех, кто, возможно, рвется к ядерной бомбе. Нам действительно не известно соотношение сил в иранской верхушке. Но наша задача не в том, чтобы угадать это соотношение и истинные намерения Ирана, а в том, чтобы более тонкой и реалистической политикой воздействовать на него с целью укрепления умеренных сил и остановки развития иранского ЯТЦ на безопасном расстоянии от ядерной бомбы (при полном контроле МАГАТЭ, который в данном ключе важнее, чем плюс минус сотня центрифуг). Это нормальный *arms control* и только он может дать успех, а не ультиматумы из выгребной ямы, особенно в свете недавних корейских событий (надеюсь, понятно, что я имею в виду не моего уважаемого оппонента).

А
К
И
М
Е
Л
О

Но мы все говорим о политике *желаемой* – пусть мы с Вами ее видим совершенно по-разному. А вот как насчет сценариев развития событий? По Вашим прогнозам, куда в ближайшие месяцы качнется маятник?

А. Арбатов

From: Andrei Piontkovski
To: Alexei Arbatov
Subject: Ahmadinejad goes to war

В ближайшие месяцы события будут развиваться по инерционному сценарию. Иран будет последовательно реализовывать свою ядерную программу, воодушевленный очевидной беспомощностью «мирового сообщества». Россия будет продолжать играть свою роль *крыши* в Совете Безопасности, помогая Ирану выигрывать время. Возможно, из тактических соображений Россия даже поддержит какую-нибудь очередную беззубую резолюцию, сделав предварительно все возможное, чтобы ее смягчить.

Израильский генеральный штаб и американский комитет начальников штабов будут продолжать разработку оперативного плана ударов по иранским ядерным объектам. Ракеты *Тор-М1* будут развертываться на боевых позициях.

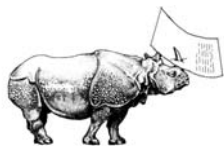
С материалами по иранской ядерной проблеме вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по странам – Иран» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/iran>

Понимают ли, к чему неизбежно приведет такое развитие событий в Иране? Да, безусловно. И определенные умеренные круги в его руководстве хотели бы найти возможность остановить военную ядерную программу. По-

хоже, однако, что баланс сил в иранской верхушке заметно изменился в последнее время в пользу президента Ахмадинежада – этого по Вашей справедливой аналогии Гаврилы Принципа наших дней.

Ахмадинежад – уже не назначенная аятоллами марионетка, а самостоятельная политическая фигура, жаждущая еще большей власти.

Он прекрасно понимает, что США и Израиль не позволят Ирану получить ядерное оружие. Сознательно провоцируя и США, и Израиль, Ахмадинежад ведет дело к скорейшей военной развязке, которая, по его расчетам, сделает его не только полновластным лидером Ирана, но и героем всего исламского мира. Кроме того, он как правоверный фанатик убежден в приходе двенадцатого Имама и считает своим религиозным долгом аранжировать его появление предсказываемой шиитской традицией серией катастроф.

Вячеслав Никонов

ДВА ПИТЕРСКИХ САММИТА¹

Комментировать ежегодные встречи «Большой восьмерки» всегда является делом непростым. «Восьмерка», если судить по результатам ее деятельности, да и по самой ее структуре, представляется достаточно аморфной. Это клуб, а не институт. Результаты, которые достигаются, не очевидны. А наиболее интересные процессы, которые происходят в ходе саммитов в «восьмерке», как правило, оказываются скрыты от внешнего наблюдателя.

А вот ответить на вопрос: чего ожидала Россия от встречи «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в июле 2006 г. – достаточно просто. Россия ожидала гладко провести саммит «Большой восьмерки» и тем самым достойно выполнить свою роль председателя этого неформального клуба.

Переживаний по поводу исхода питерского саммита в прессе (особенно в зарубежной), в политических кругах было гораздо больше, чем в Кремле. В Кремле к саммиту «Большой восьмерки» относились как к еще одному крупному мероприятию из череды саммитов, имеющих такое же символическое значение, как празднование 300-летия Петербурга или 60-летия Победы. Помимо журналистов за благополучное проведение этого мероприятия действительно переживали те люди, которые непосредственно его организовывали, в основном, в Санкт-Петербурге. Что касается президента Путина и его внешнеполитической команды, они были на редкость расслаблены.

Какие-то проблемы ожидались не столько от саммита «Большой восьмерки», сколько от российско-американской встречи и от того свободного дня, который Джордж Буш-мл. мог провести в Российской Федерации.

Много слов было сказано накануне саммита о том, что *вильнюсская речь* вице-президента США Дика Чейни знаменовала собой низшую точку в российско-американских отношениях за многие годы. Это правда. Во всяком случае, за те полгода, которые предшествовали этому выступлению, Путин и Буш только один или два раза говорили друг с другом по телефону. Это была самая низкая точка за все время общения между двумя президентами. Сейчас такое ощущение, что в Вильнюсе отношения между Россией и США коснулись дна и начинают понемногу всплывать. Насколько эта тенденция долговременна, мы увидим из ближайших событий. Впереди несколько серьезных испытаний, в частности связанных с признанием независимости Косово, которое в Москве рассматривают как прецедентное.

Что касается вопроса демократии в России, то его обсуждение – как в двустороннем российско-американском формате, так и в формате «восьмерки», решилось для Кремля достаточно безболезненно. Участие заместителей госсекретаря США в собраниях одной нацистской, одной ультракоммунистической и одной либеральной организаций с

И
Р
А
Т
Н
Е
М
К
О

С материалами по проблемам взаимодействия стран «Большой восьмерки» вы также можете ознакомиться в разделе "Глобальная безопасность и "восьмерка": вызовы и интересы. На пути к Санкт-Петербургскому саммиту" интернет-представительства Центра политических исследований России по адресу <http://pircenter.org/g8conference>.

общим рейтингом меньше одного процента иначе как фарсом называть нельзя. Несколько удивила попытка нескольких коллег по Общественной палате выразить по этому поводу гневный протест Джорджу Бушу и Тони Блэру. А такую подачу, как «строить в России такую же демократию, как в Ираке», можно пожелать любому выступающему в ходе дебатов. Такую подачу сложно плохо отыграть.

Что касается питерского саммита «восьмерки» как такового, то смотря на итоги с российской колокольни, можно оценить их коротко, как **самые позитивные**. Конечно, Россия подготовила большую часть принятых на саммите документов. Но отмечу, что они не просто были приняты, но приняты в основном без серьезных дебатов и возражений со стороны других партнеров России по этому «клубу».

И содержание принятых документов, и формат саммита способствовали не только подъему имиджа России, но и имиджу самой «восьмерки», которая на протяжении последних лет имела устойчивую репутацию «клуба жирных котов», которые собираются для того, чтобы обсуждать собственные проблемы. Говоря о формате саммита, я имею в виду прежде всего то, что к нему были подключены другие крупные игроки – Китай, Индия, Бразилия, Мексика, ЮАР, международные организации. Также важно, что в итоговых документах по образованию, по вопросам борьбы с эпидемиями большое внимание уделено интересам стран, которые не входят в клуб.

А после того, как В.В. Путин и Тони Блэр публично поддержали расширение «восьмерки», само расширение становится вопросом времени.

Особо хотел бы обратить внимание на документ, принятый по энергетической безопасности, содержащий российскую интерпретацию того, что следует понимать под энергетической безопасностью. Это не только права потребителей, которые понимаются как либерализация рынка и увеличение добычи, но и права производителей, которые заинтересованы в долгосрочности обязательств по потреблению энергоресурсов, заинтересованы в справедливых ценах и беспрепятственной доставке их продукта на мировой рынок.

Оглядываясь на середину июля, на дни саммита в Петербурге, нельзя не признать, что его затмило такое горячее событие, как война в Ливане. И в новостях саммит отчасти ушел на второй план, и на самом саммите лидерам пришлось уделить незапланированное и непропорционально большое время ближневосточным проблемам. Некоторые эксперты и политики в России считали, что это даже хорошо. Естественно, что в этих условиях Каспаров и Касьянов имели меньше эфира на *BBC*, *Sky News* и других телеканалах, чем если бы события развивались иначе. С другой стороны, трагические события на Ближнем Востоке не позволили России во время саммита заявить свою позицию в полной мере.

События на Ближнем Востоке явно ускорили процесс принятия решений на саммите. Нужно было стремительно принимать решения по новой проблеме, что требовало быстрого согласования разногласий. Поэтому все заранее подготовленные документы прошли почти без обсуждения. Что касается выработки общей позиции по Ливану, мы видели, как на протяжении двух дней буквально на глазах произошло сближение позиций. Если бы в этот момент лидеры находились в своих столицах, никакой общей позиции просто не было бы. Так же, как и не было бы резолюции СБ ООН по Северной Корее. Именно присутствие лидеров в одном месте в этот критический момент позволило быстро согласовать эти документы.

И последнее. Саммит был организован красиво и прошел без сбоев. Это *организацион-*

ный вопрос, но решен он был блестяще, а отсюда и в целом хорошее *послевкусие*, которое осталось от питерского события. Ну, а с точки зрения сущностной, и этот саммит «восьмерки», как и предыдущие и, наверное, последующие, не должен порождать у экспертного сообщества завышенных ожиданий. Все-таки это первым делом клуб неформального общения лидеров, тут решения не обязательно принимаются, но тут могут быть сняты многие барьеры, в том числе и психологические, чтобы такие решения были приняты в дальнейшем. Если не будет завышенных ожиданий от саммитов «восьмерки», не будет и разочарований.

Примечание

¹ В основу комментария положено выступление В.А. Никонова на заседании Клуба «Триалог», организованном ПИР-Центром 19 июля 2006 г.

РОССИЙСКИЙ ФОРУМ ПО ПРОБЛЕМАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

<http://www.securityforum.ru>

Security Forum – это экспертный портал, где специалисты из научно-исследовательских институтов, политологи, журналисты и обычные люди, интересующиеся различными аспектами международной безопасности, обмениваются мнениями, полемизируют и предлагают свое видение наиболее актуальных проблем в сфере безопасности, стоящих перед Россией и всем миром.

- ❑ **Каковы последствия проведенных КНДР ядерных испытаний?**
- ❑ **Что означало бы появление ядерного оружия в Иране с точки зрения российских национальных интересов и как Россия должна действовать, чтобы не допустить такого варианта событий?**
- ❑ **Центральная Азия – вопросы безопасности и российские национальные интересы в регионе.**
- ❑ **Ренессанс атомной энергетики в мире и роль России в развитии ядерных технологий.**

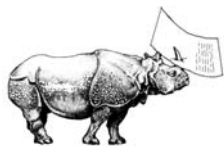
Эти и другие вопросы обсуждают участники Форума.

Российский Форум по проблемам международной безопасности не только предоставляет площадку для открытого диалога экспертов, но и предлагает пространство портала для размещения полемических материалов по обсуждаемым вопросам, а также для эксклюзивных интервью российских и зарубежных официальных лиц.

Приглашаем читателей журнала *Индекс Безопасности* присоединиться к виртуальному сообществу экспертов. Участвовать в дискуссиях по проблемам международной безопасности вы можете, зарегистрировавшись на портале <http://www.securityforum.ru>

Общение происходит на русском языке.

За более подробной информацией
о работе российского Форума по проблемам международной безопасности
обращайтесь к директору информационных проектов ПИР-Центра
Даниилу Кобыякову
по тел.: +7 (495) 234 0525,
или электронной почте kobyakov@pircenter.org

Нурия Кутнаева

Ильдар Ахтамзян

О ПОДПИСАНИИ ДОГОВОРА О ЗОНЕ, СВОБОДНОЙ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Подписание Договора о зоне, свободной от ядерного оружия¹, в Центральной Азии (ЦАЗСЯО) состоялось 8 сентября 2006 г. в казахстанском городе Семипалатинск. Таким образом, спустя 13 лет после выдвижения инициативы президентом Узбекистана И.А. Каримовым в 1993 г., предложение центральноазиатских республик наконец воплотилось в жизнь. Новая зона охватывает Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. По ряду характеристик ЦАЗСЯО представляет собой уникальную зону, полностью находящуюся на суше и расположенную в Северном полушарии. Кроме государств, обладающих ядерным оружием в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (ДНЯО), с ЦАЗСЯО соседствуют страны, владеющие ядерным оружием де-факто – Индия и Пакистан.

Достижению согласия по тексту Договора о центральноазиатской зоне – также называемого «Семипалатинским» по месту его заключения – предшествовала долгая и упорная работа дипломатов пяти республик, ядерных держав и представителей ООН. Переговоры проходили сначала в поисках компромисса между самими государствами Центральной Азии по ряду положений договора (1997–2002 гг.). Когда же представители республик наконец смогли договориться между собой в конце 2002 г. (Самаркандский проект от 26 сентября 2002 г.), ядерные державы – прежде всего Франция, Великобритания и США – выразили недовольство некоторыми пунктами, и подписание было вновь отложено на длительный срок.

СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА

В чем же заключается суть Семипалатинского договора? Самое главное положение перекликается с основным обязательством неядерных государств, участвующих в ДНЯО: стороны обязуются не осуществлять исследований, разработки, производства, накопления запасов или иного приобретения, владения или контроля над любым ядерным оружием (ЯО) или другим ядерным взрывным устройством (ЯВУ) любыми средствами где бы то ни было (статья 1.а). Кроме того, государства берут на себя обязательства «не искать и не получать никакую помощь в исследовании, разработке, производстве, накоплении, приобретении, владении или контроле» над любым ЯО или другим ЯВУ (статья 1.б).

Как известно, положениями ДНЯО не запрещено развертывание на территориях стран-участниц иностранного ЯО, остающегося под контролем одной из ядерных держав. Ключевое отличие обязательств для стран, участвующих в договорах о безъядерных зонах: они не должны допускать на своей территории хранение, размещение, приобрете-

ние, применение, производство, обладание и контроль над ЯО или другими ЯВУ, кому бы они ни принадлежали (статья 1.d Семипалатинского договора).

Значительное внимание уделено в Семипалатинском договоре вопросам экологической безопасности и сопутствующим мерам. В соответствии с положениями статьи 3.2, «каждая Сторона обязуется не допускать захоронение радиоактивных отходов других государств на своей территории»². Статья 6 предписывает сторонам «способствовать любым усилиям по экологической реабилитации территорий, загрязненных в результате прошлой деятельности, связанной с разработкой, производством или хранением» ЯО или других ЯВУ. Без сомнения, это положение в первую очередь связано с Семипалатинским испытательным полигоном на территории Казахстана, официально закрытым еще в начале 1990-х гг. Статья 5 запрещает испытания ядерного оружия или других ЯВУ.

Использование ядерной энергии в мирных целях разрешается (статья 7), что позволит, в частности, Казахстану осуществить планы диверсификации энергетики за счет строительства атомных энергоблоков.

Впервые в истории подобных зон страны-участницы обязуются соблюдать положения Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний³ (статья 5), а также заключить с МАГАТЭ и ввести в действие не только Соглашение о применении гарантий, но и Дополнительный протокол⁴ (статья 8.b). Кроме этого, Стороны Семипалатинского договора обязуются применять меры физической защиты в отношении ядерных материалов и установок «по меньшей мере столь же эффективные, как и меры, предусмотренные в Конвенции о физической защите ядерного материала⁵ и в рекомендациях и руководящих принципах, разработанных МАГАТЭ» (статья 9). Таким образом, Договор о ЦАЗСЯО служит и антитеррористическим целям.

Интересно, что депозитарием Договора определен не Генеральный секретарь ООН, как это было в ранних проектах, а Киргизия, что является политическим жестом, призванным признать роль, которую эта республика сыграла в установлении ЦАЗСЯО⁶.

Вторая составляющая Договора представляет собой Протокол о гарантиях, открытый для подписания государствами, обладающими ядерным оружием (ЯОГ), – Великобританией, Китаем, Россией, США и Францией. Подписав протокол, содержащий негативные гарантии безопасности, каждое ЯОГ примет на себя обязательство не применять ядерное оружие и не угрожать его применением странам – участникам Договора.

ПУНКТЫ РАЗНОГЛАСИЙ

На церемонии подписания Договора координатор системы ООН в Казахстане Юрико Сёдзи, выступая от имени тогдашнего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, заявила, что создание ЦАЗСЯО является еще одним важным шагом в области ядерного разоружения и нераспространения. Далее она отметила, что «ядерные страны имеют озабоченность по некоторым аспектам». В послании Генерального секретаря ООН также говорится: «Я рекомендую центральноазиатским государствам устранить эти разногласия в ходе консультаций с ядерными странами»⁷.

Действительно, на церемонии подписания Договора отсутствовали представители западных ЯОГ – США, Великобритании и Франции. Их не было и на Ташкентской встрече в феврале 2005 г., где стороны придали окончательную форму тексту Договора. Более того, накануне подписания в 2006 г. западные ЯОГ во главе с США организовали мощное давление на ООН с тем, чтобы представители этой организации также бойкотировали церемонию подписания Договора⁸. В то же время Россия⁹ и Китай¹⁰ выступили за создание ЦАЗСЯО и выразили всяческую поддержку Семипалатинскому договору.

Несколько слов о препятствиях, возникших на пути подписания протокола западными державами.

Первое и основное возражение западных ядерных держав вызывает статья 12, которая указывает на то, что Договор не влияет на права и обязанности сторон по другим международным договорам, которые они заключили до вступления в силу Договора о ЦАЗСЯО. По мнению представителей западных ядерных держав, эта формулировка открывает для России гипотетическую возможность с помощью Договора о коллективной безопасности 1992 г. (ДКБ) обойти положения Семипалатинского договора. В самом деле, статья 4 ДКБ, в котором участвуют все центральноазиатские республики, кроме Туркменистана¹¹, гласит, что агрессия со стороны какого-либо государства или группы государств в отношении участника Договора будет рассматриваться как агрессия против всех стран – участниц ДКБ. В этом случае все остальные государства-союзники обязуются предоставить такой стране необходимую помощь, включая военную, а также поддержать «находящимися в их распоряжении средствами»¹². Таким образом, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан в случае нападения на них могут рассчитывать на помощь России во всех формах.

Второй недостаток Семипалатинского договора, по мнению западных ЯОГ, это двусмысленность некоторых формулировок, дающая возможность трактовать отдельные положения в нескольких направлениях. Та же статья 12, с одной стороны, говорит, что ранее заключенные договоры должны соблюдаться сторонами. Иными словами, участники Семипалатинского договора должны следовать условиям ДКБ. С другой стороны, оговаривается, что стороны должны предпринимать все необходимые меры для эффективного достижения целей и осуществления задач Договора в соответствии с основными принципами, изложенными в нем. Госдепартамент США указывает на то, что данная статья не детализирует, какие именно предыдущие договоры имеются в виду, и, следовательно, странам-участницам остается непонятным, какие обязательства они принимают на себя¹³. США настаивали на том, чтобы статья 12 вообще была удалена из Договора. Но центральноазиатские республики делать это отказались. Предполагается, что не последнюю роль в их решении сыграла позиция России, которая заинтересована в обеспечении интересов всех участников ДКБ. Интересно, что среди семи условий, выдвинутых изначально самими Соединенными Штатами по созданию ЦАЗСЯО, имеется следующий пункт: «Создание зоны не должно нарушать существующие структуры безопасности в ущерб региональной и международной безопасности или каким-то другим образом ограничивать право индивидуальной или коллективной самообороны, гарантированной Уставом ООН»¹⁴.

Возвращаясь к основным разногласиям по пунктам Семипалатинского договора, нужно отметить, что гипотетически ядерное оружие может попасть на территорию Центральной Азии транзитом. С этим связано и третье наиболее значимое возражение западных ЯОГ. С одной стороны, страны-участницы Договора сами вправе решать вопросы, связанные с транзитом ядерного оружия через свои территории, включая заходы иностранных судов в свои порты и посадку иностранных летательных аппаратов на своих аэродромах (статья 4). С другой стороны, как уже было отмечено выше, государства-участники Договора принимают на себя обязательство не допускать на своей территории хранение, размещение ядерного оружия или другого ядерного взрывного устройства и контроль над ним. Подобная формулировка, опять же, содержит двусмысленность, поскольку не оговаривается определение самого термина «транзит» и каким отрезком времени он определяется.

Четвертая проблема заключается в том, что Венская конвенция ООН о праве международных договоров 1969 г. оговаривает главенствующую роль новых документов над предшествующими им по времени. Но тут есть несколько нюансов. Действительно, статья «Применение последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу» говорит о том, что «если в договоре устанавливается, что он обусловлен предыдущим или последующим договором или что он не должен считаться несовместимым с таким договором, то преимущественную силу имеют положения этого другого договора» (статья 30.2 Венской конвенции)¹⁵. И далее, следующий пункт предписывает, что «если все участники предыдущего договора являются также участниками последующего договора, но действие предыдущего договора не прекращено или не приостановлено [...], предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его положения совместимы с положениями последующего договора»¹⁶. В связи с этим возникает следующий вопрос: можно

ли считать эти два международных документа договорами, рассматривающие один и тот же вопрос? И должен ли Семипалатинский договор считаться совместимым или несовместимым с ДКБ? Как уже упоминалось, ДКБ говорит об обязательствах сторон оказывать помощь союзникам в случае нападения на них, включая военные средства. А Договор о ЦАЗСЯО выступает за запрещение обладания ядерным оружием, размещения его и контроля над ним, при этом оставляя лазейку о возможности предоставления республикам права транзита ядерного оружия. По мнению западных экспертов, современное ядерное оружие незачем транспортировать или размещать непосредственно в Центральной Азии. Его можно запустить и с территории, находящейся за пределами ЦАЗСЯО. С точки зрения западных ЯОГ, подразумевается, что Договор о создании ЦАЗСЯО должен главенствовать по отношению к Ташкентскому договору. Однако, *во-первых*, в Договоре о ЦАЗСЯО не устанавливается, что он обусловлен предыдущим договором – ДКБ. *Во-вторых*, участниками предыдущего договора являются не все участники последующего договора (например, Туркменистан не подписал ДКБ). А *в-третьих*, вышеозначенные договоры рассматривают не один и тот же вопрос, а лишь соприкасаются в вопросе (не)применения военных средств на территории ЦА региона. В любом случае Москва отдает предпочтение ДКБ, то есть праву использования всех средств для оказания помощи республикам Центральной Азии. Разумеется, это тормозит подписание протокола западными ЯОГ.

Следует отметить, что в ходе девятилетних переговоров по тексту договора (1997–2006) центральноазиатские республики пошли на значительные уступки западным ядерным державам. Например, из окончательного текста Договора устранено положение статьи 14.с Самаркандского проекта: «государства, имеющие общие границы с зоной, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, могут стать сторонами настоящего Договора, если они примут на себя обязательства по настоящему Договору и если в настоящий Договор будет внесена соответствующая поправка». Кроме того, в отличие от первоначальных проектов¹⁷, в окончательном варианте Договора вопрос с транзитом был разрешен таким образом, что каждая страна решает сама, разрешать ли транзит по своей территории или нет¹⁸.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОДПИСАНИЯ

Представляется, что подписание Договора необходимо рассматривать в двух плоскостях. *На региональном уровне* этот международный документ является первым многосторонним соглашением в области безопасности, который объединяет все пять центральноазиатских государств. Если Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан активно вступают в региональные и глобальные альянсы, то Туркменистан, приобретя статус нейтральной страны, очень выборочно подходит к вступлению в какие-либо союзы. Далее, в Договоре отмечается урон, который понесли центральноазиатские государства вследствие реализации ядерных программ в предшествующие годы, и содержится призыв поддержать реабилитационные мероприятия в области охраны окружающей среды.

На глобальном уровне непризнание Договора и, соответственно, неподписание протокола к нему западной ядерной *тройкой* свидетельствует о продолжении соперничества между великими державами, признаки которого можно увидеть, например, в наличии двух баз в Киргизии – Организации Договора о коллективной безопасности в г. Кант и Антитеррористической коалиции (АТК) в пос. Манас около г. Бишкек¹⁹.

Подписание Договора – это лишь первый шаг в создании центральноазиатской ЗСЯО. Теперь Договор должен быть ратифицирован в соответствии с законодательством каждой из Сторон. Остается нерешенным вопрос с протоколом, который открыт для подписания ядерной *пятеркой* (затем встанет вопрос о его ратификации ЯОГ).

Очевидно, что необходимо продолжение консультаций между ЯОГ и странами-участниками Семипалатинского договора по тексту протокола для выработки компромиссного решения, устраивающего все стороны. Следует отметить, что протоколы по всем предыдущим зонам, свободным от ядерного оружия, если и были подписаны, то не сразу²⁰.

С материалами по вызовом безопасности в регионе Центральной Азии вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по странам – Центральная Азия» Интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/centrasia>

Решение разногласий по тексту Договора зависит от изменения политической ситуации в мире, от перемены баланса сил в регионе, от национальных интересов соответствующих государств, а также от умения и, самое главное, от политической воли ядерных держав найти компромиссы. Несомненно одно: создание ЦАЗСЯО – это необходимый и важный шаг на пути продвижения глобального режима нераспространения, укрепления региональной безопасности и решения экологических проблем.

распространения, укрепления региональной безопасности и решения экологических проблем.

Примечания

¹ Другие ЗСЯО расположены в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолко 1967 г.), в южной части Тихого океана (Договор Раротонга 1985 г.), в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор 1995 г.) и в Африке (Договор Пелиндаба 1996 г.).

² По предложению Казахстана, Договор позволяет импортировать и делать захоронения отходов малого и среднего уровня радиоактивности (при соблюдении стандартов и процедур, принятых МАГАТЭ). Казахстан намерен изменить свое законодательство с целью разрешения захоронений радиоактивных отходов, исходя из коммерческих интересов. Об этом свидетельствует представление проекта экологического кодекса в сентябре 2006 г. в парламент Казахстана. Согласно статье 311 этого проекта, правительству страны разрешается санкционировать ввоз опасных отходов на территорию Казахстана «в целях их использования (утилизации, переработки, рециклинга) и захоронения». См. Министерство охраны окружающей среды разработало проект Экологического кодекса РК. *Агентство Хабар*. 2006, 19 сентября, <http://www.khabar.kz/index.cfm?id=22412>

³ Этот договор открыт для подписания 24 сентября 1996 г., однако еще не вступил в силу. Казахстан подписал ДВЗЯИ 30 сентября 1996 г. и ратифицировал 14 мая 2002 г., Киргизия – 8 октября 1996 г. и 2 октября 2003 г., Таджикистан – 7 октября 1996 г. и 10 июня 1998 г., Туркменистан – 24 сентября 1996 г. и 20 февраля 1998 г., Узбекистан – 3 октября 1996 г. и 29 мая 1997 г. соответственно.

⁴ Казахстан подписал Дополнительный протокол 6 февраля 2004 г., Таджикистан – 7 июля 2003 г. (в силе с 14 декабря 2004 г.), Туркменистан – 17 мая 2005 г. (в силе с 3 января 2006 г.), Узбекистан – 22 сентября 1998 г. (в силе с 21 декабря 1998 г.). Текст Дополнительного протокола для Киргизии одобрен Советом управляющих МАГАТЭ 23 ноября 2006 г.

⁵ Конвенция о физической защите ядерного материала открыта для подписания 3 марта 1980 г. Она вступила в силу для Казахстана 2 октября 2005 г., для Таджикистана – 10 августа 1996 г., для Туркменистана – 6 февраля 2005 г., для Узбекистана – 11 марта 1998 г. – См. Convention on the Physical Protection of Nuclear Material. IAEA Documents & Conventions, http://www.iaea.org/Publications/Documents/Conventions/cppnm_status.pdf. 8 июля 2005 г. на дипломатической конференции выработаны поправки к Конвенции, которые вступят в силу после ратификации двумя третями государств-участников Конвенции.

⁶ На самом деле и Узбекистан, и Казахстан сыграли немаловажную роль в становлении ЦАЗСЯО. Узбекистан не только выдвинул данную инициативу и всячески лоббировал ее воплощение, но и провел в 1997 г. Ташкентскую конференцию, посвященную становлению ЦАЗСЯО. Казахстан после 1997 г. также стал активно участвовать в становлении зоны. Достаточно вспомнить Алматинскую декларацию 1997 г. и конференцию в том же году в Алма-Ате. Но именно Киргизия постоянно продвигала идею о создании ЦАЗСЯО и напоминала об этой возможности международному сообществу. Например, в 1995 г. в рамках Конференции по рассмотрению и продлению ДНЯО киргизская делегация распространила рабочий документ о создании ЗСЯО в ЦА. А в 1996 г. Киргизия вместе с Монголией предложили проект резолюции о создании ЗСЯО в Центральной Азии. В 1998 г. в Бишкеке состоялась первая консультативная встреча государств региона, ядерных держав и представителя ООН. На ней были обсуждены основные принципы будущего договора и выработано Бишкекское коммюнике – Заявление министров иностранных дел всех пяти республик Центральной Азии.

⁷ United Nations Department of Public Information. SG/SM/10622 DC/3042. At signing ceremony of Central Asia Nuclear-Weapon-Free Zone Treaty, Secretary-General urges treaty's effective implementation. 8 September 2006, <http://www.un.org/News/Press/docs/2006/sgsm10622.doc.htm>

⁸ См.: Parrish Scott, Potter William. Central Asian States Establish Nuclear Weapon Free Zone Despite U.S. Opposition. Center for Nonproliferation Studies, <http://cns.miis.edu/pubs/week/060905.htm>

⁹ В частности, российский МИД, приветствуя подписание Договора, отметил: «Рассчитываем, что Договор будет способствовать укреплению мира и стабильности в центральноазиатском регионе и внесет существенный вклад в борьбу с международным терроризмом и предотвращение попадания ядерных материалов и технологий в руки негосударственных субъектов». См. Министерство иностранных дел Российской Федерации. О подписании Договора о Зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии (Сообщение для печати), 8 сентября 2006 г., http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/44A814D18B63BD90C32571E300516C55

¹⁰ Официальный представитель МИД КНР, Цинь Ган, отметил: «Мы приветствуем соглашение, достигнутое пятью центральноазиатскими странами по Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии». См. Foreign Ministry Spokesman Qin Gang's Comments on a Treaty on the Central Asia Nuclear Weapon Free Area to be Signed by the Five Central Asian Countries. (Spokesperson's Remarks). 7 September 2006, <http://www.fmprc.gov.cn/eng/xwfw/s2510/t270714.htm>

¹¹ Договор о коллективной безопасности подписан 15 мая 1992 г. в Ташкенте. Кроме ЦА государств и России, членами Организации ДКБ в настоящее время являются Армения и Белоруссия. В 1999 г. Азербайджан, Грузия и Узбекистан, бывшие участниками ДКБ, не стали продлевать для себя действие Договора. В мае 2002 г. принято решение об образовании Организации ДКБ (ОДКБ); Устав организации подписан 7 октября 2002 г. В 2006 г. Узбекистан вновь стал участником ДКБ.

¹² См. Договор о коллективной безопасности. <http://www.dkb.gov.ru/start/index.htm>

¹³ Parrish Scott, Potter William. Op.cit.

¹⁴ Remarks of U. S. Delegation to the Central Asian Nuclear Weapon Free Zone Conference. Tashkent, Uzbekistan. 15-16 September 1997, http://www.nti.org/e_research/profiles/Turkmenistan/index_5215.html#un

¹⁵ Венская конвенция о праве международных договоров, <http://www.un.org/russian/document/convents/lawtreat.pdf>

¹⁶ Там же.

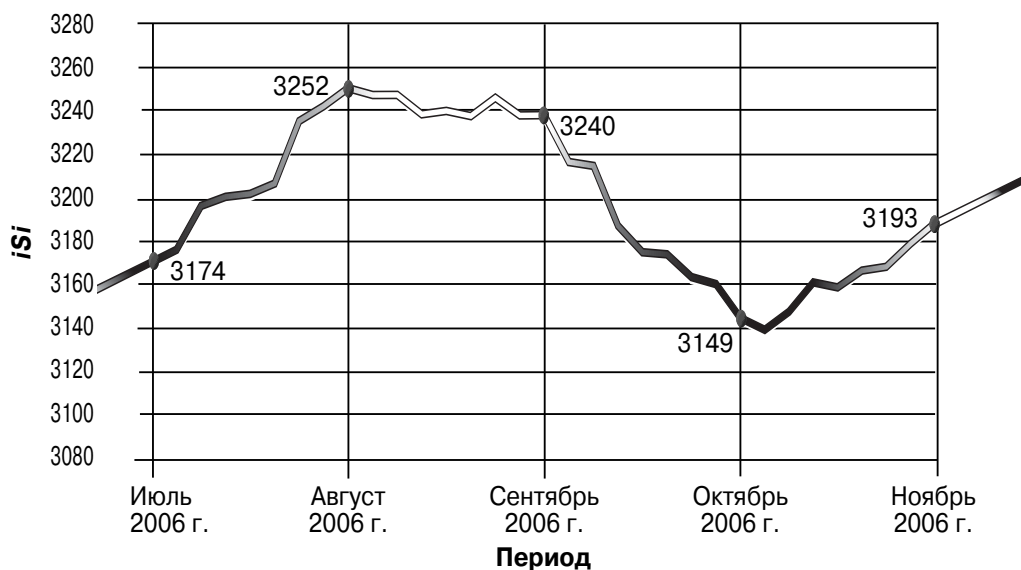
¹⁷ И Россия, и западная ядерная *тройка* не соглашались на полное запрещение транзита ядерного оружия через территории республик. Поэтому Казахстан предложил рассматривать вопрос о транзите в каждом отдельном случае. Туркменистан и Узбекистан, однако, до последнего момента не были готовы пойти на это и занимали достаточно жесткую позицию запрета любого транзита для всех республик.

¹⁸ Кстати, вопрос с транзитом был разрешен таким же образом и во всех предыдущих договорах о ЗСЯО. См. Орлов В. А. (ред.). Ядерное нераспространение. М.: ПИР-Центр, 2002. С. 149–170.

¹⁹ Кстати, Россия и США, представляющие свои базы в Киргизии, имеют доктрины национальной безопасности, декларирующие право наносить превентивные удары по возможному противнику. В этой связи в киргизских средствах массовой информации периодически возникают дебаты о возможности нанесения ядерных ударов, например, по Ирану с базы Ганси АТК. Однако представляется, что на настоящий момент это маловероятно: силы АТК имеют строго определенный мандат на проведение операций тылового прикрытия в Афганистане.

²⁰ К примеру, дополнительные протоколы к Договору о создании ЗСЯО в Латинской Америке (1967 г.) были подписаны Китаем в 1973 г. (II протокол), Францией в 1973 (I протокол) и 1979 (II протокол) гг., а СССР – в 1978 г. II и III протоколы к Договору о ЗСЯО в южной части Тихого океана (1985) СССР подписал в 1986 г., КНР – в 1987 г., а западные ядерные державы подписали все три протокола только в 1996 г. Протокол к Бангкокскому договору вообще не был подписан ядерными державами, поскольку их не устраивают ограничения по морским перевозкам. См. Status of Multilateral Arms Regulation and Disarmament Agreements, <http://disarmament.un.org/TreatyStatus.nsf>

График 1. Индекс международной безопасности *iSi* (июль – ноябрь 2006 г.)

➔ *Вера Гаврилова, Павел Мансуров, Владимир Орлов. ИНДЕКС *iSi* – УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИНДЕКС МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

➔ *Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: УМИРОТВОРИТЕЛИ И КРОКОДИЛЫ.*

➔ *Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: АПОКАЛИПСИС? – NO!*

➔ *Мариан Абишева, Тома Гомар, Сержио Дуарте, Андрей Кортунув, Рама Мани, Уильям Поттер, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Екатерина Степанова, Цзи Чжие, Константин Эггерт. КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ ПРИ ПИР-ЦЕНТРЕ*

ИНДЕКС *iSi* – УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИНДЕКС МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Индекс *iSi* (*international Security index* – произносится: *ай-си*) – это универсальный индекс международной безопасности, разработанный ПИР-Центром в результате работы в рамках длящегося уже более года проекта и в настоящее время проходящий международную апробацию.

Целью *iSi* является разработка количественного исчисления динамики общемировых процессов, объединенных понятием «международная безопасность». Индекс *iSi* призван показать, насколько международная ситуация с точки зрения безопасности отличается от *идеальной* на каждый конкретный момент его определения. Он также показывает, как эта ситуация меняется под воздействием различных факторов военного и невоенного характера.

Не претендуя на полноту и законченность определения, для целей вычисления индекса мы понимаем «международную безопасность» как интегрированный показатель состояния современного мира с точки зрения наличия или отсутствия угроз физической безопасности и экономическому благополучию граждан нашей планеты. Величина этого показателя отражена в *iSi* и оценивается нами с точки зрения масштабности названных угроз, длительности их воздействия и вероятности эскалации от локального на региональный и далее на глобальный уровень. При этом, исходя из приведенной выше формулировки, совершенно очевидно, что при вычислении *iSi* должны быть учтены как военные, так и невоенные факторы, в том числе и оказывающие влияние на экономическую составляющую безопасности.

Идея создания универсального индекса международной безопасности принадлежит члену Редколлегии журнала *Индекс Безопасности*, заместителю главного редактора газеты *Коммерсант* А.А. **Мурсалиеву**. Мы выражаем ему искреннюю признательность за то, что он столь щедро поделился с ПИР-Центром своими идеями и наработками и активно содействовал и содействует продвижению нашего проекта.

В рамках проекта была создана Рабочая группа, и на разных этапах к обсуждениям подключались И.А. **Ахтамзян**, А.В. **Булычев**, В.З. **Дворкин**, Сержио **Дуарте** (Бразилия), Д.Г. **Евстафьев**, Ф.И. **Ладыгин**, Джулиан **Линдли-Френч** (Великобритания), Н.Б. **Логотова**, Рама **Мани** (Индия), С.Г. **Мурсанков**, А.И. **Никитин**, А.А. **Пионтковский**, Е.Я. **Сатановский**, Е.А. **Степанова**, Ю.Е. **Федоров**, А.В. **Хлопков**, В.Н. **Цыгичко**, К.П. **Эггерт**. Наша особая благодарность – заведующему отделом стратегических исследований Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, члену Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра А.Г. **Савельеву** за проведение экспертных работ на завершающем этапе проекта.

С благодарностью отмечая вклад многих друзей ПИР-Центра на разных этапах становления и развития проекта, высоко ценя их помощь и критические замечания, мы, тем не менее, должны подчеркнуть, что **всю ответственность за «финальный продукт» – методологию расчета *iSi* и его – пока что ежемесячные – изменения несет исключительно ПИР-Центр.**

Итак, *iSi* рассчитывается по оригинальной методике, разработанной ПИР-Центром. Он в целом показывает уровень состояния международной безопасности в военной, политической, экономической, экологической сферах. В нем также учитывается и фактор воздействия негосударственных субъектов (в частности, террористическая деятельность).

Главными характеристиками *iSi* являются **универсальность, устойчивость и наглядность**. В *iSi* в концентрированной форме нашли свое отражение большое количество факторов, которые оказывают непосредственное влияние на международную безопасность. В их число входят: угроза всеобщей ядерной войны, количество и интенсивность локальных конфликтов, уровень политических отношений между отдельными странами и международными организациями, интенсивность и масштабы террористической дея-

тельности, стабильность мировой экономики и угроза со стороны техногенных катастроф и эпидемий.

iSi по своей структуре состоит из двух основных частей. Первая – это базовое значение индекса. Оно рассчитывается на основе экспертных оценок вероятности наступления тех или иных событий глобального и регионального масштаба, которые непосредственно влияют на уровень международной безопасности. Каждому из таких событий присваивается определенный балл по разработанной шкале. Согласно методике расчета, сумма баллов растет при снижении вероятности наступления тех или иных событий, способных подорвать международную безопасность, и, соответственно, уменьшается при росте вероятности наступления таких событий. Сумма полученных баллов по каждому из названных факторов составляет базовое значение *iSi*, которое корректируется один раз в год. Каждая категория факторов (военные, политические, экономические, техногенные и терроризм) имеют свой *вес* в шкале приоритетов и корректируются на соответствующий коэффициент.

Вторая часть *iSi* рассчитывается на основе оценки фактических событий, влияющих на международную безопасность, которые произошли в мире за истекший месяц. Каждое из таких событий оценивается как по его положительной или отрицательной направленности с точки зрения международной безопасности, так и по уровню его влияния (слабое, умеренное, сильное) по разработанной шкале баллов. Степень влияния каждого из таких факторов корректируется в зависимости от страны или региона, в котором такое событие произошло. Для этой цели в *iSi* вводится соответствующий коэффициент значимости региона (от 1 до 9). Простановка положительных баллов по каждому отдельно фактору говорит о вкладе данного события в международную безопасность; отрицательных баллов – о негативном влиянии такого фактора.

Сам Индекс *iSi* рассчитывается по следующей формуле:

$$iSi = \sum_i k_{G_i} \times \text{Глоб.ф.} + \sum_i k_{R_i} \times \text{Регион.ф.} + \sum_i k_{L_i} \times \Delta_j \times \text{Лок.ф.},$$

где

k_{G_i} — коэффициенты *взвешивания* глобальных факторов;

k_{R_i} — коэффициенты *взвешивания* региональных факторов;

k_{L_i} — коэффициенты *взвешивания* локальных факторов;

Δ_j — коэффициенты значимости региона.

Более подробно методология *iSi* раскрывается в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pircenter.org>

Расчет *iSi* осуществляется, начиная с 1 июля 2006 г., на ежемесячной основе. Рост или падение его абсолютного значения показывает, какие тенденции в сфере международной безопасности преобладали в мире за истекший период, какова была их направленность и глубина. Суммирование названных баллов дает базовое значение *iSi*, которое показывает, насколько существующая на момент оценки международная ситуация с точки зрения безопасности отлична от *идеального* состояния, когда любые угрозы отсутствуют вообще. За *идеальное* состояние принята цифра **4210 пунктов**.

Знакомиться с текущими изменениями *iSi* можно в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pircenter.org>

Базовое значение *iSi* было рассчитано по состоянию на **1 июля 2006 г.** С этого момента *iSi* обрел самостоятельность и начал отражать изменения мировой ситуации с точки зрения ее безопасности по состоянию на каждый последующий месяц, начиная с июля 2006 г. В соответствии с методикой расчета все значимые события, которые произошли в течение «расчетного» месяца, были оценены по разработанной шкале и получили числовое выражение в зависимости от их характера, направленности, глубины, широты охвата и значимости региона, подверженного их влиянию. После этого сумма расчетных показателей соответствующих событий (с положительным или отрицательным знаком) была приплюсована к базовому значению *iSi*, которое на 1 июля 2006 г. составило **3209 единиц**. Таким образом, был вычислен индекс июля. *iSi* августа и последующих месяцев был рассчитан по аналогичной методике, за исключением того, что сумма расчетных показателей этих месяцев добавлялась не к базовому значению *iSi*, а к его значению предыдущего месяца.

Значение *iSi* по состоянию на **31 июля 2006 г.** составило **3174** единицы, что соответствует его **падению на 35** пунктов по сравнению с базовым значением. Это означает, что в данном месяце наблюдалось сравнительно незначительное преобладание отрицательных факторов, характеризующих международную безопасность, над положительными. По сравнению с июлем, в августе *iSi* **вырос на 78 единиц** и по состоянию на **31 августа** составил **3252 пункта**. Сентябрьский индекс немногим отличается от августовского – **3240 единиц, или снижение на 12 пунктов** по состоянию на **30 сентября**. А вот в октябре значение *iSi* резко упало – **на 91 пункт** и по состоянию на **31 октября** составило **3149 единицы**. Наконец, 30 ноября 2006 г., незадолго до подписания этого номера в печать, *iSi* вырос на **44 пункта** и составил **3193 единицы**. Подробную хронологию событий с июля по ноябрь 2006 г., повлиявших на *iSi*, смотрите в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pircenter.org>

Ежемесячное измерение *iSi* ПИР-Центр сопровождает опросом **Международной экспертной группы**, в которой представлены эксперты из России, Казахстана, Бразилии, Индии, КНР, США, Франции, Саудовской Аравии и др. Экспертные оценки, никак не влияя на вычисленную нами величину индекса, тем не менее позволяют проследить, как воспринимается наш замер за данный конкретный месяц и, в частности, динамика *iSi* в течение нескольких месяцев в различных регионах мира.

**Вера Гаврилова
Павел Мансуров
Владимир Орлов**

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: УМИРОТВОРИТЕЛИ И КРОКОДИЛЫ

Лето и первые осенние месяцы 2006 г., скорее всего, войдут в историю мировой политики как один из ее наиболее напряженных, возможно, критических и даже переломных периодов.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ВРЕМЕН УПАДКА?

На протяжении почти всего этого времени эпицентром международной конфликтности оставался Ближний Восток. Война в Ливане заметно изменила стратегическую архитектуру этого региона. На его военно-политической сцене появилась сила, которой ранее не придавали особого значения – «Хизбалла», тесно связанная с иранским руководством¹. Поскольку Тегеран отказался принять компромиссные предложения, выработанные *группой шести*, на новый уровень эскалации вышла иранская ядерная проблема. На палестинских территориях не разрешены противоречия между двумя ведущими палес-

тинскими силами – «Хамас» и «Фатх», выливающиеся время от времени в вооруженные столкновения. В Ираке продолжается ожесточенная *bellum omnia contra omnes*, создающая все больше сомнений относительно возможности сохранения единого Иракского государства. Летом 2006 г. обострилось военно-политическое положение в Афганистане, в южных провинциях которого усилилась террористическая деятельность так до конца и не разгромленных талибов и действующих совместно с ними ячеек *Аль-Каиды*.

В начале осени 2006 г. резко осложнилась военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке. Хотя северокорейские ракетные испытания в июле 2006 г. окончились неудачей, а успех ядерного испытания, проведенного на полигоне Хвэдэри 9 октября 2006 г., сомнителен, суть происходящих процессов в целом ясна – Пхеньян взял курс на радикальную эскалацию напряженности, пытаясь таким образом шантажировать мировое сообщество и добиться выполнения своих требований. Это может иметь тяжелые последствия. Ядерное испытание является *красной чертой*, перейдя которую северокорейский режим может спровоцировать своего рода «цепную реакцию» событий, способных в наихудшем варианте привести к военному решению корейской проблемы.

По-прежнему продолжалось этническое насилие в Дарфуре, внутренние и международные конфликты в других регионах Африки. При этом суданское правительство заняло обструкционистскую позицию относительно продолжения пребывания там миротворческих сил ООН. Не прекращался конфликт в Асехе. Сохранялось сложное положение в Восточном Тиморе и ряде других регионов мира. В Латинской Америке усилилось влияние левых сил, неформальным лидером которых становится президент Венесуэлы полковник Уго Чавес, личность, мягко говоря, с весьма противоречивой международной репутацией.

Уильям Поттер (США), директор Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований – по телефону из Монтерея: *Я не думаю, что международная ситуация изменялась существенно за указанный период в том, что касается международной безопасности. Тем не менее, я верю, что образование демократического большинства в Сенате и Палате представителей США могут ускорить уход США из Ирака, что, скорее всего, будет иметь наибольший положительный эффект в пользу региональной и глобальной стабильности.*

Не менее важно, что политические институты и механизмы, призванные обеспечивать международную безопасность и осуществлять *управление конфликтами*, оказались практически импотентными. Ни ООН, ни ближневосточный квартет, ни группа восьми, ни разнообразные дорожные карты, ни различные полуформальные группы, как, например, группа шести, созданная с целью проведения переговоров с Тегераном для решения иранской ядерной проблемы, не смогли предотвратить новую войну на Ближнем Востоке и северокорейское ядерное испытание, пресечь ядерные амбиции иранского истеблишмента и остановить другие опасные процессы. Видимо, оказалась несостоятельной сама концептуальная основа подхода такого

рода механизмов к острым международным ситуациям – поиск компромиссных решений, стратегия *вовлечения*, ориентированная не столько на *кнут*, сколько на *пряник*, в отношении с силами и режимами, подобными «Хизбалле», иранской и северокорейской правящим кликам, иным экстремистским элементам, во множестве действующим в обширных регионах *третьего мира*.

Обескураживающей является реакция западного общественного мнения, СМИ и некоторых исследовательских институтов на новую войну на Ближнем Востоке. Фактически, на *одну доску* были поставлены Израиль, являющийся постоянной жертвой террористической агрессии, и радикальные исламистские террористы, угрожающие, кстати говоря, не только Израилю, но и всей иудео-христианской цивилизации. Создается впечатление, что в Европе, а иногда и в США просто не хотят слышать то, что открыто заявля-

Ы
В
Р
О
С
С
Б
Е
Ц
С
О
Д
Ц
П
Р
О
В
Ы
Х
М
И
Р
О
В

ют радикальные исламские лидеры. Прав американский сенатор Джо Либерман, который недавно заметил: «Если и есть урок, который мы должны извлечь из событий 9/11, [...] так это то, что если кто-то говорит, подобно Усаме бен Ладену в 1990-е гг.: *я вас ненавижу и убью, как только представится случай*, он именно это и имеет в виду и попытается это сделать»².

Но не менее, а, может быть, и более тревожно, что и военные инструменты оказываются во многих случаях бессильными. Израильские войска не смогли разгромить полувоенные боевые формирования одной из самых опасных и радикальных ближневосточных террористических группировок – «Хизбаллы». Американские вооруженные силы вместе с союзниками не могут остановить нарастающую гражданскую войну в Ираке и навести порядок в Афганистане. Складывается впечатление, что **мировое сообщество или, точнее, современная иудео-христианская цивилизация оказывается беспомощной перед лицом новых угроз и вызовов. В сознании невольно возникает образ Римской империи времен упадка, гибнущей под ударами варварских племен.**

Таким образом, события, происходившие летом и осенью 2006 г., подтверждают, что если не будут найдены и применены на практике новые эффективные концепции, политические принципы и юридические нормы, а также работоспособные институциональные механизмы обеспечения международной безопасности, Европа, а затем Северная Америка и Россия окажутся раздавленными *новыми варварами*, и мир вступит в новую эпоху *темных веков*, подобную раннему Средневековью.

Не вызывает оптимизма внешнеполитическая и стратегическая линия России. Москва, похоже, окончательно отказалась от сформулированной президентом Путиным в начале десятилетия концепции сотрудничества с США в противодействии терроризму и иным новым угрозам. Нынешняя российская линия на мировой арене, скорее, нацелена на маневрирование между США, Европой и экстремистскими силами, формирование противостоящих США неформальных коалиций и союзов и, одновременно, ограниченное сотрудничество с США и другими западными странами там и тогда, где и когда это отвечает интересам России, разумеется, так, как их понимают сегодня в Москве.

Москва сегодня копирует политические и дипломатические традиции Российской империи, пытаясь жесткими методами восстановить свое влияние и доминирование в южной части бывшего СССР, прежде всего на Южном Кавказе. Итогом этого стало, в частности, резкое обострение российско-грузинских отношений, перспективы и последствия которого пока в полной мере не ясны. Нет ясности и в том, насколько новые амбиции Москвы опираются на ее реальные, а не предполагаемые экономические и военные ресурсы.

НОВЫЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Война в Ливане обозначила новый этап военно-политического развития Ближнего Востока. Она стала результатом крупномасштабной провокации иранского руководства, судя по всему, тщательно продуманной в Тегеране и успешно осуществленной руками подконтрольной ему «Хизбаллы». По-видимому, развязывая войну, Тегеран преследовал две цели. Первая – отвлечь внимание *группы восьми* от иранской ядерной проблемы и не позволить обсудить и принять на саммите в июле 2006 г. в Санкт-Петербурге программу действий на случай ожидавшегося отказа Тегерана от компромиссных предложений, сделанных незадолго до того *группой шести*. Вторая – продемонстрировать, что Иран обладает мощными рычагами воздействия на ситуацию на Ближнем Востоке и способен причинить мировому сообществу серьезные неприятности, если последнее примет жесткие меры в адрес Ирана. Обе эти цели были достигнуты. Лидеры государств – членов *группы восьми* вместо обсуждения иранской проблемы лихорадочно пытались в Санкт-Петербурге выработать реакцию на события в Ливане. Кроме того, Иран ясно продемонстрировал, что он является важным и активным элементом стратегической ситуации на Ближнем Востоке.

Начальным эпизодом новой ближневосточной войны, на сей раз, по сути дела, уже не арабо-израильской, но ирано-израильской, стало похищение израильского солдата боевиками «Хамас» в секторе Газа. Это отвлекло политическое внимание, военные и разведывательные ресурсы Израиля от северной границы, где «Хизбалла» начала подготовку к крупной террористической атаке. Последняя началась 12 июля 2006 г., за несколько дней до саммита *группы восьми*. Захват «Хизбаллой» двух израильских военнослужащих и другие террористические акты вызвали ответные действия Израиля, на которые «Хизбалла» отреагировала массированными ракетными обстрелами израильской территории.

К войне, разумеется, готовились обе стороны. После того как в 2000 г. по решению тогдашнего израильского правительства во главе с Эхудом Бараком Армия обороны Израиля «Цахал» покинула Южный Ливан, вся территория между рекой Литани и так называемой *голубой линией*, разграничивающей ливанскую и израильскую территории, оказалась под полным политическим и военным контролем «Хизбаллы». Последняя создала в этой гористой местности глубоко эшелонированную систему укреплений и бункеров, связанных подземными туннелями, защищенную минными полями с разветвленной сетью площадок для пусковых установок ракетных систем залпового огня типа *Град*. Фактически, все ливанские деревни и городки в этой зоне были превращены в опорные пункты «Хизбаллы». Мирные жители и их дома были предназначены для использования в качестве *живых щитов*.

Израильские военные, в свою очередь, не могли не готовиться к войне с тем, чтобы восстановить в Южном Ливане *зону безопасности*, то есть, как минимум, выдворить оттуда «Хизбаллу» и установить собственный контроль над территориями, с которых могли совершаться ракетные обстрелы Израиля. В качестве стратегической доктрины была взята американская концепция *бесконтактной войны*. Она отводит главную роль военно-воздушным силам, которые должны разгромить основные силы противника, подавить его способность вести боевые действия, а затем завершить *зачистку* местности сухопутными войсками.

В соответствии с этой доктриной выстраивалась израильская операция против «Хизбаллы». На первом ее этапе длительностью около трех недель израильские ВВС разрушили значительную часть ливанской транспортной инфраструктуры с тем, чтобы разорвать линии снабжения отрядов «Хизбаллы», действовавших в Южном Ливане, из Ирана и Сирии. Другая цель израильских ВВС состояла в том, чтобы уничтожить командные центры «Хизбаллы», систему ее опорных пунктов и пусковых ракетных установок в Южном Ливане.

Первая задача была в основном выполнена, а вторая – нет. Поэтому ракетные обстрелы израильской территории продолжались вплоть до конца военных действий, а крупные сухопутные части «Цахал», вступившие в Южный Ливан на втором этапе операции, столкнулись с ожесточенным сопротивлением боевиков «Хизбаллы», опиравшихся на сохранившуюся инфраструктуру бункеров, туннелей и тому подобное. При этом штурм многочисленных ливанских деревень и городков, превращенных «Хизбаллой» в мини-крепости, относится к числу наиболее сложных и чреватых тяжелыми потерями военных операций. Израильское военно-политическое руководство не рискнуло пойти на единственно возможный вариант сокращения собственных потерь – массированные ковровые бомбардировки всей зоны между *голубой линией* и рекой Литани, это превратило бы всю зону в выжженную землю.

В итоге, военная операция в Южном Ливане окончилась, по сути дела, вничью. Израиль не смог выкинуть террористические отряды из этого района и воссоздать там зону безопасности. «Хизбалла» понесла серьезные потери, была вынуждена согласиться на ввод в эту зону крупных контингентов международных сил ООН и ливанской армии, что, естественно, ограничивает свободу ее действий. В политическом плане безусловную победу одержал Иран, продемонстрировавший свою роль одного из ведущих действующих лиц ближневосточной политической сцены.

Впрочем, эта победа может обернуться и осложнением позиций Ирана, поскольку большинство арабских режимов с недовольством восприняли усиление позиций Тегерана и близких к нему шиитских организаций в ближневосточном регионе, где всегда с подозрением относились к Тегерану с его великодержавными устремлениями, подкрепленными шиитским прозелитизмом. Может сложиться интересная ситуация, при которой и Израиль, и умеренные суннитские арабские государства окажутся в одной лодке, объединенные противостоянием общему врагу или, по крайней мере, сопернику. Неясно, однако, смогут ли США и их союзники воспользоваться этой ситуацией и создать эффективный фронт противодействия Ирану, в том числе для сдерживания его ядерных амбиций.

Политической основой прекращения боевых действий стала резолюция № 1701, принятая Советом Безопасности ООН 11 августа 2006 г. И по букве, и по духу этот документ осуждает «Хизбаллу» (а тем самым и ее покровителей). В частности, он требует «безоговорочного освобождения похищенных израильских военнослужащих», но при этом «сознается сложность вопроса» о ливанских заключенных и «поощряются усилия», направленные на срочное решение этой проблемы. Но главное содержание резолюции № 1701 состоит в необходимости разоружения «Хизбаллы» и вывода ее сил из района между голубой линией и рекой Литани. В параграфе 8 этой резолюции ясно сказано о создании «между голубой линией и рекой Литани района, свободного от любого вооруженного персонала, сил, средств и вооружений, кроме относящихся к силам правительства Ливана и ВСООНЛ (Вооруженных сил ООН в Ливане)». Там также подчеркивается необходимость полного осуществления Тайфских соглашений и резолюций СБ ООН № 1559 и № 1680, «в которых содержится требование о разоружении всех вооруженных групп в Ливане, с тем, чтобы, в соответствии с решением ливанского кабинета от 27 июля 2006 года, оружие и власть в Ливане принадлежали только ливанскому государству»³.

Для практического выполнения этих решений предусмотрено существенное увеличение ВСООНЛ до 15 тыс. человек.

Принятие резолюции № 1701 привело к окончанию боевых действий. Израильские войска постепенно выводятся из Южного Ливана. Однако руководство «Хизбаллы», согласившись с введением международных сил в Южный Ливан, наотрез отказалось от разоружения своих отрядов и вывода их за пределы реки Литани. Иными словами, «Хизбалла» откровенно игнорирует ключевые положения решения Совета Безопасности ООН. Но самое печальное состоит в том, что и международные ВСООНЛ не готовы выполнить положение резолюции СБ ООН о разоружении «Хизбаллы», ибо это грозит столкновениями с боевиками террористических групп, к чему войска ООН, в том числе принадлежащие ведущим европейским государствам, просто не готовы. По сообщениям печати, большинство государств, готовых предоставить свои войска для ВСООНЛ, хотели бы ограничить их роль поддержкой ливанских вооруженных сил и не готовы принять мандат операции, предусматривающий возможность их участия в боевых операциях и иное применение силы. Между тем ливанская армия, по всеобщему признанию, слаба по сравнению с боевиками «Хизбаллы», и, кроме того, в случае ее применения против «Хизбаллы» она может просто расколоться, поскольку среди солдат и офицеров немало приверженцев этой организации.

Поскольку выполнить главное требование резолюции № 1701 – добиться разоружения «Хизбаллы» и вывода ее отрядов из Южного Ливана, скорее всего, не удастся, вероятность возобновления в этом районе боевых действий весьма высока. «Хизбалла» и стоящий за ней Тегеран могут повторить в той или иной форме сценарий летних событий 2006 г. в случае осложнения ситуации вокруг иранской ядерной программы. Израиль, со своей стороны, никогда не смирится с существованием вблизи своих границ силы, являющейся, по сути дела, для него экзистенциальной угрозой.

Это ставит вопрос, значение которого выходит далеко за рамки ситуации, сложившейся в результате войны в Ливане: будут ли извлечены уроки из этой войны и, если да, то какие?

Для Израиля главным выводом из прошедшей кампании является необходимость тщательной и глубокой стратегической и тактической разведки территории Ливана, прежде

всего, его южной части, с тем чтобы иметь ясное представление о дислокации и состоянии всей военно-политической и террористической инфраструктуры «Хизбаллы». Собственно, главная ошибка израильского руководства, как представляется, заключается в том, что оно не смогло создать эффективную систему разведки Южного Ливана и тем самым оказалось не готово к тому типу военных действий, которые ему пришлось вести. Вторая, еще более сложная задача, стоящая перед израильским военным командованием – разработать стратегию и тактику ведения войны нового типа против полувоенных террористических формирований, опирающихся на заранее подготовленную систему укреплений и укрытий и пользующихся поддержкой значительной части гражданского населения.

Важнейший политический вывод, который должно сделать международное сообщество, прежде всего ведущие западные страны и Россия, состоит в том, что в лице Ирана они столкнулись с активным и динамичным противником, умело использующим все имеющиеся в его распоряжении рычаги и инструменты для достижения своих целей. Если такой вывод и вытекающие из него практические шаги сделаны не будут, то исходящие от экстремистских сил угрозы, в том числе угрозы безопасности России, будут возрастать.

Тома Гомар (Франция), директор программ по СНГ/России, Французский институт международных отношений – по телефону из Парижа: *Пожалуй, соглашусь с вашими данными в том, что касается разницы показателей за август и за октябрь, хотя это и не абсолютно достоверно. Август был месяцем успокоения после событий в Ливане, к октябрю же напряжение возросло по иранскому, корейскому направлениям, и, конечно, возросло чувство «нервозности» в связи с приближающимися выборами в США.*

Это в полной мере относится к иранской ядерной программе. Летом и осенью 2006 г. Иран продолжил обогащение урана, что расценивалось большинством экспертов и политиков как подготовка к созданию собственного ядерного оружия. Другим свидетельством этого является пуск летом 2006 г. завода по производству тяжелой воды, необходимой для ядерных реакторов, способных нарабатывать оружейный плутоний.

Стратегия Тегерана включает в себя не только демонстрацию силы, как это произошло во время ливанской войны, но и дипломатическое маневрирование, ведение вязких, изнурительных переговоров, во время которых мел-

кие уступки перемежаются жесткими ультиматумами, а само согласие вести «переговоры о будущих переговорах» подается как важный шаг навстречу партнерам. Подобная стратегия понятна. Иран стремится избежать жестких международных санкций и, одновременно, продолжать создание ядерного оружия. Менее понятна готовность ведущих западных стран и России действовать по правилам, навязываемым Тегераном.

31 июля 2006 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1696, в которой с *серьезной озабоченностью* отметил:

«Иран не предпринял шаги, которые были предписаны ему Советом управляющих МАГАТЭ, [...] и существенно необходимы для укрепления доверия, и, в частности, решение Ирана возобновить деятельность, связанную с обогащением, включая исследования и разработки, недавнее расширение им масштабов такой деятельности и его объявления о ней и его продолжающуюся приостановку сотрудничества с МАГАТЭ по линии Дополнительного протокола». Резолюция потребовала от Ирана приостановить «всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, что должно подлежать контролю со стороны МАГАТЭ». Совет Безопасности заявил «о своем намерении, в случае невыполнения Ираном положений настоящей резолюции к вышеупомянутой дате, принять соответствующие меры на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций [эта статья предусматривает возможность введения невоенных санкций. – Авт.], чтобы убедить Иран выполнить настоящую резолюцию и требования МАГАТЭ, и подчеркивает, что если такие дополнительные меры окажутся необходимыми, потребуются дополнительные решения».

Эта резолюция осталась невыполненной. Тегеран ее проигнорировал. Реакция Тегерана свелась к тому, что он готов к переговорам, в ходе которых, в частности, он, возможно, со-

Д
В
Р
О
С
С
З
С
Б
Е
О
Д
О
П
П
Х
З
В
О
Р
И
М

гласится приостановить обогащение урана на два месяца. Наверное, это время необходимо иранским специалистам для устранения тех или иных неполадок в каскаде центрифуг.

Несмотря на обструкционистскую позицию Тегерана европейская *тройка* в составе Великобритании, Германии и Франции начала предварительные переговоры с иранскими представителями. В ходе их Иран заявил о готовности обсуждать гарантии безопасности, которые ему должны дать ведущие державы, а также детали строительства в Иране реакторов на легкой воде. В обмен на это Тегеран пообещал не выходить из Договора по нераспространению ядерного оружия (ДНЯО) и, возможно, позволить инспекторам МАГАТЭ провести инспекции его ядерных установок.

Видимо, всему есть предел. В итоге, в середине октября 2006 г. переговоры между Ираном и европейской *тройкой* окончились безрезультатно, и иранская ядерная проблема была снова передана на обсуждение СБ ООН. Забегая вперед отведенных мне в этом обзоре хронологических рамок, скажу, что в декабре 2006 г. СБ ООН принял резолюцию № 1737 с включением в нее санкций против Ирана, хотя пока и весьма символических. Но я полностью уверен, что Иран и на этот раз проигнорирует решение СБ.

АФГАНСКИЙ ТУПИК

Летом 2006 г. произошло осложнение военно-политической обстановки в Афганистане. Оставшиеся неразгромленными отряды талибов и базирующиеся на территории Афганистана и в пограничных с ним районах Пакистана ячейки *Аль-Каиды* в первые месяцы 2006 г. завершили перегруппировку, получили дополнительные финансовые ресурсы, главным образом в результате выращивания и продажи наркотиков, и летом развернули активные партизанские действия в четырех южных провинциях страны. Действиям талибов способствует отсутствие какого-либо контроля над ситуацией в пограничных с Афганистаном районах Пакистана, так называемой *зоне племен*, где, в частности, находят убежище некоторые лидеры *Аль-Каиды*, в том числе, как считают некоторые эксперты, сам Усама бен Ладен. Правительство Хамида Карзая остается крайне слабым и контролирует ситуацию лишь в отдельных частях страны.

Это создало сильное давление на войска международной коалиции, возглавляемые НАТО. Растущие потери в Афганистане болезненно воспринимаются европейским общественным мнением. Участие в операции НАТО в Афганистане подвергается все более жесткой критике в европейских средствах массовой информации. До сих пор не удовлетворена просьба командования НАТО в Афганистане об увеличении численности находящихся там войск Альянса.

Между тем успех или провал этой операции имеет исключительно большое значение для будущего Североатлантического альянса. Успех в Афганистане подтвердит способность НАТО эффективно решать проблемы безопасности и стабильности в районах, отдаленных от традиционной зоны ответственности этой организации. Это является квинтэссенцией нынешних представлений о будущем Альянса. Если же НАТО окажется неспособной выполнить поставленные перед ней в Афганистане задачи, то эта страна опять превратится в убежище для исламских экстремистских и террористических группировок. Это существенно осложнит ситуацию в прилегающих к Афганистану регионах, в том числе в Центральной Азии и Пакистане. Но еще важнее, что дальнейшая судьба НАТО будет поставлена под сомнение, и организация может потерять свое значение.

Нарастание террористической деятельности в южных провинциях Афганистана не меняет, однако, общей стратегической ситуации в стране. Она может быть охарактеризована как военно-политический тупик. Действующие в основном на юге страны отряды талибов и *Аль-Каиды* не могут захватить власть в стране, пока там находятся международные силы.

Но и иностранные войска, и правительство Х. Карзая не могут установить эффективный контроль над территорией страны, обеспечить устойчивую власть центрального правительства. Международные силы содействия безопасности в Афганистане, действующие

под командованием НАТО и насчитывающие 20 750 человек, вместе с американскими войсками – численностью 21 200 человек, находящиеся в Афганистане в рамках операции *Enduring Freedom*, а также вооруженные силы правительства Х. Карзая, численность которых составляет сегодня 20–30 тыс. человек, в состоянии контролировать основные городские центры и важнейшие дороги.

По сути дела, реальная власть за пределами Кабула и нескольких провинциальных центров находится в руках полевых командиров, вождей племен, провинциальных лидеров, опирающихся на традиционные структуры власти и так далее. Не удастся сократить выращивание в Афганистане опиумного мака, являющееся основным источником существования значительной части сельского населения и источником обогащения верхушки местных кланов и племенных группировок.

Положение осложняется тем, что в самом правительстве Х. Карзая нет единства по стратегическим вопросам развития страны. В нем присутствуют прибывшие из эмиграции деятели, покинувшие Афганистан в годы советской оккупации и проведшие длительное время на Западе; военные и политики, входившие в свое время в окружение влиятельнейшего вождя афганского сопротивления Ахмада Шаха Масуда, контролирующего Панджшерскую долину; а также лидеры тех организаций, которые вели религиозный джихад против советских войск – Бурханнудин Раббани, Юнус Халес и другие. Они обладают значительными финансовыми ресурсами и сохранили в своем распоряжении крупные вооруженные отряды. Все эти группы и лидеры соперничают друг с другом, осложняя тем самым и без того запутанную политическую ситуацию в стране.

Все это не дает оснований ожидать, что в обозримом будущем произойдет сокращение находящихся там иностранных войск. Скорее, можно ожидать некоторое наращивание их численности. Это означает, что иностранное военное присутствие там будет продолжаться еще долго. Следовательно, сохранится и военное присутствие США и ряда других западных государств в Центральной Азии.

ИРАКСКАЯ ТРЯСИНА

К началу 2006 г. казалось, что появились некоторые признаки стабилизации ситуации в Ираке. Становление новых иракских институтов власти шло хотя и медленно, но относительно последовательно. В частности, 15 октября 2005 г. состоялся референдум, в котором приняли участие 63% иракских избирателей. За одобрение конституции проголосовало более 78% участвовавших в голосовании. 15 декабря 2005 г. в соответствии с новой конституцией состоялись выборы в полноценный парламент страны, в котором, однако, подавляющее большинство получили курды и шииты. Они получили 218 мест из 275.

Это стало последним этапом выполнения разработанной ранее американской администрацией *дорожной карты* создания в Ираке легитимных органов власти. К лету 2006 г. удалось сформировать правительство, в котором несколько более сбалансированно, чем в парламенте, были представлены основные этнические и религиозные группы страны:

Курды	8
Шииты	20
Сунниты	9
Независимые	2
Христиане	2
Туркмены	1

Цзи Чжие (КНР), директор Института исследования России – по телефону из Пекина: *В целом индекс точно показывает динамику событий, произошедших в течение этих месяцев. Особенно в том, что касается его падения в октябре. События вокруг ядерных испытаний в Северной Корее я как китаец оцениваю, действительно, как самые негативные в течение прошедшего года. А что касается повышения индекса в августе, думаю, что тут сказалось время «политических отпусков».*

Президентом Ирака был избран лидер Патриотического союза Курдистана Джалал Талабани, два вице-президента – шиит и суннит, премьер-министр – шиит, а два его заместителя – суннит и курд. Министерство внутренних дел и министерство безопасности возглавили шииты, но министром обороны был назначен суннит. Казалось, складываются условия для формирования более или менее стабильной системы власти, аппарат которой свободен от активных деятелей прежнего режима, функционеров «БААС», сотрудников саддамовских служб безопасности и иных элементов, тесно связанных с прежним режимом.

Однако после того как в феврале 2006 г. суннитские террористы взорвали шиитский храм в Самаре, гражданская война в Ираке приобрела острый, абсолютно неуправляемый и хаотический характер. Это в полной мере проявилось летом и осенью 2006 г., когда масштабы террористических актов и политических убийств достигли максимума. В частности, в сентябре 2006 г. только в Багдаде от рук местных террористов всех религиозных и политических оттенков погибло почти 2670 человек, что на 400 человек больше, чем в предшествующем месяце. В целом же, по подсчетам международных организаций, среднее число жертв в день в Багдаде составляет чуть менее 90 человек, тогда как в среднем по стране оно достигает 500 человек в день.

Главными источниками хаоса и нестабильности являются:

- ❑ Деятельность кадровых сотрудников саддамовского режима, прежде всего функционеров партии «БААС», служб безопасности, части армейского офицерства – людей, которые не нашли места в новых формирующихся институтах власти. Эти круги опираются на арабское суннитское меньшинство, насчитывающее около 20% населения страны.
- ❑ Радикальные исламские движения – как суннитского, так и шиитского толка, среди которых выделяются группы, связанные с *Аль-Каидой* и другими международными исламскими террористическими сетями.
- ❑ Множество мелких религиозных, политических и откровенно криминальных группировок, заинтересованных в сохранении хаоса и слабости власти для собственной беспрепятственной преступной деятельности.

Оснований ожидать быстрой стабилизации положения, прежде всего подавления террористической и криминальной активности, – нет. Новые иракские вооруженные силы и службы безопасности формируются медленно и болезненно. Начавшийся после парламентских выборов и формирования правительства процесс интеграции полувоенных формирований, в том числе курдских *пешмергов*, отрядов, подчиняющихся Высшему совету исламской революции в Ираке, *Армии Махди* и *Корпуса Бадра*, и других более мелких вооруженных группировок в официальные структуры безопасности далеко не всегда способствовал стабилизации положения. Нередки случаи, когда, действуя в официальном качестве, члены бывших полувоенных формирований преследуют своих политических противников и по-прежнему участвуют в столкновениях на религиозной и иной почве.

Американский контингент в Ираке, насчитывающий около 150 тыс. человек, может обеспечить физическую безопасность высшего руководства и важнейших институтов управления, основных коммуникаций и экономических объектов; подавить массовые беспорядки.

рядки и предотвратить приход к власти деструктивных сил. Но он не в состоянии поддержать правопорядок и пресечь террористическую активность. Армейские части не предназначены для такого рода задач, решение которых является функцией полицейских и специальных служб, которые, кстати говоря, должны быть не иностранными, а национальными. Только местные кадры знают особенности и специфику ситуации, могут создать эффективную сеть информаторов и обеспечить другие необходимые условия борьбы с терроризмом и преступностью.

Развитие событий в Ираке летом и осенью 2006 г. ставит под вопрос стратегию стабилизации, выработанную международной коалицией, главным образом, США. США предполагали, что нормализация положения в Ираке прямо зависит от того, насколько быстро будут формироваться эффективные институты политической власти, способные обеспечить нормальное жизнеобеспечение населения и восстановить правопорядок. Собственно, американская стратегия в Ираке и заключается в том, чтобы содействовать этому процессу, постепенно перекладывая на иракские правоохранительные структуры все большую часть усилий по поддержанию безопасности.

Обострение ситуации в Ираке вызывает растущие сомнения относительно возможности сохранения Ирака в качестве единого государства. Среди союзников США по международной коалиции, в том числе в Великобритании, усиливаются настроения в пользу вывода войск из Ирака, поскольку их пребывание там становится дополнительным источником нестабильности. В частности, в середине октября 2006 г. командующий британской армией сэр Ричард Даннат заявил, что британские войска должны «быть вскоре выведены (*sometimes soon*), поскольку наше присутствие там осложняет проблемы безопасности». Он также добавил: «Я не утверждаю, что трудности, которые мы испытываем во всем мире, вызваны нашим присутствием в Ираке, но последнее, безусловно, осложняет их».

В западных политических кругах, видимо, всерьез начинает прорабатываться идея ухода из Ирака и разделения страны на три государства – курдское, шиитское и суннитское. В научной и политической среде началась острая дискуссия относительно того, что более опасно – гражданская война в Ираке, которую невозможно остановить, или уход из Ирака, влекущий за собой резкую вспышку внутреннего насилия, сравнимую с индо-пакстанской войной конца 1940-х гг.,

приведшую к созданию двух государств.

Пока идея ухода из Ирака встречает жесткое сопротивление в Вашингтоне. Президент Буш утверждает, что «война, которую мы ведем сегодня, – есть нечто большее, чем военный конфликт. Это – решающая идеологическая борьба XXI века»⁴. И он прав. Уход из Ирака будет означать победу не некоего «патриотического сопротивления иракского народа иностранной оккупации», но наиболее одиозных и темных сил в мусульманском мире, которые уничтожают своих соплеменников и единоверцев с еще большим рвением, чем иностранных солдат.

Однако нельзя исключать, что по мере приближения президентских выборов в США эта идея будет поддержана и даже реализована американ-

И
В
Р
О
С
С
И
И
О
Д
П
Х
И
В
О
М

 Рама Мани (Индия), исполнительный директор Международного центра этнических исследований – по телефону из Колумбо: *В течение прошедшего периода индекс iSi, как мы видим, был достаточно стабилен, его падения и подъемы не превышали даже ста пунктов. Были небольшие изменения, на мой взгляд, связанные с нестабильной ситуацией в Ираке и непопулярностью политики Дж. Буша-младшего в связи с неудачами как в США, так и за рубежом. В осенние месяцы ситуация действительно начала вызывать много вопросов – в связи с предстоящими выборами в законодательные органы Соединенных Штатов. Принесет ли больше стабильности приход демократов – остается, тем не менее, вопросом. Будем ожидать нового показателя iSi.*

ской администрацией. Это может *взорвать* внутривнутриполитическую ситуацию в США в преддверии приближающихся выборов, выбить один из важнейших козырей из рук демократов, которые готовы превратить будущие выборы в своего рода референдум по поводу Ирака.

Уход США и их союзников из Ирака окончательно взорвет военно-политическую сцену Ближнего и Среднего Востока. В частности, на севере Ирака возникнет курдское государство, которое, естественно, станет центром притяжения и для турецких, и для иранских курдов. Первое не отвечает интересам США, ибо подрывает территориальную целостность важнейшего американского союзника в регионе – Турции. Но второе – вполне может быть использовано для сдерживания иранского режима, особенно, если будет взят курс на силовое решение иранской ядерной проблемы. А предсказать последствия появления суннитского и шиитского государств кто-либо из серьезных специалистов вряд ли возьмется.

ЯДЕРНЫЕ КОНВУЛЬСИИ ПХЕНЬЯНА

Летом 2006 г. северокорейский режим рискнул пойти на существенное обострение военно-политической ситуации в Северо-Восточной Азии. 5 июля 2006 г., за несколько дней до саммита *группы восьми* в Санкт-Петербурге, с северокорейского ракетного полигона были запущены несколько баллистических ракет, которые, правда, до цели не долетели. Однако политический резонанс был весьма сильным. Ракетные испытания свидетельствовали, что Пхеньян решил перейти от слов к делу и приступил к практическому шантажу международного сообщества. Последнее было не склонно принять северокорейскую интерпретацию совместного заявления государств – участников шестисторонних переговоров, суть которого заключалась в том, что в КНДР должен быть сначала поставлен ядерный реактор на легкой воде, а уже затем она будет готова ликвидировать свой ядерный потенциал. Мировое сообщество также не склонно отменить некоторые экономические санкции, направленные против интересов высшего руководства КНДР.

Действительно, Пхеньян был до предела раздражен тем, что американские власти заморозили банковские счета лиц, заподозренных в причастности к распространению оружия массового уничтожения и ядерных технологий. Среди них оказалось 13 северокорейских компаний. Параллельно Вашингтон принял меры против банков, уличенных в отмывании северокорейских средств, полученных от продажи наркотиков. Известно, что, по крайней мере, часть этих средств тратится на обеспечение роскошного уровня жизни высшего пхеньянского руководства. Видимо, это и стало каплей, переполнившей чашу терпения Ким Чен Ира и его приближенных, и они решились на то, чтобы, выведя ядерный кризис на Корейском полуострове на новый уровень, вынудить партнеров по шестисторонним переговорам пойти на уступки Пхеньяну.

Ракетные испытания не достигли тех целей, на которые рассчитывал Пхеньян. Вместо этого была принята резолюция № 1695 Совета Безопасности ООН, в которой была «выражена серьезная обеспокоенность по поводу произведенного» КНДР пуска баллистических ракет. Совет Безопасности также проявил не свойственную ему обычную жесткость и осудил северокорейские ракетные испытания, а также обязал все государства-члены «проявлять бдительность» и предотвращать передачу КНДР ракет, материалов и технологий для их изготовления. Российская дипломатия, действуя в свойственном ей духе всепрощения нарушителей режима нераспространения, постаралась, насколько это возможно, смягчить резолюцию № 1695 и устранить любое упоминание возможных санкций против КНДР. Представитель России при ООН В.И. Чуркин высказался против *наказания* КНДР. По его мнению, нельзя было, упоминая санкции, подрывать перспективу возобновления шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР.

был существенно смягчен по настоянию России и Китая. В частности, общая ссылка на Главу 7 Устава ООН, предусматривающую введение санкций, в том числе военных, была заменена более конкретным указанием на статью 41 этой главы, содержащую упоминание только тех санкций, которые не требуют применения вооруженной силы. Правда, нет ясности в том, как именно будет осуществляться инспекция северокорейских грузов без применения силы, если, например, КНДР предпримет силовые акции с тем, чтобы не допустить такой инспекции.

Могу предположить, что смягчение позиции США в процессе подготовки резолюции № 1718 было вызвано не столько позицией России или Китая, сколько неготовностью самих Соединенных Штатов к проведению силовой акции против КНДР в условиях, когда значительные контингенты американских войск действуют в Ираке и в Афганистане, и не исключена перспектива военной операции против Ирана. В этих условиях американская дипломатия может склониться к относительно мягкому варианту санкций, не исключая, естественно, возможности принятия более жесткого варианта – в случае, если предусмотренные резолюцией № 1718 меры окажутся неэффективными.

Принятие резолюции № 1718, естественно, ставит вопрос – будет ли она выполнена, в том числе будет ли на деле обеспечен режим жесткого контроля над импортом и экспортом КНДР. Во многом это зависит от Китая, поскольку именно через его территорию проходят основные торговые пути КНДР.

Попытка Пхеньяна шантажировать международное сообщество путем эскалации ядерной напряженности в Северо-Восточной Азии может иметь тяжелые последствия для безопасности в регионе и в глобальном масштабе. Может проявиться эффект *ядерного домино*. В течение нескольких месяцев, максимум – года, ядерное оружие может быть создано в Японии, где имеется около 5,6 тонн плутония, пригодного для создания 1,5–2 тыс. ядерных боеприпасов. Существенно активизируются настроения в пользу создания ядерного оружия в Южной Корее и Тайване. Кроме того, в Японии, на Тайване и в Южной Корее будут заметно интенсифицированы усилия по созданию противоракетной обороны в сотрудничестве с США. В этих условиях Китай будет наращивать собственные усилия в ракетно-ядерной области. Соединенные Штаты, в свою очередь, увеличат военное присутствие в Северо-Восточной Азии, в том числе, возможно, вновь развернут в Южной Корее свое тактическое ядерное оружие.

Северокорейское ядерное испытание явилось серьезным дипломатическим поражением Китая и России. Считалось, что *ключи* к решению корейской ядерной проблемы находятся в Пекине. В частности, северокорейские власти вряд ли решатся совершить шаг, который заведомо будет крайне отрицательно встречен китайским руководством. Последнее понятно. *Ядерное домино* в Северо-Восточной Азии, возрастание интереса Японии и Тайваня к американским противоракетным системам и в целом к военному сотрудничеству с США противоречит планам Пекина. В этих условиях ядерное испытание в КНДР показало, что Пхеньян не склонен прислушиваться к советам, идущим из Пекина. Оказалось также, что китайская, как и российская, позиция *умиротворения* Пхеньяна, в том числе сдерживание принятия жестких резолюций в Совете Безопасности ООН, провалилась. Вместе того, чтобы удержать КНДР от опрометчивых действий, российско-китайское покровительство скорее убедило Пхеньян в возможности безнаказанно бросить вызов международному сообществу.

Видимо, осознание того факта, что Китай может потерять лицо и столкнуться с неприятными для него последствиями *ядерного домино*, подтолкнули Пекин к решительным действиям. Появились сообщения, что Китай полностью прекратил поставки нефти в КНДР. Это оказалось сильнее любых дипломатических заявлений и резолюций ООН, и Пхеньян согласился вернуться на шестисторонние переговоры. Впрочем, это согласие, как уже нередко случалось, отнюдь не означает, что КНДР откажется от ядерного оружия. Скорее, переговоры будут использованы Северной Кореей для очередной изнурительной дискуссии – с тем, чтобы отменить или смягчить санкции и затянуть время.

САММИТ В ТЕНИ ЛИВАНА

Осложнение военно-политической обстановки на Ближнем Востоке и в Афганистане, обострение ситуации вокруг иранской ядерной программы, а также северокорейские ракетные испытания отвлекли внимание мировой политической и академической элиты от саммита в Санкт-Петербурге, состоявшегося в июле 2006 г. Между тем еще за месяц до встречи лидеров восьми государств считалось, что она будет центральным международным событием 2006 г.

Подготовка к этому саммиту шла очень непросто. Правда, достичь консенсуса по двум включенным Россией в повестку дня вопросам – образованию и борьбе с инфекционными заболеваниями оказалось нетрудно. Строго говоря, ни у кого не могло вызвать сомнений, что и образование, и здравоохранение – проблемы крайне важные и требующие международного сотрудничества. Соответственно, нужно было лишь найти подходящие дипломатические формулы для выражения общей точки зрения.

Было понятно также, что найти подлинный консенсус относительно третьей проблемы, вынесенной на обсуждение лидеров восьми стран, – проблемы энергетической безопасности – невозможно. После газового конфликта между Россией и Украиной зимой 2005–2006 гг. европейские страны взяли совершенно определенный курс на минимизацию собственной зависимости от поставок природного газа из России, тогда как Москва, наоборот, стремится укрепить свое положение главного поставщика газа в Европу. Совместить эти две противоположные позиции невозможно. Поэтому в задачу дипломатов, готовящих саммит, входило составление такого документа, который производил бы впечатление, что наличествует определенный прогресс, хотя подходы сторон как были, так и остались противоположными по большинству конкретных проблем энергетической безопасности.

В этих условиях подлинная интрига саммита заключалась в том, удастся ли *обменять* российскую поддержку западной позиции по Ирану и некоторым другим проблемам на отказ лидеров развитых демократических государств от публичной критики Кремля за свертывание демократии и газовую войну с Украиной. Но война в Ливане привела к тому, что ни судьбы российской демократии, ни Иран всерьез не обсуждались. Осталась неразрешенной также гораздо более глубокая и сложная проблема – относительно определения политической природы *группы восьми*. Изначально этот институт создавался как механизм обсуждения острых и актуальных международных проблем и согласования соответствующих позиций семи ведущих западных государств, объединенных общими ценностями и общим видением мира. Включение в него России было своего рода авансом. Предполагалось, что это укрепит демократические силы в российском обществе. Однако свертывание демократических процессов в России в последние годы и формирование новой российской внешней политики, исходящей во многом из отличных от политики западных государств стратегических установок, поставило вопрос – чем, по сути дела, *группа восьми* отличается от Совета Безопасности ООН? Санкт-Петербургский саммит, несмотря на отсутствие значимых результатов, вновь привлек внимание к российской внешней политике.

РОССИЯ: НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Международная безопасность в евразийской зоне, и прежде всего в районах, прилегающих к российским границам, во многом зависит от политики России. События лета 2006 г. показали, что Россия перешла к новой стратегии, во многом отличной от той, что была провозглашена В.В. Путиным после 11 сентября 2001 г. Новая внешнеполитическая философия была в основных своих чертах изложена министром иностранных дел С.В. Лавровым в речи в МГИМО МИД России 1 сентября 2006 г.⁷ Ее суть сводится к нескольким следующим моментам.

Преодоление экономической слабости и политической неразберихи, свойственных России в последнее десятилетие прошлого века, сделало, как заявил министр иностранных дел, «нашу внешнюю политику более целенаправленной и результативной, а российскую дипломатию – более востребованной в мировых делах»⁸. Министр утверждал, что «ни одна сколько-нибудь значимая проблема не решается без нашего участия, растет число наших партнеров и единомышленников»⁹. В целом же, через выступление министра красной нитью прошла мысль о том, что Россия сегодня вновь обрела необходимую мощь и это позволяет ей весомо выступать на мировой арене в качестве независимой силы.

Идея независимости российской внешней политики стала вторым ключевым моментом концептуальной речи С.В. Лаврова.

«Россия вновь обрела способность и политическую волю проводить подлинно национальную политику, основанную на российских интересах, – провозгласил он. – [...] Обретенная Россией внешнеполитическая независимость – главное достижение последних лет и безусловный императив, отвечающий политической и дипломатической традиции России»¹⁰.

Это высказывание сразу вызывает два принципиальных вопроса. Первый – что такое «подлинно национальная политика» (термин, который характерен не столько для демократических, сколько для авторитарных политических концепций, пропитанных националистическим духом). Второй – что означает «внешнеполитическая независимость» во взаимозависимом, глобализирующемся мире?

Третий принципиальный момент выступления С.В. Лаврова – мысль о том, что в мировой политике наступает «крайне ответственный и неизбежно противоречивый момент. [...] Непредсказуемость мирового развития будет сохраняться. [...] Спасение может быть только коллективным». При этом глава российской дипломатии выступил с идеей создания нового ансамбля ведущих держав. «Россия не видит разумной альтернативы формированию в глобализирующемся мире нового коллективного лидерства ведущих стран, которое было бы представительным в географическом и цивилизационном отношении. *Группа восьми* могла бы стать важным элементом такой оркестра»¹¹.

И, наконец, С.В. Лавров однозначно выступил против линии Соединенных Штатов:

«Не могут не вызывать обеспокоенности попытки дестабилизации целых стран и регионов под лозунгами «демократизации и продвижения свободы во всем мире», – сказал он, явно намекая на политику США. – Не только небезупречна с точки зрения международного права, с точки зрения здравого смысла и просто контрпродуктивна линия на изоляцию тех или иных игроков на международной арене. Как правило, такой подход дает результаты, прямо противоположные искомым. Вот почему мы не можем присоединяться к ультиматумам, которые всех загоняют в тупик и ведут к эскалации, логика которой всегда работает на силовые варианты»¹².

С.В. Лавров, безусловно, прав, говоря о наступлении нового, весьма сложного этапа мирового развития, требующего коллективных действий. Однако проблема заключается не только в принятии приемлемых для всей группы ответственных государств решений, но и в характере этих решений. Практика российской позиции показывает, что сегодня в Москве под «подлинно национальной внешней политикой» понимают заигрывание с террористическими группировками, например с «Хамас», с лидерами, подобными Уго Чавесу, с иранским руководством и прочими малоприличными фигурантами мировой политики.

Кроме того, новая российская внешняя политика, как показали события лета и осени 2006 г., включает в себя давление на Грузию и Молдавию. Нельзя не заметить, что если российская дипломатия активно выступает против применения силы против КНДР, Ирана и подобных им режимов, то в отношении Грузии, например, Москва готова, по крайней мере на словах, применить военную силу. Так, не далее как в середине октября 2006 г. командующий российскими ВВС В.С. Михайлов прямо заявил, что Россия не останется безучастной в случае вооруженного конфликта в Абхазии и Южной Осетии. «Если министр обороны заявил о том, что мы обязательно будем применять какие-то адекватные меры, то он, наверное, имел в виду и возможность применения авиационных,

морских и сухопутных сил», – по военному четко обозначил российскую позицию генерал Михайлов¹³.

Однако подобные двойные стандарты – лишь одно из слабых мест новой российской внешнеполитической философии. Не менее важно, что представление о восстановлении влияния и мощи России основано только и исключительно на доходах, полученных в результате роста мировых цен на нефть. Между тем ни одна из подлинных проблем российской экономики и российского общества не решена. Не проведена военная реформа, и российская армия по-прежнему находится в отчаянном положении. Не найдены источники экономического роста, иные, чем доходы от экспорта энергоносителей. Не преодолен демографический кризис. Требуется срочной модернизации российская электроэнергетика и транспортная система. В итоге, сила России существенно преувеличена, а это означает, что внешняя политика, основанная на зыбком представлении о вновь обретенной мощи, не может быть эффективной. Прав Збигнев Бжезинский, написавший в июне 2006 г.:

«Суверенность» России – устаревший стереотип. Его власть толкает Российскую Федерацию к осуществлению односторонних акций в отношении Украины, Грузии, Молдавии, но подобные акции лишь подрывают ее авторитет и обнаруживают ее полную беспомощность, то есть не могут принести России ничего, кроме вреда»¹⁴.

События лета и осени 2006 г. подтверждают этот вывод. Так, вопреки давлению Москвы руководство Киргизии оставило за США авиабазу в Манасе. Узбекский президент И.А. Каримов после возвращения в ОДКБ принял в августе 2006 г. заместителя государственного секретаря США Ричарда Баучера и, скорее всего, обсуждал с ним вопрос о восстановлении связей с США, сведенных практически к нулю после кровавых событий в Андижане. На состоявшемся летом 2006 г. саммите ШОС не была повторена прошлогодняя формула, требующая обозначить сроки вывода американских баз из Центральной Азии. Вряд ли можно считать крупной российской дипломатической победой назначение в Украине правительства В.Ф. Януковича. Его главной политической базой является крупный восточно-украинский бизнес, находящийся в жестко конкурентных отношениях с российским. Обострение российско-грузинских отношений и заигрывание с сепаратистскими кликами Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья может вовлечь Россию в конфликты, из которых трудно выйти, и окончательно осложнить отношения с Европой и США.

Не завершилась успехом попытка президента Путина установить некие *специальные отношения* с Германией в энергетической области. Канцлер ФРГ Ангела Меркель отвергла на первый взгляд соблазнительное предложение российского президента о стратегическом энергетическом партнерстве, предполагавшем гарантированные поставки Германии газа в обмен на получение Газпромом доступа к немецким газораспределительным сетям. Вместо энергетического альянса с Россией канцлер Германии подписала энергетическую декларацию с Францией, что совсем не входило в планы Москвы.

Это во многом предопределило отсутствие конкретных результатов на неформальном саммите Россия–ЕС в финском городке Лахти в октябре 2006 г. Стороны, по сути дела, повторили известные аргументы относительно участия России в Энергетической хартии. Россия отказывается ее ратифицировать, тогда как для Европы это является одним из основных моментов нового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Впрочем, судя по всему, в Кремле не слишком огорчены отсутствием прогресса в отношениях с ЕС. Российский политический *beau monde* уверен в том, что зависимость Европы от импорта газа и нефти из России рано или поздно сделает свое дело, и европейцы будут вынуждены принять московские правила игры. Видимо, поэтому С.В. Лавров уверен, что «мы можем и должны инициативно предлагать нетривиальные ходы, реально обеспечивать интеллектуальное лидерство российской дипломатии в урегулировании сложнейших мировых проблем»¹⁵.

СУММИРУЯ ИТОГИ ЧЕТЫРЕХ МЕСЯЦЕВ

Развитие событий на мировой арене летом и осенью 2006 г. продемонстрировало, что обеспечить надежную международную безопасность на основе прежних подходов невозможно. Силы, противостоящие современной цивилизации, воспринимают политику партнеров и готовы в полной мере воспользоваться этой слабостью. В этой связи нельзя не вспомнить высказывание Уинстона Черчилля: «*An appeaser is one who feeds a crocodile hoping it will eat him last*» («Умиротворитель – это тот, кто кормит крокодила, надеясь, что его сожрут последним»). Не стоит забывать и уроки истории: гибели Римской империи предшествовали попытки купить лояльность вождей соседних варварских племен, выплачивая им дань. Но эта стратегия не спасла Рим. Чем больше дани попадало в руки варваров, тем сильнее разгорались их аппетиты и тем сильнее было желание вторгнуться в пределы империи и забрать все, что можно было увезти своими караванами. Циничные историки, просидевшие все свою жизнь в пыльных архивах, уверены в одном: единственный урок истории состоит в том, что никто не обращает внимания на ее уроки.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: АПОКАЛИПСИС? – NO!

Лето и осень 2006 г. стали одним из наиболее насыщенных в военно-политическом плане этапов мировой политики последних лет. Как будто именно во второй половине 2006 г. весь накапливавшийся в течение длительного времени в мире конфликтный потенциал как по мановению волшебной палочки прорвался наружу. И, в результате, вместо в целом пристойной картины *нового мирового порядка*, где если кто и выражал сомнение в правоте *генеральной линии*, так только несколько маргиналов, одним неприкрытым движением руки занесенных в узкий «клуб» под названием *ось зла*, взору политиков и простых обывателей явился если не *новый мировой беспорядок*, то, во всяком случае, куда более мозаичная картина.

Новые исторические эпохи накатываются, как правило, постепенно, но начинаются внезапно. Сперва на события, которые не вписываются в прежнюю парадигму, стараются не обращать внимания, затем их начинают считать феноменами, затем возникает ощущение, что это все уже когда-то было, но в один прекрасный день мы просыпаемся в новом мире, который – вот сюрприз! – оказывается сильно не похож на то, к чему мы привыкли. Так и сейчас, кажется что в плавном движении колесницы истории по рельсам постбиполярности, где все *цивилизованные* люди выступают за дружбу (правда, в разных масштабах – от экстатического слияния до *жесткого партнерства*) с Западом, где нет альтернативы либеральной рыночной экономике, да и политический либерализм не оспаривается как единственно верная идеология почти так же, как и коммунизм в Советском Союзе, так вот – на этом гладком пути появляются неприятные *камушки*, которые начинают уже не просто скрипеть под колесами, а серьезно затрудняют прогресс человечества. Причем именно в последние полгода количество *камушков* превысило тот уровень, после которого не замечать их стало просто невозможно, и, по сути, рассказывая о событиях лета и осени 2006 г., мы будем рассказывать о том, как скрипела колесница мировой политики, переваливаясь через *камушки* новой исторической эпохи.

НОВАЯ ЯДЕРНАЯ ДЕРЖАВА

Начнем с октябрьского взрыва северокорейской маломощной атомной бомбы. Что мы увидели?

 Мариан **Абишева (Казахстан)**, заместитель директора по науке Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан – по телефону из Астаны: *Показатели индекса за прошедший период считаю вполне правдоподобными. Согласна с тем, что больших скачков показателей нет и не будет, так как, несмотря на критику, институты мирового сообщества довольно четко исполняют свои роли в стабилизации обстановки в моменты острых кризисов. Также хотела бы отметить показатели августа, самого спокойного месяца. Полагаю, что такого рода повышение уровня безопасности связано, как это ни странно, с сезоном отпусков, так как уровень техногенной опасности и техногенных происшествий в это время был значительно ниже.*

Прежде всего, то, что в лице руководства КНДР мы имеем игроков искушенных и вполне рациональных. Они видят, что началась новая эпоха и что *великим* пока не до бедной ресурсами, но очень гордой Северной Кореи, одухотворенной идеями чучхе. Иначе бы не произвел Пхеньян свое ядерное испытание так демонстративно.

Проведение ядерных испытаний с демонстративным игнорированием мнения КНР говорит о стремлении Пхеньяна выйти из тени своего *большого брата* и продемонстрировать, что надежды на то, что в своей стратегической торговле с Вашингтоном Пекин сможет использовать КНДР как разменную монету, совершенно напрасны. Урок для всех: КНДР – самостоятельное государство, поведением которого не дано управлять никому.

Самое главное достижение КНДР не в том, что это государство смогло произвести ядерный взрыв, и даже не в том, что это был ядерный взрыв устройства, которое имеющиеся у КНДР средства доставки вполне могут унести на значительное расстояние – почти до территории США. Главное достижение КНДР в том, что Пхеньян смог создать ситуацию стратегической неопределенности относительно уже не статуса, но масштабов своей ядерной программы у всех региональных сил. А в ситуации стратегической неопределенности даже США не решатся на сколько-нибудь значимую акцию против КНДР, даже обладая подавляющим военным преимуществом.

И поверьте мне, мы еще будем свидетелями многократных *колебательных* движений Пхеньяна, которые будут то дарить надежду, то вводить в ступор. Однако нити игры будут не в Вашингтоне, не в Брюсселе, не в Москве и даже не в Пекине.

Но если все факты говорят о том, что действия руководства КНДР рациональны, продуманны и изощренны, то, быть может, другим участникам переговорного процесса (и России, кстати, тоже) стоит отказаться от прежнего шаблона восприятия северной части Корейского полуострова как постоянно голодающей страны во главе с маньяком-коммунистом? Может быть, стоит воспринимать северокорейское руководство как серьезных партнеров, у которых есть свое понимание ситуации, свои цели и свои ресурсы? Тогда, глядишь, и начнет возникать хотя бы некое подобие доверия и понимание, отсутствие которого во многом и превратило пресловутые *шестисторонние переговоры* в обмен лозунговыми заявлениями и обвинениями.

ВОЙНА ИЗРАИЛЯ И «ХИЗБАЛЛЫ»: ПЕРВАЯ ВОЙНА НОВОЙ ЭПОХИ

Очевидно, что фактором, который в среднесрочной перспективе будет определять развитие системы международных отношений и не только на Ближнем и Среднем Востоке, стала война Израиля с «Хизбаллой». Это – фактически первая по-настоящему серьезная силовая ситуация, почти полноценная война, которая велась с превалированием религиозных лозунгов и которая велась государством против субгосударственного участника системы международных отношений.

При этом, хотя асимметричность в процессе ведения боевых действий, безусловно, присутствовала, она была не такой уж ярко выраженной, как это предполагали специалисты. Картина поражения израильского патрульного катера ударным беспилотным аппаратом, сконструированным и произведенным движением «Хизбалла», равно как и способность его ракетчиков поражать – хотя и без особой точности – цели на территории Израиля на глубину до 70 км, говорит о новом качественном уровне военного потенциала субгосударственных участников международных отношений. Безусловно, пример «Хизбаллы» пока является уникальным, однако не исключено, что и другие подобные структуры смогут в скором будущем обладать потенциалом производства в ограниченном количестве весьма технологически продвинутых видов вооружения.

Война Израиля с «Хизбаллой» будет иметь долгосрочный эффект еще и потому, что это была первая арабо-израильская война, в которой Израиль не победил. Нельзя говорить о том, что Израиль эту войну проиграл, но и то, что победы в ней достигнуто не было, – очевидно. А для Израиля – отсутствие победы в силу политических и исторических причин сродни поражению.

И главное – не то, что израильские генералы вели боевые действия с какой-то странной смесью самоуверенности и страха, с оглядкой на политическое руководство. И даже не то, что не была достигнута ни одна из заявленных целей военной кампании, а захваченный солдат остается в плену. И даже не то, что ракетчики «Хизбаллы» создали у израильтян чувство стратегической уязвимости, которого не было даже в худшие времена тотального противостояния Израиля и арабских стран, по крайней мере, после войны 1967 г. Важно, скорее, то, что *антихизбаллаховский* внутривосточный консенсус почти мгновенно рассыпался, как только появились первые признаки проблем в осуществлении операции. Иными словами, израильское общество, известное своей способностью спланировать в минуту опасности, явно показало всему миру и «Хизбалле» в том числе, что оно не готово принести жертвы во имя военно-политической гегемонии Израиля. Иными словами, Израиль все еще готов воевать с «Хизбаллой» (да и с любым другим противником), однако воевать так, чтобы это создавало минимум проблем для экономики и быта своих сограждан. Это очень важный *message* для всего Ближнего Востока, который может быть прочитан однозначно: Израиль от стратегического доминирования в регионе переходит к стратегической обороне. Конечно, теперь можно оправдываться и обвинять Россию, Сирию – всех, кого только можно, в помощи «Хизбалле». Мол, если бы Москва не передавала информацию *проклятым исламистам*, все было бы замечательно. Не возвращаясь к известной шутке про неважного танцора, можно напомнить нашим израильским друзьям, что на протяжении всей холодной войны Советский Союз с энергией, заслуживающей лучшего применения, помогал арабским странам, всем чем мог, – и оружием, и деньгами, и советниками. Однако тогда это не мешало Израилю каждый раз громить арабские армии в пух и прах.

 Сержио Дуарте (Бразилия), посол, Председатель Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (2005 г.) – по телефону из Бразилии: *Я не очень уверен в том, что безопасность является измеряемой. На состояние безопасности влияет множество факторов, не поддающихся числовому выражению: например, поведение политических лидеров. Тем не менее я соглашаюсь с предложенной в Индексе iSi динамикой этих месяцев, пусть и не стопроцентно доверяя этим цифрам.*

Кстати, только наивный не сопоставит итоги войны для Израиля и «Хизбаллы» с изменением тактики иранского руководства на переговорах об иранской ядерной программе. От почти истерического провоцирования США и Израиля на конфликт, президент Ахмадинежад, который сам по себе являет уже не феномен, но тенденцию в современной системе международных отношений, переходит ко все более изоцированной игре на противоречиях между ЕС, США и Россией. И причина этому очень проста – итоги войны в Ливане показали, что ресурсов на крупный геополитический проект (а разгром Ира-

 Евгений **Сатановский (Россия)**, президент группы **Ариэль**, президент Института Ближнего Востока – по телефону из Москвы: *Индекс безопасности – это величина условная, цифра весьма «лукавая» и весьма дискуссионная. Трудно определить единую цифру, характеризующую международную безопасность, так как тяжело что-то сравнивать. Что такое опасность или безопасность? Определение безопасности и опасности – это предмет для обсуждений. Но в целом сам индекс интересен и достаточно дискуссионен, в чем и состоит, наверное, его главное достоинство.*

на – это крупный геополитический проект у США нет, поскольку Израиль как наступательный военно-политический фактор перестал существовать. Да, конечно, израильтяне могут разбомбить иранские ядерные объекты, однако этого явно недостаточно для крупной и долгосрочной геополитической игры. А без опоры на Израиль – именно как на наступательную силу – США вряд ли готовы сейчас идти на прямую конфронтацию, тем более с применением военной силы в Иране.

Сейчас ясно одно – своей *непобедой* в Ливане Израиль существенно обострил ситуацию в регионе и создал, возможно, совершенно ненужную динамику. Большой урок всем мировым политикам: существуют ситуации, когда

войну лучше не начинать, даже если ты совершенно уверен в своей победе.

Во многих комментариях, причем не только со стороны западных специалистов, но и в России, есть много искажений реальной ситуации в Ливане, которые мешают трезво оценить ситуацию. «Хизбалла» – это не мифическая *Аль-Каида* (теперь мало кто будет спорить, что данная организация является скорее *зонтичным фантомом*, объединяющим отдельные относительно независимые группировки). «Хизбалла» – это организация, которая выиграла борьбу за умы и сердца ливанцев, а теперь и жителей арабского мира далеко за рубежами Ливана не только и не столько призывами к джихаду, сколько способностью адекватно и эффективно управлять политическими и социально-экономическими процессами. Мы также зачастую забываем, что «Хизбалла» есть результат вполне демократического развития ливанской политической системы. Эта организация – сила, которая черпает свое влияние из гражданского общества, прекрасно освоив его механизмы, став его частью. И в этом плане *путь* «Хизбаллы» может оказаться куда более привлекателен для движений подобного типа, нежели то антисистемное сектанство, которым увлекаются и *Аль-Каида*, и «Исламский Джихад», да и «Хамас», который оказался полностью неспособен управлять микроскопической по размерам Палестинской автономией.

Можно по-разному относиться к методам деятельности «Хизбаллы» и к действиям движения в ходе войны с Израилем, хотя надо сказать, что по части гуманитарной *чистоты* действия Израиля в ходе войны не слишком отличаются от усилий ракетчиков «Хизбаллы». Можно даже продолжать считать данную структуру террористической. Однако не признать ее сильнейшим фактором, который определяет и будет и в дальнейшем определять военно-политическую обстановку на Ближнем Востоке, – нельзя.

Вот кто уж точно проиграл, так это нынешнее руководство большинства арабских стран, оказавшееся если не политическими, то идеологическими банкротами из-за отказа даже пальцем пошевеливать ради помощи народу, публично объявляемому братским. Почему – понятно: многие ведущие политики в арабских странах и даже некоторые лидеры – из тех, кто десятилетиями заявлял о готовности *сбросить Израиль в море*, но проиграл все, что мог, позорно оставив на полях сражений кучи советских вооружений. В их душе – почти суеверный страх перед Израилем и почти мистическое стремление, ненавидя Израиль, избежать даже тени конфронтации с ним. Эти люди не способны ни на прочный мир с Израилем (даже Хосни Мубарак, хотя у Египта и есть полноценный мирный договор с Тель-Авивом), ни на решительную войну. Война в Ливане показала, что у арабского национализма как политической платформы нет будущего, а вопрос смены этих режимов на более исламски-ориентированные – вопрос времени.

И
В
О
С
С
Б
Е
О
Д
О
П
Х
И
В
О
Р
И
М

У «Хизбаллы» этого страха перед Израилем нет, и понятно, что следующее поколение арабской молодежи вырастет не на рассказах о том, как умирали в войнах с Израилем, как попадали в плен, как гибли тысячами почем зря, а на том понимании, что Израиль можно если не побеждать, то наносить ему очень серьезные поражения. Именно «Хизбалла», нравится это кому-то или нет, сейчас обладает идеологическим лидерством на арабской улице. Вопрос в том, игнорировать этот фактор, объявляя ведущую силу Ливана «террористами», или попытаться его понять. Ибо «Хизбалла» в отличие от арабских националистов – фактически одноклассников и единомышленников Саддама Хусейна – способна как на серьезную конфронтацию с Израилем, так и на долгосрочный мир с ним. Она достаточно сильна и для того, и для другого. Вопрос только в том, насколько Израиль будет сейчас способен переосмыслить свое место на Ближнем Востоке и понять новые реалии. Пока надежды на это малы, уж больно слабым – и от этого наглым выглядит изрядно измельчавший израильский политический класс.

ГРУЗИНСКИЙ ГАМБИТ?

Фактором, который в определенной мере подтверждает гипотезу о формировании в системе международных отношений новой волны конфликтов (связанной с ожиданием обострения ресурсного противоборства), является значительный всплеск напряженности в российско-грузинских отношениях. Практически, поведение США, подталкивающих своего сателлита Михаила Саакашвили к конфронтации с Россией, ничем не отличается от классики жанра в рамках ресурсного противоборства XIX–XX веков: когда великая держава жертвует пешкой для того, чтобы обеспечить себе более выгодные позиции для последующего геополитического броска.

Кстати, направление геополитического броска США понятно – создать путем прямого военного присутствия геополитический плацдарм в Восточном Причерноморье, от Азербайджана до Грузии. А если не удастся, то превратить этот регион в зону перманентной нестабильности, подобную Ираку. Это – еще легче. Этим они смогут не столько нанести удар по позициям России, сколько создать для себя возможность постоянно и без дополнительных усилий контролировать важнейшие нефтяные коридоры. Ведь и трансчерноморский нефтепровод, и голубой поток окажутся либо в зоне перманентной военной нестабильности, либо в прямой досягаемости самых элементарных ударных средств американских вооруженных сил. И это будет дополнительным инструментом влияния не только и не столько на Россию, сколько на союзников в ЕС, для которых вопрос топливной безопасности чрезвычайно актуален.

Таким образом, Россия оказалась перед неприятной перспективой либо политической *потери лица* в полемике с Михаилом Саакашвили – типичным популистом-обскурантом, либо открытого противопоставления себя и США, и Европе. Конечно, в среднесрочной перспективе наши европейские партнеры не менее России заинтересованы в замене Саакашвили на более приемлемую фигуру, однако в силу присущей «прогрессивному человечеству» антироссийской солидарности вряд ли решатся подать собственный голос.

Из этого вытекает один из главных уроков для российской внешней политики последних лет: можно играть до бесконечности в виртуальные игры и заниматься информационными войнами. В этом плане *по очкам* Россия давно победила Саакашвили. Однако толку с этого – чуть, поскольку главным нашим если не противником, то оппонентом в данном случае является не Саакашвили, а США. И если принять эту неприятную истину, победит не тот, кто красивее обольет грязью оппонента, а тот, у кого, в конечном счете, больший запас практических шагов и практически значимых ресурсов, включая и силовые. А у США они существенно больше, чем у России, не говоря уже о свободе действий.

Если в эпоху *глобальной борьбы с терроризмом* и *оранжевых революций* отсутствие у нашей страны реального ресурсного потенциала, а иногда и отсутствие политической воли его применить было терпимым – как-никак и *борьба с терроризмом*, и *оранжевые*

революции тоже проекты во многом виртуальные, то если справедлив прогноз о наступлении эпохи ресурсной борьбы, сохранение подобных подходов в новом мире будет самоубийственным. **Эпоха ресурсного противоборства не признает побед по очкам. Она признает только победы нокаутом.**

Случай с Саакашвили показателен и тем, что доказывает в целом бесплодность попытки получить ресурс влияния на Западе путем укрепления имиджа. В случае столкновения России даже с откровенно невменяемой личностью типа Саакашвили симпатии Запада в целом остались не на стороне России, достаточно почитать европейскую и американскую прессу. Мораль: надо меньше думать об имидже и больше о том, насколько то или иное действие соответствует нашим интересам. В конечном счете считаются только с теми, кто способен доводить задуманное до конца, не отвлекаясь на полемику с окружающим миром. Как говорится, не мечите бисер...

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского центра Залива – по электронной почте из Дубая: *Кризис в Ливане в июле определенно увеличил обеспокоенность по развязыванию региональной ближневосточной войны, которую следовало бы отразить и в показателях за август. Когда эти страхи не материализовались, ситуация стабилизировалась. Тем не менее, с ростом насилия в конце октября в Ираке и озабоченности по поводу увеличения межрелигиозных столкновений в регионе барометр снова качнулся в сторону более пессимистического настроения. В целом, я согласен, что данные индекса верно отражают общее состояние безопасности.*

Тем не менее к взаимоотношениям с США по поводу Михаила Саакашвили и того, что именуется Грузией, надо относиться серьезно. В том-то состоит смысл и привлекательность ресурсного противоборства с использованием потенциала сателлитов, что он – за редкими исключениями, которые, как правило, связаны либо с личностными факторами, либо с внутренней ситуацией в той или иной стране, позволяет решать глобальные задачи на локальных и малозначительных площадках. И противостояние России и Грузии, если Москва будет и дальше допускать ошибки, а в Вашингтоне не возьмет верх линия радикал-истериков, будет как бы абстрагировано от *Большой игры*, а главное – не потребует от США больших затрат, за исключением под-

кормки окружения Саакашвили, которое, как известно, в целом неприязнательно.

Иногда складывается ощущение, что для современных Соединенных Штатов Грузия является тем же самым, чем для Великобритании была Финляндия в конце 1930-х гг.: своего рода жертвенный агнец для Сталина, который уже обозначил свою готовность восстановить влияние Москвы на окраинах бывшей империи. Погибнет Финляндия под пятой сталинского сапога – неплохо, ибо Россия оказывается в полнейшей международной изоляции и Гитлер уж точно повернет свои взоры на Восток. Не погибнет – тоже неплохо: по престижу СССР будет нанесен серьезный удар, а Красная Армия дискредитирует себя как серьезная военная сила. Проблема в том, что Россия – не СССР, Грузия – не Финляндия, грузины не финны, а Саакашвили, прошу прощения, точно не Маннергейм. Но доказывать это миру придется России – у грузинского руководства, как мы поняли, в глазах *прогрессивной общественности* тотальная презумпция невиновности.

Вызывает восхищение готовность американцев втягиваться если не в *большую игру*, то в серьезное силовое противоборство вокруг Грузии в момент, когда еще не решены проблемы, связанные с присутствием американских войск в Ираке; когда ситуация в Афганистане, мягко говоря, *поплыла*; когда авторитет США в развивающемся мире упал до самой низшей точки после вьетнамской войны. Однако, вероятно, в США понимают, что ставки в ресурсном противоборстве очень велики и надо рисковать, в т.ч. избавляясь от ненужных союзников – своего рода *чемоданов с оторванной ручкой*. Тем более что в том, что благодаря столкновению с Грузией они смогут нейтрализовать россий-

И
В
Р
О
С
С
И
И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И
М

ский фактор в Закавказье и Причерноморье – во всяком случае, на пару-тройку лет, наши партнеры в Вашингтоне, видимо, почти уверены.

АФГАНИСТАН: ЛАКМУСОВАЯ БУМАЖКА СМЕНЫ ВЕХ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Кстати об Афганистане. Именно *кстати*, ибо в течение пяти лет война в Афганистане была откровенно *забытой*, и считалось, что это государство легко станет образцом того, как можно построить *типа демократию* в многоукладном обществе с исламской доминантой. С другой стороны, еще год назад стало понятно, что умные люди в США сделали ставку на максимально мягкое *выползание* из Афганистана и передачу основной полноты ответственности за ситуацию там в руки европейцев, которые хотели доказать свою геополитическую состоятельность и способность реализовывать операции по проецированию силы и стабилизации ситуации в почти глобальном масштабе. Иными словами, в США хотели реализовать идею еще времен Вьетнамской войны – *объявить, что победили, и – уйти*. Что и понятно, поскольку автором этой замечательной формулы являлся не кто иной, как ушедший в ноябре 2006 г. в отставку министр обороны США Дональд Рамсфелд. Не удалось, не успели. Уже к сентябрю потери союзников США по НАТО за 2006 г. превысили совокупные потери за последние пять лет, но и потери США не уменьшились. Но не это главное – талибы, о победе над которыми многократно заявлялось, перешли к наступательным операциям и попыткам захвата населенных пунктов от мелкого терроризма и арьергардных боев с многонациональными силами где-то в труднодоступных горах. То есть они перешли к попыткам восстановления контроля над территорией. Это – принципиальный сдвиг, который говорит о том, что местное население если не поддерживает талибов, то, как минимум, не относится к ним резко негативно. И в этом – источник проблем США и их западных союзников: они не смогли сформировать общественно-политическую парадигму, которая бы в течение длительного времени оказалась привлекательной для афганского общества. Фактически, США воссоздали с некоторыми послаблениями доталибскую общественную ситуацию: бандитизм, торговля наркотиками, всевластие полевых командиров. То есть именно ту среду, из которой и выросли талибы. Не обязательно, конечно, ситуация в Афганистане пойдет по кругу (все же антиталибская прививка была достаточно сильна), однако то, что Афганистан еще очень долго останется точкой расхождения ресурсов и США, и НАТО и что Вашингтону не удастся быстро попрощаться с афганскими горами и *зеленкой*, – это даже не вопрос.

Но и тут мы видим проявления подготовки к ресурсному противоборству и явные признаки *смены вех* в мировой политике. Ведь и операция в Афганистане, и американское военное присутствие в государствах Центральной Азии относятся к 2001 г., к периоду – несмотря на события 11 сентября – наивысшего взлета американского политического глобализма. К периоду, когда США еще и в страшном сне не думали о том, что им придется участвовать в борьбе за ресурсы, когда господствовала – даже в умах самых умеренно настроенных американских деятелей – уверенность в том, что США на вечные времена будут глобальной стабилизирующей силой, которая призвана обеспечить безопасность дружественных режимов.

Напомню, что после разгрома талибов, по сути, оставалось только три недружественных режима: Северная Корея, Куба и Иран, да где-то на заднем плане копошился *батька* Лукашенко, *лугало* для нервических европейских политиков. И тогда строительство стабильного и умеренного в религиозном плане режима в Афганистане было не просто вопросом политического престижа, это было вопросом доверия к американским политико-управленческим технологиям, а помимо этого – возможность контролировать один из потенциальных транспортных коридоров (хотя вряд ли трансафганский маршрут когда-либо рассматривался как реальный проект). Теперь – другое дело. И режимов, которые откровенно игнорируют мнение США, поприбавилось, но главное – изменилась суть международных процессов.

В рамках борьбы за ресурсы государство обязано концентрироваться на ключевых для себя направлениях активности, каковым Афганистан не является ни для США, ни для ЕС. Что до стабильности в Центральной Азии, то для США было бы даже неплохо, если бы регион вновь превратился в полноценную *горячую точку*. В конечном счете, сейчас Россия обладает в регионе несколько большим влиянием, нежели США, да и общая динамика не в пользу наших американских партнеров. Так что нестабильность в Центральной Азии – это проблема России, для которой этот регион – безусловный ресурс влияния, но никак не проблема США, которым эти страны (при всей риторике о *революции тюльпанов и правах человека*) не жалко, не говоря уже о конкретных физических лицах.

Именно в этом контексте следует воспринимать *наезд*, а по-другому не скажешь, американцев на Пакистан, который внешне выглядит нелогичным. Действительно, с точки зрения прежней логики совершенно непонятно, зачем с упорством, достойным лучшего применения, дестабилизировать в общем-то проамериканский режим в антиамерикански настроенной стране, да еще и обладающей атомным оружием. Но с точки зрения логики системы ресурсного противоборства это очень даже понятно: превращая уже не только Афганистан, но и Пакистан в кипящий котел под *неоталибским* соусом, США, жертвуя сомнительным и, добавим, дорогостоящим ресурсом, могут легко получить куда более важный ресурс: Индии, которая, будучи зажата между Китаем, уже не скрывающим своих амбиций, и агрессивно исламистским Пакистаном, будет просто вынуждена принять американские правила партнерства, хотя в принципе они могут оказаться для Индии весьма приемлемыми. Во всяком случае до окончательной легализации Индии как ядерного государства остался один шаг.

НОВАЯ ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ: НАСКОЛЬКО РЕАЛЬНЫ ОПАСЕНИЯ

Много в последние полгода стали говорить о возможности начала новой гонки вооружений. Отчасти это соответствует действительности, однако только отчасти. Например, забывают, что одними из главных источников современной гонки вооружений являются Соединенные Штаты. Не сумев осуществить полноценную экономическую и политическую конверсию ВПК и исчерпав ресурс *пропуска цикла* в развитии ВПК, они вынуждены вернуться к закупкам вооружений. Косвенно увеличение закупок вооружений со стороны США говорит о том, что в благополучной внешне американской экономике наступает определенный кризис в развитии промышленности и налицо фактор недогруженности производственных мощностей оборонки, который ранее было с успехом игнорировать. В результате, США вынуждены переходить от разовых, как бы пробных закупок к полномасштабному серийному приобретению современных образцов вооружения и военной техники.

Если говорить о прочих проявлениях, которые должны свидетельствовать о начале якобы новой *гонки вооружений*, то в действительности они носят локальный характер, который во многом объясняется *отложенным спросом*, то есть заменой отживших свой век вооружений, поставленных в ряд стран, например Алжир, Сирию, еще на закате Советского Союза. Но есть и важные исключения. Прежде всего, оборонные программы Индии и КНР, которые имеют одну природу, однако различное содержание.

Оба государства поставили перед собой задачу существенного повышения своего статуса на мировой арене. Однако, если Индия стремится создать эффективные инструменты проецирования силы и влияния в трансрегиональном масштабе, в КНР, вероятно, стратегическая задача определена как выход на уровень примерного стратегического паритета с США. Таким образом, можно говорить, что нынешний рост военных расходов действительно является результатом формирования полноценной глобальной многополярности, то есть процесса, который политически был заявлен еще шесть-семь лет назад, однако только теперь стал проявляться в практических и понятных формах.

И
В
Р
О
С
С
И
И
О
Д
П
Х
Ы
В
О
Р
О
М

А если гипотеза о том, что нынешний рост интереса к закупкам современных вооружений есть индикатор подготовки целого ряда новых *центров силы* к развитию в условиях реальной силовой многополярности, то тогда стоит предположить, что новая эпоха с точки зрения военно-политических аспектов развития системы международных отношений будет эпохой ресурсного противоборства.

ВАШИНГТОН И НОВЫЙ МИР: БЕЗ СТРАХА ПЕРЕД ТРУДНОСТЯМИ

Наивны надежды тех в России, кто считает, что перед лицом нарастающих трудностей в проведении своей внешней политики, на фоне катастрофического падения авторитета США в мире, Вашингтон уйдет в изоляционизм, откажется от концепции силового экспорта демократии, которая составляла основу внешней политики администрации Джорджа Буша, и начнет с пониманием относиться к своим партнерам. Достаточно почитать высказывания лидеров американских демократов, почему зря критикующих республиканцев и за войну в Ираке, и за планы интервенции в Иран, сразу станет понятно, что принципиальных изменений в американской внешней политике не предвидится, разве что может несколько расширяться силовой *экспорт демократии*. Тем более, что исторически представители Демократической партии были более склонны к разного рода *гуманитарным интервенциям* и тому подобным забавам.

И, кстати, очень прав президент США Джордж Буш, говоря о том, что в действительности у демократов нет никакого плана действий в Ираке. Однажды в сентябре 1993 г. нынешний кумир радикальных республиканцев сенатор Джон Маккейн, проведший не лучшие месяцы своей жизни во вьетнамской тюрьме в качестве военнопленного, велело рассказывать перед весьма широкой аудиторией, что, когда он работал помощником у знаменитого Барри Голдуотера, противника расширения интервенции США в Индокитае, тот однажды сказал ему: «Джон, если бы я стал президентом, ты бы никогда не попал во вьетнамскую тюрьму». «Точно, – ответил тогда Маккейн, – я бы попал в китайскую». Барри Голдуотер был, как известно, сторонником войны с КНР. Думается, *демократическая альтернатива* в американской внешней политике сейчас подобного рода – уйти из иракского котла и попасть либо в сирийский, либо в иранский.

Перед США сейчас остро стоит вопрос смены парадигмы своей деятельности на мировой арене. Можно сделать и некое на сегодняшний день почти еретическое предположение, что раздувание жупела новой гонки вооружений, которое также началось именно полгода назад, и постановка вопроса о необходимости его сдерживания всем *цивилизованным миром* для США носит вполне прагматический политический характер. Всеобщая борьба за контроль над вооружениями призвана заменить прежнюю

парадигму в системе международных отношений, коей была всеобщая борьба с международным терроризмом. Действительно, пятилетие глобальной борьбы с терроризмом, в целом, при удачном ходе этого процесса для США с точки зрения обеспечения собственной безопасности (в конечном счете, США борются с мировым терроризмом на территории других государств, а не у себя дома) политически оказалось полным провалом. Из той широкой коалиции, которая поддержала США после 11 сентября 2001 г., сейчас осталась только Великобритания, да еще несколько сателлитов, которых с натяжкой можно назвать самостоятельными государствами. Как консолидирующая

 Екатерина **Степанова (Россия)**, старший научный сотрудник, руководитель Группы по нетрадиционным угрозам безопасности Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН – по телефону из Москвы: *Вычисление индекса представляет собой выработку системы так называемого «раннего предупреждения». У меня есть сомнения относительно подсчета и самой попытки выразить одной цифрой международную безопасность. Это скорее индекс прогнозов и оценок.*

Константин Эггерт (Россия), главный редактор Московского бюро Русской службы ВВС – по электронной почте из Москвы: *Война в Ливане, ядерные испытания Северной Кореи и напряженность вокруг Ирана, панические доклады британских ученых об угрозе изменения климата и заявления ООН о распространении венерических заболеваний в развивающихся странах должны были бы вызвать всплеск тревоги у экспертов, однако не вызвали. Индекс показывает, что ситуация в мире в целом не вызывает большой тревоги. Это выглядит несколько странно, так как после ядерного взрыва, проведенного в Пхеньяне, возможность ядерного конфликта в Азии объективно возросла.*

идея концепция глобальной борьбы с терроризмом себя исчерпала и должна быть, естественно, заменена на новую. Борьба против новой гонки вооружений, особенно учитывая, что эти процессы соотносятся с государствами, которые США не слишком симпатичны, может дать Вашингтону дополнительную поддержку в мире. Конечно, для создания новой парадигмы потребуются формализованные и имеющие реальную международную легитимность механизмы, так что найдется занятие и для ООН.

То, что происходит смена парадигмы, доказывается тем, с какой легкостью США позволили Израилу утопить в крови ливанскую *оранжевую революцию*. Понятно, что после устроенного израильянами погрома американские ставленники вряд ли имеют серьезные электоральные перспективы в Ливане. А ведь за ливанских «оранжевых» день-

ги были уплачены немалые, и ставка на них делалась более чем серьезная. Иными словами, *оранжевые* – и не только в Ливане, вероятно, будут в дальнейшем использоваться не столько как союзники, сколько как «запал» для силовых комбинаций, причем политические перспективы бывших *надежд прогрессивного человечества* Вашингтон в принципе уже не интересуют.

Ибо такова логика новой эпохи, которая, вполне вероятно, будет эпохой противоборства за контроль над ресурсами: природными, транспортными, информационными, геополитическими. И кстати, стремление отдельных стран действовать именно в направлении контроля над ресурсами замечалось раньше. И давно было подмечено, что для обеспечения американской глобальной гегемонии уже недостаточно только контроля над финансовой сферой и доминирующей военной мощи. США уже давно занимались установлением косвенного политического, а не только экономического контроля над ресурсно значимыми территориями. Однако все эти *звоночки* или, как мы сказали выше, *камушки* относились на счет чудачеств отдельных американских политиков, чрезмерно погруженных в экономику. Например, Ричард Чейни, который в России приобрел черты глобального злодея, сильно напоминающего то ли Усаму бен Ладена, то ли Б.А. Березовского. Думается, на Чейни – хотя это действительно крупнейший глобальный лоббист – грешили зря. Просто колесо истории уже начало разворачиваться в том направлении, где очень важно иметь не *только идеалы свободы и демократии*, но и запасы нефти, газа, угля, контроль над транспортными коридорами и т.д. А *большие батальоны* становятся важнейшим инструментом для достижения поставленных целей, поважнее, нежели цитаты из Джорджа Вашингтона.

Так что победа Демократической партии на ноябрьских выборах в Конгресс при всей ее важности не много изменит в американской внешней политике. Просто придут другие лица, которые могут оказаться куда менее приятными собеседниками, нежели ставшие привычными и почти родными неоконсерваторы. Да и в целом нам пора отучиться от мысли, что краткосрочные сдвиги в американской внутренней политике могут сильно поколебать устои политики внешней. Конечно, прецеденты, когда именно на выборах решалось, какой быть роли Америки в мире, случались. Однако – не сейчас. Ибо сейчас – время изменения общего характера системы международных отношений, и американская элита не может позволить себе метаний. И если приглядеться – за частоколом пышных высказываний о демократии уже проглядывает

стремление США сосредоточить свои ресурсы на наиболее важных направлениях. На направлениях, которые важны с точки зрения будущей эпохи, эпохи ресурсного противоборства.

Если увидеть это, становится понятно, почему США сравнительно спокойно относятся к чудачествам своих латиноамериканских соседей вроде Уго Чавеса и Эво Моралеса. Еще каких-нибудь 20 лет назад в ответ на куда менее яркие выходы местных прокубински настроенных леваков была собрана экспедиционная *зондеркоманда*, которая «зачистила» Гренаду. Менее 15 лет назад Джордж Буш-старший, во многом из соображений личного престижа, провел геополитически не нужную операцию в Панаме и отправил в американскую тюрьму Мануэля Норьегу. А теперь его сына, но мало что сына – президента США поливают со всех трибун, создают геополитические блоки, покупают оружие, которое в принципе может изменить региональный баланс сил. Чуть было не спровоцировали приход в почти карманной Мексике к власти леворадикального правительства, а Соединенные Штаты проявляют подозрительное хладнокровие. Что, изменилась имперская сущность американской политики? Нет. Что, Джордж Буш-младший перестал верить в свое мессианское предназначение? Тоже вряд ли. Изменилась парадигма международных отношений. Теперь Америке не до сведения личных счетов и сохранения душевного комфорта руководства. Теперь надо заниматься наиболее важными ресурсными точками, а Латинская Америка к таковой в действительности не относится. И поэтому терпит Вашингтон хулиганские выходы, решаясь максимум на то, чтобы слегка *покошмарить* венесуэльского министра иностранных дел, да и то после неуклюже извиняясь. Их, поверьте, *зачистят* несколько позже, причем жестко и показательно – чтобы другим неповадно было. Но только после того, как будут решены главные вопросы и обеспечены интересы США на первостепенных площадках.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: РОССИЯ И ВЫЗОВ НОВОЙ ЭПОХИ

А теперь о России. В идеале было бы неплохо пережить начало новой эпохи на периферии мирового пространства, но география распорядилась так, что Россия является одновременно и участником борьбы за ресурсы, и ресурсом, за который не прочь при определенных условиях побороться другие серьезные игроки на мировой арене. Так что для России наступление новой эпохи – не только возможность исправить отдельные несправедливости 1990-х гг., но и грандиозный вызов, фактически тест на готовность и способность быть субъектом политики, а не ее объектом. И этот вызов в последние месяцы становится все более очевидным.

Нам настоятельно следует не просто понять суть эпохи ресурсного противоборства, но и переосмыслить методы, которыми мы действуем на мировой арене. Если хотите, внешняя политика России должна стать политикой просвещенного цинизма, а военная политика – политикой собирания сил. Цинизм – в том смысле, что мы должны, постепенно выбираясь из дебрей виртуальной политики, иметь дело с реальными силами, заниматься реальными проектами, получать реальных союзников, прекратив увлекаться тем, что красиво называется *внешнеполитической пропагандой*. Просвещенным – потому, что надо жить не только сиюминутными интересами, но понимать динамику ситуации и выстраивать политику в расчете на годы вперед.

Собирание сил заключается в том, что нам уже очень скоро, скорее, чем нам этого хотелось и думалось, потребуются полноценные вооруженные силы, способные не просто гоняться по горам и лесам за басаевскими бандитами, а контролировать территорию. Их должно быть не так уж и много – например, США для того, чтобы обеспечивать осуществление в целом масштабной и интенсивной операции в Ираке требуется с учетом ротации подразделений около 300 тыс. человек. Можно считать, что эта цифра, но при условии, что это будут обученные, сытые и полностью боеготовые подразделения, извините за цинизм, *головорезы* – тот индикативный уровень, на который мы должны стремиться выйти уже в самое ближайшее время.

И с этой точки зрения, может быть, стоит по-новому взглянуть на ситуацию вокруг Грузии. В конечном счете, что бы ни писали в американских газетах и журналах, Грузия отнюдь не является ключевым геополитическим ресурсом. Это территория с сомнительной экономической ценностью, обладание которой, конечно, несет определенную долю внешнеполитического престижа. Однако стоило бы, прежде всего, сконцентрироваться на подготовке к борьбе за реально ресурсно значимые территории, а не тратить, увы, немногочисленные политические и силовые возможности на то, чтобы поставить на место полувменяемого политического банкрота. Саакашвили мы, конечно, *зачистим*, но позже, когда сможем себе это позволить без ущерба для нашей основной задачи – постановки под контроль, желательно прямой, максимального числа ресурсно значимых территорий. В конечном счете, Джордж Буш терпит Уго Чавеса (кстати, почти точный зеркальный клон Саакашвили, но Чавес, – это, как говорится, *наш сукин сын* или, в крайнем случае, – почти *наш*), и мы вполне можем потерпеть грузинского лидера. Особенно если перестанем его дотировать в прямой или косвенной форме, и начнем воспринимать его появление на телеэкране как некий аналог шоу Евгения Петросяна – как говорится, *шутки разных широт*.

В свое время Л.Н. Гумилев заметил, что века и столетия иногда не совпадают. Когда-то они начинаются раньше (например, XIX век с его чудовищными наполеоновскими войнами и европейскими революциями начался еще в XVIII), когда-то позже. XXI век, впрочем, как и его предшественник – век XX, который начался в 1914 г., – закончился позже, нежели был в брызгах шампанского отпразднован *миллениум*. А, может быть, *миллениум* еще и не начинался. Может быть XXI век, контуры которого уже давно пытались угадать политики и политологи, только еще подступает к нашим воротам. Только надо помнить, что в конечном счете все века начинались с заметного всем, иногда – просто катастрофического – изменения характера войн и роли военной силы в мире. И только потом, по прошествии некоторого времени оформлялась новая политическая картина мира. Вряд ли сейчас будет иначе – ведь сейчас на опыте последнего полугодия мы обсуждаем не что-нибудь, а вопросы, связанные с оформлением новой роли военной силы в мире, новых способов ее применения и нового ее восприятия основными участниками системы международных отношений. Так что XXI век начинается...

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ «Хизбалла» – шиитская террористическая организация, базирующаяся на территории Ливана. Создана и финансируется руководством Ирана. Ее вооруженные формирования насчитывают около 6000 человек. «Хизбалла» снабжает оружием и обучает боевиков палестинских террористических организаций «Хамас» и *Исламский джихад*. По своей ненависти к США и Израилю не уступает *Аль-Каиде*. См.: Штейнберг Марк. Удары с севера и изнутри. *Независимое Военное Обозрение*. 2003, 7–13 марта.

² “If we should have learned one thing from 9/11 ... it is that when somebody says over and over again, as Osama bin Laden did during the 90’s ‘I hate you and give me a chance, I will kill you’ they may mean it and try to do it”. *Washington Post*. 2006. January, 30. P. A17.

³ Документ ООН S/Res/1701 (2006). Para 8.

⁴ “The war we fight today is more than a military conflict. It is the decisive ideological struggle of the XXI century”. *Financial Times*. 2006. September 1. P. 7.

⁵ Мясников Виктор. У нас появился ядерный сосед. *Независимое Военное Обозрение*. 2006, 13 октября. <http://www.ng.ru/printed/6879>

⁶ Резолюция 1718 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5551-м заседании 14 октября 2006 г., S/RES/1718 (2006). <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2006/res1718.htm>

⁷ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в МГИМО(У) МИД России по случаю начала нового учебного года, Москва, 1 сентября 2006 г., 1455-01-09-2006. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/a25a36a2bd8f443cc32571dc0045e2b5?OpenDocument

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ ВВС РФ помогут Абхазии и Южной Осетии в случае нападения на них Грузии. *Rambler Mass media*. 2006, 13 октября. <http://www.rambler.ru/news/events/russiageorgia/8896383.html?print=1>

¹⁴ Бжезинский Збигнев. Глазами шахматиста. Независимая газета. 2006, 27 июня. <http://www.ng.ru/printed/68930>

¹⁵ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в МГИМО(У) МИД России по случаю начала нового учебного года, Москва, 1 сентября 2006 г.

Дэвид Хоффман

1983¹

Не считая Карибского кризиса, 1983 год был самым тяжким за всю историю холодной войны.

Именно в этом году президент Рейган выступил с идеей Стратегической оборонной инициативы (СОИ) и именно тогда он назвал Советский Союз *империей зла*. В том же году советские ВВС сбили над Сахалином южнокорейский пассажирский авиалайнер, а НАТО, в свою очередь, разместила в Европе ракеты *Першинг-2* и крылатые ракеты наземного базирования. По многим критериям, именно в этом году холодная война достигла своего апогея. Осенью 1983 г. взгляды Рейгана начали постепенно меняться и все более приближаться к тем убеждениям, что три года спустя сделают его гораздо более склонным к сотрудничеству с Михаилом Горбачевым.

Рейган был человеком сложным. Он мог одновременно совмещать в себе различные убеждения, часто казавшиеся противоположными. Он не доверял Советскому Союзу и не верил в теорию ядерного сдерживания. В 1983 г. оба этих принципа подверглись серьезной проверке. Дорога к разительным переменам была проложена.

РЕЙГАН

Как в своей кинематографической, так и в политической жизни Рейган следовал принципам интуитивного антикоммунизма, которые он сохранил, став президентом. В 1982 г. он выступил перед английским парламентом с речью, в которой выразил свои истинные убеждения. «Возможно, в это сложно поверить, но я считаю, что мы достигли переломного момента», – заявил тогда Рейган. «В определенном, и довольно ироничном, смысле Карл Маркс был прав. Сегодня мы являемся свидетелями великого революционного кризиса – кризиса, в котором требования экономического порядка напрямую сталкиваются с требованиями порядка политического. Но этот кризис происходит не на свободном Западе, далеком от принципов марксизма, а в самом сердце марксизма-ленинизма – в Советском Союзе». Он продолжал: «Именно Советский Союз плывет против течения истории, отказывая своим гражданам в свободе и праве на человеческое достоинство. Кроме того, СССР находится в крайне тяжелом экономическом положении [...] Советская система, чересчур централизованная, предоставляющая минимальные материальные стимулы, если таковые вообще имеются, вкладывает свои наилучшие ресурсы в создание орудий разрушения. Постоянное сокращение экономического потенциала вместе с ростом продукции военного комплекса накладывает непосильную нагрузку на советский народ...» Рейган добавил, что «марш свободы и демократии [...] оставит марксизм-ленинизм на развалинах истории, как он сделал это с другими тираниями, душившими свободу и затыкавшими рот самовыражению народа».

Это обращение Рейгана прозвучало в период нарастающего движения за замораживание ядерного оружия в Европе. В Европе его взгляды на Москву не разделялись, да и в самих Соединенных Штатах считались глубоко противоречивыми. Десятилетний период разрядки был завершен, но в США многие не были уверены, в каком направлении будет развиваться политика Рейгана. Выступая перед группой христиан-евангелистов 8 марта 1983 г. в Орландо, Рейган назвал Советский Союз «очагом зла в современном мире» и призвал к отказу от движения за замораживание производства ядерного оружия. «В ваших переговорах по замораживанию производства ядерного оружия, – говорил он, – я призываю вас остерегаться искушения гордостью – искушения блаженно объявить себя выше всего этого и признать обе стороны одинаково виноватыми; искушения проигнорировать исторические факты и агрессивные импульсы империи зла, и просто окрестить гонку вооружений гигантским недоразумением и, как следствие, полностью исключить себя из битвы между правдой и кривдой, между добром и злом». Выражение «империя зла» олицетворяло собой мнение Рейгана о Советском Союзе.

В то же время, однако, Рейган не был приверженцем традиционных взглядов на ядерное сдерживание. Среди американских политиков и президентов, стоявших у власти со времени окончания Второй мировой войны, традиционно было принято считать, что Соединенные Штаты должны поддерживать угрозу массированного контрудара, и страна обязана запастись достаточным количеством ядерного оружия, чтобы сделать эту угрозу убедительной. Обе супердержавы создавали все более мощные арсеналы под влиянием технологического прогресса и идеологии. Соединенные Штаты благосклонно отнеслись к предложению, первоначально высказанному министром обороны Робертом Макнамарой, о создании арсенала, который был бы достаточно обширен, чтобы уничтожить 25% советских городов и 50% промышленности СССР – то, что Макнамара называл «гарантированным уничтожением». Позже критики Макнамары добавили к этому определению слово «взаимное», и данная политика получила известность как «взаимное гарантированное уничтожение» (ВГУ). Многим американцам осознать эту простую идею – понятие о двух взведенных курках – было достаточно просто. На деле, истинной целью обоих государств было нанесение урона «контрсиловым объектам» – ракетам противника, но понятие о взаимном гарантированном уничтожении больше соответствовало массовой культуре и было более понятно широкой публике. Более того, период разрядки в семидесятые годы заставил многих американцев поверить в то, что взаимное гарантированное уничтожение можно взять под контроль с помощью соглашений о контроле над вооружениями, такими как договоры об ограничении стратегических вооружений. Таким соглашениям в американской политической мысли уделялось особое место, и большая заслуга в их разработке принадлежала Ричарду Никсону и Генри Киссинджеру.

Приход Рейгана к власти был в какой-то мере обусловлен потерей веры американского народа в перспективу разрядки. Американцев беспокоило, что даже после подписания договоров об ограничении стратегических вооружений (ОСВ) Советский Союз продолжал расширять свои программы по модернизации вооружений. Советские ракеты не представляли собой той угрозы, какую им приписывали в тот период, но Рейган и другие официальные лица убеждали американский народ, что они действительно очень опасны. Критики говорили, что Советский Союз лишь использует период разрядки и ОСВ как прикрытие, а на самом деле готовится развязать ядерную войну и победить в ней. Воинственно настроенные представители министерства обороны, высказывающие такие предположения, принимали участие в знаменитом разведывательном эксперименте в 1976 г., известном под названием «процесс Команды Б», в ходе которого им было дано задание проанализировать данные разведки и предоставить свой собственный, отличный от официального, взгляд на советские намерения. Под официальным в данном случае подразумевалось мнение, изложенное в ежегодном отчете «Команды А». Предоставленный «Командой Б» доклад был в то время засекречен, но позднее стал доступен широкой публике. В его выводах звучало убеждение, что Советский Союз был решительно настроен на создание аппарата для ведения ядерной войны². Впоследствии многие члены «Команды Б» создали группу, получившую название Комитета по угрозе президенту и призванную агитировать против договора ОСВ-2, подписанного президентом Картером и главой СССР Леонидом Брежневым в 1979 г. Рейган присоединился

к критике ОСВ-2, и члены Комитета получили работу в его администрации, когда он опередил Картера на выборах в 1980 г. Руководителем «Команды Б» был профессор Гарвардского университета Ричард Пайпс, который в то же время является автором упомянутых выше ключевых высказываний, приведенных президентом Рейганом в его выступлении в Вестминстере³.

Выставив свою кандидатуру на пост президента в 1980 г., Рейган, в общем и целом, хранил молчание в отношении вопроса ядерного сдерживания. У него было свое четко определенное мнение, но он предпочитал им не делиться. На самом деле идея ВГУ (по-английски звучавшая как MAD, что можно было перевести и как *безумная*) казалась Рейгану одиозной. Несколько причин вынуждали его не верить в эту центральную идею ядерной эпохи. Как рассказывал биограф Рейгана Лу Кэннон, Рейган верил в Армагеддон и Страшный суд⁴. «Рейганом одновременно управляли исключительная проницательность и необыкновенное невежество, – писал Кэннон. – Он с подозрением относился к традиционным попыткам урегулировать темп гонки вооружений с помощью соглашений и договоров, потворствующих тому, чтобы обе супердержавы улучшали качество своего наступательного ядерного оружия и увеличивали объемы своих ядерных арсеналов. В отличие от сторонников традиционного подхода, Рейган был уверен в том, что, напротив, обеим сторонам следовало бы понизить количество ядерных боеголовок и постепенно избавиться от них полностью».

Эта сторона личности Рейгана была вовсе не очевидна в первые два или три года после его вступления в полномочия президента, когда он отдал приказ о широком наращивании вооружений американскими вооруженными силами. Убеждения Рейгана основывались не на каких-либо тайных военных теориях, а на триумфе капитализма, как сам Рейган заявил об этом на выступлении в Лондоне. Как выразился его советник Мартин Андерсон, Рейган был уверен, что «продуктивная мощь американской экономики была гораздо значительнее экономики советской, и если бы США начали гонку по усовершенствованию мощи и размаха своей армии, Советский Союз был бы не в состоянии поспеть за ними».

Покушение на Рейгана в 1981 г. замедлило разработку его внешней политики, но первые попытки обострить соперничество с Советским Союзом были встречены им с одобрением. Среди множества различных политических мер, таких как наращивание военного потенциала и завуалированная операция по оказанию помощи афганским моджахедам, Рейган одобрил план ЦРУ по подрыву советской экономики путем поставки технологий, содержащих скрытые дефекты. Соединенные Штаты узнали от французов об обширных попытках кражи иностранных технологий, предпринимаемых в то время КГБ. Эта информация поступила от агента, которому французы дали прозвище «Прощай» – полковника Владимира Ветрова, 53-летнего инженера, ответственного за оценку материалов разработки, полученных КГБ и касающихся западных технологий. С помощью «списка покупок» в области технологий, полученного от Ветрова, американцы дали просочиться стратегическим товарам в поставки, осуществляемые третьими странами в Советский Союз. Среди них было и программное обеспечение для управления насосами, турбинами и клапанами советского газопровода, поставляющего природный газ в Европу. По словам Томаса Рида, бывшего секретаря при американских ВВС, техника «была запрограммирована на то, чтобы выйти из строя, начав через определенное время перенастраивать скорости насосов и настройки клапанов так, чтобы давление в газопроводе намного превышало допустимое для сварных швов труб». «Результатом, – добавил он, – должен был стать самый крупный неядерный взрыв и пожар, который можно было бы увидеть из космоса»⁵.

В марте 1982 г. Рейган принял участие в своем первом моделировании ядерной войны, целью которого было испытание командования и управления ядерным оружием. Рид в то время был штатным сотрудником при Совете национальной безопасности США; в 1970-х гг. он работал над вопросами командования и управления в Пентагоне. Рид пришел к заключению, что прежние президенты недостаточно хорошо планировали, что бы они сделали в случае настоящего ядерного кризиса. Президент, одновременно являю-

щийся и главнокомандующим войск, был бы легко уязвим в случае удара по Белому дому. «Я пришел к выводу, что при данном раскладе система была бы обезглавлена в считанные минуты после удара», – сообщил Рид. На конец февраля – начало марта 1982 г. войска наметили ядерные командно-штабные учения, которые бы моделировали ядерный кризис. Рейган был проинформирован об учениях, на проведение которых было выделено четыре дня. Рейган не участвовал в учениях лично – роль «президента» досталась дублеру, но настоящий президент пристально наблюдал за ходом учений.

«Учения начались в понедельник утром, – рассказывал Рид в своих мемуарах. – В тот день настоящий президент и его дублер прибыли в оперативный пункт для получения информации о надвигающейся угрозе. Офицер разведки изложил боевой состав и дислокацию советских войск, и после этого системы обнаружения начали докладывать о запуске учебных ракет и о вероятных местах их падения. Минуты спустя на карте США на экране в тесной подвальной комнате начали появляться красные точки, симулирующие места падения ракет. Первые удары уничтожили Вашингтон, так что этот брифинг, судя по всему, должен был проводиться на каком-то воздушном командном пункте где-нибудь над прериями в центральной части США».

«Прежде чем президент смог допить свой кофе, на карте уже не осталось места, не окрашенного красным, – вспоминал Рид. – Все населенные пункты и военные базы в США были уничтожены. И когда он ошеломленно смотрел на карту, не веря своим глазам, ему сообщили, что советские ВВС и вторая партия ракет уже на подходе. В течение следующего получаса новые красные точки стерли с лица земли оставшихся в живых и заполнили оставшиеся пробелы на ставшей полностью красной карте».

«Меньше чем за час Соединенные Штаты Америки исчезли на глазах у их президента, – вспоминал Рид, добавляя: – Я уверен, что именно в тот мартовский понедельник Рональд Рейган понял, что будет собой представлять советский ядерный удар по США. Это подействовало на него отрезвляюще и, без сомнения, упрочило его решимость каким-то образом обезопасить страну от такого удара».

Осенью 1982 г. и весной 1983 г. Рейган начал прислушиваться к предложениям о создании щита, способного защитить от удара баллистических ракет. Этому способствовали несколько факторов. Рейган всегда свято верил в мощь американских технологий. Возможно, этому в большой мере способствовало его голливудское прошлое. В фильме 1940 г. «Убийство в воздухе» он сыграл роль киногероя, агента Секретной службы Браса Банкрофта. По сценарию, Банкрофт предотвращает кражу шпионом смертоносного луча, известного как «инерционный прожектор», способного сбивать вражеские самолеты⁶. Кроме того, на Рейгана вполне могло повлиять предположение, высказанное ученым-ядерщиком Эдвардом Теллером, согласно которому лазеры можно было бы применять для сбития атакующих ракет.

Рейгану, кроме всего прочего, в 1982 г. пришлось столкнуться с весьма конкретными политическими трудностями. Конгресс противился планам по боевому применению ракет *MX*. Рейган вступил в права президента, находясь в полной уверенности, что у Соединенных Штатов существовало так называемое «окно уязвимости» в отношении советских ракет — и вследствие этого он принял к проведению активную политику по наращиванию оборонного потенциала и модернизации оборонного комплекса. И все же политические сложности, стоявшие на пути внедрения ракет *MX*, заставили некоторых советников – и самого Рейгана в том числе – искать альтернативные решения. На встрече с Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ) 11 февраля 1983 г. темой разговора стала осуществимость противоракетной обороны. И хотя это не было единственным выходом из тупика, вызванного проблемами с ракетами *MX*, Рейган ухватился за идею. 23 марта 1983 г. он объявил о планах по ускорению исследований в области противоракетной обороны.

В своем выступлении Рейган выразил свое почтение политике сдерживания. «Такой подход к достижению стабильности – подход через угрозу нападения – сработал, – заявил он. – Мы, совместно с нашими союзниками, сумели успешно предотвратить ядер-

ную войну на протяжении более чем трех десятилетий». Но Рейган отметил, что в течение последних месяцев он, вкупе со своими советниками и комитетом начальников штабов, «недооценил необходимость выбраться из такого варианта развития будущего, который основывается исключительно на наступательных ответных мерах в целях обеспечения нашей безопасности». К этому Рейган добавил: «За время этих дискуссий я стал все глубже и глубже убеждаться, что человеческий дух должен быть способен быть выше выяснения отношений с другими странами и людьми методом угроз их существованию»⁷.

Рейган был идеалистом, и какая-то часть этого идеализма просматривается в этой речи, где большое внимание уделяется расходам на военные нужды. «Не было бы лучше *спасать* человеческие жизни вместо того, чтобы *мстить* за них?» – спрашивал он. «Позвольте мне поделиться с вами видением мира, которое дарит надежду. Мы приступаем к выполнению программы, призванной противостоять чудовищной ракетной угрозе со стороны Советского Союза с помощью оборонительных мер. Давайте же обратимся к тем самым технологическим преимуществам, которые легли в основу нашей мощной производственной базы и дали нам возможность наслаждаться тем качеством жизни, что у нас есть сегодня».

Вслед за этим он спросил: «Что, если бы свободные люди могли жить в спокойствии, зная, что их безопасность не зависит от возможности незамедлительного ответного удара, призванного предотвратить нападение Советского Союза, и что мы в состоянии засечь и уничтожить баллистические ракеты стратегического назначения еще до того, как они достигнут территории нашей страны или территории наших союзников?» Он призвал «научные круги нашей страны, людей, давших нам ядерное оружие, обратить свой великий талант на дело человечества и мира во всем мире и дать нам средство, способное сделать ядерное оружие бессильным и отжившим свой век».

В то же время, когда Рейган внедрял идею о ракетной обороне, Советский Союз столкнулся с другой проблемой, на этот раз в Тихом океане. Соединенные Штаты проводили психологические операции, направленные против советских войск и разведки. В апреле и мае 1983 г. Тихоокеанский флот США проводил самые масштабные за всю свою историю учения в северо-западной части Тихого океана. В учениях, одних из самых крупных, когда-либо предпринятых Соединенными Штатами, участвовали сорок кораблей, в том числе три авианосные ударные группы. Среди авианосцев был и корабль ВМС США *Энтерпрайз*. Во время учений флот США прошел всего в 450 километрах от побережья Камчатки и Петропавловска-Камчатского, единственной советской военно-морской базы с непосредственным доступом к открытому морю. Американские ударные подводные лодки и противолодочный воздушный флот проводили операции в защищенных зонах – «бастионах», где советский флот разместил подводные лодки с баллистическими ракетами на борту. Самолеты с авианосцев *Мидуэй* и *Энтерпрайз* осуществили учебную бомбардировку военной базы на маленьком советском острове Зеленый в череде Курильских островов⁸.

Эти операции в любом случае вызвали бы тревогу советского руководства, но в данной ситуации был и еще один неожиданный момент. Соединенные Штаты не знали, что секретная информация о маневрах американского флота просачивалась в Советский Союз через агентурную сеть, организатором которой был Джон Уокер, а основным добытчиком информации – его друг Джерри Уитуорт. Последний служил на *Энтерпрайзе* во время учений в Тихом океане, официально известных под названием «Флотские Учения 83-1». И хотя неизвестно, какое именно количество информации достигло Москвы, вполне вероятно, что советское руководство получило достаточно точные сообщения об одном из самых секретных учений холодной войны. Как следует из доклада Сенатской комиссии по разведке 1986 г., у Уитуорта был доступ к секретным данным разведки на *Энтерпрайзе*, и он смог передать их Советскому Союзу через Уокера. Уитуорт «предоставил Советскому Союзу боевые донесения с *Энтерпрайз* за целый год работы, в том числе данные под грифом «совершенно секретно». Он также подверг риску оперативные директивы на проведение «Флотских Учений 83-1» – единственных учений, проводимых

Ы
И
И
И
Н
О
Р
А
Т
С
Н

тремя авианосными ударными группами в непосредственной близости от советского побережья». Согласно Сенатскому докладу, эти утечки информации позволили Советскому Союзу оценить истинные возможности американского флота⁹. И хотя точный характер информации, переданной Уокером и Уитуортом, остается неизвестным, вполне возможно, что эти данные усилили чувство напряженности и паранойи в Москве в отношении американских намерений.

Риск недоразумений и ошибок был реален.

АНДРОПОВ

Брежнев умер в ноябре 1982 г., а всего через несколько месяцев его преемник, Юрий Андропов, уже был серьезно болен. Всего три месяца после своего назначения генеральным секретарем ЦК КПСС Андропову пришлось применять диализ вследствие почечной недостаточности. Из пятнадцати месяцев, проведенных у власти, Андропов половину провел на больничной койке. Во время рабочего отпуска в феврале 1983 г. здоровье Андропова сильно ухудшилось. «Почки беспокоили его всю его жизнь, но тогда, казалось, они совсем отказались работать», – писал российский историк Дмитрий Волкогонов¹⁰. К лету 1983 г. «здоровье Андропова стало вызывать серьезные опасения, – добавил он. – На его теле появились болезненные язвы, и признаки общей немощи усилились [...] Во время своих редких появлений на рабочем посту Андропову лишь с большим трудом удавалось подняться на несколько ступеней, ведущих к лифту. Он чувствовал себя ужасно неудобно, когда его охране или другим людям приходилось ему помогать, и не хотел, чтобы о его ухудшающемся состоянии знали». Тем летом сотрудники Андропова даже установили в Мавзолее Ленина лифт, чтобы ему не приходилось переносить нагрузку по спуску на три с половиной метра пешком.

Паранойя Андропова по поводу ракетно-ядерного нападения привела к проведению операции РЯН (Ракетно-Ядерное Нападение). Она была начата в 1981 г., в последний год руководства Брежнева, когда Андропов еще был главой КГБ. Поводом к ее проведению стала тревога, вызванная резкой критикой администрации Рейгана в адрес Москвы. В мае 1981 г. Брежнев осудил политику Рейгана в секретном послании на важном собрании КГБ в Москве. На том же заседании Андропов выступил с еще более резким заявлением, сообщив, что новая американская администрация интенсивно готовится к ядерной войне.

«К изумлению большей части его слушателей, Андропов объявил, что решением Политбюро КГБ и ГРУ впервые должны были соединить усилия в рамках международной разведывательной операции под кодовым названием РЯН», – писали английский историк Кристофер Эндрю и бывший агент КГБ Олег Гордиевский¹¹. ГРУ отвечало за контроль над любыми западными военными приготовлениями к первому удару по Советскому Союзу, в то время как задачей КГБ было заблаговременно оповестить о решении США и ее союзников в НАТО такой удар подготовить. Инструкции были отправлены в резидентуры КГБ в ноябре 1981 г. Как пишут Эндрю и Гордиевский, агенты, работавшие за рубежом, восприняли эти указания с определенной долей скептицизма. Возможность начала ядерной войны тревожила их гораздо меньше, чем штаб-квартиру КГБ, и все же ни один из них не собирался оспаривать мнение Центра. «РЯН создал замкнутый круг разведывательных данных и оценки ситуации. Резидентуры должны были докладывать тревожную информацию, даже если они сами относились к ней скептически. Центр, в свою очередь, был вполне предсказуемо встревожен получаемыми данными и требовал дальнейших отчетов».

В феврале 1983 г., в то время как Рейган обсуждал со своими советниками стратегическую оборонную инициативу, КГБ направил своим резидентам новые и более подробные инструкции, отражающие уверенность Центра в неизменно возрастающей ядерной угрозе. В этих инструкциях, датированных 17 февраля, указывалось, что «ввиду увеличивающейся срочности задания по своевременному обнаружению любых приготовлений

противника к ракетно-ядерному нападению (РЯН) на Советский Союз, мы пересылаем вам бессрочно действительное задание и краткий инструктаж по этому вопросу».

Как пишут Эндрю и Гордиевский, в первой части задания были сформулированы семь ограниченных по времени задач по сбору разведывательной информации о возможных признаках подготовки ядерного удара, начиная с изменения цен на донорскую кровь (КГБ, очевидно, не знал о том, что в Великобритании кровь сдают бесплатно) до увеличения активности западной разведки и служб безопасности. Хотя многие из инструкций были вполне традиционны, они все же служили хорошей иллюстрацией «иногда странных теорий [Центра] о заговорщической деятельности клерикальных и капиталистических элементов западного империализма». Центр подозревал, что церковники и крупные банкиры могли быть проинформированы о планах ядерной атаки, и предписал резидентам «исследовать такую возможность».

В директивах Центра также говорилось о размещении США и их союзниками в Европе крылатых ракет наземного базирования и ракет *Першинг-2* в ответ на развертывание Советским Союзом в конце 1970-х ракет *СС-20 (Пионер)*, направленных в сторону Европы. Появление ракет *Першинг* беспокоило Москву больше всего. Согласно данным КГБ, *Першинги* могли долететь до Москвы за считанные минуты – на это им потребовалось бы всего от четырех до шести минут, то есть недостаточно, чтобы позволить кремлевскому руководству спуститься в подземные бункеры. Возможно, оценка скорости *Першингов* была преувеличена, но они действительно обладали высокой степенью точности – их круговая вероятного отклонения (КВО) составляла 100 футов (30,48 м) на расстоянии до 1000 миль (1609 км), а скорость – 6,092 миль в час (9804 км/ч). Эти ракеты были оснащены одной боевой частью с зарядом переменной мощности от пяти до пятидесяти килотонн.

По утверждению Волкогонова, Андропов был снедаем вопросом о *Першингах-2*, чья первая батарея должна была быть размещена в Германии в декабре 1983 г. «В 1983 году Андропов посвящал практически все свое ограниченное время этому вопросу, – пишет Волкогонов. – Для того чтобы мобилизовать общественное мнение в мире против американского шага, были приняты масштабные меры, и в этих целях были активно задействованы социалистические и коммунистические партии Западной Европы».

Страх Кремля перед ракетами *Першинг-2* и поиск данных разведки о возможном ударе распространялся и на ГДР. КГБ поручил серьезную роль восточногерманской разведке под руководством Маркуса Вольфа. К началу 1980-х, как писал Вольф в своих мемуарах, «наши советские союзники стали просто одержимы угрозой ракетно-ядерного нападения»¹². Кроме того, «как и многие агенты разведки, я нахожу эти игры в войну обременительной потерей времени, но приказы касательно этого вопроса не подлежали обсуждению, точно так же, как и другие приказы сверху». Как утверждалось в монографии, опубликованной ЦРУ, Вольф собрал специальный персонал и создал круглосуточную службу с экстренным каналом связи с Москвой; задачей службы был контроль за «перечнем» политических и военных признаков надвигающегося американского удара. В Восточной Германии был отдан приказ о постройке подземных бункеров для политических и военных чиновников высокого ранга, а также для высокопоставленных чиновников разведывательного управления.

Кроме всего прочего, Андропова угнетала СОИ. Спустя четыре дня после заявления американского президента Андропов сообщил *Правде*, что США готовят первый удар по Советскому Союзу, и с уверенностью заявил, что Рейган «строит новые планы по развязыванию ядерной войны наилучшим для него способом, в надежде выиграть ее». Резкая реакция Андропова была доселе невиданна. Он обвинил Рейгана в «преднамеренной лжи» о военной мощи Советского Союза для оправдания СОИ и осудил возможное создание ядерного щита как «ставку на обезвреживание Советского Союза перед лицом американской ядерной угрозы». ЦРУ предвидело, что позднее в том же году советское руководство попытается воспрепятствовать программе Рейгана, не выдвинув, в свою очередь, свою собственную.

Ы
И
Ц
И
И
Н
О
Р
А
Т
С
И
С

В основе тревоги советского руководства по поводу СОИ лежали вовсе не опасения, что инициатива может быть реализована. Большинство советских ученых задолго до заявления Рейгана пришли к заключению, что создание противоракетной обороны было невозможно, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Однако советская элита осознавала, что в плане высоких технологий страна отставала от Запада на десятилетия. Большинство разработок советских универсальных ЭВМ были основаны на контрафактных схемах *IBM*. «Слабость потребительской экономики» в советский период «ограничивала развитие ЭВМ, – писал историк Дэвид Рейнольдс. – ЭВМ и революция средств сообщения представляли для советского блока двойную проблему – экономическую и идеологическую»¹³.

Начальник Генерального штаба Вооруженных сил Советского Союза маршал Николай Огарков, беседуя с американским журналистом Лесом Гельбом, признался: «Мы не сможем сравниться с качеством американского вооружения еще, по крайней мере, на протяжении одного или двух поколений. Современная военная мощь строится на технологии, а технология строится на компьютерах. В США даже маленькие дети играют с компьютером [...] Здесь же ЭВМ стоят даже не во всех офисах Министерства обороны. И по причинам, которые вам хорошо известны, мы не можем сделать компьютеры доступными для широкой публики. Мы никогда не сможем вас догнать в плане вооружений, по крайней мере, до тех пор пока в стране не произойдет экономическая революция. И главный вопрос состоит в том, сможем ли мы провести экономическую революцию без революции политической»¹⁴.

Летом 1983 г. напряженность нарастала. 16 июня Андропов сообщил ЦК, что в борьбе между Западом и Востоком произошло «беспрецедентное обострение». «Угроза ядерной войны, нависшая над человечеством, заставляет нас переоценить основные цели деятельности всего коммунистического движения». 11 августа еще одна депеша от Центра призвала агентов КГБ сосредоточить контрразведку на любом решении Запада в отношении ядерного ракетного удара. Директивой предписывалось сообщать о любом неожиданном увеличении Западом разведывательных операций, что считалось признаком готовящегося удара.

РЕЙС 007

1 сентября Андропову, находившемуся в его резиденции на окраине Москвы, сообщили об уничтожении американского боевого самолета над южной частью острова Сахалин. После этого он провел в Кремле свое последнее заседание Политбюро. Перед самым его началом к Андропову подошел Устинов и сообщил: «Был сбит самолет. Оказалось, он был не американским, а южнокорейским и притом пассажирским. Мы доложим вам, как только узнаем подробности».

По мнению Волкогонова, у Андропова, без сомнения, были и другие источники информации, и он ответил Устинову: «Ладно. Но мне сказали, что над Камчаткой летал самолет-разведчик. Сегодня сразу после заседания я вылетаю в Крым. Мне нужно отдохнуть и подлечиться. А с самолетом вы как-нибудь уж сами разберитесь». После трехчасового заседания Андропов отправился в отпуск в Симферополь.

Самолет был сбит 1 сентября в 3:26 утра по местному времени советским истребителем *SU-15*, выпустившим две ракеты класса «воздух-воздух» по Боингу-747, принадлежавшему компании *Korean Airlines* и летевшему рейсом 007 в Сеул, но непроизвольно отклонившемуся от курса. На борту самолета было 269 пассажиров и членов экипажа. Советские ВВС отслеживали самолет более часа. Переговоры с пилотом были перехвачены американскими и японскими радистами.

США окрестили уничтожение самолета преднамеренным массовым убийством. Рейган назвал его «варварским актом, порожденным обществом, которое безмерно ущемляет

личные права человека, пренебрегает ценностью человеческой жизни и постоянно стремится расширяться и доминировать над другими странами».

В действительности, после примерно двух дней экспертизы, американская разведка пришла к выводу, что советские ВВС и в самом деле скорее всего не знали о том, что выпускают ракеты по пассажирскому самолету. Об этом было публично заявлено в 1988 г. представителем Госдепартамента Дж. Эдвардом Фоксом, писавшим в письме к Конгрессу, что «на второй после событий день мы пришли к заключению, что на протяжении большей части полета, если не на всем его протяжении, Советские ВВС считали, что преследуют американский разведывательный самолет». Он добавил к этому, что «решающим фактором было то, что советские военные, ввиду собственной некомпетентности, скорее всего сами не были уверены в том, какой именно тип самолета они сбивали». По свидетельству ЦРУ, советская противовоздушная оборона в этой зоне находилась в повышенной боевой готовности и «в состоянии тревоги» после проведения той же весной учений Тихоокеанского флота. Опять же, по заключению ЦРУ, «местный командующий ПВО, похоже, совершил серьезную, но непреднамеренную ошибку»¹⁵. По свидетельству Эндрю и Гордиевского, восемь из одиннадцати станций слежения ПВО на Камчатке и Сахалине были неисправны¹⁶.

Первоначальной реакцией Советского Союза было стремление скрыть правду и «замять» ситуацию. Москва не признавала случившееся до 6 сентября и отложила официальное объяснение еще на три дня. 9 сентября во время пресс-конференции Огарков заверил, что региональная часть ПВО идентифицировала самолет как *РС-135*, самолет-разведчик, выполнявший рутинные разведывательные операции на похожем маршруте. Он настаивал на том, что самолет выполнял именно разведывательную миссию. «То, как Советское руководство подошло к урегулированию этого происшествия, служит хорошим показателем его менталитета, – писал Волкогов. – Сам Андропов более месяца хранил молчание о случившемся... «Черные ящики» самолета обнаружили и подняли, но было решено ничего не сообщать об этом ни мировой прессе, ни Сеулу, и советские корабли продолжали находиться в районе падения обломков самолета, чтобы создать впечатление, что безрезультатные поиски все еще продолжаются».

Стратегией США в тот момент было решено использовать эту трагедию, чтобы с помощью жесткой критики заставить СССР занять оборонительную позицию, и при этом свети потенциальные санкции и другие ответные действия до минимума. Госсекретарь США Джордж Шульц вылетел в Мадрид, чтобы встретиться там с министром иностранных дел СССР Андреем Громыко. Шульц затронул вопрос о самолете во время их первой, закрытой встречи. «Атмосфера была напряженной, – вспоминал он. – Он совершенно не желал идти мне навстречу». Более широкое заседание, последовавшее вслед за этим, было «резко конфронтационным», вспоминал Шульц. «В какой-то момент Громыко встал и собрал свои бумаги, как будто собирался уйти. Я думаю, он отчасти надеялся, что я заставлю его сесть на место. Я же, напротив, поднялся, чтобы проводить его к выходу. Тогда он сел, сел и я. После окончания встречи мой переводчик Билл Краймер сообщил мне, что он семнадцать лет переводил на встречах с советскими высокопоставленными лицами, но никогда не видел ничего даже отдаленно напоминающего поведение Громыко».

Отношения между двумя странами действительно заметно охладились. Рейган воспользовался инцидентом со сбитым самолетом, чтобы во всеуслышание осудить советскую систему. Соединенные Штаты попытались смутить советских официальных лиц и бросить вызов их обману. Для советского руководства такие действия были не чем иным, как провокацией и преднамеренной попыткой подставить Союзу подножку. 29 сентября Андропов издал одно из самых суровых осуждений США, когда-либо прозвучавших в их адрес. Администрация Рейгана, заявил он, следует «милитаристским путем, представляющим собой серьезную угрозу миру [...] и если хоть у кого-то оставались иллюзии о возможности изменения политики действующей администрации к лучшему, последние события полностью развеяли такие надежды».

Ы
Ц
И
Н
О
Р
А
Т
С
Н

«ОКО»

Для США на тот момент оставалось неизвестным, что 26 сентября 1983 г. советские вооруженные силы пережили серьезную ложную тревогу в системе оповещения о ракетно-ядерном нападении, поступившую на секретную станцию дальнего обнаружения Серпухов-15, к югу от Москвы. Эта станция следила за данными, поступающими со спутников, которые, в свою очередь, искали признаки надвигающейся ракетной атаки. В ту ночь Станислав Петров, заместитель директора отдела по военным алгоритмам, замещал за пультом другого начальника. Семь спутников были размещены на орбите так, чтобы каждый мог наблюдать за американскими ракетными пусковыми площадками в течение примерно шести часов. Каждый спутник представлял собой цилиндр длиной в шесть футов и диаметром в пять, каждый передавал поток информации в командный пункт. Мозгом командного пункта считался М-10, лучший в Советском Союзе суперкомпьютер, анализировавший данные и выискивавший признаки ракетного удара¹⁷.

В ту ночь один из спутников как раз подходил к наивысшей точке своей орбиты на высоте примерно 19 883 миль (около 32 тыс. км) над землей. Спутниковая система в целом была известна как «Око», но для Петрова эти космические аппараты определялись лишь номерами от одного до девяти. Спутник, подходивший в тот момент к вершине своей орбиты, был под номером пять. Из космоса он тщательно наблюдал за каждым уголком Земли, используя инфракрасные датчики, способные засечь запуск ракет. На черном фоне космоса спутник был способен заметить тепловыделения ракетных двигателей.

В 12:15 ночи Петров всполошился. Вдоль потолка было расположено узкое беззвучное табло. Большую часть времени его присутствие даже не замечали, но неожиданно оно зажглось кроваво-красными буквами: ЗАПУСК. Пронзительным воем, способным разбудить даже мертвого, заревела сирена. Петров был потрясен. На большой карте мира, возле одной из американских ракетных баз, зажглась лампочка. Все замерли. Электронные табло показывали запуск ракеты. На пульте светилось «высокая достоверность». Такого никогда прежде не случалось.

Операторы за пультом управления вскочили на ноги. Как после рассказывал Петров, все повернулись к нему и смотрели на него не отрываясь. Он тоже встал, чтобы всем было его видно. Он начал отдавать приказы. Он не был уверен в том, что именно происходило. Ему нужно было знать, была ли тревога настоящей или же она была всего лишь сбоем в работе компьютера. Полная проверка заняла бы десять минут. Но если это действительно был ракетный удар, ждать десять минут было нельзя. Во всеобщей суете Петров внимательно изучал мониторы перед собой. Если это была ракета, рано или поздно она должна была появиться на радарях. Какова ее траектория? На экране не было ни малейшего на это указания. Петров прогнал в голове все возможные сценарии. Если это всего одна ракета, могло ли это быть случайным или несанкционированным запуском? Он пришел к заключению, что это было маловероятно. Он знал обо всех устройствах блокировки и мерах предосторожности и находился в полной уверенности, что один человек запустить ракету не мог. Даже идея о двух сотрудниках, сговорившихся о запуске ракеты, казалась невозможной. И если была выпущена всего одна ракета, думал он, что это могло значить? Так ядерную войну не начинают. Много лет его учили, что ядерная война начнется только с массивного удара. Он снова повторил себе: «Так ядерную войну не начинают».

В одной руке он держал микрофон, соединенный с системой внутренней телефонной связи в основном зале. Другой рукой он снял трубку, чтобы позвонить начальству, в чьем распоряжении находилась более мощная система раннего обнаружения, включающая в себя наземные радары. Петрову нужно было быстро прийти к собственному заключению – его начальство, без сомнения, захотело бы узнать, что происходит. Он все еще не закончил собственную проверку, но дальше ждать было нельзя. Дежурному он монотонно сообщил: «Докладываю: тревога была ложной». В этом он сам не был уверен. Он лишь интуитивно это чувствовал. «Есть», – ответил офицер. Петров вздохнул с облегчением: офицер не спросил его, почему.

Две минуты после первой тревоги и сразу после того, как он объявил поступившую информацию ложной тревогой, все еще держа в руках трубку и все еще слыша дежурного на другом конце провода, Петров пережил новое потрясение. Табло снова загорелось: запущена еще одна ракета! Потом третья, четвертая, пятая. Теперь система вошла в режим перегрузки. Дополнительные сигналы привели в действие новое предупреждение. На табло снова замигали кроваво-красные буквы: РАКЕТНЫЙ УДАР, и электронный сигнал был автоматически отправлен в вышестоящие инстанции. Петров был испуган. Он не чувствовал своих ног, а его мягкое кресло, казалось, превратилось в раскаленную сковородку. Он был потрясен, но думать нужно было быстро.

Петров знал, что решения по ракетному удару принимаются Генштабом. Теоретически, если бы тревога была признана обоснованной, решение об ответной реакции пришло бы оттуда. Советские ракеты были бы приведены в состояние боевой готовности, были бы введены координаты целей, гироскопы в устройствах наведения набирали бы обороты, а люки шахтных пусковых установок начали бы открываться. Советское руководство было бы предупреждено. Но на принятие решения осталось бы очень мало времени, как, впрочем, и на то, чтобы спастись бегством.

Выла сирена. Мигало красным табло. Петров принял решение, опираясь на свой опыт и интуицию. Он знал, что в прошлом система давала сбои, телескопы не подтвердили визуальную видимость ракет, а спутники находились в правильном положении. Возможно, прошло еще слишком мало времени, чтобы радары могли засечь что бы то ни было, но с радиолокаторов не поступало никаких сигналов, позволяющих заподозрить приближающуюся ракету. Он снова передал дежурному: «Ложная тревога». Сообщение было направлено в вышестоящие инстанции.

Чрезвычайная ситуация завершилась. Сирены замолчали. Ракетно-ядерное нападение не случилось. Не последовало и ответного удара.

«ПОСЛЕЗАВТРА»

Через несколько дней после ложной тревоги здоровье Андропова снова резко ухудшилось. В то время он был в Крыму и вышел прогуляться в парк. Слишком легко одетый генеральный секретарь устал и сел отдохнуть в тени на гранитную скамью. Он сильно переохладился, и вскоре его стало неудержимо трясти. Волгогонов приводит слова академика Евгения Чазова, сообщившего, что он осмотрел Андропова утром и обнаружил обширное воспаление, требующее хирургического вмешательства.

«Операция прошла успешно, но его организм был настолько ослаблен, что послеоперационная рана не заживала [...] Его состояние постепенно ухудшалось, его слабость росла, он снова перестал пытаться ходить, но рана все не затягивалась. [...] Андропов начал осознавать, что уже не поправится».

В своих мемуарах Чазов писал: «30 сентября 1983 г. для Андропова начался обратный отсчет. В октябре 1983 г. Андропов перестал лично управлять Политбюро, Центральным Комитетом и Верховным Советом. Он перестал появляться в Кремле».

Напряженность в отношениях с США нарастала. Шульц вспоминал: «Во время продолжительной встречи с президентом в середине октября я сообщил ему, что отсутствие диалога между обеими странами, даже если его причины были хорошо понятны, вызывало беспокойство как в США, так и среди их союзников». На это Рейган ответил: «Если ситуация продолжит накаляться и контроль над вооружениями останется важным вопросом на повестке дня, возможно, мне стоит встретиться с Андроповым и предложить ему полностью ликвидировать ядерное оружие». На это Шульц ответил: «Не имея ядерного арсенала, СССР перестанет быть супердержавой». Встреча так и не произошла¹⁸.

Осенью того же года военный психоз накрыл как Советский Союз, так и Соединенные Штаты. Советские нападки на Рейгана достигли крайней степени. Москва сравнивала

его с Гитлером и утверждала, что он был связан с мафией. Советские СМИ вновь и вновь повторяли, что угроза ядерной войны была выше, чем когда-либо за весь период со времени окончания Второй мировой войны. Кроме того, Министерство обороны показало по телевидению фильм, обличающий Америку, подстрекающую к войне и стремящуюся к мировому господству. В фильме были показаны американские ядерные взрывы и различные американские ракеты вперемежку с кадрами о жертвах войны, советских военных памятниках и заявлениях о мирных намерениях Москвы.

Исследователь Сюзанн Масси вспоминает посещение Института США и Канады в Москве в конце сентября. «Когда я приехала туда, мне показалось, что они были доведены до полного отчаяния, все они собирались по углам и выглядели очень обеспокоенными»¹⁹.

Страх перед войной охватил и Европу, и США. Движение за замораживание производства ядерного оружия встретило обширную поддержку, и более двух миллионов человек приняло участие в демонстрациях 22–23 октября. Кроме того, телевизионный канал ABC включил в свою американскую программу показ фильма «Послезавтра», повествующего о последствиях советского ядерного удара. Фильм сильно повлиял на идеи Рейгана. 10 октября 1983 г. он оставил в своем дневнике следующую запись: «Этим утром в Кэмп-Дэвиде я просмотрел кассету фильма, который ABC покажет 20 ноября. В этом фильме, который называется «Послезавтра», город Лоренс в Канзасе стерт с лица земли в результате ядерной войны с Россией. Фильм сделан мощно, его бюджет составил \$7 миллионов. Он производит действительно сильное впечатление и оставил меня в совершенно подавленном состоянии. Пока что они еще не продали рекламного времени ни для одного из запланированных 25 роликов, и я вполне могу понять, почему. Моя личная реакция: мы должны сделать все, что в наших силах, [...] чтобы быть уверенными, что ядерная война не произойдет никогда».

Джек Мэтлок, сотрудник Совета национальной безопасности США, встретился 11 октября в Белом доме с Сергеем Вишневым, журналистом *Правды*, с которым он познакомился во время своих поездок в Москву. Как впоследствии стало известно из меморандума Мэтлока, за неофициальным обедом Вишневский сообщил ему: «Состояние отношений между США и СССР ухудшилось до критической мерки. Многие советские граждане задаются вопросом, удастся ли избежать войны. Он сам обеспокоен и чувствует себя неловко в связи с тем, что сейчас ему приходится писать исключительно антиамериканскую пропаганду вместо более объективных материалов, которые он предпочитает [...]» Вишневский также сообщил, что заявление Андропова от 28 сентября «фактически не имело прецедентов и отражало нынешнее неудовлетворение руководства [...]» В то время как предупреждение о войне было сделано отчасти для того, чтобы подготовить советский народ потуже затянуть ремни в новом витке гонки вооружений. Вишневский сообщил, что «руководство уверено в том, что администрация Рейгана стремится сломить их систему и не пойдет ни на какие уступки; следовательно, у них не остается другого выбора, как затаиться и ответить ударом на удар»²⁰.

В октябре произошли и другие важные события. Роберт Макфарлейн был назначен советником президента Рейгана по вопросам национальной безопасности, сменив на этом посту Уильяма Кларка, и сразу же оказался втянутым в два практически одновременных кризиса. 23 октября грузовик, перевозящий эквивалент более 12 000 фунтов (около 5433 кг) ТНТ, врезался в периметр американской военной базы в Бейрутском аэропорту. В результате взрыва погибли 241 человек – американские морские пехотинцы, что стало самой крупной военной потерей за весь президентский срок Рейгана. Вторым событием было нападение Соединенных Штатов 25 октября 1983 г. на Гренаду, маленький остров в Карибском море, с целью свержения правящего там марксистского режима.

В том же месяце, Рейган получил секретный обзор материалов операции «РЯН», предоставленный англичанам Гордиевским. Эти документы считались настолько секретными, что директор ЦРУ Уильям Кейси собственноручно доставил их и передал лично в руки президенту²¹.

В то же самое время Рейган получил подробный отчет о едином комплексном оперативном плане – секретном плане США в отношении ядерной войны, включавшем в себя сложную процедуру по принятию президентом решений в кризисных ситуациях. Рид писал, что подобный отчет Рейган получал и в 1982 г. в связи с учениями, но другие источники настаивают, что первый полный отчет был получен Рейганом именно в 1983 г.

В начале ноября 1983 г. КГБ все сильнее и сильнее тревожится по поводу возможного неожиданного ядерного удара. Причиной этой тревоги были, возможно, масштабные ядерные командно-штабные учения НАТО под кодовым названием «Able Archer 83», запланированные на период со 2 по 11 ноября. Эти учения должны были протестировать процедуры управления и связи в случае начала войны. Учения проводились ежегодно, но в тот год предполагалось модернизировать их и привлечь к участию в них президента Рейгана и вице-президента Буша, а также министра обороны США и председателя Объединенного комитета начальников штабов США с целью сделать командно-штабные тренировки более реалистичными.

В программу «Able Archer 83» входило рассмотрение возможного удара по Европе. Частью учений было и упражнение по прохождению силами НАТО полного процесса применения ядерного оружия. 5 ноября руководство КГБ разослало в резидентуры запрос о «рассмотрении возможного проведения Соединенными Штатами и их союзниками операций на территории Великобритании» в целях подготовки к неожиданному удару. Приложенные инструкции настойчиво требовали от агентов обратить особенно пристальное внимание на любые признаки возможного принятия решения о ядерном ударе – такие, как необычная активность в резиденции премьер-министра по адресу Даунинг Стрит, 10, или же изменения в рабочем расписании британского Министерства обороны. КГБ закливало свои резидентуры не забывать о том, что «эффект неожиданности является ключевым элементом в планах основного противника и в подготовке к войне в современных условиях. Как следствие, можно допустить, что промежуток времени между моментом принятия предварительного решения о РЯН и самим приведением удара в исполнение может быть сокращен до минимума – возможно, до 7–10 дней».

В тот же день член Политбюро ЦК КПСС Григорий Романов выступил в Кремлевском Дворце съездов с речью в честь годовщины Октябрьской революции. В своем обращении он заявил: «Возможно, еще ни разу за все послевоенные десятилетия ситуация не была такой напряженной, как сейчас. [...] Товарищи! Международная ситуация на сегодняшний день раскалена добела, и раскалена основательно»²².

Макфарлейн, всего несколько недель занимавший к тому времени должность советника по национальной безопасности, принял решение понизить категорию учений «Able Archer» и исключил Рейгана из участия в ней. Во время проведения учений КГБ выслал телеграмму в резидентуры как КГБ, так и ГРУ в Западной Европе, ошибочно сообщив о тревоге на американских базах в Европе. Как пишут Эндрю и Гордиевский, «Москва предположила, что возможными причинами тревоги могли стать усиленные меры безопасности после гибели более 240 морских пехотинцев в Бейруте во время взрыва бомбы двумя неделями ранее, а также приближающиеся войсковые учения в американской армии. Какими бы ни были истинные причины, они явственно давали понять, что альтернативным объяснением могло быть начало обратного отсчета к первому ядерному удару».

Напряженность в отношениях между двумя державами не спала и после завершения «Able Archer». Первые крылатые ракеты и *Першинги* стали поступать в Европу и были размещены в срок. Советская делегация покинула стол переговоров о ракетах средней дальности в Европе в знак протеста против их размещения. В своем дневнике Рейган писал, что его посетил американский посол в Москве Артур Хартман и подтвердил, что «Андропова в последнее время очень мало видно». Шульц вернулся из Европы в начале декабря, и «нашел, что президент Рейган снова думает о своем желании ликвидировать ядерное оружие». Шульц сообщил двум помощникам, что «он руководствуется в этом своими инстинктами и убеждениями. Президент заметил, что никто не обращает на него внимания, несмотря на то, что он говорит о своих взглядах как в частных разговорах,

Ы
И
Ц
И
И
Н
Н
О
Р
А
Т
С
И
С

так и перед широкой публикой. Я сказал вчера президенту, что я подумую над его идеей. Дать ему ответ является нашим моральным долгом. Президент считает, что действовать следует именно в этом направлении. Если мы с ним не согласны, мы должны объяснить, почему»²³.

Взгляды Рейгана начинали меняться. Его положительные взгляды на ликвидацию ядерного оружия начинали всплывать на поверхность. В своих мемуарах он вспоминал: «За три года я узнал о русских удивительные вещи: оказывается, многие люди из верхушки советской иерархии искренне боялись Америки и американцев. Возможно, это не должно бы меня удивлять, но я, тем не менее, был сражен. По правде говоря, мне вначале трудно было признать свои собственные заключения. Мне всегда казалось, что из наших поступков всем должно быть понятно, что американцы являются народом с высокими моральными устоями, людьми, которые с момента зарождения нашего государства всегда использовали свою власть исключительно в интересах принесения пользы миру [...]»

«В первые годы, которые я провел в Вашингтоне, я думаю, многие в нашей администрации считали само собой разумеющимся, что русские, как и мы сами, полагали немислимой возможностью того, что США первыми нанесут по ним удар. Но чем больше я набирался опыта в общении с советским руководством и другими главами государств, знакомыми с ним, тем больше я осознал, что многие советские чиновники опасались нас не только как противников, но и как возможного агрессора, способного первым нанести ядерный удар по СССР; и из-за этого, как, впрочем, и из-за чувства уязвимости и паранойи, корни которых берут начало еще в нападении Наполеона и Гитлера на Россию, они нацелили весь свой гигантский арсенал ядерного оружия в нашу сторону».

«Если бы так было на самом деле, я бы еще более стремился оказаться в одной комнате с главой СССР и попробовать убедить его в том, что у нас не было никаких замыслов в отношении Советского Союза и русским нечего было нас бояться»²⁴.

Перемена во взглядах Рейгана стала известна широкой публике из его речи 19 января 1984 г., с трибуны в Белом доме, транслируемой в прямом эфире на всю Западную Европу. В этом выступлении Рейган призвал США к сотрудничеству с Советским Союзом. Он не упомянул ни коммунизм, ни южнокорейский авиалайнер, ни даже империю зла. Вместо этого он высказал предположение, что если бы гипотетические Иван и Аня из Советского Союза могли встретить Джима и Салли из Америки, они вполне могли бы найти общие интересы. Это выступление стало поворотным моментом для Рейгана, и он уже никогда более не возвращался к резкой критике прежних лет. Он был готов к переменам. 📄

Примечания

¹ Автор любезно передал в *Индекс Безопасности* для эксклюзивного опубликования фрагмент из своей будущей книги. Перевод © ПИР-Центр.

² Steury Donald P., ed. *Intentions and Capabilities: Estimates on Soviet Strategic Forces, 1950–1983*. Center for the Study of Intelligence, Central Intelligence Agency, Washington D.C., 1996, pp. 325–429, в частности «Soviet Strategic Objectives: An Alternative View, Report of Team B», p. 365.

³ Pipes Richard. *VIXI: Memoirs of a Non-Belonger*. Yale University Press, 2003.

⁴ Cannon Lou. *President Reagan: The Role of a Lifetime*. Simon & Schuster, 1991. Chapter 13, "Focus of Evil."

⁵ Reed Thomas C. *At the Abyss: An Insider's History of the Cold War*. Presidio Press, 2004. Это событие также было описано автором в статье 27 февраля 2004 г. в *Washington Post*.

⁶ Было написано несколько работ о раннем Рональде Рейгане, включая Lettow Cannon, and Paul. *Ronald Reagan and his Quest to Abolish Nuclear Weapons*. Random House, 2005.

⁷ Address by the President to the Nation, The Oval Office, March 23, 1983, White House transcript.

⁸ Fischer Benjamin B. *A Cold War Conundrum*. Center for the Study of Intelligence, Central Intelligence Agency, 1997. Также существует несколько дополнительных источников об этих событиях, включая Seymour M. Hersh, *The Target is Destroyed: What Really Happened to Flight 007 and What America Knew About It*. Vintage Books, 1987.

⁹ *Meeting the Espionage Challenge: A Review of United States Counterintelligence and Security Programs*. Report of the Select Committee on Intelligence, United States Senate, U.S. Government Printing Office, 1986.

¹⁰ Volkogonov Dmitri. *Autopsy for An Empire*. Free Press, 1998.

¹¹ Andrew Christopher and Gordievsky Oleg. *Comrade Kryuchkov's Instructions: Top Secret Files on KGB Foreign Operations, 1975–1985*. Stanford University Press, 1993.

¹² Fischer Benjamin B. *Op. cit.*

¹³ Reynolds David. *One World Divisible*. W.W. Norton, 2000. See Chapter 14.

¹⁴ Fischer Benjamin B. *Op. cit.*

¹⁵ *Ibid.*; Hersh Seymour M. *Op. cit.*, and Fox letter. *New York Times*. 1988, January, 13. Page 9.

¹⁶ Andrew Christopher and Gordievsky Oleg. *KGB: The Inside Story*. Harper Collins, 1990. P. 594.

¹⁷ Петров Станислав. Интервью с автором. Январь 2006.

¹⁸ Shultz George P. *Turmoil and Triumph: My Years As Secretary of State*. Charles Scribners Sons, 1993. P. 372.

¹⁹ Strober Deborah Hart and Strober Gerald S. *The Reagan Presidency: An Oral History of the Era*. См. комментарий Сюзан Масси. С. 224–225.

²⁰ Меморандум Мэтлока, архив автора.

²¹ Эта информация была получена из конфиденциального источника в разведке.

²² Fischer Beth A. *The Reagan Reversal: Foreign Policy and the End of the Cold War*. University of Missouri Press, 1997.

²³ Shultz George P. *Op. cit.* P. 376.

²⁴ Reagan Ronald. *An American Life*. Pocket Books, 1990.

Ы
Ц
И
Р
Н
О
А
Т
Р
С
Т
И
С

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ПРОБЛЕМАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ РОССИИ И СТРАН СНГ

1–14 июля 2007 г.

Подготовка квалифицированных специалистов в области международной безопасности – одно из приоритетных и динамично развивающихся направлений деятельности Центра политических исследований России (ПИР-Центра). Начиная с 1997 г. выпускниками образовательных программ ПИР-Центра стали более 560 молодых специалистов из региональных университетов, государственных структур, научно-исследовательских институтов государств СНГ.

За последние два года в Летней Школе ПИР-Центра приняли участие представители из одиннадцати стран СНГ (**Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина**), включая специалистов из министерств иностранных дел, обороны, энергетики, широкого круга научно-исследовательских институтов.

В 2007 г. Летняя Школа состоится с **1 по 14 июля**. Первая неделя образовательной программы будет традиционно посвящена проблематике нераспространения оружия массового уничтожения ОМУ, включая рассмотрение международных режимов нераспространения, многосторонних подходов в области ядерного топливного цикла, региональных аспектов режима нераспространения. Во второй части лекционного курса будут освещены современные вызовы международной безопасности, включая информационные, энергетические, демографические и другие аспекты.

В структуру образовательной программы будут включены семинары и заседания в формате *круглого стола*, в рамках которых молодые специалисты выступят с собственными исследовательскими проектами и представят свою точку зрения по актуальным вопросам международной безопасности.

По итогам образовательной программы участникам вручаются сертификаты об успешном окончании Летней Школы.

На Летней Школе – 2007 выступят ведущие эксперты в области международной безопасности:

- **Евстафьев** Г.М., генерал-лейтенант (в отставке), старший советник ПИР-Центра;
- **Орлов** В.А., директор ПИР-Центра;
- **Степанова** Е.А., руководитель группы по нетрадиционным угрозам безопасности, Центр международной безопасности ИМЭМО РАН;
- **Тимербаев** Р.М., Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета ПИР-Центра;
- **Якушев** М.В., Директор по правовым и корпоративным вопросам, ООО «Майкрософт Рус».

Также на Летней Школе–2007 планируются лекционные выступления представителей Министерства иностранных дел РФ, Министерства обороны РФ, российских организаций, работающих в сфере атомной энергетики, зарубежных научно-исследовательских центров.

Организаторы полностью несут расходы по проезду, проживанию и питанию участников программы, а также обеспечивает их необходимыми раздаточными материалами и литературой.

Набор участников осуществляется на конкурсной основе. В качестве заявки на участие в конкурсе нужно направить резюме по факсу +7 (495) 234-9558 (на имя заместителя директора ПИР-Центра Антона Викторовича **Хлопкова**) или по электронной почте votanovskaya@pir-center.org

*По всем вопросам, связанным с Летней Школой–2007, следует обращаться к координатору образовательных проектов ПИР-Центра Екатерине **Вотановской** по телефону +7 (495) 234-05-25 или по электронной почте votanovskaya@pircenter.org.*

МЕЖДУ МЕСТЬЮ И ВОЗМЕЗДИЕМ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА САМУЮ ЗАГАДОЧНУЮ ОПЕРАЦИЮ «МОССАД»

«Striking Back: The 1972 Munich Olympics Massacre and Israel's Deadly Response» by Aaron J. Klein. Random House, 2006. 272 p.

Рецензия – Константин Эггерт

Когда 5 сентября 1972 г. восемь боевиков организации «Черный сентябрь» перебрались через ограду Олимпийской деревни в Мюнхене, чтобы взять в заложники израильских спортсменов, они вряд ли могли представить себе последствия собственных действий. Они хотели обменять заложников на пару сотен палестинцев, заключенных в израильских тюрьмах. Сделать это они намеревались при максимальном внимании прессы, однако едва ли ожидали, что войдут в историю и, возможно, в чем-то даже изменят ее ход. Через сутки большая часть террористов и все заложники погибли, а так называемый *кухонный кабинет* премьер-министра Израиля Голды Меир в Иерусалиме принял решение начать рекордную по длительности и затраченным ресурсам операцию возмездия против организации «Черный сентябрь», а, по сути, против всего палестинского руководства и его международных представителей.

До сих пор главным (хотя и довольно фрагментарным) источником по этой теме считался знаменитый бестселлер канадца Джорджа Джонаса «Мечь», изданный в 1984 г. Именно на основе этой книги Стивен Спилберг поставил свой фильм «Мюнхен». Американский режиссер показал сотрудников «Моссад» не рыцарями без страха, упрека и сомнений, а людьми, которые, в конечном счете, начинают сомневаться в том, стоит ли их миссия принесенных жертв. И это вызвало неоднозначную, если не сказать сердитую реакцию у многих в Израиле.

За шесть лет до Спилберга режиссер Кевин Макдоналд снял документальный фильм «Один день в сентябре». Детальная реконструкция мюнхенской трагедии завоевала «Оскар». Макдоналд показал с неприглядной стороны официальных представителей ФРГ, включая бывшего в 1972 г. министром внутренних дел Ганса-Дитриха Геншера. Немецкие чиновники предстают в фильме некомпетентными и бессердечными. Кроме того, режиссер разыскал единственного оставшегося в живых террориста – Джамаль аль-Джаши, который впервые перед телекамерой представил свою версию произошедшего.

Аарон Клайн – военный корреспондент иерусалимского бюро американского еженедельника *Time*. Он поставил себе задачу сказать новое слово после Джонаса и Макдоналда. Для этого у него были определенные основания. Аарон Клайн в прошлом – капитан израильской военной разведки. Он смог воспользоваться связями, которые бывают только у тех, кто свой в закрытом мире спецслужб. «Ответный удар: бойня на Олимпиаде в 1972 году в Мюнхене и смертоносный ответ Израиля» рассказывает о двадцатилетнем антитеррористическом марафоне с точки зрения инсайдеров – тех, кто непосредственно участвовал в акциях по уничтожению функционеров Организации освобождения Палестины.

Аарону Клайну далеко до таких столпов документальной журналистики, как Марк Бауден, автор знаменитых «Черного ястреба» и «Убить Пабло». Его стиль – это стиль офицера, привыкшего изъясняться четко и просто. «Ответный удар» берет не литературными красотами, а ранее неизвестными фактами и свидетельствами участников операций «Моссад».

Клайн начинает с подробного разбора событий, предшествовавших захвату заложников. Разоблачения начинаются буквально с первой страницы. Если раньше в некомпетентности винили прежде всего немецких чиновников и полицейских, то «Ответный удар» бьет и по израильской бюрократии, которая, как утверждает Клайн, легкомысленно отмахнулась от главы израильской делегации в Мюнхене Шмуэля Лалкина. Тот с самого начала предупреждал о том, что безопасность израильских спортсменов в Олимпийской деревне ничем не обеспечена. Стремление немцев заставить мир забыть об Олимпийских играх 1936 г., которые стали пропагандистским успехом нацистов, сыграло с ними злую шутку и обернулось трагедией для израильтян. Власти ФРГ и земли Бавария хотели явить миру образ новой, пацифистской, безопасной, доброжелательной Германии. Присутствие на олимпийских объектах вооруженной полиции было сочтено нежелательным. На обеспечение безопасности Игр потратили всего 2 млн долларов. Даже с поправкой на тридцатилетнюю инфляцию это немного. Для сравнения Клайн приводит цифру 1 млрд долларов: столько было израсходовано на Олимпийские игры 2004 г. в Афинах. Впрочем, даже если бы полиция и оказалась в Олимпийской деревне в тот сентябрьский день, не факт, что она смогла бы что-то предпринять. В ФРГ к тому моменту не было ни одного полицейского, подготовленного для борьбы с терроризмом, ни одного профессионального переговорщика, даже ни одного профессионального снайпера. Все это наложило на традиционную неприязнь баварских чиновников к федеральным, и твердое нежелание Бонна разрешить израильскому подразделению прийти в Мюнхен и провести спецоперацию по освобождению заложников.

Проведенный Клайном анализ просчетов немецкой полиции достигает кульминации в описании бойни на мюнхенской авиабазе Фюрстенфельд. Читая эту драматическую главу «Ответного удара», понимаешь, что судьба девяти атлетов, оказавшихся в руках палестинских боевиков, была фактически предрешена.

Германские власти провели расследование теракта, результаты которого оставались засекреченными почти двадцать лет. Клайн не скрывает своих симпатий к родственникам убитых израильтян, которые двадцать лет добивались открытия архивов и почти десять лет после этого – выплаты компенсации от правительства ФРГ, и потому некоторым его позиция может показаться слегка предвзятой.

Однако Клайн не щадит и израильтян. «Ответный удар» раскрывает механизм принятия решения о начале операции возмездия (а принималось оно келейно и было довольно расплывчатым) и демонстрирует состояние израильских спецслужб, которым это решение предстояло претворять в жизнь. Только один пример: «Цезария» – сверхсекретное подразделение «Моссад», которому поручили эту работу – в 1972 г. не имело даже телевизора и спутниковой антенны для приема арабских телеканалов. Более того, если верить Клайну, только мюнхенская трагедия заставила израильский истеблишмент всерьез заняться созданием глобальной разведсети и систематизировать разрозненные данные о палестинских организациях.

Аарон Клайн взял интервью у десятков участников операции возмездия. Одни ушли в отставку и сделали политическую карьеру – как Эхуд Барак, ставший впоследствии начальником генштаба, а затем и премьер-министром. Другие до сих пор скрываются за псевдонимами, потому что служат в «Моссад». Ведь от ликвидации осенью 1972 г. в Риме первого подозреваемого в содействии мюнхенским террористам – представителя ООП в Италии Ваиля Зуайтера до уничтожения представителя палестинской службы безопасности в Европе Атефа Бсису в Париже в 1992 г. прошло два десятка лет, и кадры успели существенно обновиться. Неизменным, по словам автора книги, оставалось составление списков палестинских функционеров, приговоренных к смерти. Большую

часть операций возмездия авторизовали израильские премьеры. Кто-то делал это неохотно, кто-то с энтузиазмом, но Клайн не оставляет сомнения – эти заочные приговоры часто вели к убийствам невинных. Так, поэт и переводчик Зуайтер, при всех своих симпатиях к террористам, сам едва ли участвовал в планировании терактов. Так же как и Махмуд Хамшари, представитель ООП в Париже, взорванный бомбой, заложной в его домашний телефон.

Были и те, на чьих руках была кровь невинных израильтян, европейцев и американцев. Таким человеком был Вади Хаддад, один из *королей* палестинского террора. Этот лидер отколовшегося крыла Народного фронта освобождения Палестины умер в 1978 г. от внезапной и жестокой болезни. Клайн впервые раскрывает тайну смерти Хаддада, которая была следствием хитроумно задуманного и эффективно доведенного до летального исхода отравления.

Стремление отомстить за Мюнхен было столь сильным, что конкретная степень участия того или иного палестинца в мюнхенском теракте была для «Моссад» и израильского кабинета не так уж и важна, – делает неожиданно откровенный для бывшего спецслужбиста вывод Аарон Клайн. Собственно, и сам «Черный сентябрь», с охоты на лидеров которого все и началось, был организацией полумифической. За этим именем, как напоминает Клайн, фактически скрывалось руководство ООП. Операция «Моссад» с годами превратилась не столько в акт возмездия за смерть атлетов, сколько в тотальную войну против палестинских организаций всех мастей, от арафатовского Фатха до мелких террористических групп.

Две захватывающие главы «Ответного удара» заслуживают особого внимания – одна как хрестоматийный пример удачной спецоперации, другая как столь же хрестоматийный пример провала. 9 апреля 1973 г. группа израильских командос высадилась с моря на бейрутский пляж и нанесла удар по жилому дому, где жили видные палестинские руководители, в том числе полевые командиры Фатха Абу Юсеф и Камаль Наджар, а также главный пропагандист ООП Камаль Насер. Все трое были уничтожены в течение нескольких минут, а операция «Источник молодости» вошла в учебные пособия спецназов всего мира. В том же 1973 г. боевая группа «Моссад» застрелила в норвежском городке Лиллехаммер марокканского официанта Ахмада Бушики, приняв его по ошибке за Али Хасана Саламе, командира так называемого «Отряда 17» – палестинского спецподразделения, игравшего роль личной гвардии Ясира Арафата. Многие годы спустя Израиль выплатил компенсацию семье несчастного марокканца. Колоссальный провал израильтян был усугублен тем, что часть исполнителей операции была арестована и осуждена в Норвегии. Этот промах существенно подпортил имидж Израиля в Европе и нанес удар по представлениям о стопроцентной эффективности израильских спецслужб. Впрочем, «Моссад» все же выследил и уничтожил Саламе. Это случилось шесть лет спустя в Бейруте.

В какой-то степени «Ответный удар» – это история не столько конкретной операции, сколько рассказ о становлении и развитии «Моссад». Израильская разведка училась на собственных ошибках и, в конечном счете, выиграла войну с террористами ООП. Сегодня оставшиеся в живых ветераны Палестинского движения сопротивления 1970–1980-х гг. – в числе тех, кто поддерживает главу Палестинской Автономии Махмуда Аббаса и готов идти на компромисс с Израилем.

Однако победа «Моссад» была скорее победой *по очкам*, чем нокаутом, если пользоваться боксерской терминологией. Едва ли она была возможна без разгрома израильской армией инфраструктуры ООП в Ливане в 1982 г.; без распада социалистического лагеря и СССР – важнейшей международной опоры палестинцев; наконец, без катастрофического безденежья и изоляции в арабском мире, которыми обернулась для Ясира Арафата его поддержка иракского вторжения в Кувейт в 1990 г. Именно совокупность этих и других факторов привела его и ООП к необходимости неохотно и не вполне искренне, но все же искать компромисса с Израилем.

«Ответный удар» отдает должное самоотверженности и профессионализму сотрудников «Моссад». Но при этом Аарон Клайн признает, что цена израильской победы над террором ООП была велика и в материальном, и, что особенно важно, в моральном плане. Именно поэтому книга экс-капитана военной разведки вызывает доверие.

Кстати, три главных организатора мюнхенского рейда ушли от возмездия Израиля. Двое – Салах Халаф (Абу Айяд) и Фахри аль-Умри – погибли в 1991 г. от рук палестинца из ренегатской группировки Абу Нидаля. Третий – Мухаммад Ауде (Абу Дауд) до сих пор жив и живет в Дамаске. В декабре 2005 г. в интервью лондонской *Таймс* Абу Дауд отказался извиниться за убийство спортсменов: «Я ни о чем не сожалею. Будь он хоть пианист, хоть атлет, любой израильтянин прежде всего солдат»¹.

Примечание

¹ McKinnon Ian. I do not regret athletes' death, says Munich massacre plotter. *Times*. 2005, December 28, <http://www.timesonline.co.uk/article/0,,251-1961099,00.html>

ШЕРОХОВАТОСТИ ПЛОСКОГО МИРА

Плоский мир. Краткая история XXI века. Томас Фридман. М.: Хранитель, 2006. – 608 с.

Рецензия – Михаил Якушев

На русском языке выпущен перевод ставшей в 2005 г. бестселлером книги известного американского журналиста Томаса Фридмана «Плоский мир. Краткая история XXI века». Ее выразительное название отражает главную идею автора – на рубеже тысячелетий мы стали свидетелями того, как информационная революция и процессы экономической глобализации все больше превращают нашу планету, разделенную государственными границами и испещренную различными географическими *шероховатостями*, в *плоский мир*. В мир, где для свободного перемещения людей и идей, товаров и капиталов уже не осталось каких-либо технологических препятствий. В отличие от Христофора Колумба, который, согласно приводимой автором легенде, первым сообщил испанским монархам, что мир – круглый, Томас Фридман на протяжении нескольких сотен страниц своего увлекательного повествования вновь и вновь безапелляционно утверждает, или доказывает на многочисленных примерах, или просто радостно, почти по-детски восклицает: мир – плоский! И это – здорово! Здорово для всех – для американцев, индусов, китайцев, жителей бывшего СССР и Восточной Европы, да и вообще для всех, кто приобщился к достижениям информационных технологий, разделяет ценности свободного рынка и нашел свое место в системе международного разделения труда...

Вообще говоря, можно было бы здесь поставить точку и просто порекомендовать всем прочесть (или перечитать) эту книгу как пример блестящей журналистской работы (Томас Фридман – трижды лауреат Пулитцеровской премии) на тему «Глобализация и ее преимущества для современного мира». Действительно, «Плоский мир...» читать увлекательно и познавательно – читатель встретит в его описании и путевые дневники путешественника по Индии и другим странам, и серьезный анализ происходящих в мире макроэкономических процессов, и достаточно профессиональные рассуждения о преимуществах того или иного мировоззренческого подхода к созданию программного обеспечения, и небезынтересные прогнозы развития событий в планетарном масштабе на ближайшие десятилетия. Не случайно книга Фридмана стала предметом пристального изучения и обсуждения, в том числе на Всемирном экономическом форуме в Давосе с участием таких известных во всем мире людей, как основатель *Microsoft* Билл Гейтс. (Кстати, во время его визита в Москву в ноябре 2006 г. одной из тем его бесед с первым вице-премьером России Д.А. Медведевым было как раз введенное Фридманом понятие *плоского мира* и место, которое в таком мире может занимать Российская Федерация.)

Однако «Плоский мир...» интересен не только изложением концепции информационной глобализации. В конечном итоге, *хвалебных гимнов* информационным технологиям и свободному рынку написано уже немало (по крайней мере, не меньше, чем работ, критикующих и то, и другое). Мне кажется важным остановиться на том, как подается и

обосновывается основная идея книги, и на том, о чем автор умолчал или какие вопросы он оставил без ответа.

Итак, по мнению Томаса Фридмана, в *плоском мире* шансы на успех определяются не гражданством и местом жительства, а уровнем образования, талантом, настойчивостью и доступностью информационных систем. Это доказывается, например, все возрастающим переносом целых бизнес-процессов, прежде выполнявшихся на территории США американскими гражданами, – в Индию и другие страны, пользующиеся преимуществами в виде недорогих каналов связи и относительно высокого уровня образования населения. Качество (пока еще не уровень) жизни в индийском Бангалоре постепенно приближается к калифорнийской Силиконовой Долине. Автор обосновывает заявляемую им позицию почти на уровне религиозной проповеди. Не случайно, что им описываются десять (ровно десять!) так называемых *выравнивателей* (факторов, которые «сделали мир плоским») – от падения Берлинской стены как символа «освобождения от коммунизма» до развития системы аутсорсинга и распространения поисковых систем в Интернете. Не случайно, что характеристикой первых лет XXI века называется *слияние* трех (именно трех!) компонентов – технологических возможностей, профессиональной подготовки и психологической готовности людей к их использованию, а также человеческих ресурсов тех стран, которые лишь недавно преодолели *великий водораздел* геополитического противостояния двух социальных систем. Не случайно и то, что завершается книга главой «9 ноября против 11 сентября» – где первая дата относится к падению Берлинской стены и олицетворяет «созидательное воображение», а вторая, применительно к событиям 2001 г., давно уже стала нарицательным обозначением «современного апокалипсиса».

В этой связи особый интерес представляют разделы книги Т. Фридмана, посвященные вопросам геополитики и вопросам международных отношений. В целом ситуация и здесь выглядит обнадеживающей – по мере углубления международного разделения труда (на примерах работы производителя компьютеров компании *Dell* и расширения сети ресторанов быстрого обслуживания *McDonald's*) исчезают какие-либо поводы для межгосударственных конфликтов. Отдельные исключения – такие, как противоборство континентального Китая и Тайваня, – лишь подтверждают общее правило. Так, испытания ядерного оружия в Пакистане и Индии не вылились в 2002 г. в вооруженный конфликт, когда в очередной раз до предела накалилась ситуация в Кашмире, не в последнюю очередь из-за нежелания индийских властей поставить под вопрос репутацию Индии как «центрального места в мировой системе удаленного обслуживания». Конечно, здесь излагаются мысли Т. Фридмана в самом общем и упрощенном виде (собственно, ради знакомства с ними надо обязательно прочесть саму книгу), но определенная степень недоверия к самому подходу возникает сразу же. Автор называет себя «технологическим детерминистом», и вопрос заключается в том, насколько правомерно способы решения геополитических проблем обуславливать технологическими факторами. И насколько важны для этого сопутствующие феномены хозяйственной жизни, такие, как экономически обусловленная целесообразность распределенного (по различным странам мира) производства компонентов высокотехнологического оборудования.

Нельзя сказать, что подобного рода вопросы остались без внимания первого исследователя *плоского мира*. Так, Т. Фридман достаточно подробно описывает реалии исламского экстремизма, причины его возникновения и развития. Обращает внимание, что в этой связи используется такая этико-философская категория, как *унижение*. Именно унижением отдельных индивидов, целых социальных и религиозных групп (а иногда – и целых народов), причем унижением не всегда умышленным, подчас случайным и необдуманным, можно объяснить многие происходящие в мире негативные процессы. Указанное предположение, однако, не получило в книге подробного раскрытия. Кстати, по смыслу использованных примеров можно было бы сопоставить их с разработанной еще в середине XIX в. марксистской теорией *отчуждения* и проанализировать, насколько ситуация *отчуждения* десятков, если не сотен миллионов жителей нашей планеты от достижений современных технологий реально влияет на условия их сегодняшней жизни и перспективы изменения таких условий. Разумеется, подобный анализ в книге отсутству-

ет, зато присутствует такой странный для русскоязычного читателя неологизм, как *исламо-ленинизм*, которым, по мысли автора, можно объяснить появление и деструктивное поведение организаций, подобных *Аль-Каиде*. Вряд ли, конечно, можно предположить тесное знакомство идеологов экстремистских религиозных организаций с трудами В.И. Ленина, и здесь опять-таки возникает недоверие к степени проработанности автором тех теоретических построений, которыми он пытается объяснить некоторые *шероховатости* теории *плоского мира*.

В самом деле, *плоский мир* (не в прямом, конечно, а в фигуральном, описываемом Т. Фридманом, значении) – это реальность или иллюзия? Если это реальность, то почему она является таковой не для всех? Насколько *плоский мир* соотносится с теорией *золотого миллиарда* – он *отменяет* ее или *примиряется* с ней? Как соотносить с прекрасным и вдохновляющим другие страны примером Индии как мирового центра *удаленных услуг, офшорного программирования* и т.д. с глубочайшими экономическими, социальными и политическими противоречиями внутри самой Индии? Устраняет ли движение к *плоскому миру* информационный разрыв (*digital divide*), который все более актуальным становится сейчас уже не между различными странами, а между социальными группами, различными поколениями и территориальными единицами внутри одних и тех же стран? И, наконец, вопрос, не отличающийся политической корректностью, – если признать, что происходящие сейчас процессы глобализации отражают лишь современный этап развития международного разделения труда, то чем – не с технологической, а с социально-экономической точки зрения – этот этап радикально отличается от ситуации, скажем, конца XIX века?

На некоторые из этих вопросов в книге Т. Фридмана даются прямые ответы, по некоторым из них автор предпочитает «отмолчаться», предлагая задуматься над ними читателям. Тем интереснее не просто читать книгу про *плоский мир*, а изучать ее как *парадный портрет* первых лет нашего тысячелетия. *Портрет*, написанный хоть и пристрастным, но увлеченным и искренним художником.

ПРОГРАММА СТАЖИРОВОК ПИР-ЦЕНТРА ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ РОССИИ И СТРАН СНГ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПИР-Центр объявляет конкурс на замещение вакансий стажера на период **с 20 апреля по 18 июля 2007 г. и с 10 мая по 31 августа 2007 г.**

ПИР-Центр активно привлекает молодых талантливых специалистов из высших учебных заведений и исследовательских организаций России и других стран СНГ для реализации их научного потенциала в рамках программы стажировок.

Ключевыми составляющими стажировки являются:

- подготовка научного доклада по одной из актуальных проблем международной безопасности;
- проведение встреч и интервью с научными сотрудниками и советниками ПИР-Центра, правительственными экспертами, представителями российских академических кругов по теме научной работы стажера;
- участие молодых специалистов в лекционных курсах, семинарах, конференциях, организуемых ПИР-Центром и другими ведущими московскими научно-исследовательскими организациями;
- информационно-аналитическая работа в рамках одного из действующих научных проектов ПИР-Центра.

Наиболее яркие и актуальные работы молодых специалистов находят отражение на страницах периодического издания ПИР-Центра *Индекс Безопасности*.

ПИР-Центр обеспечивает стажера компьютеризированным рабочим местом, постоянным доступом к интернету и информационным ресурсам ПИР-Центра, средствами на проезд от места проживания в Москву и обратно, ежемесячной стипендией.

Для участия в конкурсе соискателю нужно прислать резюме на имя секретаря комиссии по рассмотрению заявок, заместителя директора ПИР-Центра **Антон Викторович Хлопков**.

Заявки следует направлять **по факсу +7 (495) 234-9558** или по электронной почте vatanovskaya@pircenter.org

*По всем вопросам, связанным со стажировками,
следует обращаться к координатору образовательных проектов
Екатерине **Вотановской** по тел. +7 (495) 234-0525
или по электронной почте vatanovskaya@pircenter.org*

ГЕНЕРАЛ ВАНДАМ – ЗАБЫТЫЙ ОСНОВАТЕЛЬ РУССКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ¹

Вандам А.Е. Наше положение. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1912. – 204 с.

Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.

Вандам А.Е. Неуслышанные пророки грядущих войн. М.: АСТ, 2004. – 363 с.

Рецензия – Сергей Пономарев

Сегодня *политология* и *теория международных отношений* стали школьными предметами, учащиеся старших классов со знанием дела рассуждают о *мировой политике*, используют такие термины, как *система безопасности*, *геополитика*, *геостратегия* и *многополярность*. Каждый выпуск новостей наполнен фразами о *стратегической стабильности* и *нетрадиционных вызовах и угрозах*. Факультеты *международных отношений* появились практически в каждом уважающем себя вузе. Разбираться в реалиях международных отношений стало хорошим тоном. В то же время подавляющее большинство россиян, даже интересующихся данной темой, воспринимают политологию как *новую науку*, сформировавшуюся на Западе и имеющую в России лишь 10–15-летнюю историю. Работы К. фон Клаузевица, Х.-И. Мольтке и А. Мэхена признаются в качестве основ науки «геополитики», которая на рубеже XIX–XX вв. делала свои первые осознанные шаги. Но благополучно забыты те, кто в тот же период пытался заложить базу для формирования будущей науки в России. А ведь такие люди были, более того, их работы ни в чем не уступали работам признанных западных корифеев.

Одним из таких забытых авторов является А.Е. Вандам. Под странно звучащей европейской фамилией скрывается офицер генерального штаба российской армии, боевой генерал, военный разведчик, герой англо-бурской войны, путешественник и исследователь Алексей Ефимович Едрихин. Его судьба сама по себе удивительна и могла бы стать отличным сценарием для исторического приключенческого фильма.

А.Е. Едрихин родился 17 марта 1867 г. в Минской губернии в многодетной семье отставного рядового солдата. В семнадцать лет А.Е. Едрихин поступил вольноопределяющимся в 120-й Серпуховской полк. Что любопытно, при определении его в армию он показал минимальный из возможного уровень образования, ниже четырех классов, то есть буквально только умел читать и считать. Тем не менее, уже через два года А.Е. Едрихин поступает в Виленское юнкерское пехотное училище, которое оканчивает в 1888 г.

Вопреки всем трудностям в 1897 г. поручик (за 11 лет он продвинулся всего лишь на два звания!) А.Е. Едрихин успешно выдержал все экзамены (два из них по иностранным языкам) и поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. А уже через два года обучения поручик Едрихин пишет рапорт о своем желании отправиться на фронт англо-бурской войны в качестве добровольца. Рапорт был утвержден самим военным министром А.И. Куропаткиным.

Именно с этого времени начинается взлет карьеры обер-офицера Генерального штаба А.Е. Едрихина. Судя по всему, поездка в Африку была его первой миссией в качестве военного разведчика. В этой поездке проявляется и его талант исследователя. Он публикует в газете *Новое время* свои «Письма о Трансваале» под псевдонимом А.Е. Вандам. И.В. Образцов, исследовавший биографию Едрихина, считает, что столь странная фа-

милия была выбрана в честь генерала наполеоновских войн Вандама или же одного из героев англо-бурской войны коменданта Йоханнесбургской конной полиции Ван Дамма. Как бы то ни было, все будущие труды А.Е. Едрихина выходили под этой фамилией².

В дальнейшем А.Е. Едрихин служил в Интендантском управлении Генерального штаба, под которым в то время скрывалась российская военная разведка, Китае – непосредственно перед началом Русско-японской войны – военным агентом в Китае (назначение на эту должность требовало обязательного знания китайского языка). Первую мировую войну он встретил полковником Генерального штаба в Киевском военном округе. А.Е. Едрихин от начала до конца прошел всю войну, а в 1917 г. был произведен в чин генерал-майора. Революционные изменения он не принял, но и его участие в «белом движении» не было долгим. В 1919 г. он эмигрировал, и в 1933 г. умер на чужбине, в Таллине, где и был похоронен на русском кладбище при церкви св. Александра Невского.

А.Е. Едрихина можно смело назвать одним из первых русских исследователей в области геополитики и теории военной международной безопасности. Написано и издано им было сравнительно немного – в 1912 г. в типографии А.С. Суворина в Санкт-Петербурге была опубликована его книга «Наше положение», спустя еще год там же – «Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения в свете высшей стратегии». Эти работы были переизданы в наше время, и именно к ним мы хотим привлечь внимание читателя. В 2002 г. в серии «Геополитический ракурс» вышел сборник работ А.Е. Вандама под общим заглавием «Геополитика и геостратегия», а в 2004 г. они были вновь опубликованы в серии «Великие противостояния» в сборнике «Неуслышанные пророки грядущих войн». К величайшему сожалению, вероятно, из-за достаточно ограниченного тиража этих изданий работы генерала Едрихина вновь не стали достоянием широкой общественности.

В обеих работах автор раскрывает логику и системный характер действий государств на международной арене, продиктованные их базовыми постоянными национальными интересами. Используя в первую очередь метод исторического обзора, Едрихин пытается определить цели и задачи государства Российского, а также силы, противостоящие претворению в жизнь наших национальных интересов. Особенное значение и вес этим работам придает стремление автора выделить высшие геополитические закономерности в развитии международных отношений. Взаимозависимость и противостояние государств Едрихин пытается объяснить неким эволюционным законом выживания сильнейшего и гибели слабейшего в историческом процессе: «[...] как бой представляет собой только один из скоротечных актов длящейся обыкновенно годами войны, так и война есть не что иное, как – кратковременный акт никогда не прекращающейся *борьбы за жизнь*. Отсюда логически следует, что для ведения *борьбы за жизнь* необходимо особое искусство – *высшая стратегия или политика*»³ (курсив мой. – С.П.).

Автор отталкивается прежде всего от географического фактора – расположения государств на карте мира, обеспеченности их всеми видами необходимых ресурсов, климатическими условиями и т.п. По сути, можно говорить о том, что Едрихин первым из российских авторов начал применять геостратегический анализ международных отношений. «[...] Своим географическим положением русский народ обречен на замкнутое, бедное, а вследствие этого и неудовлетворительное существование. Недовлетворенность его выразилась в никогда не ослабевавшем в народных массах инстинктивном стремлении «к солнцу и теплой воде», а последнее, в свою очередь, совершенно ясно определило положение Русского государства на театре борьбы за жизнь [...] Великая Северная держава имеет... всего лишь один фронт, обращенный к югу и простирающийся от устья Дуная до Камчатки»⁴. Именно на этом «фронте борьбы за жизнь» Россия столкнулась с теми силами, интересам которых противоречило продвижение русского народа.

Едрихин на основании географии и исторического инстинктивного стремления русского народа в течение четырехсот лет определяет его цель. «Сама судьба начала направлять нас к тому же «Востоку»... Провидение зажгло на Амуре такой сильный маяк, свет которого сразу же сделался виден всей России, и этим ясно сказало нам «вот ваша дорога!»⁵. Едрихин не жалеет красок при описании подвигов и провалов русских деятелей,

сознательно или же бессознательно, но увидевших это историческое направление движения России – Обухова, Пояркова, Хабаровова, Степанова, Зиновьева, Головина, Путьянина, Невельского, Баранова и многих других. Едрихин утверждает, что именно «наше положение» толкало нас на восток, но возможность эта не была понята и осознана нами к «тому важному историческому моменту, когда арена была еще свободна». «Закончив наше наступление через Сибирь выходом к Желтому морю, Россия могла бы сделаться такой же морской державой на Тихом океане, как Англия на Атлантическом, и такими же покровителями Азии, как англосаксы Соединенных штатов – Американского материка»⁶.

Определив ареал российских национальных интересов, максимально объективно оценив действия нашего государства на театре борьбы за жизнь, автор переходит и к описанию тех государств, которым исторически и географически предназначено было быть нашими противниками. Более того, Едрихин не только описывает мотивы действий противостоящих России сил, но и анализирует причины их побед и наших неудач. Что примечательно, автор не скрывает своей патриотической позиции, но одновременно с этим старается быть максимально объективным по отношению к историческим событиям. Генерал Едрихин как исследователь осознает, что именно геостратегический фактор межгосударственных отношений предопределил вечное противостояние, а закономерное стремление оказаться победителем, свойственное абсолютно любому государству и нации, сделало «англосаксов» врагами российских интересов. «Заводить тихоокеанский флот, как этого настойчиво домогались Шелехов и Баранов, обязывавшиеся дать ему отличную стоянку на Гавайских островах, считалось лишним, ибо по тогдашнему нашему мнению Великий океан был и на веки веков должен был остаться мертвой и никому не нужной пустыней. Но вот пришли англосаксы, отняли у нас наши тихоокеанские пастбища, и мы отошли на Камчатку. Затем те же англосаксы направились к Китаю и начали ломать окна и двери нашего соседа. На этот шум мы спустились к Амуру и, сняв с плеч котомку, уселись в ожидании новых событий»⁷.

Тем не менее, по мнению Едрихина, у англосаксов нет более опасного противника, чем русский народ. Именно Россия может и должна помешать им распространить свое абсолютное господство на весь мир. «...в бою под Манилой зашедшие с юга Азии англосаксы направляли свои орудия через головы уже повергнутых ими испанцев против великой славянской державы и открывали борьбу, которая к середине XX столетия должна будет закончиться торжеством англосаксонской расы на всем земном шаре [...] Главным противником англосаксов на пути к мировому господству является русский народ»⁸.

В качестве основных условий реализации национальных интересов на международной арене в полном объеме Едрихин указывает на:

- географическое положение государства;
- обеспеченность стратегически важными ресурсами;
- четкое определение направления геостратегического развития;
- поддержание единого политического курса даже при смене правителей и правительств.

«В более трудной и требующей большего искусства, чем война, борьбе за жизнь, народ представляет собой армию, в которой каждый человек борется по собственной стратегии и тактике. Но правительство, как главнокомандующий своего народа, обязано: во-первых, внимательно следить за тем, в какую сторону направляется народная предприимчивость; во-вторых, всесторонне и хорошо изучив театр борьбы, безошибочно определять, какое из направлений наиболее выгодно для интересов всего государства; и, в-третьих, с помощью находящихся в его распоряжении средств умело устранять встречаемые народом на его пути препятствия»⁹.

Именно такими качествами «англосакских» правительств, как политическая и стратегическая «дальнозоркость», последовательность в реализации принятого курса, А.Е. Едрихин

объясняет превосходство наших противников над нами на театре «борьбы за жизнь». Что любопытно, описывая планирование действий государств на международной арене, автор *первым*, намного раньше З. Бжезинского проводит параллель с шахматной доской. «Простая справедливость требует признания за всемирными завоевателями и нашими жизненными соперниками англосаксами одного неоспоримого качества – никогда и ни в чем наш хваленый инстинкт не играет у них роли добродетельной Антигоны. Внимательно наблюдая жизнь человечества в целом и оценивая каждое событие по степени влияния его на их собственные дела, они неустанной работой мозга развивают в себе способность на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать [...] в искусстве борьбы за жизнь, т.е. политике, эта способность дает им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком. Испещренная океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и духовных качествах своих правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчетом, что их противник, видящей в каждой пешке самостоятельного врага, в конце концов теряет в недоумении, когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?»¹⁰.

Касаясь вопроса взаимоотношений России с другими государствами, А.Е. Едрихин приходит к выводу, что наиболее прочной базой для партнерства является опять же противостояние экспансии англосаксонской цивилизации. Поэтому роль наших союзников он отводит Германии на Западе и Китаю на Востоке, связывая это, во-первых, с тем, что все три страны вынуждены постоянно отстаивать свое право на расширение жизненного пространства, а, во-вторых, с тем, что это страны «единого континента», которые своим географическим расположением обречены быть противовесом «островным» англосаксам. «Китай, после своих разнообразных опытов с англичанами и американцами, смело мог бы сказать теперь – «плохо иметь англосакса врагом, но не дай Бог иметь его другом!»¹¹.

Можно спорить о политических позициях и выводах генерала А.Е. Вандама (Едрихина), но абсолютно бесспорным является то, что его работы по праву могли стать базовыми для развития в России собственного представления о науке геополитики еще в начале XX в. Кажется невероятным, насколько глубоко и точно автором были предсказаны такие исторические события и процессы, как Первая и Вторая мировые войны, холодная война. Труды А.Е. Едрихина были нами незаслуженно забыты, сегодня они уже не являются «прогностическими», но их методологическая база, широкоохватность и многогранность обязывают сегодняшних российских экспертов-международников почтить их своим вниманием. 🐼

Примечания

¹ Автор выражает благодарность Г.М. Евстафьеву и А.Ф. Клименко за предоставленные материалы и помощь, оказанную в работе над статьей.

² Образцов И. Забытое имя. В сб. А.Е. Вандам. Геополитика и геостратегия. М., Куликово поле, 2002. С. 17.

³ Вандам А.Е. Наше положение. Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 29.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 75.

⁶ Там же. С. 76.

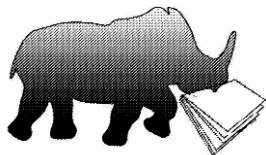
⁷ Там же. С. 51.

⁸ Там же. С. 88.

⁹ Там же. С. 68.

¹⁰ Там же. С. 44.

¹¹ Там же. С. 104.

МИРОВОЙ ОПЫТ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: РЕТРОСПЕКТИВА И НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ. Под ред. Г. Витковской. М. – Алматы: Гендальф, 2004. – 351 с.

Настоящий сборник представляет собой исправленное и дополненное переиздание книги «Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России», опубликованной в 2002 г. исследовательской программой миссии Международной организации по миграции (МОМ) в России. В числе авторов: Кэтлин Ньюланд – содиректор Института миграционной политики в Вашингтоне (США) («Цели и методы иммиграционной политики США»); Е.В. Тюрюканова – ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (Москва) («Между Сциллой и Харибдой: политика трудовой иммиграции некоторых европейских стран (Великобритания, Ирландия, Норвегия, Греция»); Максим Тандонне – глава Департамента Министерства внутренних дел Франции (Париж) («Иммиграционная политика Франции и проблема нелегальной миграции») и др.

В России проблемы миграции сравнительно недавно были обозначены как один из важнейших государственных приоритетов. Однако стремительная глобализация мировых миграционных процессов диктует стране вызовы, ответы на которые требуется искать уже сейчас. После 11 сентября 2001 г. в мировой политической словарь вошла новая тема – взаимосвязь миграции с безопасностью.

Проблема регулирования миграции – это также вопрос геополитики. Это особенно верно для России, где помимо русской диаспоры в «новых независимых государствах» (ННГ) существуют и другие аспекты миграционных потоков, быстро приобретающих статус национальных проблем.

Новым и крупномасштабным явлением 1990-х гг. стало присутствие в России нелегальных мигрантов и лиц, обращающихся за предоставлением политического убежища, из стран Азии и Африки. Лишь немногие из них намереваются задержаться на продолжительное время, остальные предпочли бы отправиться в Западную Европу или Северную Америку. Но очередные барьеры на пути легального въезда на Запад, главным образом, статья о «безопасной третьей стране», которая применяется к России после ее присоединения к Конвенции ООН о статусе беженцев 1957 г. и Протоколу к ней от 1967 г., вынуждают остаться в России тех, кто не в состоянии оплатить услуги посредников по нелегальному перемещению мигрантов.

Другим примером нелегальной миграции служит въезд китайских и вьетнамских мелких торговцев, иммигрирующих через китайско-российскую границу или через Таджикистан, студентов из африканских и азиатских стран, а также студентов бывших советских республик, пребывающих в России.

Е
Ы
Н
Ж
В
О
К

Серьезные опасения вызывает «мирное завоевание» малонаселенного российского Дальнего Востока китайскими иммигрантами.

В данном контексте подобные сборники, содержащие аналитически осмысленный опыт миграционной политики других государств с акцентом на вопросах незаконной миграции, позволяют законодателям и правительственным чиновникам учиться на чужих ошибках и не «изобретать велосипед заново».

Анастасия Лагута

ДЭВИД ИРВИНГ. АТОМНАЯ БОМБА АДОЛЬФА ГИТЛЕРА. СВЕРХСЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ ВЕРМАХТА. М.: Эксмо, 2004. – 416 с.

Долгие годы об атомной программе фашистской Германии почти ничего не было известно. Об этом побеспокоились союзные войска, которые разрушили все заводы, связанные с атомным производством, а оборудование, материалы и документы вывезли из страны и надежно спрятали. Дэвид Ирвинг, один из самых авторитетных историков, изучающих Вторую мировую войну, который лично был знаком со многими участниками немецкого атомного проекта, нашел большую часть пропавших документов, хранившихся на складе Комиссии США по атомной энергии. Он также консультировался у экспертов. В частности, Вернер Гейзенберг, дуайен ядерной программы Третьего Рейха, оказал ему непосредственную помощь в написании книги.

Данная публикация издана в 1983 г., но на русский язык она была переведена лишь в 2004 г. Эта историческая книга представляет собой подробное описание развития уранового проекта в гитлеровской Германии, начиная с открытия Отто Ганом расщепления ядер урана и до того момента, как разведывательная миссия союзных войск «Алсос» захватила все, что было связано с ядерной программой, помешав тем самым немецким ученым закончить свою работу. В данной монографии автор развеял многие мифы о немецкой атомной бомбе. Проведя расследование, Дэвид Ирвинг установил, что никакой бомбы вовсе не существовало. Более того, несмотря на то, что немецкие ученые начали гораздо раньше изучать возможности, которые открывает ядерная физика, они даже не сумели построить ядерный реактор с самоподдерживающейся цепной реакцией. Автор попытался установить причины провала немецких физиков, опровергнув расхожее мнение, что ученые, стоявшие во главе уранового проекта Германии, не создали бомбу, так как не желали победы фашизма, аргументируя это тем, что ученый не откажется «удовлетворить свою природную ненасытную любознательность» и «окажется не в силах подавить в себе стремление узнать, что откроется ему на следующем этапе». Вместо этого автор называет другие объективные обстоятельства, не давшие немецким физикам добиться назначенной цели: в частности, это были ошибки в вычислениях Боте и других германских ученых; преобладание в Третьем Рейхе теоретической физики над прикладной; неправильное руководство проектом; бомбежки немецких городов, от которых пострадали многие научные лаборатории и другие связанные с урановым проектом объекты.

В 2005 г., через 22 года после выхода в свет труда Дэвида Ирвинга была опубликована книга германского историка Рейнера Карлша «Бомба Гитлера. Тайная история испытаний немецкого ядерного оружия» (*Rainer Karlsch: Hitlers Bombe. Die geheime Geschichte der deutschen Kernwaffenversuche. DVA, Munchen, 2005*), в которой по результатам независимых расследований на основе засекреченных документов, найденных в германских и советских архивах, сделан противоположный вывод относительно существования немецкой атомной бомбы. Автор этой монографии указывает, что помимо команды Гейзенберга существовали и другие группы ученых, которые продвинулись намного дальше своих знаменитых коллег и создали действующий ядерный заряд, испытания которого были проведены в Тюрингии и на побережье Балтийского моря.

Татьяна Нефедова

Фененко А.В. ПОНЯТИЕ ЯДЕРНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ. М.: КомКнига-URSS, 2006. – 112 с.

В работе молодого российского эксперта – сотрудника Института проблем международной безопасности РАН, кандидата исторических наук А.В. Фененко предпринимается попытка теоретического обзора такого понятия современной политологии, как «ядерная стабильность». Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в начале XXI в. ряд процессов, происходящих в мировой политике, позволяет сделать вывод о возвращении ядерного фактора в качестве основы международной безопасности. В то же время новые вызовы международной безопасности, включая угрозу появления ядерного оружия у негосударственных игроков, заставляют по-новому взглянуть на военную и политическую роль ядерного оружия в международных отношениях по сравнению с периодом холодной войны.

По словам автора, современные тенденции в области международной безопасности приводят к размыванию грани между политическим устрашением и боевым применением ядерных систем. На основе анализа различных концепций российских и зарубежных исследователей автор приходит к выводу, что стабильность в ядерной сфере возможна лишь в случае, если ядерный конфликт не рассматривается его возможными участниками в качестве потенциально выигрышной ситуации.

Даниил Кобяков

JAMES G. MCGANN WITH ERIK C. JOHNSON. COMPARATIVE THINK TANKS, POLITICS AND PUBLIC POLICY. Edward Elgar. 2006. – 288 p.

Изменяющаяся природа международных отношений привела к возрастанию интереса к той роли, которую сегодня играют аналитические организации, более известные как «мозговые центры» (think tanks). Международное движение за гражданское общество также стимулировало интерес к *мозговым центрам* как альтернативному источнику информации по проблемам международного, национального и местного значения и как к потенциальным критикам политики правительств и международных организаций, способным выступать с объективных позиций, не зависящих от правительства и деловых кругов. Авторами данной работы являются Джеймс Г. МакГанн, научный сотрудник Научно-исследовательского института внешней политики и президент компании *McGann Associates*, и Эрик Джонсон, сотрудник Института Мирового Банка.

На протяжении большей части XX века независимые политологические центры, выполнявшие исследования и консультировавшие по вопросам государственной политики, были феноменом, встречающимся, главным образом, в Соединенных Штатах, и только потом распространившимся в Канаду и Западную Европу. *Мозговые центры* также существовали и в Японии, хотя для них характерна тесная связь с министерствами и корпорациями. Основной целью исследования авторы выделяют определение оптимальных условий для развития независимых «мозговых центров» и других неправительственных организаций. Рабочей гипотезой исследования является тезис о том, что страны, которые имеют высокую степень политической свободы, обеспечивают наиболее подходящие условия для работы *мозговых центров*. Именно поэтому открытые, демократические общества обеспечивают наилучшие условия для независимого политического анализа.

С целью проверки данной теории авторы сознательно выбрали 20 стран, которые обладают различными политическими и экономическими системами и демографическими характеристиками, причем каждая страна затем была проанализирована посредством 13 индикаторов, которые включали не только политическую свободу, политическую систему, количество и силу политических партий, но и уровень экономического развития. Интересен анализ «мозговых центров» Европы, которые представлены Россией, Венгрией и Германией.

Вера Гаврилова

Е ≈
Ы К
Н ±
Ж ≈
≈ В
Н О
К ±

СОЦИАЛЬНЫЕ И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИЗМЕРЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. Под ред. М.Г. Дмитриева, В.В. Лукова, А.П. Петрова. М.: ЛЕНАНД, 2006. – 296 с.

Сборник, подготовленный аналитиками Центра контртерроризма¹, позиционируется как «первая в России публикация об инновационных подходах к предотвращению террористической активности в субъектах РФ» (с. 2). Неотъемлемыми составляющими этих подходов являются активное участие российских граждан в создании и функционировании региональных общественных комитетов контртерроризма (ОКК), установление информационных систем, аккумулирующих обоснованные или необоснованные подозрения граждан относительно готовящихся терактов, обработка этих данных с помощью интернет-технологий и с применением методов математического моделирования.

Материалы сборника могут представлять интерес как для специалистов, активно применяющих методы математического моделирования при анализе проблем, связанных с террористическими угрозами, так и для исследователей, традиционно не использующих подобные методы в своих работах. В частности, наглядный пример построения графика причинно-следственных связей между выбранными критериями оценки уровня общественной безопасности в одном из российских регионов (степень коррумпированности администрации, степень межэтнических конфликтов, степень опасности террористических актов, степень личной готовности граждан участвовать в контртеррористической деятельности) и дальнейшей интерпретации полученных результатов с помощью несложных математических вычислений позволяют обнаружить новые направления анализа информации, полученной в ходе опроса населения.

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра вы можете ознакомиться в разделе "Библиотечные новинки" интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/library>

Отличительная особенность структуры публикации – сочетание разностилевых текстов, содержащих как узкоспециальную терминологию, так и пропагандистские «антитеррористические» лозунги: «Сегодня хакер, завтра виртуальный пират или даже кибертеррорист!». Видимо, при составлении сборника авторы делали ставку на то,

что проблема поиска эффективных способов предотвращения террористических угроз в той или иной степени затрагивает всех граждан, независимо от рода их занятий и уровня образования, поэтому информация должна быть доступна максимально широкому кругу читателей.

Екатерина Вотановская

Примечание

¹ АНО «Общенациональный неправительственный центр по предотвращению терроризма (Центр контртерроризма)» был основан в 2004 г. Учредителями Центра являются представители Всемирного антикриминального и антитеррористического форума, научно-педагогического сообщества Российского государственного социального университета (РГСУ), Московского центра глобальных мирокультурных стратегий, Института США и Канады Российской академии наук. Ключевое направление деятельности Центра – активная мобилизация интеллектуальных сил российского общества в лице деятелей науки, образования и культуры с целью разработки и реализации Концепции контртерроризма как комплексной системы мер профилактики и преодоления террористических явлений социальными средствами.

ЗНАЧИМОСТЬ ЯДЕРНО-ОРУЖЕЙНОГО КОМПЛЕКСА СЛЕДУЕТ ЗАКРЕПИТЬ ЗАКОНОМ

Главному редактору:

Отечественный ядерный арсенал создавался и совершенствовался в течение многих лет напряженной работы. Его наличие позволило нам добиться стратегического паритета с Соединенными Штатами и обеспечить мирную жизнь трех поколений в условиях острых международных кризисов, имевших место во второй половине XX века, даже уже и в новом столетии.

В этой связи с особым вниманием прочитал статью А.Г. Савельева «К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении безопасности России в XXI веке» в журнале ПИР-Центра *Ядерный Контроль* № 3 за 2005 г.¹ Автор справедливо считает: «Отсутствие в настоящее время широкомасштабных и реальных угроз безопасности России, которые бы потребовали принятия решения о применении ядерных сил, отнюдь не освобождает руководство страны от ответственности «не забывать о войне», включая выработку и совершенствование планов на случай возникновения такой ситуации. Широко распространенный тезис о том, что ядерное оружие якобы «оружием» не является, поскольку его применение неизбежно ведет к всеобщему уничтожению, остается всего лишь тезисом, равно как и обратное утверждение о неизменной сущности этого оружия как инструмента ведения войны и «иного средства» продолжения политики»².

Хотел бы напомнить, что в мае 2006 г. президент Российской Федерации В.В. Путин определил основные приоритеты среднесрочного и долгосрочного развития военной организации страны, а также конкретные направления модернизации армии, выбранные исходя из угроз и вызовов, к которым мы должны быть готовы. К числу наиболее существенных угроз, помимо терроризма, относится рост военных приготовлений в ряде крупных стран и продолжение гонки вооружений, которая выходит на новый технологический уровень.

Сегодня мы не можем не замечать угрозы вывода ядерного оружия на космическую орбиту, намерения некоторых сил использовать в качестве оружия ядерные заряды малой мощности, увеличение числа и интенсивности локальных конфликтов.

Нас не может не беспокоить динамика расходов министерства обороны США, которому в 2007 г. предполагается выделить из государственного бюджета 492 млрд долл., при одновременном увеличении численности личного состава Вооруженных сил более чем на 50 тыс. человек.

Современная Россия не располагает возможностью, да и не имеет намерений тратить на цели обороны столько, сколько США, – ведь это примерно 13,5 трлн рублей ежегодно. Но вместе с тем президент Российской Федерации поставил перед Вооруженными

Силами и оборонно-промышленным комплексом задачу не только обеспечить стратегическое сдерживание, но и иметь возможность адекватно встретить любой вызов любого потенциального противника. Для этого требуется не бесконечный рост расходов на военные цели, а достижение нашего интеллектуального превосходства.

Хочу заметить, что стратегические ядерные силы имеются не только у Российской Федерации, что Соединенные Штаты, как и Россия, осуществляют модернизацию и развитие этих сил. Поэтому от наших разработчиков и создателей ядерного оружия зависит очень многое. Именно их труд должен существенно повысить качественные характеристики стратегических ядерных сил Российской Федерации и степень оснащенности нашей ядерной триады современными образцами вооружения и военной техники.

Одной из важных инициатив в работе Комитета Государственной Думы по обороне, на мой взгляд, могло бы стать законодательное закрепление особой значимости ядерно-оружейного комплекса в обеспечении обороны и безопасности страны. В специальном федеральном законе могли бы быть определены статус и правовая основа деятельности ядерно-оружейного комплекса, условия его эффективного функционирования, а также меры государственной поддержки его уникальных организаций, которые выполняют разработку, изготовление, отработку опытных образцов, эксплуатацию и утилизацию ядерных зарядов, ядерных боеприпасов, специальных видов ядерного оружия и ядерных энергетических установок.

В этой связи, нельзя не отметить роль ПИР-Центра, который на протяжении более чем десятилетия вносит весомый, конструктивный вклад в научную и практическую дискуссию о месте ядерного оружия, российских ядерных центров в обеспечении обороноспособности и безопасности Российского государства. Рассчитываю, что оживленное обсуждение экспертами этих вопросов, к чему мы уже привыкли на страницах журнала *Ядерный Контроль*, будет продолжено на страницах его преемника – журнала *Индекс Безопасности*.

Виктор Заварзин

*ул. Охотный ряд, д. 1
Комитет по обороне
Государственная Дума
Федеральное Собрание РФ
Москва, 103265, Россия*

Примечания

¹ Александр Савельев. К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении безопасности России в XXI веке. *Ядерный Контроль*. 2005. № 3. С. 45–54.

² Там же. С. 54.

ИСТОК КОНФЛИКТА – НЕ В ЯДЕРНОМ ОРУЖИИ, НО В ГРЕХЕ ВЛАСТОЛЮБИЯ

Главному редактору:

Благодарен Редколлегии журнала *Индекс Безопасности* за возможность ознакомиться с рукописью статьи посла А.А. Обухова «Ядерное оружие и христианская этика»¹ и предложение высказаться по поводу некоторых затронутых в ней вопросов.

Христианство нельзя отождествлять с пацифизмом. Для христианина есть более важные цели, чем сохранение земной жизни, – это, в первую очередь, достижение вечного блаженства, а это зависит от веры в Бога. Для защиты же ближнего своего, своего Отечества следует применять силу. Еще в 1996 г. Всемирный русский народный собор провел слушания на тему «Ядерные вооружения и национальная безопасность России», где был обсужден и богословский взгляд на ядерное оружие. В приветствии к участникам слушаний Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II сказал: «Все здравомыслящие люди считали и считают, что безудержная гонка вооружений должна быть остановлена. Но одновременно мы должны следовать трезвому подходу к окружающей реальности. Всем нам еще длительное время придется жить бок о бок с ядерным оружием, играющим существенную роль в обеспечении безопасности».

Хотелось бы еще раз сказать, что любое оружие, особенно ядерное, – зло. Но зло, увы, неизбежное в условиях мира, испорченного грехом, где до второго пришествия Господа будет происходить борьба за власть, столкновения между народами. Сегодняшний мир является гораздо более опасным, чем во времена биполярного противостояния между Западом и Востоком. По мере совершенствования технологий контроль над распространением ядерного оружия становится все более проблематичным, а идея всеобщего разоружения превращается в утопию. Расширяется клуб ядерных держав, к тому же возрастает угроза ядерного терроризма. Еще в середине 90-х гг. прошлого века на различных форумах я поднимал этот вопрос. Вопрос состоит не в том, попадут ли к террористам ядерные технологии, а в том, *когда* это произойдет.

К тому же усиливается влияние мировоззрений, в рамках которых гибель человечества не является абсолютным злом. Для многих верующих вечная жизнь их души гораздо более важна, чем временная, а потерять ее в результате порабощения иноверцами или атеистами намного страшнее, чем погибнуть в результате ядерной войны. Для многих народов гибель предпочтительнее жизни в угнетении и рабстве. Эти обстоятельства налагают ответственность на людей, принимающих решения в том, что касается использования ядерного оружия. Причем основная ответственность лежит на тех ядерных государствах, которые пытаются навязать другим свою политическую волю, свой экономический и социальный уклад. Такое поведение провоцирует многих к стремлению обладать ядерным оружием как средством защиты.

Как предотвратить конфликт? Нужно строить гармоничный и многоукладный мир. Некоторые строят глобальную Америку, некоторые строят глобальный халифат. Оба течения имеют претензии на универсальность своих ценностей. Если и те, и другие, и прочие не научатся жить вместе в мире, то глобальный конфликт будет неизбежен. Поэтому стоит задача диалога между религиями и цивилизациями.

Я лично разделяю ту точку зрения посла Обухова, что ядерное оружие в конце концов должно быть уничтожено или передано под международный контроль. Однако последнее возможно лишь при наличии действительно демократического механизма, учитывающего интересы всех народов и цивилизаций, а такого сейчас нет. Пока отдельные государства политически используют ядерное оружие на пользу себе и в ущерб другим, должна существовать адекватная защита. У России она есть, и к таковой будут стремиться другие страны.

Исток конфликта, увы, не в ядерном оружии как таковом, а в стремлении к максимальной власти и в итоге к мировому господству, то есть в элементарном грехе властолюбия, который не исчезает из мировой политики. Сможет ли человек обуздать этот грех – история покажет. Я в этом отношении остаюсь пессимистом.

Всеволод Чаплин,

Даниловский вал, 22

Отдел внешних церковных связей

Русская православная церковь

Москва, 115191, Россия

Примечание

¹ Статья опубликована в данном номере журнала на с. 47–74.

11 FROM THE EDITOR

“Whatever the puzzles in international relations, and no matter how the threats and challenges to Russian security have multiplied, we wish our readers the best as they peruse the pages of our journal. We hope that this journal will help to determine how Russia should answer these challenges and threats, and indicate the new areas that are opening up to Russia as it grows stronger,” notes *Security Index* editor-in-chief **Vladimir Orlov** as he guides the reader through the pages of the first issue of this new journal, while answering questions about how this periodical differs from its predecessor, *Yaderny Kontrol*, and to what degree it will continue that journal’s 12-year tradition.

INTERVIEWS

- 17 **Ilham Aliev: “Azerbaijan is accustomed to relying only on its own resources and therefore does not join coalitions.”** President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliev, in an interview conducted by member of *Security Index* editorial board Sergey Brilev, reflects upon his country’s domestic and foreign policy, advances in his nation’s energy projects, and the achievement of social and economic stability in Azerbaijan.
- 21 **Yevgeny Primakov: “The current situation in the Middle East is a good illustration of what results from the U.S. export of democracy.”** In an exclusive interview for *Security Index*, Academician Primakov—a person who needs no introduction—shares his views of recent events in the Middle East, a region to which he has dedicated many years of his life and professional activity. He assesses the trends in the region and forecasts likely developments there in the coming months.
- 25 **Valentin Sobolev: “Terrorism is merciless. States must answer terrorists in the same manner.”** *Security Index* editor-in-chief Vladimir Orlov talks to Colonel General Valentin Sobolev, deputy secretary of the Russian Security Council, about the actions national governments and the international community must take to counter terrorist organizations.

ANALYSES

- 33 **Yury Baluyevsky, “Security Index of a Globalized World: the Russian Dimension.”** Globalization is creating new spheres of state cooperation, while mul-

t bipolar and unipolar trends stand in opposition to each other. How should Russia act under these circumstances? What is its role in these processes? Systemically examining the current geostrategic situation, the chief of the Russian General Staff defines Russian national interests and outlines ways to realize them.

- 47 **Aleksey Obukhov, “Nuclear Weapons and the Christian Ethic.”** The moral side of the creation, use, and reduction of nuclear weapons is rarely in the forefront of analysis and decision-making. However, the role and perception of nuclear weapons are not always determined by objective national interests alone. The author, on the basis of his recollections, experience, and long reflection, undertakes a detailed analysis of the underappreciated role of Christian and, more broadly, religious ethics on perceptions of nuclear weapons.
- 75 **Ekaterina Stepanova, “Islamist Terrorism Today: Global and Regional Levels.”** In the past two years, the level of global terrorist activity has been unprecedented. In addition to quantitative indicators, terrorism has also reached a new qualitative level, as seen in the terrorist incidents of July 2005 in London and the confluence of terrorist methods and insurgent war in Iraq and Lebanon. The article examines the various levels of radical Islamist terrorist activity in detail as well as measures to counter them.
- 93 **Ekaterina Shadrina, “The Great Caspian Caviar Game.”** The Caspian region is rich in hydrocarbons. An additional wealth of this unique reservoir, its other *black gold*, is caviar. And this wealth is rapidly disappearing. Why? Who unleashed the caviar wars, and can this environmental *bioterrorism* be stopped?

V I E W P O I N T S

- 117 **Alexei Arbatov vs. Andrei Piontkovski, “What Does Ahmadinejad Have in Common with Gavriilo Princip: Solving the Iranian Puzzle.”** Two experts, two opposing views. Iran has a right to its own peaceful nuclear program, but its arrogant policy in the region and the world lead one to doubt that the nuclear program is exclusively peaceful. Will the policies of the current Iranian leadership cause the situation in a region that is already unstable to explode, and will this lead to global political catastrophes — these are the questions the two experts argue about in a discussion via e-mail that is published in this issue.

C O M M E N T A R Y

- 127 **Vyacheslav Nikonov, “The Two St. Petersburg Summits.”** In July 2006 the summit of the G8, under Russian chairmanship for the first time, was held in St. Petersburg. At the same time a U.S.-Russian bilateral summit was held. These events were critical to the development of Russia’s relations with the west in 2006.
- 131 **Nuriya Kutnaeva, Ildar Akhtamzyan, “On the Signing of the Central Asian Nuclear Weapon Free Zone Treaty.”** There was a time when almost no one believed that a consensus would be reached on the Central Asian NWFZ treaty. Nonetheless, it has finally been signed. The contents of the treaty, the prospects for its realization, and the positions of the nuclear weapons states are analyzed by our authors.

R E V I E W S O F W O R L D E V E N T S : J U L Y – N O V E M B E R 2 0 0 6

- 138 **The *iSi* index Is a Comprehensive Index of International Security** developed by the PIR Center through a project that has lasted for more than a year and is now

undergoing international review. The goal of *iSi*, an *international security index*, is to quantitatively express the dynamics of global processes in this sphere. What was the index in July? In October? We will publish the *iSi* indicators along with relevant commentary by the PIR Center International Expert Group.

- 140 **Yury Fedorov. "A Liberal View: Appeasers and Crocodiles".** "Helpless in the face of new challenges for the past several years, the global community (or, to be more precise, contemporary Judeo-Christian civilization) involuntarily brings to mind the Roman Empire in decline, perishing due to attacks by barbarian tribes. The most recent world events once again confirm that pacifying the ambitions of aggressors only aggravates the situation yet further."
- 156 **Dmitry Evstafiev. "A Conservative View: Apocalypse? No!"** "International developments reflect the increasingly crazy-quilt nature of the world, where military strength is beginning to play a new role and there is new competition over resources. New bumps are appearing on the smooth road to post-bipolarity that not only squeak under the wheels but seriously hamper human progress. Will this be the beginning of a new era that is marked not just by a date on the calendar, but also by global changes?"

H I S T O R I C A L P A G E S

- 169 **David Hoffman, "1983: Turning Point of the Cold War."** *Security Index* has obtained rights to the publication of an excerpt of the upcoming book by this authoritative American journalist on the unknown pages in the history of the U.S.-Soviet confrontation. The article is dedicated to 1983, one of the most tense years of the Cold War. It was the year that President Reagan launched the Strategic Defense Initiative, and the year that he called the Soviet Union an "evil empire." It was the year that a Soviet pilot shot down the Korean Airliner, Flight 007, and the year in which NATO installed the Pershing II and Ground-launched Cruise Missiles in Europe...

L I B R A R Y

- 185 **"Between Vengeance and Retribution: A new view of the Mossad's most mysterious operation," Konstantin Eggert.** The book *Striking Back: The Munich Olympics Massacre and Israel's Deadly Response* by former Israeli intelligence officer Aaron Klein reveals new facts about one of the Mossad's most dramatic operations, whereby it eliminated the Palestinian terrorists who shot Israeli athletes at the Munich Olympics in 1972.
- 189 **"The Roughness of a Flat World," Mikhail Yakushev.** In several hundred pages of captivating narrative, Thomas Friedman's *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century* categorically asserts or proves on the basis of numerous examples that thanks to information technology our world has become "flat." But is this true for the entire planet?
- 193 **"General Vandam: the forgotten founder of Russian geopolitics," Sergey Ponamarev.** The works of Carl von Clausewitz, Helmuth von Moltke, and Alfred Thayer Mahan are acknowledged as the founders of the science of "geopolitics," which took its first conscious steps at the turn of the 19th century. However, those who tried during the same period to create a basis for the future science in Russia have been forgotten. One of these forgotten authors is the Russian general Aleksey Vandam (né Edrikhin).

NEW BOOKS

- 197 **Ekaterina Votnovskaya, Vera Gavrilova, Daniil Kobayakov, Anastasia Laguta, and Tatiana Nefedova.** PIR Center research associates and interns provide brief reviews of new receipts by our library.

LETTERS TO THE EDITOR

- 201 **Viktor Zavarzin, “The Importance of the Nuclear Weapons Complex Should be Legally Formalized.”** In the opinion of the Russian State Duma Defense Committee chairman, a special federal law should be drafted that determines the status and the legislative basis for the activities undertaken by the nuclear weapons complex and provides for the state support of organizations subordinate to it.
- 203 **Vsevolod Chaplin, “Conflict is Not a Result of Nuclear Weapons, but the Sin of the Love of Power.”** In his response to Aleksey Obukhov’s article on nuclear weapons and Christian ethics, the deputy chairman of the Moscow Patriarchy’s Office of External Church Relations reflects on the relationship between Christianity and pacifism.

205 SUMMARY

209 ABOUT THE AUTHORS

214 PIR CENTER ADVISORY BOARD

Cov. III FINAL QUOTES

“On Optimism”

Алиев Ильхам Гейдарович (Гейдар оглы) – президент Республики Азербайджан. Родился в 1961 г. в г. Баку. Окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР в 1982 г. В 1985 г. защитил диссертацию в аспирантуре МГИМО и получил степень кандидата исторических наук. В 1985–1990 гг. — преподавал в МГИМО. С 1994 г. по август 2003 г. — вице-президент, затем первый вице-президент Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики (ГНКАР). В 1995 и 2000 гг. избирался в Милли Меджлис (Парламент) Азербайджанской Республики. В январе 2003 г. избран заместителем Председателя Парламентской Ассамблеи Совета Европы и членом бюро ПАСЕ. В 2003 г. назначен премьер-министром Азербайджана. 15 октября 2003 г. избран Президентом Азербайджанской Республики.

Арбатов Алексей Георгиевич – член научного совета Московского центра Карнеги, директор Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Родился в 1951 г. В 1973 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР. В 1976 г. получил степень кандидата исторических наук, в 1982 г. – доктора исторических наук. С 2003 г. является членом-корреспондентом РАН. Является активным участником крупнейших научных форумов и конференций по проблемам предотвращения войны и обеспечения мира: Дартмутского движения, Пагуошского движения, Ассоциации содействия ООН и многих других. Член ученых советов ИМЭМО РАН, Института США и Канады РАН и Института Европы РАН. Состоит в научном совете при МИД РФ, Совете директоров СИП-РИ, Член Международного совета Центра демократического контроля над вооруженными силами (Женева), Института глобальных конфликтов в Университете Нотр Дам (США), Института Восток – Запад. Являлся членом Комиссии Бликса по оружию массового уничтожения. Член российского Совета по внешней и оборонной политике. Член делегации на переговорах об СНВ-1, участник рабочих групп по переговорам об РСД-РМД, ОВСЕ, СНВ-2. Автор семи монографий, соавтор более тридцати коллективных трудов, многочисленных аналитических работ, статей и брошюр по проблемам международной безопасности, разоружения, военной политики, изданных в России и за рубежом. Адрес электронной почты: arbatov@carnegie.ru

Ахтамзян Ильдар Абдулханович – член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Родился в 1957 г. в Москве. После окончания в 1979 г. Московского государственного университета международных отношений (МГИМО) работал в этом вузе в качестве аспиранта, преподавателя, старшего преподавателя, а ныне – доцента кафедры Международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД РФ. Кандидат исторических наук, автор спецкурса по проблемам нераспространения ОМУ, в 1998–2006 гг. Участвовал в чтении лекций по нераспространению в Московском инженерно-физическом институте (государственном университете). Имеет около 50 публикаций в России и

за рубежом по проблемам истории международных отношений, контроля над вооружениями и нераспространения ОМУ. Адрес электронной почты: *intrel@mgimo.ru*

Балуевский Юрий Николаевич – начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ – первый заместитель министра обороны, генерал армии. Родился в 1947 г. в г. Трускавец Львовской области Украинской ССР. В 1970 г. окончил Ленинградское высшее общевойсковое командное училище, в 1980 г. – Военную академию имени М.В. Фрунзе, в 1990 г. – Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. В 1982–1988 гг. проходил службу в Главном оперативном управлении Генерального штаба Вооруженных Сил СССР на руководящих должностях. С 1990 г. – заместитель начальника направления, начальник направления в Главном оперативном управлении Генерального штаба. В 1993–1995 гг. – начальник штаба, первый заместитель командующего Группой российских войск в Закавказье. С июня 1995 г. – начальник управления, заместитель начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. С августа 1997 г. – начальник Главного оперативного управления Генерального штаба – первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ. В июле 2001 г. был назначен первым заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. В июле 2004 г. назначен начальником Генерального штаба ВС РФ, первым заместителем министра обороны РФ. В ноябре 2004 г. назначен председателем Совета начальников штабов СНГ.

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич – директор Департамента по информационной политике ОАО «Техснабэкспорт». Родился в 1966 г. С отличием закончив в 1989 г. исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ, работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН (ИСКРАН), где в 1993 г. получил ученую степень кандидата политических наук, защитив диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее – старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. Специалист в области военно-политических аспектов национальной безопасности России, проблем внешней и военной политики США, региональных аспектов нераспространения ядерного оружия. В 2001–2006 гг. работал в Компании развития общественных связей (КРОС), в том числе в должности вице-президента КРОС. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, Редколлегии журнала *Индекс Безопасности*.

Заварзин Виктор Михайлович – генерал-полковник, председатель Комитета по обороне Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Родился 28 ноября 1948 г. Окончил Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К.Е. Ворошилова. Служил в Вооруженных Силах СССР и Российской Федерации, был главным военным представителем Российской Федерации в НАТО. Перед избранием в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва – первый заместитель начальника Штаба по координации военного сотрудничества государств – участников СНГ. Член Постоянной делегации Федерального Собрания Российской Федерации в Парламентской Ассамблее НАТО. Координатор депутатской группы по связям с парламентом Киргизской Республики. Награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, «Мужества», «За военные заслуги», медалью «За боевые заслуги».

Кутнаева Нурия Асылбековна – эксперт-аналитик исследовательского центра «Политика, религия, безопасность», преподаватель Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики. Родилась в 1977 г. В 2005 г. окончила магистратуру Академии ОБСЕ в Бишкеке. В 2003–2004 гг. обучалась в аспирантуре Людвиг-Максимилианс университета, Мюнхен, Германия; в 2000–2003 гг. – слушатель магистратуры Айхштэттско-Ингольштадтского университета, Айхштэтт, Германия. Выпускница Кыргызско-Российского университета (1999 г.). Автор и соавтор ряда публикаций, среди которых: «Внешние факторы мартовской революции – миф или реальность?» (Бишкек, 2005); «Внешняя политика Кыргызской Республики 1991–2005 гг.» (подготовлено для Центра исследований ОБСЕ (CORE), Гамбург, Германия, 2005 г.); «Перспективы заключения Договора о созда-

нии в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия» (*Ядерный Контроль*, № 1, 2006). Адрес электронной почты: nuria_k@mail.ru

Никонов Вячеслав Алексеевич – президент Фонда «Политика». Президент фонда «Единство во имя России». Председатель Комиссии Общественной палаты РФ по международному сотрудничеству и общественной дипломатии. Член президиума Совета по внешней и оборонной политике; заместитель председателя редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике», член Совета учредителей Centre russe d'études politiques (Женева) – Европейского отделения ПИР-Центра. Родился в 1956 г. В 1978 г. окончил исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Специализировался по кафедре новой и новейшей истории. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1989 г. – докторскую диссертацию. После августа 1991 г. – помощник председателя КГБ СССР. Преподавал в Калифорнийском технологическом институте (США). В 1993 г. избран в Государственную Думу РФ, занимал пост председателя подкомитета по международной безопасности и контролю над вооружениями Комитета по международным делам Государственной Думы РФ. В 1997–2001 гг. был членом политического консультативного Совета при Президенте РФ, Комиссии по правам человека при Президенте РФ, экспертного совета Комиссии при Президенте РФ по противодействию политическому экстремизму. Автор 7 книг и более 500 публикаций.

Обухов Алексей Александрович – посол по особым поручениям МИД РФ, председатель Комиссии по делимитации Государственной границы РФ с Литовской Республикой. Родился в 1937 г. В 1961 г. окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР, в 1965 г. – аспирантуру МГИМО. С 1966 г. на дипломатической работе. Занимал должности заведующего сектором и заместителя начальника отдела США МИД СССР. В 1989–1990 гг. – начальник Управления США и Канады МИД. В 1989–1992 гг. – заместитель министра иностранных дел. В 1992–1996 гг. – посол РФ в Королевстве Дания. В 1969–1991 гг. принимал участие в российско-американских переговорах по стратегическим наступательным вооружениям. В 1987 г. был заместителем руководителя делегации СССР на советско-американских переговорах по ядерным космическим вооружениям. Награжден двумя орденами «Трудового Красного Знамени». Автор многочисленных научных публикаций, в том числе «Взаимное гарантированное уничтожение: возможна ли альтернатива?» (*Ядерный Контроль*, 2005, № 1), «Деидеологизированная дипломатия: опыт советско-американских переговоров по ограничению и сокращению стратегических вооружений» (*Ядерный Контроль*, 2005, № 3). Адрес электронной почты: moscowsuper@mtu-net.ru

Пионтковский Андрей Андреевич – старший научный сотрудник Института Хадсона (Вашингтон, США). Родился в 1940 г. В 1962 г. окончил МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1967 по 1990 г. – сотрудник Института системных исследований АН СССР. С 1991 по 2005 г. – директор Центра стратегических исследований. В 1994 г. окончил Лондонскую Высшую школу экономики. Постоянный ведущий рубрик в *Новой Газете* и *Русском Журнале*. С января 2003 г. – член Научного совета Совета безопасности РФ. Сфера научных интересов: международные отношения, национальная безопасность, российская внутренняя политика. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: andrei@hudson.org

Понамарев Сергей Владимирович – аспирант Института Дальнего Востока РАН. Родился в 1984 г. Выпускник Новосибирского государственного университета. В 2005 г. проходил стажировку в ПИР-Центре политических исследований. Автор статей: «Ракетно-ядерный потенциал Тайваня в контексте “проблемы воссоединения”» (*Ядерный Контроль*, 2005, № 4); «Особый статус Тайваня в режиме нераспространения. Пример для “серых зон”?» (*Ядерный Контроль*, 2006, № 1). Сфера научных интересов: военные аспекты китайско-американских отношений, система безопасности в АТР, конфликтные зоны АТР. Адрес электронной почты: svponam@gmail.com

Примаков Евгений Максимович – председатель Торгово-промышленной палаты России, академик РАН. Один из ведущих российских востоковедов, крупный ученый в области мировой экономики и международных отношений, в частности, комплексной разработки вопросов внешней политики России; изучения теории и практики международных конфликтов и кризисов; исследования мирового цивилизационного процесса, глобальных проблем; социально-экономических и политических проблем развивающихся стран. Родился в 1929 г. в Киеве. В 1953 г. окончил арабское отделение Московского института востоковедения, в 1956 г. – аспирантуру экономического факультета Московского государственного университета (МГУ). Доктор экономических наук, с 1979 г. академик РАН. В 1956–1962 гг. работал в Гостелерадио СССР корреспондентом, ответственным редактором, заместителем главного редактора, главным редактором Главного управления радиовещания на зарубежные страны. В 1966–1970 гг. – собственный корреспондент газеты *Правда* на Ближнем Востоке и заместитель редактора отдела стран Азии и Африки. В 1970–1977 гг. – заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. В 1977–1985 гг. возглавлял Институт востоковедения АН СССР, с 1979 г. – одновременно профессор Дипломатической академии. В 1985–1989 гг. – директор ИМЭМО АН СССР. В 1991–1996 гг. директор Службы внешней разведки РФ, в 1996–1998 гг. – министр иностранных дел России. С 11 сентября 1998 г. по 12 мая 1999 г. возглавлял Правительство РФ.

Соболев Валентин Алексеевич – генерал-полковник, заместитель Секретаря Совета безопасности Российской Федерации. Родился 11 марта 1947 г. в ауле Гудри-Олум Кызыл-Атрекского района Туркменской ССР. Работал в строительно-монтажном управлении треста «Ашхабад-строй» в г. Ашхабад. Окончил Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева в 1969 г. После окончания института работал мастером Ашхабадского монтажного треста «Туркменсантехмонтаж». С 1972 г. – служба на различных должностях в органах КГБ СССР, МБ, ФСК, ФСБ России. С 1994 г. – заместитель директора ФСК, а с 1997 г. – первый заместитель директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации. С 1999 г. заместитель Секретаря Совета безопасности Российской Федерации. Награжден орденами «Мужества» и «За военные заслуги». Почетный сотрудник органов контрразведки.

Степанова Екатерина Андреевна – руководитель Группы по нетрадиционным угрозам безопасности, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, преподает на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Родилась в 1973 г. В 1995 г. с отличием окончила исторический факультет МГУ, где в 1998 г. получила степень кандидата исторических наук, защитив диссертацию на тему «Формирование современной американской модели регулирования региональных конфликтов, 1989–1997 гг.». В 2003 г. работала исследователем в Стокгольмском институте проблем мира (СИПРИ). Входит в состав Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра и Редколлегии журнала *Индекс Безопасности*. Автор более 60 научных работ на русском и английском языках, включая три монографии. Адрес электронной почты: ekaterina_stepanova@hotmail.com

Федоров Юрий Евгеньевич – директор Центра исследования проблем войны и мира МГИМО МИД РФ, член Совета ПИР-Центра. Окончил физический факультет МГУ. Кандидат исторических наук, профессор. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 г. перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 г. – заведующий сектором, а с декабря 2000 г. – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. – заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. – заместитель директора Института прикладных международных исследований. Ряд научных работ посвятил энергетическим аспектам безопасности, в частности в районе Каспия. Автор монографии «Субстратегическое ядерное оружие и интересы безопасности России» (*Научные Записки ПИР-Центра*. 2001, № 16). Член Редколлегии журнала *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: yufedorov@rambler.ru

Хоффман Дэвид – заместитель главного редактора газеты *Washington Post* по международной информации. В 1992–1994 гг. возглавлял бюро *Washington Post* в Иерусалиме, в 1995–2001 гг. – в Москве. Автор бестселлера «Олигархи: Богатство и власть в новой России», изданной в 2002 г. в США, а в 2006 г. в России. Неоднократно входил в журналистский пул Белого дома. Награжден несколькими премиями за свою журналистскую работу. В 1994–1995 гг. преподавал в St. Antony's College (Оксфорд). Адрес электронной почты: hoffmand@washpost.com

Чаплин Всеволод Анатольевич – протоиерей, заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Родился в 1968 г. В 1990 г. окончил Московскую духовную семинарию, в 1994 г. – Московскую духовную Академию. Кандидат богословия. Член центральных комитетов Всемирного Совета Церквей (ВСЦ) и Конференции Европейских Церквей, экспертного совета при Комитете Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций, экспертной группы ОБСЕ по вопросам свободы религии и убеждений.

Шадрина Екатерина Викторовна – сотрудник Женевского центра политики безопасности, где в настоящее время занимает должность координатора краткосрочных учебных курсов. Родилась в 1975 г. В 1997 г. получила диплом с отличием в Астраханском государственном университете по специальности *иностранные языки*. В 2000 г. – стипендиат программы «Чивнинг» (Chevening Scholar) Британского Совета. В 2002 г. – с отличием защитила диплом магистра по специальности «Дипломатия» в Вестминстерском университете (Великобритания). Адрес электронной почты: k.shadrina@gcsp.ch

Эггерт Константин Петрович – главный редактор Московского бюро Русской службы Би-би-си. Родился в 1964 г. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ в 1987 г., где изучал историю и арабский язык. После университета служил в армии в составе советской военной миссии в Йеменской Арабской Республике. В 1980–1990 гг. работал на Ближнем Востоке. Работал в газете *Куранты*, дипломатическим корреспондентом и заместителем международного редактора газеты *Известия*. С 2002 г. – главный редактор Московского бюро Русской службы Би-би-си. Член Королевского института международных отношений в Лондоне, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, член Совета учредителей Centre russe d'études politiques (Женева) – Европейского отделения ПИР-Центра. Адрес электронной почты: konstantin.eggert@bbc.co.uk

Якушев Михаил Владимирович – директор по правовым и корпоративным вопросам, *Майкрософт Россия/СНГ*. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*, член Совета учредителей Centre russe d'études politiques (Женева) – Европейского отделения ПИР-Центра. Родился в Москве в 1967 г. Окончил Московский государственный университет международных отношений в 1989 г. по специальности *международное право*. С 1989 г. находился на дипломатической службе в Латинской Америке. С 1997 по 2003 г. возглавлял юридическую службу компании *Global One*. С 2003 по 2004 г. работал в *Майкрософт Рус*, где отвечал за связи с органами власти России и стран СНГ. Руководил департаментом правового обеспечения Министерства информационных технологий и связи РФ. Представлял Российскую Федерацию в рабочей группе по юридическим вопросам «Большой восьмерки». В 2004 г. – член рабочей группы по управлению интернетом при Генеральном Секретаре ООН. Адрес электронной почты: m.yakushev@mail.ru

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА
(по состоянию на 15 января 2007 г.)

Антипов Сергей Викторович, д-р техн. наук, советник руководителя Федерального агентства по атомной энергии, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружения, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корресподент РАН, руководитель Центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра Международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Банн Джордж, консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, директор, Центр международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Володин Юрий Георгиевич, старший специалист, Департамент ядерной безопасности, МАГАТЭ, Вена, Австрия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина» (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Геттемюллер Роуз, директор, Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Данапала Джаянта, генеральный секретарь по координации мирного процесса, Администрация Президента, Коломбо, Шри-Ланка

Джонсон Ребекка, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич, к.п.н., директор, Департамент по информационной политике, ОАО *Техснабэкспорт*, Москва, Россия

Елеукенов Дастан Шериязданович, к.ф.-м.н., советник Посольства Республики Казахстан в Великобритании, Лондон, Великобритания

Есин Виктор Иванович, к.в.н., генерал-полковник (в отставке), первый вице-президент, Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Калинина Наталия Ивановна, д.м.н., проф., заместитель начальника инспекции, Счетная палата РФ, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель центра, Центр Североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Колтунов Виктор Стефанович, к.т.н., генерал-майор (в отставке), заместитель директора по научным вопросам, Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник, Группа *Глобал Консалтинг*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, Правительство Москвы, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Посольство РФ в Новой Зеландии, Веллингтон, Новая Зеландия

Льюис Патриция, д-р, директор, Институт ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Женева, Швейцария

Маргелов Михаил Витальевич, председатель Комитета, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пикаев Александр Алексеевич, к.и.н., заведующий отделом, Отдел разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Пионтовский Андрей Андреевич, к.ф.-м.н., старший научный сотрудник, Институт Хадсона, Вашингтон, США

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., академик РАН, вице-президент, РНЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Поттер Уильям, д-р, директор, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

РНЦ Курчатовский Институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., советник по контролю над вооружением, Посольство РФ в США, Вашингтон, США

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом, Отдел стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., советник, Постоянное представительство РФ в ООН, Женева, Швейцария

Сиринционе Джозеф, старший вице-президент по национальной безопасности и международной политике, Центр американского прогресса, Вашингтон, США

Слипченко Виктор Сергеевич, эксперт, Комитет Совета Безопасности ООН, учрежденный Резолюцией 1540, Нью-Йорк, США

Соков Николай Николаевич, д.и.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Степанова Екатерина Андреевна, к.и.н., руководитель группы, Группа по нетрадиционным угрозам безопасности, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., заместитель директора, Московский Центр Карнеги, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Тюлин Иван Георгиевич, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, д.п.н., проф., первый проректор, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., Москва, Россия

Эггерт Константин Петрович, шеф бюро, Московское бюро Русской службы ВВС, Москва, Россия

Якушев Михаил Владимирович, Директор по правовым и корпоративным вопросам, Майкрософт Россия/СНГ, Москва, Россия